

3 (34)

2016

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Электронный журнал

**№ 3 (34)
2016**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН, зам. директора по науке; Бужилова А.П., чл.-кор. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, директор; Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН, г.н.с.; Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия); Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США); Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН, зав. отделом; Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), директор; Яблонский Л.Т., д.и.н., Ин-т археологии РАН, зав. отделом

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия); Дегтярева А.Д. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Зах В.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН, ст.н.с.; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2016

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

INSTITUTE OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NORTH
SIBERIAN BRANCH
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE JOURNAL

№ 3 (34)
2016

ISSN 2071-0437 (online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, IPDN SB RAS, director

Editorial board members:

- Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Institute of History and Archeology UrB RAS
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Yablonsky L.T., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS

Editorial staff:

- Agapov M.G., Doctor of History, IPDN SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Degtyareva A.D. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, IPDN SB RAS
Zakh V.A., Doctor of History, IPDN SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, IPDN SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, IPDN SB RAS
Moskovchenko D.V., Doctor of Geography, IPDN SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, IPDN SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, IPDN SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

Tyumen
IPDN SB RAS Publishing House

Содержание

Археология

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья в контексте новейших открытий.....	5
Юдина Е.А., Тонкушина М.О., Кулеш Н.А., Остроушко А.А. Элементный анализ археологической охры: методика и возможности применения рентгенофлуоресцентной спектроскопии (по материалам неолитических и энеолитических памятников Среднего Зауралья и Западной Сибири).....	21
Сериков Ю.Б., Визгалов Г.П., Коноваленко М.В. Каменные изделия Стадухинского острога на Нижней Колыме (Республика Саха (Якутия)).....	35

Дискуссии

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье.....	44
Виноградов Н.Б. О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья». Размышления о концепции С.А. Григорьева.....	54
Епимахов А.В. К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей.....	60
Ткачев В.В. Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала.....	68
Алаева И.П. Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона.....	78

Антропология

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века.....	86
Зубова А.В., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи (одонтологические данные).....	107
Боброва А.И., Алексеева Е.А. Реконструкция внешнего облика отдельных представителей населения Прикетья XV–XVII вв. (по археологическим и краниологическим данным).....	116

Этнология

Пошехонова О.Е., Адаев В.Н. Погребальная и поминальная пища в североселькупском захоронении XIX в.: опыт этноархеологического анализа.....	127
Богордаева А.А., Федоров Р.Ю. К вопросу о типологии домашних святилищ манси.....	137
Чудова Т.И. Локальная традиция питания вишерских коми.....	147
Щербич С.Н. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.): анализ публикации источников.....	154

Палеоэкология

Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: археологические и изотопные данные.....	164
---	-----

Рецензии

Лискевич Н.А. Рецензия на монографию Л.В. Ивановой «Русские художественные промыслы Зауралья XIX — начала XXI вв. в контексте социокультурной динамики региона».....	179
Балтабаева К.Н., Рахимов Е.К. Рецензия на книгу Н.А. Томилова и Ш.К. Ахметовой «Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири».....	183

Информация для авторов	187
Список сокращений	189

На передней стороне обложки: полка «пупыг норма» на передней стене («мул») дома, северососьвинские манси, Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (фото А.А. Богордаевой, 2007 г.); селькуп Верхнего Таза, Красноселькупский р-н Ямало-Ненецкого автономного округа (фото В.Н. Адаева, 2013 г.); посуда и перстень из кургана № 1 Елтыревского II могильника Прикетья.

Contents

Archaeology

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Y. The problem of interpretation of the Boborykino culture in the Middle Trans-Urals in the context of the latest discoveries	5
Iudina E.A., Tonkushina M.O., Kulesh N.A., Ostroushko A.A. Elemental analysis of archaeological ochre: method and possibilities of X-ray fluorescence spectroscopy (based on materials of Neolithic and Aeneolithic sites of the Middle Trans-Urals and Western Siberia)	21
Serikov Yu.B., Vizgalov G.P., Konovalenko M.V. Stone artefacts from Stadhino jail on Nizhnyaya Kolyma (the Sakha Republic (Yakutia))	35

Discussions

Grigoriev S.A. Problem of chronology and origin of the Alakul culture in light of new excavations in the Southern Urals	44
Vinogradov N.B. Chronology and origin of «the Alakul culture» in the Trans-Urals. Reflections on the Stanislav A. Grigoriev concept	54
Epimakhov A.V. Revisiting radiocarbon argumentation of early dating of Alakul' antiquities	60
Tkachev V.V. Radiocarbon chronology of Kozhumberdy cultural group on the Western periphery of the Alakul area	68
Alaeva I.P. The early sites of the Alakul culture in the Ural-Kazakhstan region	78

Anthropology

Khokhlov A.A., Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kitov E.P. Craniological data on the problem of relationship between populations of the Early Bronze Age Yamnaya and Afanasyevo cultures	86
Zubova A.V., Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Structure of alimentation of the bearers of the Odino culture from the Baraba forrest-steppe area (odonologic data)	107
Bobrova A.I., Alekseeva E.A. Burial sites as a source of facial reconstruction of the indigenous population from the river Ket basin (XV–XVII AD)	116

Ethnology

Poshekhonova O.E., Adaev V.N. Burial food and funeral feast remains from a Northern Selkup grave of 19 th century: the experience of ethnoarchaeological analysis	127
Bogodayeva A.A., Fedorov R.Yu. On the question of typology of Mansi home sanctuaries	137
Chudova T.I. Local food tradition of Vishera Komi	147
Shcherbich S.N. The Obdorsk mission itineraries (60–70s of the 19 th century): analysis of published sources	154

Palaeoecology

Marchenko Zh.V., Panov V.S., Grishin A.E., Zubova A.V. Reconstruction and dynamics of food structure of the Odino people in the Baraba forest-steppe area during the 3 rd millennium BC: according to archaeological and isotopic data	164
--	-----

Reviews

Liskevich N.A. Review of the book by I.V. Ivanova «Russian artistic handicrafts of the Trans-Urals of the XIX — beginning of the XXI centuries in the context of social and cultural dynamics of the region»	179
Baltabaeva K.N., Rakhimov E.K. Review of the book «Kazakhs of Kaskat aul: traditions and innovations in the culture of the Kazakh population in Western Siberia», by N.A. Tomilov and Sh.K. Akhmetova	183
Memo to the Authors	187
Abbreviations	189

АРХЕОЛОГИЯ

В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова

Уральский федеральный университет
просп. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, РФ
E-mail: fjodor.kovalev@mail.ru;
ZyryanovaS@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ БОБОРЫКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

Рассмотрены дискуссионные вопросы изучения боборыкинской культуры, даны краткий обзор историографии и общая характеристика этого уникального явления в неолите Северной Евразии. Источниковая база исследования боборыкинской культуры включает более 50 памятников, расположенных на территории Зауралья. Отмечено своеобразие боборыкинской культуры, выраженное в технологических и типологических особенностях керамики, не имеющей сходства с неолитическими комплексами Урала. Аналогичная керамика и культовые предметы, а также некоторые особенности технологической традиции керамического производства прослежены в неолитических комплексах Северной Месопотамии. Это позволило сделать вывод о формировании боборыкинской культуры в результате миграции. Основные черты боборыкинской культуры сохранялись практически без изменений почти тысячелетие, и крайне трудно проследить ее внутреннюю динамику, а также какие-либо регулярные контакты с аборигенным населением, что привело к заключению о консервативном характере культуры.

В последние годы на территории Северного Казахстана и Барабинской лесостепи были раскопаны новые памятники (Автодром 2/2, Борлы), находящиеся за пределами основного ареала боборыкинской культуры. Однако эти комплексы имеют существенное типологическое сходство с боборыкинскими древностями. На этом основании можно предположить общность происхождения их населения и связать его с территорией Ближнего Востока, а также установить направление путей миграции. Мигранты занимали свободные участки земли, при этом их поселения располагались рядом с поселениями аборигенов. Мирная колонизация обширной территории привела к дискретному характеру культуругенеза.

Представление о генезисе культуры напрямую связано с пониманием самой культуры. Источником ее интерпретации стали орнаментальные композиции на керамике и культовых предметах. Орнаменты рассматриваются как тексты, дешифровка которых сопряжена с анализом географических условий, формы хозяйства, социальных отношений. Семантика орнаментов боборыкинской культуры раскрывается с помощью контекста, играющего в данном случае большую роль, чем сам текст. Основные темы орнамента отражают представления о воде, дожде, земле, зерне и змеях, вероятно связанные с культом плодородия.

Новые результаты радиоуглеродного анализа боборыкинских древностей подтвердили предложенную авторами ранее датировку культуры в пределах конца V — конца IV тыс. до н.э.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, боборыкинская культура, поздний неолит, миграция, колонизация, гомогенность.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-005-020

Основанием для выделения боборыкинской культуры послужил новый тип керамики необычного для Урала облика, полученный при исследовании поселения Боборыкино II на р. Исеть в Курганской обл. в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. Исследователь дал характеристику новому типу керамики — это преимущественно плоскодонные профилированные сосуды с насечками по краю горла и дна. Нередко плоские днища имели закраины или наплывы у дна. Орнамент наносился инструментом типа палочки или лопаточки с округлым, заостренным или плоским концом различными способами — прочерчиванием, нарезкой, насечками, ямочными вдавлениями и реже — по методу отступающей палочки, но с отрывом от поверхности; какие-либо штампы, в том числе гребенчатый, не использовались. В целом характерен геометрический стиль орнамента. Узор разрежен и занимает верхнюю и придонную части сосуда. К.В. Сальников

отмечал: «орнамент большинства сосудов боборыкинского типа весьма оригинален, благодаря чему эту керамику нельзя смешать ни с какой другой» [1958, с. 20]. Технологические особенности керамики — толстостенность, механическая прочность, коричневый с охристым оттенком цвет. Данная характеристика соответствует описанию керамики конкретного поселения. В дальнейшем, с исследованием новых комплексов, она была дополнена такими признаками, как наличие сосудов с рассеченными валиками на внешней и реже — на внутренней стороне, посуды без орнамента и с орнаментом на внутренней стороне, присутствие наряду с геометрическим орнаментом фигуративных изображений.

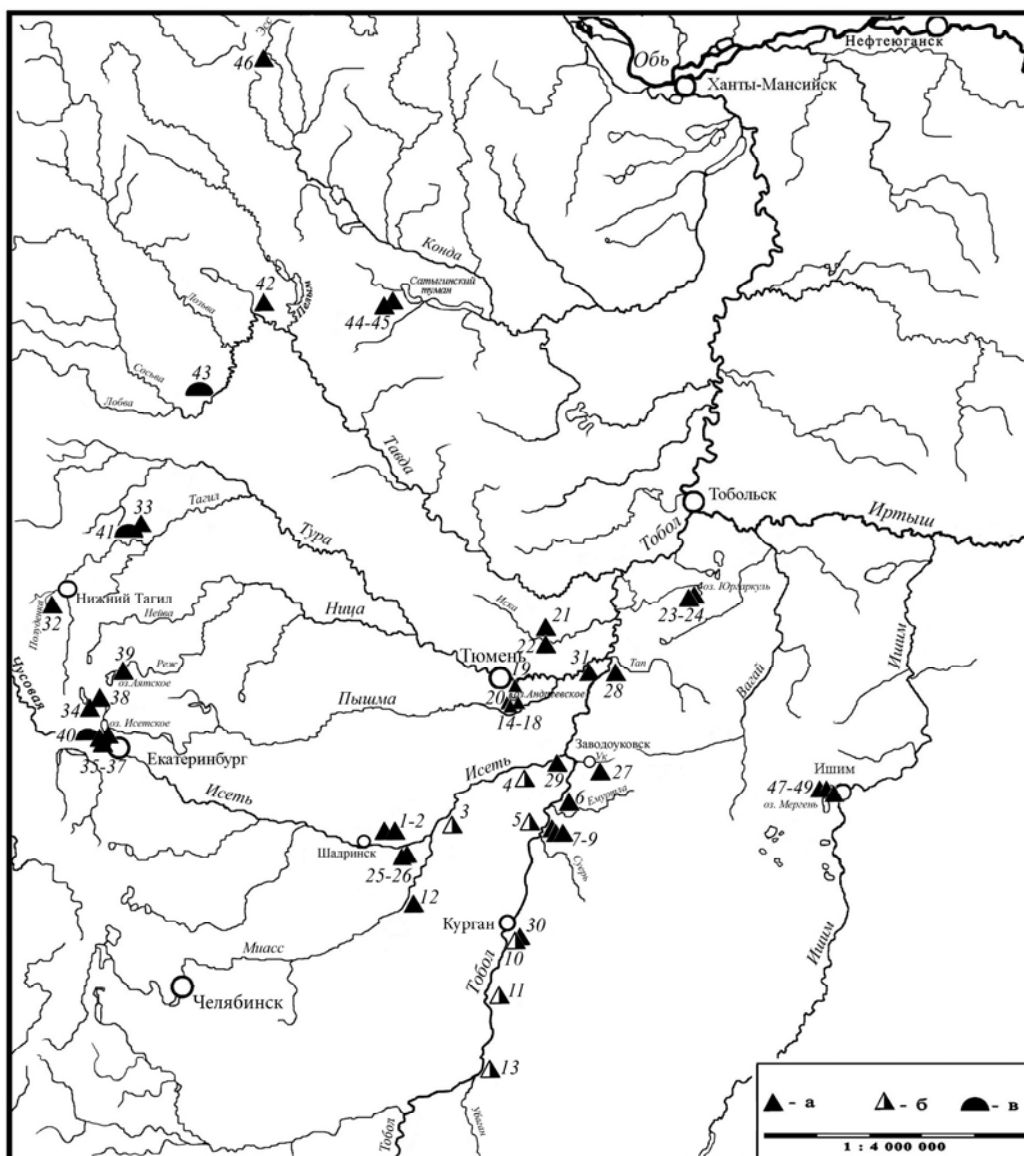

Рис. 1. Карта памятников боборыкинской культуры:

- а — поселения, исследованные раскопками; б — поселения, исследованные разведками; в — культовые памятники:
 1 — Боборыкино II; 2 — Боборыкино 8; 3 — Бархатовское; 4 — Ботниковское I; 5 — Губинское; 6 — Ново-Шадрино I;
 7 — Вороний Мыс I; 8, 9 — Усть-Суерское 2, 4; 10 — Лисья гора; 11 — Гляденовская; 12 — Кочегарово I; 13 — Дюна;
 14–20 — ЮАО-V, IX, XII, XIIIА, XV, Карьер II, ЮАО-XVIII («8 пункт»); 21 — Байрык IД; 22 — Байрык VI;
 23, 24 — Юргаркуль III, IV; 25, 26 — Ташково I, III; 27 — Ук-VI; 28 — Юртобор 3; 29 — Двухозерное I; 30 — Пикушка I;
 31 — Чечкино 2; 32 — Полуденка I; 33 — Кокшаровско-Юрынская (торфяниковая); 34 — Шитовской Исток XI;
 35 — Калмацкий Брод; 36 — Макуша III; 37 — Исетское Правобережное I; 38 — Бараний Мыс; 39 — Шайдурихинское V;
 40 — Палатки I; 41 — Кокшаровский холм; 42 — Усть-Вагильский холм; 43 — Махтыльский холм; 44 — Сумпанья IV;
 45 — Сумпанья VI; 46 — Геологическое XVI; 47 — Мергень 3; 48 — Мергень 5; 49 — Мергень 6.

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

Не найдя истоков новому типу керамики в автохтонной нео-энеолитической среде, К.В. Сальников высказал точку зрения о миграции в Зауралье населения из соседних степных районов Южного Урала или Западного Казахстана [1962, с. 28], заложив, таким образом, миграционистское направление в изучении генезиса боборыкинской культуры. Иная точка зрения была высказана Л.Я. Крижевской, по мнению которой боборыкинская культура сформировалась на основе неолита Ишимо-Иртышского бассейна [1977, с. 94].

Понимание любой культуры во многом зависит от выяснения ее генезиса, места и времени существования. Именно эти вопросы стали главными в многолетних дискуссиях по боборыкинской культуре и на данном этапе исследований все еще далеки от убедительных решений.

К настоящему времени раскопками исследовано более 50 памятников боборыкинской культуры (рис. 1). Ее материалы вызывают все больший интерес. Итоги 50-летней истории изучения подведены в ряде обобщающих статей [Ковалева, Зырянова, 1998; Ковалева, 2011], монографическом исследовании [Ковалева, Зырянова, 2010].

Раскопки поселений боборыкинской культуры проводились археологами разных поколений: К.В. Сальниковым, Л.Я. Крижевской, В.Т. Ковалевой, Н.В. Варанкиным, М.Ф. Косаревым, Т.М. Потемкиной, В.Д. Викторовой, Л.П. Хлобыстиным, В.А. Захом, И.Б. Васильевым, А.А. Выборновым, М.П. Вохменцевым, В.Ф. Кернер, С.Н. Паниной, Н.А. Алексашенко, Н.П. Матвеевой, Н.К. Стефановой, Ю.Б. Сериковым, А.Ф. Шориным, В.С. Мосиным, Н.М. Чаиркиной, С.Ф. Кокшаровым, С.Ю. Зыряновой, А.В. Шаманаевым, С.Н. Шиловым, Е.Н. Волковым, С.Н. Скочиной, Е.В. Вилисовым и др.

Все названные исследователи внесли посильный вклад в формирование источниковой базы боборыкинской культуры. Личное участие исследователей в раскопках поселений и обработке материала, особенно керамики, способствовало осознанию и пониманию специфики боборыкинской культуры в свете неолитических культур Северной Евразии.

Наше возвращение к проблемам боборыкинской культуры инициировано открытием новых памятников боборыкинского типа за пределами Зауралья: Борлинского археологического комплекса на северо-востоке Казахстана, в 100 км к юго-востоку от Павлодара, и поселения Автодром 2/2 в северо-западном районе Барабинской лесостепи. В результате исследований под руководством В.К. Мерца была получена неолитическая керамика различных типов, в том числе боборыкинского: сосуды с толстыми и плотными стенками, округлым туловом и отогнутым венчиком с косыми насечками по краю. Орнамент разрежен и выполнен в прочерченной и отступающе-накольчатой технике, присутствуют сосуды с налепными и формованными валиками. В комплексе с данной керамикой найден каменный «утюжок» [Мерц, 2011, с. 182, рис. 1; 2014]. В.В. Бобровым и соавторами было высказано мнение о культурной идентичности материалов поселения Автодром 2/2 памятникам боборыкинской культуры Тоболо-Ишимья и миграции отдельных групп ее населения на восток. Исследователями также отмечено отсутствие каких-либо фактов, свидетельствующих о взаимодействии мигрантов с аборигенами, сохранение гомогенности культуры мигрантов в течение длительного времени [Бобров и др., 2012, с. 9; Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Юракова, 2014, с. 212].

Действительно, керамика Борлинского комплекса и Автодрома 2/2 во многом типологически близка боборыкинской, хотя говорить о их идентичности преждевременно. Появление нового населения со своеобразной керамикой, по всей вероятности, связано с миграцией не из Зауралья или Тоболо-Ишимья, а из районов раннеземледельческих культур древнего Ближнего Востока.

Новые открытия расширили горизонты исследования боборыкинской культуры, однако вопросы ее датировки и генезиса по-прежнему сохраняют актуальность. Стратиграфическая позиция древностей боборыкинского типа, слои которых залегают выше древностей кошкинского типа (ЮАО-XV, Ташково III, Шайдурихинское V), а также серия радиоуглеродных дат позволяют с уверенностью датировать боборыкинскую культуру поздним неолитом (в пределах конца V — конца IV тыс. до н.э.).

Длительное время В.А. Зах настаивал на раннеэнеолитическом возрасте боборыкинской культуры, основываясь на очень ранних радиоуглеродных датах (УПИ-559 — 7701±120 л.н., СОАН-5311 — 9025±70), полученных на многослойном поселении Юртобор III по образцам, взятым из слоя, контактного с материковыми отложениями [2006а, с. 154].

Точку зрения о раннеэнеолитическом возрасте боборыкинской культуры поддержала Л.Л. Косинская, опираясь на те же сомнительные даты с поселения Юртобор III. Исследователь сочла возможным включить боборыкинскую культуру в единый хронологический горизонт с памятниками лесной зоны Восточной Европы с плоскодонной керамикой и прочерченно-накольчатым

орнаментом. Этот горизонт сопоставим с периодом существования верхневолжской и близких ей культур раннего неолита. По мнению Л.Л. Косинской, боборыкинская культура представляет собой лишь один из вариантов целого пучка культурных образований с плоскодонной керамикой в лесных районах Евразии в раннем неолите, а не уникальную культуру [2004, с. 306]. Заметим, что формы сосудов, как и техника орнаментации, верхневолжской и боборыкинской культур совершенно несопоставимы. Уникальность боборыкинской культуры в том, что плоские днища имеют наплыв или валик у дна, аналогов которым нет в лесной зоне Евразии. Ведущее место в технике орнаментации керамики боборыкинского типа занимают узоры, выполненные нарезкой, насечками, ямками, а также наклепными или вытяжными рассеченными валиками. Логично было бы включить в ранне-неолитический горизонт Евразии кошкинскую культуру, для которой характерны прочерченно-накольчатая техника орнаментации, присутствие сосудов с плоским дном, по датировке сопоставимую с верхневолжской культурой.

В настоящее время благодаря усилиям В.С. Мосина удалось получить абсолютную дату по керамике для боборыкинского комплекса поселения Юртобор III: SPb-1275 — 6064±100 л.н. (рубеж V–IV тыс. до н.э. в некалиброванных значениях), которая коррелируется с датами, имеющимися для боборыкинской культуры [Мосин, 2015, с. 190], а также соотносится с датами, полученными для Автодрома 2/2: 5890±470 л.н. [Комарова, 2010, с. 342–343] и SPb-1277 — 5967±100 [Мосин, 2015, с. 112].

На наш взгляд, своевременной оказалась статья В.С. Мосина по хронологии урало-западносибирского неолита. Компактная подача материала позволяет снять многие вопросы, связанные с периодизацией неолитических комплексов, их сосуществованием на каком-то этапе, а также с определением хронологических рамок отдельных культур [Мосин, 2015, с. 191].

В целом проблему датировки боборыкинской культуры можно считать решенной. Многочисленные и долготелые споры по этому вопросу в большинстве случаев носили неконструктивный и надуманный характер. Чего стоили дебаты по поводу соотношения кошкинских и боборыкинских древностей, хотя имелись и надежные стратиграфические данные, и абсолютные даты как для одних, так и для других комплексов.

Нами монографически опубликована практически вся керамика как кошкинского, так и боборыкинского типа, накопленная к началу XXI в. [Ковалева, Зырянова, 2008, 2010]. Получена серия абсолютных дат, позволяющих датировать кошкинскую культуру ранним неолитом, в пределах V тыс. до н.э. (табл. 1), а боборыкинскую — поздним неолитом, в пределах IV тыс. до н.э. (табл. 2).

О хронологическом приоритете керамики кошкинского типа свидетельствуют и стадийные признаки — присутствие сосудов полуяйцевидной формы, прочерченно-накольчатой техники орнаментации, узоров из сочетания прямых и волнистых линий. Для керамики боборыкинского типа характерны сосуды антропоморфной формы, прочерченная, резная, ямочная техника орнаментации, наклепные рассеченные валики, геометрический стиль орнамента, аналоги которым находим в поздне-неолитической керамике халафской культуры Ближнего Востока, Кавказа, Восточного Причерноморья.

Наиболее сложной является проблема поисков «исторической родины» населения боборыкинской культуры. Большинство исследователей связывают генезис культуры с миграцией из районов Приаралья или Северного Прикаспия в связи с регрессией Каспийского моря [Зах, 2006b, с. 20]. Однако генетическое родство с какими-либо конкретными культурными образованиями Юго-Восточной Европы установить не удалось.

Выдвигаемая нами точка зрения о миграции населения из районов раннего земледелия (Передняя Азия, Ближний Восток) вызывала сомнение из-за отсутствия следов миграции. Открытие в Барабинской лесостепи и Казахстане комплексов, типологически близких боборыкинским древностям Среднего Зауралья, трудно объяснить иначе чем общей генетической подосновой. Следует отметить еще один важный факт — наличие в комплексах культовых предметов — «утюжков», которые наряду с керамикой маркируют пути мигрантов на восток и северо-восток.

В археологической литературе проблема миграций остается дискуссионной. Реконструкция миграционных процессов по археологическим источникам осложнена трудностью распознавания миграций, излишней строгостью критериев их выявления. По мнению ряда исследователей, исходный и конечный районы миграции должны быть соединены «цепочкой» или «полоской» памятников, маркирующих следы движения мигрантов. Мигрирующая культура на новом месте должна быть идентичной (копией) культуры на месте ее происхождения и датироваться более

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

поздним временем [Титов, 1982]. При таком подходе доказать наличие миграций на дальние расстояния было практически невозможно. Наше мнение о происхождении боборыкинской культуры в результате миграции из районов Юго-Западной Азии всегда парировалось мэтрами отечественной археологии двумя вопросами: обнаружена ли цепочка памятников между исходной территорией и Средним Зауральем и имеются ли факты, свидетельствующие об идентичности каменных индустрий населения боборыкинской культуры и неолитических культур Северной Месопотамии.

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования комплексов кошкинской культуры

Памятник	Лабораторный индекс	Возраст		Материал образца
		ВР	ВС	
Ташково III	ЛЕ-4344	6380±120	5330±260 BC	Уголь
»	Ki-15117	6470±90	1σ 5490–5320 BC 2σ 5620–5290 BC	Керамика
Кокшаровско-Юрьинская	ЛЕ-2060	6470±80	5330±60 BC	Дерево
Исток IV	ЛЕ-2998	6620±260	5800–5300 BC	Уголь
Шайдурихинское V, образец 2	Ki-15643	5850±80	1σ 4800–4600 BC 2σ 4860–4490 BC	Керамика
Шайдурихинское V, образец 1	Ki-15642	5910±90	1σ 4860–4680 BC 2σ 5000–4540 BC	»
Шайдурихинское V	Ле-10064	6790±160	6050–5450 BC	Уголь
Кокшаровский холм	Ki-15535	5960±80	1σ 4960–4770 BC 2σ 5060–4670 BC	Керамика
»	Ki-16386: образец А*	7610±80	1σ 6530–6380 2σ 6610–6330	»
»	Ki-16424: образец Б*	6830±90	1σ 5800–5630 2σ 5900–5600	»
»	Ki-15915	7010±80	1σ 5930–5800 2σ 6020–5720	»

* Даты под номерами Ki-16386 и Ki-16424 получены по двум фрагментам (образцы А и Б) одного сосуда.

Л.С. Клейн в числе факторов, порождающих трудности миграционных интерпретаций, назвал неидентичность состава исходной и мигрирующей культур. Как правило, миграцией охватывается не вся исходная популяция, но лишь ее небольшая часть. Мигрирующая популяция разбивается на ряд изолятов, в которых накапливаются культурные отличия, затрудняющие идентификацию с исходной культурой [Клейн, 1999, с. 52–57].

В настоящее время исследователи сосредоточили внимание на методологической проблеме: как миграции отражаются в археологическом материале. При реконструкции миграционных процессов необходимо использовать определенные группы археологических источников (типов артефактов), являющихся материальным выражением «духовного производства»: предметы искусства, орнаменты на посуде и орудиях труда, элементы архитектуры и т.д. Выделяемые на основании сходства этих типов культурные зоны в наибольшей мере соответствуют этническим общностям. Передвижение культурных зон во времени и пространстве, скорее всего, отражает миграцию населения [Долуханов, 1978, с. 39].

По-видимому, продвижение части населения из районов Юго-Западной Азии происходило разными путями, один из которых пролегал через Среднюю Азию и Казахстан, а другой — через Кавказ, северо-восточное Причерноморье, Приуралье.

Миграция населения в Зауралье, по всей вероятности, связана с демографической ситуацией, вызванной развитием производящих форм экономики в районах раннего земледелия. В настоящее время получен значительный информативный материал, позволяющий связать истоки боборыкинской культуры с хассунской и, в большей степени, с халафской культурой Северной Месопотамии.

Одним из первых проблему миграции населения с Кавказа на территорию Северо-Восточного Причерноморья и Приазовья рассмотрел В.Н. Даниленко. Исследователь обратил внимание на присутствие в поздненеолитических слоях приазовской культуры — поселения у Каменной Могилы в Среднем Приазовье и Ракушечного Яра на Нижнем Дону — особого типа широкооткрытых плоскодонных банкообразных сосудов без примеси ракушки в глине, которым сопут-

ствовали геометрические микролиты — трапеции [Даниленко, 1969, с. 13, 18]. В.Н. Даниленко справедливо отметил вторичность этого типа керамики для Кавказа, поскольку древнейшей в этом регионе была лощеная круглодонная посуда. Памятники типа Анасеули в Закавказье, Нижнешиловской, Кистрика в пограничье Грузии и приморской части Северного Кавказа фиксируют как этапы, так и направление расселения в Восточную Европу какой-то части населения древнего Закавказья [Даниленко, 1969, с. 18].

Таблица 2

Результаты радиоуглеродного датирования комплексов боборыкинской культуры

Памятник	Лабораторный индекс	Возраст		Материал образца
		BP	BC	
Ташково III	Ki-15118	5180±90	1σ 4050–3930 2σ 4250–3770	Керамика
Ташково I	ЛЕ-1535	5490±60	4460–4230	Уголь
Шайдурихинское V, жилище 3	Ki-15121	5590±80	1σ 4500–4340 2σ 4620–4320	Керамика
Шайдурихинское V, жилище 2, образец 2	Ki-15077	5640±80	1σ 4550–4360 2σ 4690–4330	»
Шайдурихинское V, жилище 2, образец 1	Ki-15120	5680±80	1σ 4620–4440 2σ 4710–4350	»
Шайдурихинское V, жилище 1	Ki-15119	5710±90	1σ 4690–4450 2σ 4730–4350	»
Шайдурихинское V	SPb-1039	6000±150	5231–4550	»
Палатки I	SPb-1037	5825±150	1σ 4911–4460 2σ 5219–4327	»
»	SPb-1038	6322±150	1σ 5479–5055 2σ 5633–4826	»
Геологическое XVI	ЛЕ-6995	5440±60	4400–4220	Уголь
Кокшаровский холм	Ki-15589	5670±90	1σ 4620–4440, 4430–4360 2σ 4720–4340	Керамика
»	Ki-15538	5750±80	1σ 4690–4490 2σ 4790–4440	»
»	Ki-15906	5890±90	1σ 4910–4870, 4860–4670, 4640–4610 2σ 4960–4520	»
»	Ki-16038	5950±90	1σ 4950–4710 2σ 5100–4550	»
Усть-Вагильский холм	Ki-15592	5120±80	1σ 3990–3790 2σ 4050–3700	»
»	Ki-15546	5260±80	1σ 4170–3980 2σ 4260–3940	»
»	Ki-15545	5330±90	1σ 4250–4040 2σ 4340–3970	»
Кочегарово 1	Ki-15542	5270±80	1σ 4230–4190, 4170–3980 2σ 4260–3950	»
»	Ki-16647	5920±90	4940–4700	»
Ук VI	Ki-15063	5960±80	1σ 4940–4770 2σ 5060–4670	»
Второй поселок I (образец 2)	Ki-16861	5930±90	4940–4710	»
Второй поселок I (образец 1)	Ki-16862	6210±90	5300–5050	»
Юртобор 3	SPb-1275	6064±100		»

Следует принять во внимание территориальную близость Закавказья, Передней Азии и Ближнего Востока. Ю.В. Павленко, опираясь на выводы лингвистов о наличии в общеиндоевропейском языке широкого слоя северокавказской хозяйственно-культурной лексики, соотнес население, оставившее плоскодонную керамику кавказского типа, с представителями анатолийско-северокавказской общности (протохатто-хурриты), проникшими в неолите на территорию Восточного Причерноморья и Приазовья [2000, с. 43–44].

На многослойном поселении Ракушечный Яр (нижнее течение р. Дон) выявлены слои раннего, среднего и позднего этапов ракушечной неолитической культуры. В слоях среднего

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

этапа (верхняя часть VI слоя — V–IV слои) найдена керамика, сопоставимая как с боборыкинской, так и с кавказской — Анасеули II. Это сосуды, орнаментированные «зигзагами из нарезок», ямочными наколами в сочетании с резной и прочерченной техникой [Белановская, 1995, с. 112–113, рис. XXII; с. 114, рис. XXIII]. В нижней части VI слоя найден обломок «утюжка» из аргеллита с параллельными нарезками [Белановская, Телегин 1996, с. 59]. Для V слоя Ракушечного Яра получена дата 5890 ± 105 л.н. (Ки-995) [Белановская, Телегин, 1996, с. 62].

Присутствие на поселении Ракушечный Яр керамики, во многом близкой Анасеули II, вероятно, свидетельствует о направлении миграции с Кавказа. Т.Д. Белановская допускает кавказские влияния в ракушечной культуре [Белановская, Тимофеев, 2003, с. 19].

Миграция в Зауралье, вероятно, проходила не одновременно, различными по численности, скорее всего, родственными коллективами. Мигранты адаптировались к новым условиям, базируя свое хозяйство на рыболовстве и охоте. Между мигрантами, по-видимому, поддерживались какие-то контакты, в то же время следы взаимодействия с аборигенами практически отсутствуют. Топография памятников боборыкинского типа позволяет сделать вывод о расположении их чересполосно, по соседству с населением аборигенов с гребенчатой керамикой. Факты свидетельствуют о сохранении гомогенности мигрирующей культуры и позволяют утверждать, что в боборыкинской культуре отсутствуют синкретичные комплексы. Материальная культура отдельных поселений боборыкинского типа иногда значительно различается, но всегда остается узнаваемой.

Обширная территория Среднего Зауралья характеризуется разными природно-климатическими зонами, сырьевыми ресурсами, что наряду с изолированностью отдельных коллективов и некоторой изначальной разницей в материальной культуре мигрантов совершенно естественно привело к некоторым различиям поселенческих комплексов боборыкинской культуры, но данные различия не меняют характера культуры, сохранившей единую религиозно-мифологическую основу. Это одна культура, а набор признаков, присущих комплексам отдельных поселений, не всегда идентичен и зависит от ценностных предпочтений отдельных социумов.

Специфику боборыкинской культуры определяют признаки керамики, не имеющие аналогов в неолите Северной Евразии. Эти отличия — технологические. Для изготовления керамики население боборыкинской культуры использовало различные рецепты формовочных масс. Экспериментальными исследованиями боборыкинской керамики, проведенными Н.В. Варанкиным под руководством А.А. Бобринского, Ю.Б. Цетлина, установлено использование навоза копытных животных (лося?) в качестве искусственной добавки к глиняному тесту. Традиция использования навоза крупных копытных животных при изготовлении керамики зафиксирована у населения Северной Месопотамии [Бобринский, 1989; Петрова, 2012, с. 29–31]. Религиозно-мифологические воззрения древнего населения Ближнего Востока включали представления о сакральном характере экскрементов божества или животных, принесенных в жертву божеству [Элиаде, 2009, с. 52].

Большая часть керамики боборыкинского типа отличается толстостенностью (0,9–1,2 см), механической прочностью. При использовании навоза в качестве примеси к глиняному тесту керамика приобретала камнеподобное состояние. Цвет черепков — коричневато-охристый («рыжие», по выражению К.В. Сальникова). Возможно, охрой или охристо-глинистым раствором покрывался весь сосуд. Следы покрытия стенок сосуда охрой зафиксированы на поселениях ЮАО-XII, Шайдурихинское V, а также Усть-Вагильском холме. Практически все исследованные сосуды с Телль Сотто, Кюльтепе (Северная Месопотамия) имели на поверхности остатки охры разного качества — охристая глина или смесь охры с глиной обычно наносилась после обжига [Бобринский, 1989].

Керамика боборыкинского типа разнообразна по форме: преобладают плоскодонные горшки с округлыми боками и отогнутой шейкой. Единично встречаются сосуды с округлым и приостренным дном. Часть плоскодонных сосудов имеют наплыв или валик у дна (рис. 2, 1, 2, 5). Для керамики боборыкинского типа характерно проявление антропоморфизма — уподобление формы сосуда человеческому телу (рис. 2, 2, 5). На Древнем Востоке было распространено представление о создании людей из глины. Глина — часть земли, а земля уподоблялась женщине, потому и посуда моделировалась как тело женщины. Сосуды антропоморфной формы известны в Передней Азии (Хаджилар), Северной Месопотамии (халафская культура) [Антонова, 1984, с. 128], Центральном Закавказье (Имирис-гора, Шулаверис-гора) [Мунчаев, 1982, с. 110–113, табл. XXXVII, 6; Кушнарера, 1993, с. 31–32, рис. 7, 25; 12, 39].

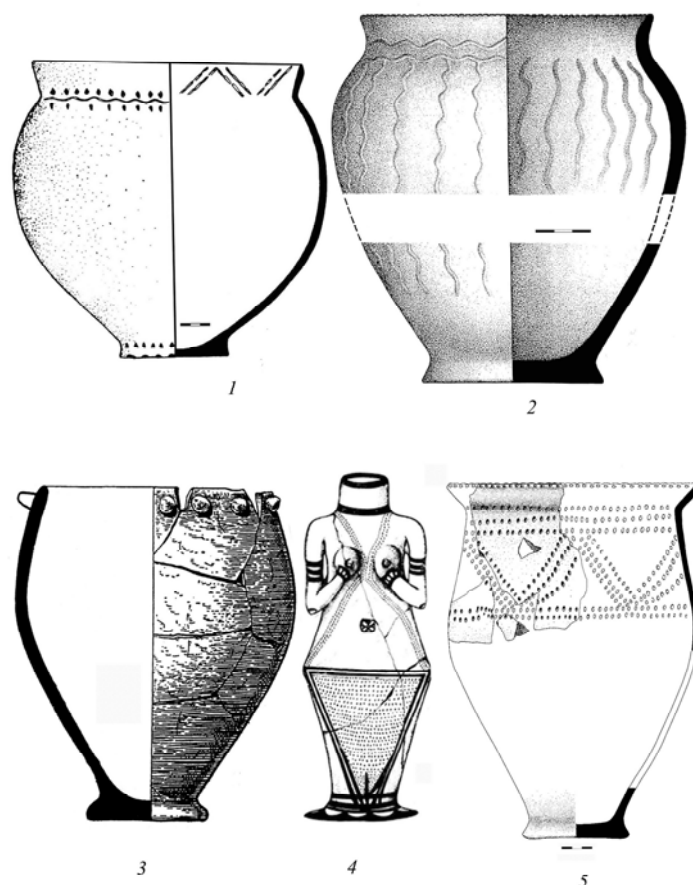

Рис. 2. Сосуды антропоморфной формы:

Боборыкинская культура: 1 — Байрык IД (по М.Ф. Косареву); 2 — Палатки I (по В.Д. Викторовой); 5 — Шайдурихинское V (по С.Ю. Зыряновой). Кавказ и Ближний Восток: 3 — Шулаверисгора (по Р.М. Мунчаеву); 4 — Ярым-тепе II — халафская культура (по Р.М. Мунчаеву).

В Синджарской долине (Северо-Западный Ирак), на поселении Ярым-тепе II позднего этапа халафской культуры (середина V тыс. до н.э.), найден глиняный сосуд — полный флакон в виде фигуры молодой женщины, поддерживающей руками свои груди (рис. 2, 4). Эта находка позволила нам понять назначение напылов (придонных валиков, поддонов) у дна сосудов боборыкинской культуры: они в обобщенной форме передавали ноги антропоморфного существа. На поселении Шайдурихинское V (Свердловская обл.) обнаружен тонкостенный сосуд удлиненной пропорции с придонным валиком (рис. 2, 5), по форме сопоставимый с флаконом из Ярым-тепе II, а также с сосудами из неолитических комплексов Кавказа (рис. 2, 3).

Население боборыкинской культуры использовало различные приемы орнаментации керамики. Наиболее распространенным был прочерченный, нарезной, ямочный (вдавленный) орнаменты (рис. 3). Прием «отступающей палочки» имел особенности: наколы не «скоростные» (без отрыва от поверхности), а поставленные отдельно. Штампованный орнамент не использовался. В качестве инструментов (орнаментиров) могли применяться стержни (резцы) из кости, рога, камня с различной формой торца — плоской, округлой, приостренной. Прототипом таких инструментов, по всей вероятности, были орудия для обработки земли (палки-копалки, мотыги). Часть керамики боборыкинского типа орнаментирована рельефными валиками с насечками или ямочными вдавлениями на спинке — рассеченными валиками (рис. 3, 6; 4, 3). Они выполнялись путем вытягивания или налепа глиняных жгутиков на поверхность сосуда. Налепные валики крепились в специально сформованную канавку, которая прослеживается при частичном выпадении валика. На вновь открытом поселении Борлы в Северо-Восточном Казахстане в комплек-

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

се с керамикой боборыкинского типа присутствуют и сосуды с рассеченными валиками [Мерц, 2014, с. 297, рис. 1, 1–5].

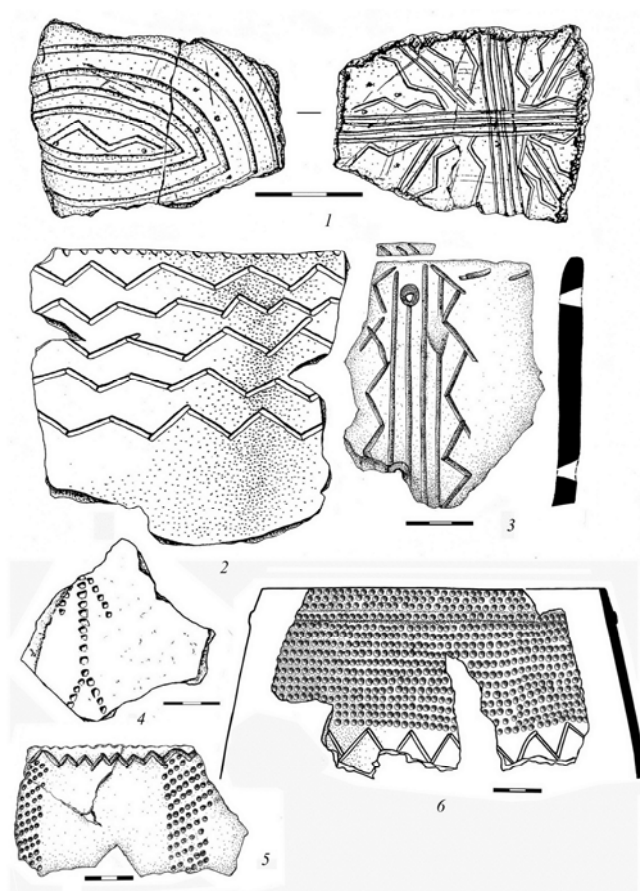

Рис. 3. Керамика боборыкинского типа:

1 — Кокшаровско-Юрьинская (торфяниковая) (по Ю.Б. Серикову); 2 — Андреевское озеро (по В.Т. Ковалевой); 3 — Ук-VI (И.Б. Васильеву, А.А. Выборнову); 4 — ЮАО-XII (по В.Т. Ковалевой); 5 — Боборыкино II (по К.В. Сальникову); 6 — Палатки I (по В.Д. Викторовой).

Основу орнамента керамики боборыкинского типа составляют мотивы геометрической формы, сочетание горизонтальной и вертикальной зональности, разнообразие мотивов и композиций. Наиболее распространенными являются мотивы из горизонтальных и вертикальных зигзагов (рис. 3, 2, 3, 6), прямых и волнистых линий (рис. 2, 2), ромбов и ромбической сетки (рис. 4, 2), древовидные мотивы (рис. 4, 7). Доминирующую роль в орнаментации боборыкинской керамики играли мотивы из неполных равнобедренных треугольников или углов, обращенных вершиной вниз (рис. 2, 5; 4, 1, 7). Достаточно редкими можно назвать фигуры овальной и подпрямоугольной формы (рис. 3, 1, 5). Единичны фигуративные изображения (рис. 3, 4).

Уникальным является изображение антропоморфа на внешней стороне дна сосуда (рис. 4, 5). Образ антропоморфа явно соотносится с деревом — ноги ассоциируются с корнями, руки — с ветвями, а голова — с вершиной дерева. В правой руке антропоморфа, по всей вероятности, изображено какое-то орудие (молот, топор, дубина). Зигзаг в левой руке — атрибут, символический предмет, может обозначать молнию.

У населения раннеземледельческих обществ древней Анатолии и Ближнего Востока сосуды с изображением антропоморфов соотносились с образами богов. Интерпретация антропоморфа на дна боборыкинского сосуда была дана нами ранее [Ковалева, Зырянова, 2009; Ковалева, Солдаткин, 2010]. Бог Грозы у населения Ближнего Востока в неолитическую эпоху был связан прежде всего с землей [Голан, 1993, с. 58–59]. Изображение антропоморфа на внешней стороне дна бобо-

рыкинского сосуда, скорее всего, символизирует его связь с землей и земным пространством. Основная функция бога Грозы — обеспечить плодородие земли.

Другой реалистический персонаж — змея. На внутренней стороне стенки сосуда изображена змея, поднимающаяся к устью сосуда (рис. 4, 2). Змея у населения боборыкинской культуры выступала в качестве космогонического символа, связанного с творением мира, пространства и жизни (рис. 3, 1). Своеобразна композиция на фрагменте сосуда с поселения ЮАО-XIIIА — змея изображена в рамке подтреугольной формы (рис. 4, 4). Композиция, возможно, передает символическую связь земли и змеи.

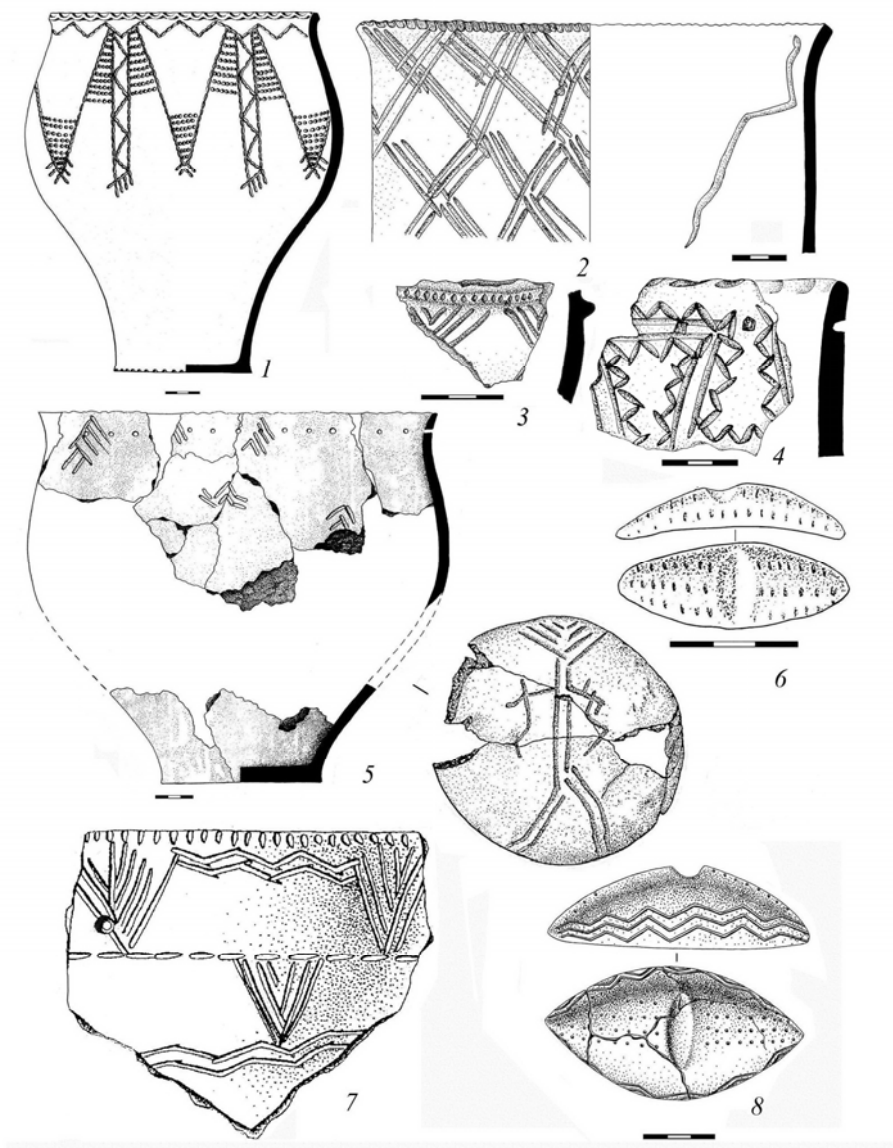

Рис. 4. Керамика боборыкинского типа и «утюжки»: 1 — Ташково I; 2, 4 — XIIIА; 3 — Шайдурихинское V; 5 — Пикушка I (по С.Н. Шилову и др.); 6 — Палатки I (по В.Д. Викторовой); 7, 8 — ЮАО-XII.

В орнаментации керамики боборыкинского типа значительное место занимают узоры из неглубоких ямочных (точечных) наколов. Точечные углубления известны на статуэтках хассунской, халафской, трипольской культур. Известно, что в глину при их изготовлении добавляли зерна злаков, которые, выгорая, оставляли точечные углубления [Голан, 1993, с. 16]. Точечный орнамент, по всей вероятности, имитировал отпечатки зерен, служил для обозначения зерна.

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

Приуроченность большинства ямочных мотивов к верхней части сосудов, их сочетание с горизонтальным зигзагом по шейке, венцом полуovalов или вытянутых треугольников, направленных вершиной вниз, могут свидетельствовать о семантической связи зерновых культур с небесной сферой и их сакральности (рис. 3, 5, 6). Сосуды, сплошь орнаментированные ямочными вдавлениями, могли символизировать емкости, полные пищи,— неперенный элемент всех календарных праздников, как знак благополучия. У населения боборыкинской культуры треугольник с вершиной вниз использовался для обозначения дождя и дождевого облака, земли, женского начала, женской груди. На сосуде с поселения Шайдуринское V таким треугольником, выполненным ямочными наколами, могла быть обозначена грудь (рис. 2, 5). В этом случае мы можем говорить о семантическом сближении зерна, молока, женщины как плодоносящего начала.

На поселениях и культовых памятниках боборыкинской культуры найдены изделия из глины или мягких пород камня, получившие условное название «утюжков». Они овально-ромбической формы, с плоским основанием, выпуклой полусферической поверхностью и поперечным желобком (реже — двумя, тремя желобками). Проблема функции «утюжков» нами была рассмотрена неоднократно [Ковалева, Зырянова, 2007, с. 97–100; 2011, с. 153–154].

На наш взгляд, «утюжки» — культовые предметы, образ горы, земли. По всей вероятности, они впервые появились на древнем Ближнем Востоке в переходный период от мезолита к неолиту, в среде древнейших земледельцев, широко освоивших новый материал — глину. Большая часть «утюжков» боборыкинской культуры изготовлены из глины. Форма изделий — овально-ромбическая. Ромб в древней орнаментике — символ земли [Голан, 1993, с. 86]. В профильной проекции «утюжки» имеют подтреугольную форму и ассоциируются с холмом или горой.

С освоением земледелия человек стал проявлять повышенный интерес к земле, рассматривая ее как важнейший компонент мироздания. Желобок, возможно, символизировал разлом в горе для высвобождения скрытых в ней богатств [Ковалева, Шилов, 2002, с. 122–126]. Основные орнаментальные мотивы на сосудах боборыкинского типа повторяются и на «утюжках».

В целом знаковая система населения боборыкинской культуры является частью той культурной традиции, которая сложилась у населения ранних земледельческих культур.

Основные признаки боборыкинской культуры носили предельно устойчивый и консервативный характер и сохранялись в течение нескольких столетий. Чтобы понять причины и механизмы воспроизводства культуры, необходимо обратиться к характеристике природной и социальной среды, в которой сформировалось субстратное ядро культуры. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет связать генезис боборыкинской культуры с миграцией населения из района раннеземледельческих культур Ближнего Востока. Уже в IX–VIII тыс. до н.э. охотники и собиратели этого региона перешли к оседлому образу жизни и примитивному земледелию. Небольшие, по всей вероятности, родственные коллективы обрабатывали свой участок земли и обеспечивали свое существование. Экономисты называют такой тип бытия «натурально-замкнутым хозяйством».

Внедрение злаковых культур (ячмень, пшеница) сопровождалось распространением специфических религиозных идей, мифов, ритуалов. Человек отождествлял себя и свою жизнь с законами циклического «возвращения на круги своя» [Каган, 1996, с. 342]. Культура приобретала черты традиционности. Человек замыкался в собственном мире, находился во власти циклического восприятия времени и бытия. Даже дальние миграции и адаптация к новым условиям, по всей вероятности, не привели к каким-либо существенным изменениям в образе жизни и представлении о мире. Жизнь общества программировали природные циклы. Обрядовая практика (ритуалы) обеспечивали устойчивое состояние социумов.

Проблема культурогенеза может быть рассмотрена с разных теоретических позиций. Чаще всего археологи пытаются реконструировать исторический процесс с позиции эволюционно-исторического направления, когда новая культура или стадия культуры рассматриваются преимущественно по отношению к предшествующей стадии. При решении вопросов культурогенеза необходимо учитывать роль природной среды, трансформацию хозяйственной деятельности, контакты с населением других культурных образований.

Достаточно широкое распространение в последние годы получила модель культурогенеза, основанная на контактах населения с различными культурными традициями, в результате смешения которых формируются новые, гетерогенные по характеру культуры. Однако этот вывод

должен базироваться не на присутствии в комплексах находок разных культур, а на наличии «метисных» изделий и технологий, что в реалиях наблюдается довольно редко. Обоснованная критика этой модели дана А.Н. Сорокиным [2007].

По-видимому, мы фиксируем сообщество (социум), которое развивалось по иной модели. Мирная колонизация обширной территории привела к дискретному характеру культуригенеза. Этим можно объяснить отсутствие какого-либо явно выраженного ядра культуры и типологическое разнообразие боборыкинских комплексов. Население боборыкинской культуры освоило новые формы жизнеобеспечения, практически не вступая в контакты с аборигенами и сохранив основные черты культуры, сложившиеся на «этнической родине», связь с которой была утрачена навсегда. Такая модель культуригенеза не является исключительной. На территории Минусинской котловины афанасьевские и окуневские памятники на определенном этапе синхронны. Население афанасьевской культуры — мигранты из Восточной Европы — были изоляционистами, они сохранили в чистоте антропологический тип, характерный для ямных племен, а окуневская культура вобрала в себя разнообразные элементы, как принесенные с запада, так и сибирские [Подольский, 2007, с. 115].

В заключение отметим следующее. Точка зрения о поздненеолитическом возрасте боборыкинской культуры была высказана В.Т. Ковалевой и Н.В. Варанкиным 30 лет назад. Новые исследования и серия радиоуглеродных дат подтвердили это мнение. На наш взгляд, при наличии различных методов датирования в археологии наиболее надежным был и остается стратиграфический.

В настоящее время все большее число исследователей склоняются к мнению о формировании боборыкинской культуры в результате миграции, но остается вопрос — откуда. Поиски оптимальной интерпретации боборыкинской культуры привели нас к необходимости анализа орнаментов на керамике как текста, имеющего определенное смысловое значение. Однако смысл отдельных орнаментальных мотивов и композиций удалось «прочитать» с помощью широкого внешнего, но конкретного контекста. Знаковая система населения боборыкинской культуры является частью культурной традиции, сложившейся у населения раннеземледельческих культур Юго-Западной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: (Опыт реконструкции мировосприятия). М.: Наука, 1984. 262 с.
- Белановская Т.Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.: СПбГУ, 1995. 199 с.
- Белановская Т.Д., Телегин Д.Я.* Неолит северо-восточного Приазовья и Подонья // Археология. Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 58–65.
- Белановская Т. Д., Тимофеев В.И.* Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблема неолитизации Восточной Европы // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы: (Новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 14–21.
- Бобринский А.А.* Технологическая характеристика керамики из Телль Сотто и Кюльтепе // Н.О. Бадер. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989. С. 327–334.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.* Боборыкинский комплекс из Барабы: Проблема исторической интерпретации // Вестн. ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 211–215.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.* Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 4–13.
- Бобров В.В., Юракова А.Ю.* Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 211–214.
- Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 376 с.
- Даниленко В.Н.* Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969. 238 с.
- Долуханов П.М.* Истоки миграций: (Моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным) // Проблемы археологии. Л.: Наука, 1978. С. 38–43.
- Зах В.А.* Неолитические культуры лесного Тоболо-Ишимья: Периодизация и хронология // II Сев. археол. конгресс: Доклады 24–30 сент. 2006 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006а. С. 138–162.
- Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006b. 54 с.
- Каган М.С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с.
- Клейн Л.С.* Миграция: Археологические признаки // Stratum plus: Археология и культурная антропология. Кишинев: Высш. антропол. шк., 1999. № 1. С. 52–71.

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

- Ковалева В.Т.* Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 27–39.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 162–183.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* К дискуссии о функции «утожков» // XVII Урал. археол. совещ.: Материалы науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 97–101.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 73–113.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Бог грозы — «зеленая макушка» // Урал в зеркале тысячелетий. Екатеринбург: БКИ, 2009. Кн. 2. С. 5–12.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. кн., 2010. 308 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолитические «утожки» Евразии: Проблема генезиса и функции // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. I. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. С. 153–154.
- Ковалева В.Т., Солдаткин Н.В.* «Высекающий молнию»: К истокам ведийского бога Индры // IMAGINES MUNDI: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. Вып. 4. С. 11–18.
- Ковалева В.Т., Шилов С.Н.* Прообраз Индры: Об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 24. С. 119–126.
- Комарова Я.М.* Применение метода термостимулированной люминесценции (ТСЛ) для датирования археологической керамики // ВНКФС-16: Шестнадцатая Всерос. науч. конф. студентов-физиков и молодых ученых, г. Волгоград, 22–29 апр. 2010 г.: Материалы конф., информ. бюл. Т. 1. Екатеринбург; Волгоград: Изд-во АСФ России, 2010. С. 342–343.
- Косинская Л.Л.* Проблемы хронологии западносибирского неолита: (К вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: (Хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 301–307.
- Крижевская Л.Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 129 с.
- Кушнарёва К.Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э.: (Этапы культурного и социально-экономического развития). СПб: Петербур. Востоковедение», 1993. 312 с.
- Мерц В.К.* Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана // Археология Казахстана в эпоху независимости: Итоги, перспективы: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Респ. Казахстан и 20-летию ИА им. А.Х. Маргулана. Алматы: КН МОН РК, 2011. Т. 1. С. 178–186.
- Мерц В.К.* Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 297–301.
- Мосин В.С.* Хронология и периодизация неолита Зауралья: Новые данные // Неолитические культуры Восточной Европы: Хронология, палеоэкология, традиции. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 189–192.
- Мосин В.С.* Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: Новейшие исследования и периодизация // Вестн. КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 108–113.
- Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 93–164.
- Павленко Ю.В.* Праславяне и арии: Древнейшая история индоевропейских племен. Киев: Феникс, 2000. 371 с.
- Петрова Н.Ю.* Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярымтепе I // РА. 2012. № 2. С. 26–33.
- Подольский М.Л.* Феномен и парадоксы Минусинской степи: (Смена культурных доминант) // Культурно-экологические общности: Взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 113–128.
- Сальников К.В.* Отчет об археологических исследованиях Южно-Уральской экспедиции 1958 г. УрГУ // Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. Свердловск, 1958. Ф. II. Д. 8.
- Сальников К.В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Уфа, 1962. Т. 1. С. 16–57.
- Сорокин А.Н.* Природные процессы и их роль в культурогенезе // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): Материалы науч. конф., посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино, 5–10 авг. 2006 г.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 34–41.
- Титов В.С.* К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 89–92.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академ. Проект, 2009. 622 с.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE BOBORYKINO CULTURE IN THE MIDDLE TRANS-URALS IN THE CONTEXT OF THE LATEST DISCOVERIES

The article deals with debating questions regarding research of the Boborykino archaeological culture. It gives a brief overview of historiography and characteristics of a unique Neolithic phenomenon of North Eurasia. The basis of sources for research of the Boborykino culture consists of more than 50 settlements in the Middle Trans-Urals. The paper emphasizes originalities of the Boborykino culture in pottery technology and typology. Boborykino pottery differs from other Neolithic Ural complexes. Similar pottery and objects for worship, as well as some peculiarities in ceramic production technology, have been found in Neolithic complexes of North Mesopotamia. Therefore, we may conclude that the formation of the Boborykino culture is the result of migration. The main features of the Boborykino culture remained almost untouched for more than one thousand years. It is extremely difficult to trace the internal dynamics of the Boborykino culture and its contacts with indigenous population. All this leads to the conclusion that the Boborykino culture is conservative by nature.

Over the last years new data were excavated in North Kazakhstan and Baraba forest-steppe region (Autodrome 2/2, Borly). New settlements are located outside of the main Boborykino cultural area. However, their material culture has significant typological similarity with the sites of the main Boborykino culture area. That is why we can assume that their populations have common origin from the Near East and we can determine the direction of migration paths. Migrants occupied vacant lands between indigenous settlements. Peaceful colonization of vast territories led to the discrete nature of cultural genesis.

The idea of the genesis of culture is connected to the understanding of culture. Ornamental compositions of ceramics and objects for worship become a source of interpretation of the Boborykino culture. The ornaments are treated as texts. Transcript of the ornaments is based on the analysis of geographical conditions, form of economy, social relations. The semantics of ornaments is revealed by the context. In this case, it is more important than the text. The main topics of the ornament reflect the ideas of water, rain, earth, grain and serpents, and give ground to associate them with the cult of fertility.

New results of carbon analysis of Boborykino antiquities confirmed the proposed earlier dating of the culture within the end of the V — the end of the IV millennium BC.

Key words: Middle Trans-Urals, Boborykino culture, late Neolithic, migration, colonization, homogeneity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-005-020

REFERENCES

- Antonova E.V., 1984. *Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'tsev Perednei i Srednei Azii: (Opyt rekonstruktsii mirovospriiatiia)* [Essays on the culture of ancient farmers of the near East and Central Asia: (An attempt to reconstruct world perception)], Moscow: Nauka, 262 p.
- Belanovskaia T.D., 1995. *Iz drevneishogo proshlogo Nizhnego Podon'ia: Poselenie vremeni neolita i eneolita Rakushechnyi Iar* [From the ancient past of the Lower Don region: Neolithic and Eneolithic settlement Rakushechny Yar], St. Petersburg: SPbGU, 199 p.
- Belanovskaia T.D., Telegin D.Ia., 1996. Neolit severo-vostochnogo Priazov'ia i Podon'ia [The Neolithic Age in the North-Eastern Azov and the Don region]. *Arkheologiya. Neolit Severnoi Evrazii*, Moscow: Nauka, pp. 58–65.
- Belanovskaia T.D., Timofeev V.I., 2003. Mnogosloinoe poselenie Rakushechnyi Iar (Nizhnee Podon'e) i problema neolitizatsii Vostochnoi Evropy [Multilayer settlement Rakushechny Yar (Lower Don region) and the problem of neolitization of Eastern Europe]. *Neolit-eneolit Iuga i neolit Severa Vostochnoi Evropy: (Novye materialy, issledovaniia, problemy neolitizatsii regionov)*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 14–21.
- Bobrinskii A.A., 1989. Tekhnologicheskaiia kharakteristika keramiki iz Tell' Sotto i Kiul'tepe [Tell Sotto and Kultepe pottery technology]. N.O. Bader. *Drevneishie zemledel'tsy Severnoi Mesopotamii*, Moscow: Nauka, pp. 327–334.
- Bobrov V.V., Iurakova A.Iu., 2014. Boborykinskii kompleks v neolite Barabinskoi lesostepi [The Neolithic Boborykino culture complex in the Baraba forest-steppe region]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 211–214.
- Bobrov V.V., Marochkin A.G., 2013. Boborykinskii kompleks iz Baraby: Problema istoricheskoi interpretatsii [The Boborykino culture complex in Baraba river basin: A problem of historical interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 3 (23), pp. 211–215.
- Bobrov V.V., Marochkin A.G., Iurakova A.Iu., 2012. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom 2/2 (Severozapadnye raiony Barabinskoi lesostepi) [The Boborykino culture settlement Avtodrom 2/2 (North-West of the

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

Baraba forest-steppe region)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (18), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 4–13.

Danilenko V.N., 1969. *Neolit Ukrainy* [The Neolithic of Ukraine], Kiev: Naukova dumka, 238 p.

Dolukhanov P.M., 1978. Istoki migratsii (modelirovanie demograficheskikh protsessov po arkheologicheskim i ekologicheskim dannym) [The origins of migration (modeling of demographic processes basing on archaeological and environmental data)]. *Problemy arkheologii*, Leningrad: Nauka, pp. 38–43.

Eliade M., 2009. *Istoriia very i religioznykh idei: Ot kamennogo veka do elevsinskikh misterii* [History of faith and religious ideas: From the Stone Age to the Eleusinian mysteries], Moscow: Akademicheskii Proekt, 622 p.

Golan A., 1993. *Mif i simvol* [Myth and symbol], Moscow: Russlit, 376 p.

Kagan M.S., 1996. *Filosofiiia kul'tury* [Philosophy of culture], St. Petersburg: Petropolis, 415 p.

Klein L.S., 1999. Migratsiia: Arkheologicheskie priznaki [Migration: Archaeological traits]. *Stratum plus: Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia*, no. 1, Kishinev: Vysshiaia antropologicheskaiia shkola, pp. 52–71.

Komarova Ia.M., 2010. Primenenie metoda termostimulirovannoi liuminisentsii (TSL) dlia datirovaniia arkheologicheskoi keramiki [Dating of archaeological ceramics using the method of thermally stimulated luminescence (TSL)]. *VNKSF-16: Shestnadsataia Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia studentov-fizikov i molodykh uchenykh, g. Volgograd, 22–29 aprelia 2010 g.: Materialy konferentsii, informatsionnyi biulleten'*, vol. 1, Ekaterinburg; Volgograd: Izdatel'stvo ASF Rossii, pp. 342–343.

Kosinskaia L.L., 2004. Problemy khronologii zapadnosibirskogo neolita: (K voprosu o roli radiouglerodnogo datirovaniia) [The chronology of the West Siberian Neolithic: (Carbon dating significance revisited)]. *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii: (Khronologiiia neolita, osobennosti kul'tur i neolitizatsiia regionov, vzaimodeistviia neoliticheskikh kul'tur v Vostochnoi i Srednei Evrope)*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 301–307.

Kovaleva V.T., 2011. Problema etnokul'turnoi spetsifiki naseleniia boborykinskoi kul'tury [The problem of ethno-cultural specificity of the Boborykino culture population]. *Voprosy arkheologii Urala*, 26, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 27–39.

Kovaleva V.T., Shilov S.N., 2002. Proobraz Indry: Ob interpretatsii antropomorfno izobrazheniia na sode [Indra prototype: Interpretation of a vessel anthropomorphic image]. *Voprosy arkheologii Urala*, 24, Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, pp. 119–126.

Kovaleva V.T., Soldatkin N.V., 2010. «Vysekaiushchii molniiu»: K istokam vediiskogo boga Indry [«The one who strikes lightning»: The origins of the Vedic god Indra]. *IMAGINES MUNDI: Al'manakh issledovaniia vseobshchei istorii XVI–XX vv.*, no. 7, Seriiia Intelktual'naia istoriia, 4, Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, pp. 11–18.

Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 1998. Istoriografiia i diskussionnye problemy boborykinskoi kul'tury [Historiography and debating problems of the Boborykino culture]. *Voprosy arkheologii Urala*, 23, Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, pp. 162–183.

Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2007. K diskussii o funktsii «utiuzhkov» [Discussion about the role of the «grooved stones»]. *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy nauchnoi konferentsii*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 97–101.

Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2008. Istoriografiia i obzor osnovnykh pamiatnikov koshkinskoi kul'tury Srednego Zaural'ia [Historiography and an overview of the main monuments of the Coshkino culture in the Middle Urals]. *Voprosy arkheologii Urala*, 25, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 73–113.

Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2009. Bog grozy — «zelenaia makushka» [The God of storms — «green top»]. *Ural v zerkale tysiacheletii*, kn. 2, Ekaterinburg: BKI, pp. 5–12.

Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2010. *Neolit Srednego Zaural'ia: Boborykinskaia kul'tura* [The Neolithic Period of the Middle Urals: Boborykino culture], Ekaterinburg: Uchebnaia kniga, 308 p.

Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2011. Neoliticheskie «utiuzhki» Evrazii: Problema genezisa i funktsii [Neolithic «grooved stones» of Eurasia: A problem of the genesis and functions]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda*, vol. I, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 153–154.

Krizhevskaiia L.Ia., 1977. *Rannebronzovoe vremia v luzhnom Zaural'e* [Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals], Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 129 p.

Kushnareva K.Kh., 1993. *luzhnyi Kavkaz v IX–II tys. do n.e.: (Etapy kul'turnogo i sotsial'nogo i ekonomicheskogo razvitiia)* [South Caucasus in the IX–II millennia BC: (Stages of cultural and socioeconomic evolution)], St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 312 p.

Merts V.K., 2011. Novye materialy po neolitu Severo-Vostochnogo Kazakhstana [New data about the Neolithic Period in North-Eastern Kazakhstan]. *Arkheologiiia Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: Itogi, perspektivy: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana*, vol. 1, Almaty: KN MON RK, pp. 178–186.

Merts V.K., 2014. Boborykinskii kompleks poseleniia Borly (Severo-Vostochnyi Kazakhstan) [The Boborykino culture complex of the settlement Borly (North-Eastern Kazakhstan)]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 297–301.

Mosin V.S., 2015. Khronologiiia i periodizatsiia neolita Zaural'ia: Novye dannye [Chronology and Periodization of the Neolithic Period in the Urals: New data]. *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: Khronologiiia, pa-*

leoekologiya, traditsii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tret'akova, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 189–192.

Mosin V.S., 2015. Neolit lesostepnogo Zaural'ia i Priirtysh'ia: Noveishie issledovaniia i periodizatsiia [The Neolithic Period of the forest-steppe Trans-Urals and Irtysh region: The latest researches and periodization]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (62), vol. 6, Kemerovo, pp. 108–113.

Munchaev R.M., 1982. Eneolit Kavkaza [The Aeneolithic Period in Caucasus]. *Arkheologiya SSSR. Eneolit SSSR*, Moscow: Nauka, pp. 93–164.

Pavlenko Iu.V., 2000. *Praslaviane i arii: Drevneishaiia istoriia indoevropskikh plemen* [Pre-Slavs and the Aryans: Ancient history of Indo-European tribes], Kiev: Feniks, 371 p.

Petrova N.Iu., 2012. Tekhnologicheskoe izuchenie keramiki poseleniia khassunskoi kul'tury larymtepe I [The Hassuna culture settlement Yarim Tepe I]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 26–33.

Podolskii M.L., 2007. Fenomen i paradoksy Minusinskoii stepi: (Smena kul'turnykh dominant) [Phenomenon and paradoxes of Minusinsk steppe: (Changes of cultural dominants)]. *Kul'turno-ekologicheskie obshchnosti: Vzaimodeistvie traditsii i kul'turogenez*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 113–128.

Sal'nikov K.V., 1962. Iuzhnyi Ural v epokhu neolita i rannei bronzy [The Neolithic and Early Bronze Age in the South Ural]. *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii*, vol. 1, Ufa, pp. 16–57.

Sorokin A.N., 2007. Prirodnye protsessy i ikh rol' v kul'turogeneze [Natural processes and their role in cultural genesis]. *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (IV Khalikovskie chteniia): Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Iurino, 5–10 avgusta 2006 g.)*, Ioshkar-Ola: MarNII, pp. 34–41.

Titov V.S., 1982. K izucheniiu migratsii bronzovogo veka [Studying migration processes in the Bronze Age]. *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta*, Moscow: Nauka, pp. 89–92.

Zakh V.A., 2006a. Neoliticheskie kul'tury lesnogo Tobolo-Ishim'ia: Periodizatsiia i khronologiya [Neolithic cultures of the forest Tobol-Ishim basin: Periodization and chronology]. *II Severnyi arkheologicheskogo kongress: Doklady 24–30 sentiabria 2006 g.*, Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Charoid, pp. 138–162.

Zakh V.A., 2006b. *Khronostratigrafiia neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ia* [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal Age in the forest Tobol-Ishim basin]. Avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk, Novosibirsk, 54 p.

Е.А. Юдина, М.О. Тонкушина, Н.А. Кулеш, А.А. Остроушко

Уральский федеральный университет
просп. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, РФ
E-mail: kveten@gmail.com
ул. Куйбышева, 48, Екатеринбург, 620026, РФ
E-mail: rita-zar@yandex.ru;
nikita.kulesh@urfu.ru;
alexander.ostroushko@urfu.ru

ЭЛЕМЕНТНЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОХРЫ: МЕТОДИКА И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОЙ СПЕКТРОСКОПИИ (по материалам неолитических и энеолитических памятников Среднего Зауралья и Западной Сибири)¹

Статья посвящена методическим аспектам элементного анализа (рентгенофлуоресцентной спектроскопии) природного минерального пигмента — охры. В качестве источниковой базы выбраны оксидные охры, полученные при раскопках памятников таежной зоны Западной Сибири и Среднего Зауралья, датируемых эпохой неолита и энеолита (конец VI — III тыс. до н.э.). Рассмотрены вопросы отбора и подготовки археологических образцов, а также интерпретационные возможности избранного подхода.

Ключевые слова: оксидная охра, природные минеральные пигменты, неолит, энеолит, Западная Сибирь, Среднее Зауралье, элементный анализ, рентгенофлуоресцентная спектроскопия.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-021-034

В последние годы в работах по таким природным минеральным красителям, как охры, акцент постепенно смещается с изучения их семантики на физико-химический анализ, а также реконструкцию технологии их изготовления и использования, поиск возможного сырья [Грешников, 2014; Пахунов и др., 2014; Усачева и др., 2011; Широков и др., 2014; и др.]. Информационный потенциал охры как археологического источника, на наш взгляд, раскрыт пока не полностью: с одной стороны, не так давно актуализировался интерес к краскам с точки зрения их физико-химических свойств, с другой — сам источник весьма многообразен и непросто. В то же время именно это направление представляется наиболее перспективным. Физико-химический и технологический анализ охры может быть сопоставлен с внешней критикой письменного источника, отсутствие которой в некоторых случаях затрудняет работу с содержанием, в некоторых — обедняет либо искажает его смысл. То же справедливо для работы с источником вещественным: естественно-научные методы создают фундамент и существенно увеличивают объем данных, доступных для анализа и интерпретации.

Термин «охра» имеет долгую историю и используется весьма широко. Мы будем применять его по отношению к археологическим образцам, происходящим с территории Западной Сибири, имеющей свою сырьевую специфику. В связи с этим, дабы избежать разночтений, отметим, что под указанным термином далее подразумеваем (если не оговаривается иное) прежде всего охру оксидную². Соответственно под охрой понимаем минеральный пигмент, полученный из железной руды (конкреций лимонита, гематита и др.) или (возможно) органоминеральных почвенных новообразований, содержащих окислы железа (ортштейны, ортзанд в песчаных подзолистых почвах), под-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-06-00162.

² В работах по природным минеральным красителям можно встретить деление охр на два типа по признаку наличия или отсутствия в них силикатов: оксидный и собственно силикатный (другой вариант именованья — охра рудная и глинистая). Коллектив авторов, изучавших охру из донских погребений эпохи бронзы, для своих источников определил охры первого типа как железную руду (лимонит), второго типа — как ожелезненную монтмориллонитовую глину либо как искусственную смесь монтмориллонитовой глины с лимонитом [Балабина и др., 1991]. Поскольку при всех вариациях большинство изученных на сегодняшний день охристых красителей по использованному сырью может быть отнесено к одному из двух указанных типов, считаем обоснованным и эффективным применение данного деления и в нашем случае.

вергшийся термической и/или механической обработке, который может использоваться в чистом виде либо как компонент наполненных композиционных материалов, придающий им непрозрачность, цвет или другие свойства.

На памятниках археологии охра может встречаться в самом разном контексте, виде и состоянии: в виде следов окрашивания на предметах быта (например, на керамической посуде и костяных изделиях), в виде приготовленного к использованию пигмента, в виде сырья и т.д. [Сериков, 2014]. Нас будет интересовать сыпучий, порошковидный минеральный краситель, использовавшийся, судя по материалам памятников, для подсыпки и окрашивания полов жилищ, культовых и иных площадок, погребальных камер и их содержимого³.

Территориально наши источники ограничены лесотундровой, таежной и лесостепной зонами Западной Сибири, Средним Зауральем. Традиция окрашивания земляных полов, а также территории производственных, сакральных и иных комплексов известна по материалам Западной Сибири и Зауралья с мезолита. Мы рассматривали образцы, полученные с памятников, датируемых эпохой неолита и энеолита (конец VI — III тыс. до н.э.). В ряде случаев — с целью сопоставления и поиска хронологических и культурных различий в образцах — привлекались материалы более поздних комплексов (ранний железный век, раннее средневековье). Всего для данной работы было проанализировано 45 образцов (рис. 1, табл. 1, 2)⁴.

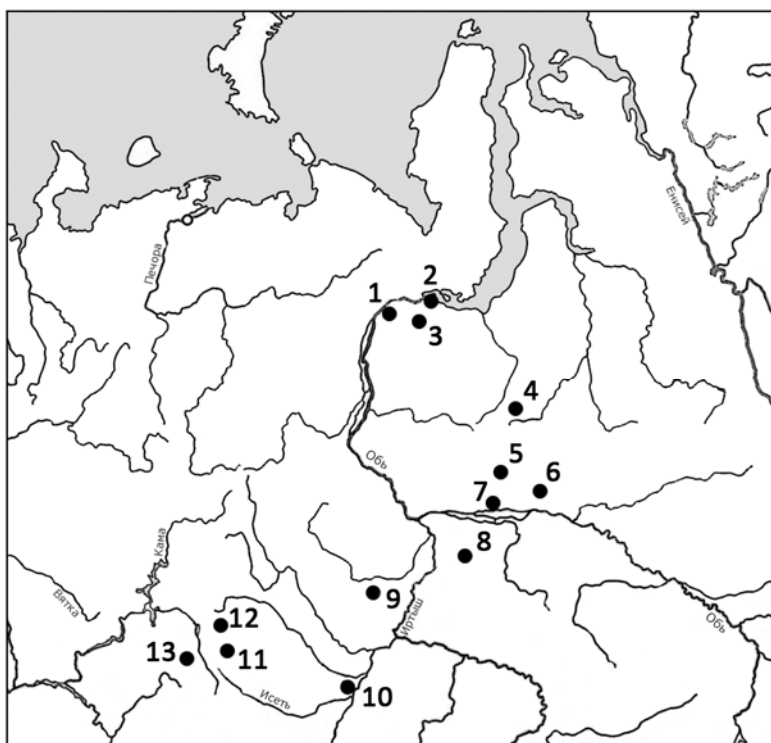

Рис. 1. Расположение памятников, из коллекций которых были получены образцы природных минеральных пигментов (охры) для элементного анализа:

- 1 — гор./жертв. место Усть-Полуй; 2 — пос. Горный Самотнел 1; 3 — мог. Зеленый Яр; 4 — пос. Ет-то I; 5 — сел. Ультильягун 2; 6 — мог. Старые Покачи 5.1; 7 — памятники урочища Барсова Гора; 8 — сел. Большой Салым 4; 9 — пос. Большая Умытья 100; 10 — пам. Чепкуль 21А; 11 — памятники Шайтанского озера; 12 — ст. Уральские Зори I (окрестности памятника); 13 — Пещера Туристов (переотложенные слои).

³ Выявление исключительно оксидной охры может в нашем случае объясняться характером выборки образцов: до проведения соответствующих изысканий нельзя исключить, что массовый анализ не только охристых подсыпок, но и, например, следов окрашивания на глиняной посуде расширит наши представления о сырьевой базе изготовления древней западно-сибирской охры.

⁴ Выражаем благодарность исследователям, предоставившим материалы для проведения элементного анализа (образцы охр, сырья и фоновых почв): Л.Л. Косинской, И.В. Усачевой, Е.Н. Дубовцевой, Ю.П. Чемякину, К.Г. Карачарову, Ю.Б. Серикову, В.Д. Викторовой, С.Н. Скочиной, О.Ю. Зиминой, В.Ф. Кернер, П.Р. Сташкину, М.В. Коноваленко, А.А. Погодину, Д.Н. Еньшину, С.И. Цембалюк, Ал.В. Гусеву и Анд.В. Гусеву, О.С. Тупахинной и др.

Археологические памятники, с которых были получены и проанализированы образцы пигментов

Памятник	Административно-географическая привязка	Датировка и культурная атрибуция	Место и условия забора образца	Номер образца	
Селище Барсова Гора II/19	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	Конец V — начало IV тыс. до н.э. Быстринская археологическая культура	Жилище 2, прослойка пола жилища	1	
			Жилище 3, прослойка пола жилища	2	
Поселение Барсова Гора II/22	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	По предварительной датировке IV — начало III тыс. до н.э.	Жилище 2, прослойка пола жилища	3	
Селище Барсова Гора II/42	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	IV тыс. до н.э. Барсовогорский культурный тип?	Жилище 1, прослойка пола жилища	4	
			III тыс. до н.э.	5, 6	
			Конец V — начало IV тыс. до н.э., IV тыс. до н.э. Быстринская археологическая культура/барсовогорский культурный тип	Объект 5 (открытая окрашенная охрой площадка-«дорожка»)	7
			IV тыс. до н.э. — III тыс. до н.э.	Объект 12 (яма-«палитра»)	8, 9, 10, 11
Могильник Барсовский II	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	Поздний неолит — энеолит? III тыс. до н.э.	Пигмент с фрагментов керамических сосудов из заполнения погребения № 1	12, 13	
Могильник Барсовский VII	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	IV в. до н.э. — III в. н.э. Кулайская археологическая культура	Пигмент из заполнения погребения № 9	14	
Памятник Чепкуль 21А	Тюменский р-н Тюменской обл.	V тыс. до н.э. — IV тыс. до н.э. Козловская археологическая культура	Объект 1	17, 18	
			Объект 6	19	
			Объект 21	20	
Поселение Ет-то I	Надымский р-н, ЯНАО	Последняя четверть V тыс. до н.э. Еттовский культурный тип.	Жилище 5, прослойка пола жилища	24, 25	
Селище Ультильпягун 2	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	IV в. до н.э. — III в. н.э. Кулайская археологическая культура	Жилище 1, прослойка пола жилища (рядом с очагом)	28	
Могильник Старые Покачи 5.1	Нижневартовский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	III тыс. до н.э.	Пигмент из заполнения погребения № 1	29	
Селище Большой Салым 4	Нефтеюганский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	Мезолит — ранний неолит	Пигмент из заполнения погребения № 1	30	
			Пигмент из заполнения погребения № 4	31, 32	
Поселение/могильник Большая Умытья 100	Советский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	Неолит. V–IV тыс. до н.э.	Объект № 150. Пигмент из заполнения погребения	34	
Культовый памятник Шайтанское Озеро I	Кировградский р-н Свердловской обл.	Предположительно III тыс. до н.э. Аятская археологическая культура	Образец взят с «рабочего места мастера» (скопление вокруг шлифовальной плиты на открытой площадке)	37	
			Образец взят с площади берегового вала озера, из слоя с культурными остатками разных эпох	38	
Комплексы Пещеры Туристов	Пригородный р-н Свердловской обл.	Хронологическая и культурная принадлежность слоев забора пробы не установлена	Образец взят из смытого культурного слоя в конусе выноса под пещерой	39	
Городище/жертвенное место Усть-Полуй I	г. Салехард (микрорайон «Гидропорт»), ЯНАО	I в. до н.э. Кулайская археологическая культура	Образцы взяты из различных объектов жертвенного места	41, 42, 43	
Могильник Зеленый Яр	Приуральский р-н, ЯНАО	VI–VII вв. н.э. Зеленогорский этап нижнеобской археологической культуры	Образец взят из окрашенного пятна в межмогильном пространстве	44	
Поселение Горный Самотнел-1	Приуральский р-н, ЯНАО	IV–III тыс. до н.э.	Образец взят с территории поселения (открытая площадка) из-под каменной плиты, использовавшейся предположительно для растирания охры	45	

Образцы конкреций лимонита, органоминеральных почвенных новообразований (ортштейнов, ортзанда), ожелезненной глины и песка, полученные с археологических памятников и прилегающих территорий

Номер образца	Административно-географическая привязка	Место и условия забора образца
15	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра. Урочище Барсова Гора	Сборы с поверхности, лимонит. Ближайший археологический памятник — селище Барсова Гора I/21
16	Сургутский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра. Урочище Барсова Гора	Сборы с поверхности, лимонит. Ближайший археологический памятник — поселение Барсова Гора II/9
21, 22, 23	Тюменский р-н Тюменской обл.	Пробы ожелезненных пород из берегового вала древнего палеозера Чепкуль. Ближайший археологический памятник — Чепкуль 21А
26, 27	Надымский р-н, ЯНАО	Пробы ожелезненных пород с территории поселения Ет-то I
33	Нефтеюганский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	Проба ожелезненных пород с территории селища Большой Салым 4
35, 36	Советский р-н Тюменской обл., ХМАО — Югра	Пробы ожелезненного песка, взятые близ поселения/могильника Большая Умытья 100. Раздвиг на грунтовой дороге
40	Кушвинский городской округ Свердловской обл.	Проба ожелезненной глины из карьера вблизи стоянки Уральские Зори I

Методы исследования

Физико-химические методы анализа все шире используются в гуманитарных исследованиях. В зависимости от характера источника и целей конкретной работы методы применимы в большей или меньшей степени, имеют свои преимущества и особенности — пробоподготовки, расшифровки результатов и т.д. Данная статья посвящена методу рентгенофлуоресцентной спектроскопии окристых пигментов.

Вышеназванный метод активно используется в археологии с конца 60-х гг. прошлого столетия [Shackley, 2011]. Одним из первых примеров его применения является работа Эдварда Холла (Edward Hall), посвященная монетам Римской империи, изданная в 1960 г. В 1968 г. Роберт Джек и Роберт Ф. Хэйзер (Robert Jack and Robert F. Heizer) впервые опубликовали результаты рентгенофлуоресцентного анализа археологических находок обсидиана Нового Света. В последующие годы немаловажную роль в развитии метода сыграли исследования на стыке археологии и геоархеологии, проводившиеся в университете г. Беркли, штат Калифорния, в которых также особое внимание уделялось находкам из обсидиана и других вулканических пород. За прошедшие десятилетия благодаря активному привлечению рентгенофлуоресцентной спектроскопии многие проблемы комплексных исследований такого рода были успешно разрешены. Однако специфика выбранной нами источниковой базы породила целый ряд новых методических вопросов. Мы сочли необходимым и достоячим остановиться на одном подходе, максимально подробно рассмотрев спорные, проблемные моменты, выявившиеся в ходе нашей работы: от отбора проб в полевых условиях до возможностей использования и интерпретации полученных данных.

Рентгенофлуоресцентная спектроскопия относится к методам элементного анализа, позволяющим определять качественный и количественный элементный состав объектов материального мира как в твердом, так и в жидком состоянии. Этот метод основан на сборе и последующем анализе спектра, полученного путем воздействия на исследуемый материал рентгеновским излучением, и позволяет одновременно определять более 80 элементов от бора до урана. Неоспоримым достоинством метода является также возможность получения данных о составе сложного материала без его разрушения, с сохранением полного комплекса его физико-химических свойств [Черноруков и др., 2012].

Рентгенофлуоресцентная спектроскопия — весьма точный и чувствительный метод исследования образцов по химическим элементам. Однако конкретные химические соединения, в которые они входят, остаются за пределами анализа. Определение легких элементов (и, стало быть, органическая составляющая образцов) также вызывает трудности, поскольку для элементов с малым порядковым номером выход флуоресценции невелик. Кроме того, излучение легких элементов лежит в длинноволновой области. В силу этих причин даже натрий (Na) можно определять лишь на некоторых типах приборов [Черноруков и др., 2012].

Недостающие сведения могут быть восполнены путем привлечения других физико-химических методов анализа, таких как рентгенофазовый анализ, термогравиметрия и дифференциальная сканирующая калориметрия совместно с масс-спектрометрией, магнитный анализ и т.д.

Элементный анализ археологической охры: методика и возможности применения...

Тем не менее элементный анализ сам по себе предоставляет исследователю немало данных для археологической и исторической реконструкции — в том случае, если вопросы сформулированы исследователем в соответствии с конкретной методикой и имеется удовлетворяющая запросу выборка образцов.

Первое, что следует учитывать при использовании данного метода,— это пробоотбор образцов. Как в природном сырье, так и в самом охристом красителе наблюдаются значительные колебания содержания элементов даже в пределах небольшого объема. Для создания репрезентативной выборки необходимо иметь в виду как этот момент, так и специфику исследуемого археологического объекта. В тех случаях, когда речь идет о небольших и четко локализованных окрашенных пятнах, вполне уместно собрать весь окрашенный грунт. Если объекты крупные, на наш взгляд, допустимо прибегнуть к хорошо известным методикам почвенного пробозабора (например, к методу «конверта») либо, учитывая возможную внутреннюю дифференциацию окрашенной площади (рабочей/культовой площадки, пола жилища, заполнения могильной камеры и т.д.), произвести пробозабор в максимальном числе потенциально различающихся точек⁵. В последнем случае каждая проба требует исчерпывающего сопроводительного описания (расположение в пространстве, археологическая характеристика — описание в контексте вскрываемого объекта, предполагаемая функциональная или любая иная специфика). Ценную дополнительную информацию могут дать пробы вмещающего грунта (в идеале — всей естественной почвенной колонки и неокрашенных участков вмещающих культурных слоев, если такие имеются).

В большинстве отобранных в ходе полевых исследований образцов охристого красителя с неизбежностью присутствует примесь подстилающего материала (например, при снятии красителя со стенок керамической посуды) либо вмещающего грунта (в нашем случае в основном песка). Возможность анализа как твердофазных, так и жидких образцов позволила нам использовать различные методы пробоподготовки, для каждого из которых выявились преимущества и недостатки.

В первом случае мы растворяли образцы в разбавленной азотной кислоте при кипячении. С одной стороны, такой способ позволил усреднить образцы по составу, а для образцов с примесью песка — еще и минимизировать вклад примеси, так как песок не растворяется в азотной кислоте. С другой стороны, растворение происходило в течение нескольких суток. Кроме того, при растворении мы разбавляли образец, что в итоге снижало чувствительность метода.

Во втором случае производилось отмучивание охристого пигмента в дистиллированной воде. Этот способ пробоподготовки позволил удалить из образца основную массу песка, частицы которого имеют значительно больший размер, чем охристые, однако полностью избавиться от песка с малым размером частиц не удалось. Подготовленные таким способом образцы снимались в нескольких точках для усреднения по составу.

В третьем случае мы анализировали исходные образцы.

При отсутствии посторонних примесей, как, например, в случае с конкрециями лимонита, анализ производился в нескольких точках образца для усреднения по составу. Для образцов, имеющих примесь песка (что чаще всего видно даже невооруженным глазом), анализ также производился в нескольких точках. Далее образцы сравнивались между собой как по непосредственно полученным результатам, так и по пересчитанным, где из соотношения элементов был удален кремний (большая часть кремния относится к примеси песка).

Сопоставление результатов анализа одних и тех же образцов при их различной пробоподготовке показало, что при исследовании растворов чувствительности метода не хватает для ряда микропримесей, которые наблюдаются при исследовании твердофазных образцов. В связи с этим в большинстве случаев для рассматриваемой выборки был использован анализ исходных образцов, как наименее трудозатратный и достаточно информативный. Во всех случаях между собой сравнивались образцы с одинаковым способом пробоподготовки.

Элементный анализ образцов, интерпретация полученных данных

Определение элементного состава твердофазных образцов методом рентгенофлуоресцентного анализа было произведено Н.А. Кулешом на приборе Nanohunter в центре коллективного пользования «Современные нанотехнологии» Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

⁵ Для проведения элементного анализа методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии достаточен образец объемом от 0,5 мг.

Если говорить об охристом пигменте, то его элементный состав в некоторой степени обладает «свойством памяти». Прежде всего, это отражение конкретной сырьевой базы. В отличие от структуры вещества и составляющих его химических соединений, элементный состав практически не изменяется при термической обработке, что и позволяет соотносить охристый пигмент с предполагаемым сырьем. Иногда источник сырья можно определить весьма точно, иногда — лишь примерно. Это зависит в первую очередь от полноты информации по фоновым почвам и рудным базам рассматриваемого региона, а также от наличия анализов по соседним археологическим памятникам. Также играет роль количество отобранных образцов: естественные природные колебания элементного состава почв и руд и специфика различных археологических объектов почти исключают надежное выявление устойчивых маркеров по единичному образцу.

Элементный анализ не дает ответов на вопросы о температуре и длительности термического воздействия на будущий краситель, окислительном или восстановительном режимах обжига, степени измельченности обжигаемого сырья и т.д. Однако на элементном составе красителя неизбежно отразятся все вводимые в него (осознанно или случайно) неорганические добавки. Так, например, попадающая при обжиге на руду зола имеет минеральную составляющую топлива, и ее присутствие в порошковидном пигменте потенциально может в некоторой (иногда — чрезвычайно незначительной) степени отразиться на его элементном составе. Справедливости ради отметим, что в нашем случае при анализе археологических образцов таких наблюдений сделать не удалось. Для проверки выдвинутой гипотезы мы проанализировали ряд экспериментальных образцов, обжиг которых проводился при заранее заданных, известных нам условиях (характер топлива, температура и продолжительность обжига). Сравнительный анализ образцов, обожженных с использованием различных видов топлива, как между собой, так и с исходными образцами не показал значимых различий. В объеме охры примесь золы и ее минерального остатка оказалась слишком мала. В данном случае может оказаться полезным параллельное использование метода электронной сканирующей микроскопии и элементного анализа, позволяющего исследовать непосредственно частицу золы, которую мы видим в микроскоп. При самом удачном раскладе теоретически возможна даже поправка на определенный вид топлива, ибо минеральный состав золы, образующейся при сгорании различных видов древесины и других растительных остатков, также различается.

Иными словами, при попытке выявить следы компонентов рецептуры красителя следует иметь в виду, что все результаты позднейшего воздействия могут несколько изменить картину, т.е. должны учитываться в обязательном порядке⁶. В данном случае опять же будет важна представительность выборки, а количество проб должно, в идеале, определяться спецификой и сложностью археологического объекта (например, если пигмент уже был использован и проба взята из погребения либо из прослойки пола жилой постройки).

Рассматриваемая в данной статье выборка охватывает значительную территорию, что, несомненно, сыграло положительную роль при сопоставлении образцов. Тем не менее необходимо признать, что многие проанализированные пробы были взяты достаточно давно, иногда — без четкой пространственной привязки внутри объектов. В большинстве случаев пробы пигментов не сопровождалась забором фоновых почв и возможных источников сырья и не всегда брались в достаточном количестве. Это заметно сократило объем доступных для анализа данных по отдельным комплексам. Наиболее полными оказались образцы, собранные в ходе полевых исследований в течение последних пяти лет, в том числе специально для проведения данной работы.

Результаты элементного анализа представлены в таблицах (табл. 3–6). Образцы рассматривались индивидуально, затем группировались в соответствии с географическим расположением, а также хронологической, культурной и функциональной атрибуцией памятников, с которых они были взяты. Сформированные группы сопоставлялись между собой и с образцами различных видов сырья с тех же территорий.

⁶ При попытке оценить «избыточное» присутствие того или иного элемента следует учитывать, что в кислых почвах Западной Сибири, вынос многих элементов из почвенного профиля происходит весьма активно. В некоторых случаях маркеры исчезнут полностью, в некоторых их количество будет лишь незначительно превышать показатели фоновых почв [Величко, 2006]. Чтобы в общих чертах оценить вероятную степень воздействия этого фактора, стоит, по возможности, иметь в виду особенности гидрорежима территории, а также его специфики в условиях микрорельефа конкретного памятника и объекта (происходит ли накопление и застаивание атмосферных вод, близко ли залегают воды грунтовые и т.д.).

Таблица 3

Элементный состав конкреций лимонита и пигмента, полученного при раскопках археологических памятников на территории урочища Барсова Гора Сургутского р-на Тюменской обл. ХМАО — Югры (масс. %)

Образец/ элемент	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Si	66,01	64,72	67,28	9,74	34,13	31,30	12,11	49,46	31,69	61,52	50,31	23,10	14,80	35,99	8,98	2,27
Fe	20,39	23,19	21,71	80,17	41,66	58,44	21,09	35,33	54,63	21,21	30,18	60,60	71,50	49,92	67,55	88,99
Mn	0,52	0,31	0,21	0,77	0,77	0,64	0,24	0,92	1,15	0,38	0,91	0,59	0,44	0,57	0,98	0,33
Cr	0,15	0,04	0,04	0,43	0,99	0,39	0,98	0,04	0,09	0,03	0,05	0,08	0,20	0,22	1,14	0,21
Ti	1,74	1,57	1,63	0,76	2,37	2,55	0,74	1,31	2,73	2,97	2,35	2,42	2,56	1,04	3,51	0,61
Ca	2,11	1,53	1,34	0,62	1,46	1,70	2,42	2,47	1,58	2,86	3,02	2,96	3,55	0,96	14,12	—
K	4,83	4,34	4,39	0,80	3,07	3,64	57,31	5,30	3,82	6,36	6,94	4,24	2,79	2,33	1,06	3,36
V	—	—	—	0,08	—	—	0,21	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ni	0,03	0,05	0,03	1,45	1,01	0,49	1,51	—	0,03	0,01	0,02	0,02	0,20	—	0,51	0,15
Sr	0,38	0,56	0,50	0,25	0,30	0,17	0,36	0,32	0,22	0,16	0,26	0,08	0,11	0,14	0,05	—
Br	—	—	—	0,38	0,13	0,06	0,52	—	0,04	0,003	0,01	—	0,03	—	0,10	0,02
Cu	0,01	0,02	0,00	—	0,36	0,15	0,40	—	0,04	0,03	0,02	0,02	0,07	0,01	0,10	0,06
P	—	—	—	—	2,34	—	—	0,85	0,96	0,25	0,56	—	—	0,79	—	—
Al	3,55	3,18	2,50	—	10,65	—	—	3,78	2,62	4,03	5,13	3,94	2,77	8,11	1,76	0,53
Rb	0,17	0,30	0,23	0,18	0,19	0,12	0,28	0,06	0,13	0,06	0,10	0,02	0,04	0,12	—	0,02
Zr	—	—	—	4,37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pb	0,04	0,09	0,06	—	0,29	0,13	0,47	0,06	0,07	0,03	0,04	—	—	0,62	—	0,04
As	—	—	—	—	0,11	—	0,14	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Y	—	—	—	—	—	0,20	—	—	0,03	0,01	0,004	—	—	—	—	—
Cl	—	—	—	—	—	—	0,99	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ga	—	—	—	—	—	—	—	0,01	0,02	0,01	0,01	—	—	—	—	—
Zn	0,07	0,10	0,07	—	0,21	—	0,22	0,09	0,17	0,06	0,07	0,29	0,14	0,05	0,13	0,20

Таблица 4

Элементный состав органо-минеральных почвенных новообразований (ортштейнов, ортзанда) и пигмента, полученного при раскопках пам. Чепкуль 21А (Тюменский р-н Тюменской обл.) и с прилегающей территории (масс. %)

Образец/ элемент	17	18	19	20	21	22	23
Si	7,77	11,12	72,93	64,03	34,61	—	12,30
Fe	42,21	79,42	12,08	14,05	30,63	75,91	64,06
Mn	5,75	1,64	0,24	0,52	20,58	1,28	2,52
Cr	0,30	0,44	0,35	0,76	0,36	0,35	0,56
Ti	0,50	0,91	1,84	0,76	0,77	0,72	0,79
Ca	0,97	0,97	3,60	5,79	2,15	—	1,50
K	0,98	1,10	5,39	6,74	5,47	0,81	4,51
V	—	0,32	0,39	0,12	0,30	—	0,33
Ni	11,83	2,62	1,30	1,59	2,63	2,34	3,50
Sr	9,07	0,11	0,64	0,41	0,10	—	0,46
Br	7,66	0,16	0,15	0,21	0,40	—	0,49
Cu	6,55	0,65	—	—	0,48	—	0,81
P	1,92	—	—	—	—	2,32	8,17
Al	3,88	—	—	—	—	—	—
Cl	0,60	0,55	1,09	5,03	0,62	—	—
S	—	—	—	—	—	11,69	—

Изначально мы не ставили цели сопоставления узлокальных выборок для решения конкретных вопросов (зачастую для этого не хватало фоновых образцов). Работа строилась на сопоставлении качественного и количественного элементного состава проб в пределах и на уровне районов: при таком подходе некоторые недостатки локальных выборок нередко нивелировались или восполнялись за счет массовости материала и возможности привлекать усредненные справочные данные по рудам и почвам.

Для двух территорий — урочища Барсова Гора (Сургутский р-н Тюменской обл. ХМАО — Югры) и окрестностей памятника Чепкуль 21А (Тюменский р-н Тюменской обл.) — были собраны представительные выборки образцов «археологической» охры и возможного сырья для изготовления охристого пигмента (конкреции лимонита, ортштейны⁷). Сопоставительный анализ выявил близкий как качественный, так и количественный элементный состав сырья (лимонита) и охры в

⁷ Сравнение имеющихся образцов ожелезненного песка, ортзанда, ожелезненной глины и лимонита показало, что если в песке и ортзанде содержание железа значительно меньше, чем в лимоните, то в глине количество железа находится примерно на том же уровне. Тем не менее для образцов с территории таежной зоны Западной Сибири, где выходы глины редки, при содержании железа в образце более 60 % можно предполагать в качестве сырья железную руду. В случае наличия в образце охры примеси песка ответ уже не может быть столь однозначным. По другим элементам значимых различий, позволяющих диагностировать вид исходного сырья, пока не выявлено.

пределах каждого из указанных районов и значимые различия между образцами с разных территорий. Если сравнивать эти два района между собой, то исходя из собранных данных в качестве маркерных элементов, характерных для памятника Чепкуль 21А, можно отметить ванадий (V), а для памятников и образцов сырья из урочища Барсова Гора — рубидий (Rb) и цинк (Zn). Данная закономерность прослеживается абсолютно по всем образцам двух районов.

Таблица 5

Элементный состав органо-минеральных почвенных новообразований (ортштейнов, ортзанда) и пигмента, полученного при раскопках археологических памятников на территории ХМАО — Югры (Сургутский, Нижневартовский, Нефтеюганский, Советский р-ны Тюменской обл.) и Надымского р-на ЯНАО (масс. %)

Образец/элемент	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
Si	79,37	72,52	63,31	11,33	—	73,21	48,96	45,64	43,51	58,56	60,41	55,07	36,16
Fe	10,83	19,03	16,19	85,26	84,64	14,62	35,14	37,99	38,92	26,50	21,41	35,24	46,29
Mn	0,036	0,08	0,08	0,72	0,09	0,19	0,15	0,15	0,152	0,16	0,29	0,15	0,07
Cr	0,012	—	0,02	0,05	0,08	0,04	0,17	0,07	0,176	0,08	—	0,13	0,08
Ti	1,38	0,86	1,89	0,26	1,64	3,68	2,87	2,87	4,25	3,11	1,96	1,36	2,11
Ca	0,79	0,41	1,78	0,22	1,71	0,93	3,58	4,23	1,45	1,95	9,01	0,25	0,34
K	4,89	2,64	11,08	1,09	3,39	4,03	5,09	4,38	5,498	5,27	5,67	3,79	7,33
V	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ni	0,04	0,05	0,03	—	0,02	0,04	—	—	0,07	—	—	0,03	0,06
Sr	0,29	0,40	0,45	0,01	0,23	0,31	0,43	0,28	1,56	0,53	0,27	0,23	0,27
Br	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Cu	—	0,012	0,004	0,01	0,04	0,02	0,02	0,01	0,342	0,43	0,01	0,004	0,01
P	—	—	0,20	0,95	3,35	0,43	—	0,54	0,212	—	—	—	—
Al	2,22	3,69	4,70	0,07	4,44	2,34	3,35	3,11	2,424	2,52	0,73	3,49	6,88
Rb	0,13	0,24	0,19	0,01	0,16	0,12	0,15	0,13	1,216	0,20	0,15	0,14	0,22
Zr	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pb	—	0,022	0,06	—	0,09	0,04	0,052	0,04	—	0,21	—	0,08	0,10
As	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Y	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Cl	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ga	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Zn	—	0,03	0,01	0,02	0,13	0,01	0,04	0,56	0,17	0,06	0,08	0,05	0,08
S	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 6

Элементный состав природной ожелезненной глины и пигмента, полученного при раскопках археологических памятников на территории Среднего Зауралья (Свердловская обл.), на территории г. Салехарда и Приуральяского р-на ЯНАО (масс. %)

Образец/элемент	37	38	39	40	41	42	43	44	45
Si	1,12	17,52	0,98	16,57	11,49	7,37	4,86	28,22	28,79
Fe	96,38	69,66	96,66	69,79	74,68	69,00	61,38	16,53	52,54
Mn	0,14	0,06	0,12	1,21	2,01	2,40	2,69	4,78	0,58
Cr	0,06	0,05	0,19	0,30	0,04	0,02	0,02	0,11	0,07
Ti	0,51	3,58	0,17	3,11	1,00	0,69	0,19	1,44	1,71
Ca	0,42	0,49	0,96	1,25	6,85	15,78	25,16	38,21	8,52
K	0,11	0,14	0,11	0,44	1,57	1,22	0,85	6,35	4,53
V	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ni	0,06	—	—	0,12	—	0,01	0,02	0,05	0,03
Sr	—	—	—	0,01	0,22	0,36	0,49	0,80	0,35
Br	—	—	—	—	—	—	0,01	—	—
Cu	—	0,05	0,05	0,10	0,05	0,13	0,09	0,07	0,02
P	0,99	0,62	0,70	0,39	1,05	2,26	3,22	1,18	1,13
Al	0,12	7,62	—	6,57	0,66	0,25	0,43	1,15	1,77
Rb	—	—	—	0,01	0,03	0,02	0,02	0,24	0,10
Zr	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pb	0,01	0,04	—	0,01	0,02	0,06	0,05	0,03	0,05
As	—	0,05	—	—	—	—	—	—	—
Y	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Cl	0,05	—	—	0,04	—	—	—	—	—
Ga	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Zn	0,03	0,03	0,03	0,08	0,25	0,44	0,36	0,84	0,13
S	—	—	—	—	0,09	—	0,21	—	—

Элементный анализ археологической охры: методика и возможности применения...

В то же время если мы несколько расширим рассматриваемую выборку, то увидим, что характерные для урочища Барсова Гора элементы можно встретить и в образцах с других, территориально более удаленных памятников, расположенных в зоне средней и северной тайги, а также горно-лесного Зауралья. Так, рубидий и цинк отмечены не только в пробах с сел. Ультипьягун 2 (тот же Сургутский р-н Тюменской обл. ХМАО — Югры), но и в пробах с пос. Ет-то I (Надымский р-н ЯНАО), мог. Зеленый Яр (Приуральский р-н ЯНАО) или даже пам. Шайтанское Озеро I (Кировградский р-н Свердловской обл.). Иными словами, маркируя различия между удаленными и принципиально различающимися регионами, выявленные элементы не позволяют нам дифференцировать материал внутри них. При некоторых количественных колебаниях отмеченные элементы присутствуют почти во всех рассмотренных образцах.

В то же время были зафиксированы элементы, имеющие, напротив, очень точную пространственную привязку. Первый пример — наличие галлия (Ga) в пробах, происходящих с единственного объекта сел. Барсова Гора II/42 (мы вернемся к ним чуть позже). Второй пример — образец № 21 (табл. 4) с пам. Чепкуль 21А, заметно отличающийся повышенным содержанием марганца (Mn). Отметим, что последнее отличие имеет совершенно иную природу: судя по массовой доле марганца в образце, его присутствие отражает не специфику местной железной руды, а использование древним населением в качестве сырья для пигментов руды марганцевой. Визуально отобранный на анализ образец выделялся незначительно и для специалиста-археолога вполне подпадал под определение «охристого пигмента». Осознавали ли древние обитатели поселения специфику одного конкретного «камня» по сравнению с прочим сырьем, остается только гадать, однако сам факт присутствия такого образца любопытен.

Мы ожидали обнаружить достаточно явное и четкое различие между западно-сибирскими и уральскими образцами, возможно даже, принципиальную разницу в использовавшемся сырье. Наши априорные ожидания исходили во многом из современных представлений об охре как таковой⁸. Выше мы уже отметили широту и длительную историю формирования современного термина «охра». Не приходится сомневаться, что его применение к рассматриваемым образцам — это выбор современного исследователя, тем не менее нельзя не констатировать, что для всех территорий, где позволяет сырьевая база, под природными минеральными (железистыми) пигментами понимается прежде всего ожелезненная глина. В историческое время этот момент можно было бы приписать единым традициям (например, в русских средневековых письменных источниках «вохра» упоминается чаще всего в связи с пришедшей на Русь иконописью, обладавшей своими устоявшимися канонами, в том числе требованиями к краскам⁹). Однако обнаружение «глинистых» красителей, так называемой силикатной охры (природной либо приготовленной путем введения в состав красителя алюмосиликатов), на археологических памятниках [Балабина и др., 1991], в том числе на территории Южного и Среднего Урала [Пахунов и др., 2015], позволяет предполагать внимание к ожелезненным глинам (и глинам в целом) в качестве некой естественной и общей тенденции.

На территории Среднего Урала, почвы которого характеризуются зачастую более тяжелым (по сравнению с почвами Западной Сибири) механическим составом, доступные для открытой добычи выходы глины (в том числе ожелезненной) уже не столь редки. Тем не менее эти ожидания пока не оправдались. Предварительно можно сделать вывод, что, судя по проанализированным образцам, для изготовления охры не могла использоваться ожелезненная глина: в них фикси-

⁸ См., например, следующие определения. Охра — природная желтая или красная краска (содержащая обожженные глинистые частицы) [Большой толковый словарь..., 1998].

Охра — желтая природная минеральная краска (группа железистых окислов) в виде руды или землистого вещества. Состоит главным образом из глины, богатой окислами Fe₂O₃ (15 % и выше), MnO₂, гидроокислами железа и марганца [Геологический словарь, 1955, с. 112].

Охры относятся к группе природных пигментов, состоящих из глинистых веществ, окрашенных окислами и гидратами окислов железа. Кроме указанных главных составных частей, определяющих основные свойства пигмента, в охрах содержится песок, окись марганца, углекислый кальций и магний, а также органические вещества. Охры часто залегают на поверхности земли, и их добыча состоит в том, что снимается верхний слой почвы и охры добываются ручной копкой. Добытое сырье подвергается мокрому отмучиванию. Охры обладают большой светостойкостью и стойкостью к действию щелочей, в кислотах частично растворяются, поэтому они применяются во всех видах живописи. Укрывистость и цвет охры зависят от количества окислов железа и дисперсности пигмента [Лентовский, 1949].

⁹ См., например: «Термин охра — один из наиболее известных в литературе. Охра постоянно встречается в списках красок, запрашиваемых мастерами для работы над иконами: “вохры цареградские 5 пуд., вохры немецкие 12 пуд., вохры слизухи 8 пуд.”... Охра использовалась как основной компонент для “лицевого письма” (написания лиц, рук), одежд, фона, а также для приготовления других красок» [Кузнецова, 1977].

руется слишком малое содержание алюминия относительно железа и других элементов. Возможно, сказывается специфика источника: рассматривая подсыпки, порошковидные красители, мы изначально акцентируем внимание лишь на одной форме бытования пигмента (нельзя исключать использование различных красителей в разных целях). С другой стороны, изученная выборка предельно мала — всего четыре образца — и, несомненно, нуждается в пополнении. В то же время в двух из четырех данных образцов (в пробе охры с пам. Шайтанское Озеро I и пробе переотложенного грунта у выхода из Пещеры Туристов) крайне высоко содержание железа (96–97 %), что все-таки позволяет предположить использование какого-то другого типа сырья — возможно, более богатой болотной руды или, например, гематита.

Сопоставление образцов охры, полученных при исследовании территориально близких археологических памятников различной хронологической, культурной и функциональной атрибуции значимой разницы не выявило. При этом рассматривались поселенческие (охра из прослоек полов и межжилищного пространства), погребальные (охра из заполнения могил, а также из межмогильного пространства), культовые комплексы (охристые площадки, «дорожки» и т.д.), датированные эпохами раннего неолита — раннего железного века.

Все вышеперечисленное, однако, не означает, что элементный анализ «работает» на археологических материалах лишь в масштабе регионов. Его результаты в равной степени могут быть информативны и в контексте конкретного археологического комплекса или объекта, особенно при возможности сопоставления локальной выборки с выборкой более крупной. В качестве иллюстрации приведем пример объекта 12 селища Барсова Гора II/42, расположенного в одноименном урочище в Сургутском р-не Тюменской обл. ХМАО — Югры. В 2011 г. на территории селища было исследовано раскопками 19 объектов различной хронологической, культурной и функциональной атрибуции [Дубовцева, 2012]. Объект 12 представлял собой крупную одиночную яму подпрямоугольной формы размерами 1,85×1,5×0,4 м. По стратиграфическим наблюдениям он был предварительно датирован эпохой неолита.

Заполнение объекта 12 имело сложную ячеистую структуру (рис. 2).

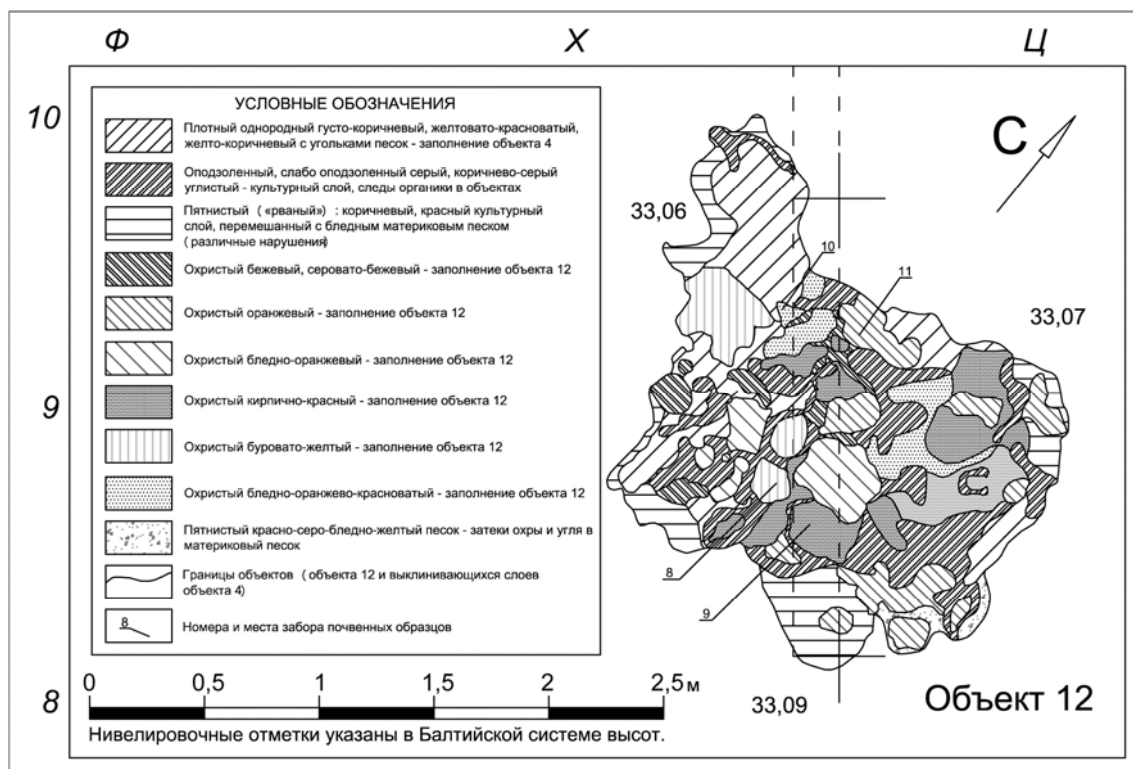

Рис. 2. Селище Барсова Гора II/42, объект 12. Участок Ф-Ц/8-10, глубина 33,15–33,05 м. Охристое заполнение ямы, номера и места забора почвенных образцов.

Элементный анализ археологической охры: методика и возможности применения...

Ячейки в плане и профиле имели овальную и округлую форму, были заполнены разноцветным охристым песком и отделялись друг от друга тонкими (1–5 см) оподзоленными углистыми прослойками. Размеры линз-ячеек составляли от 0,4 до 0,1 м. Палитра красителя включала семь основных тонов и оттенков¹⁰. На уровне придонного заполнения ямы из каждой ячейки был взят образец грунта.

С целью функциональной атрибуции объекта был проведен ряд анализов [Косинская и др., 2013]. Полученные данные позволили говорить, что образцы состоят из светлого песка, облепленного мелкодисперсными частицами охры¹¹, и что цветность образцов не коррелируется с массовым соотношением охры и песка в них. Далее методом рентгенофлуоресценции был проведен элементный анализ красителя. Установлено, что качественный элементный состав охры одинаков, а количественный состав вновь лежит в пределах естественных флуктуаций и соответственно окраска образцов не зависит от количества содержащегося в них железа. Исходя из полученных данных авторы выдвинули предположение, что сырье для изготовления охры во всех случаях могло использоваться одно и то же, а цветность пигмента связана с различными условиями термообработки (температура и время обжига, наличие восстановительных веществ в контакте с обжигаемым материалом).

После отбора и анализа образцов сырья (конкреций лимонита), а также проб с других объектов и памятников урочища Барсова Гора полученные данные были сопоставлены с элементным составом образцов из объекта 12 (табл. 3, образцы № 8–11). Результат послужил надежным доказательством того, что для изготовления цветного заполнения всех линз в яме было использовано идентичное сырье. Все образцы из объекта 12 содержат галлий (Ga), не встреченный более ни в одном рассмотренном образце. Он не выявлен среди маркерных элементов, характерных для железных руд Барсовой Горы, не зафиксирован на соседних объектах селища Барсова Гора II/42, для которых логично было бы предположить тяготение к территориально близким сырьевым источникам. Очевидно, для изготовления пигментов объекта 12 использовалась руда, взятая буквально в одной точке, в которой наблюдался локальный всплеск редкого химического элемента. Это, в свою очередь, позволяет предполагать, что сырье для всех пигментов было получено практически единовременно либо в весьма краткий временной период — для создания комплекса ямы 12. Единство сырья при цветовой разнообразии заполнения ямы подтверждает также высказанное ранее предположение о различии режимов обжига, иными словами — о сознательном и целенаправленном изготовлении пигмента разных цветов и оттенков.

Сложно судить, создавался ли данный комплекс для решения одной конкретной задачи либо должен был служить долгое время, актуализируясь от случая к случаю, и каков был его характер. Мы, однако, можем говорить, что объект 12 — это комплекс, созданный за достаточно короткий промежуток времени, осознанно и целенаправленно. При этом цвет полученных смесей (судя по поддержанию различных режимов обжига для каждого пигмента) являлся отнюдь не случайной, а важной и, возможно, определяющей их характеристикой. Это заставляет по-новому взглянуть на объект 12, исключает его трактовку, например, как обжиговой ямы, а также интерпретацию скопления окрашенных песчаных смесей как наполнителя для композитного клея, вещества для консервации продуктов либо хранения и обработки кож [Wadley, 2005]. Очевидно, что полученные смеси были важны прежде всего благодаря цветовой дифференциации, может быть, именно как «краски» в современном понимании.

Завершая эту небольшую зарисовку, хотелось бы отметить момент, сыгравший важную роль в обосновании «неслучайности» присутствия галлия в образцах, — достаточное для анализов и интерпретации количество собранных проб. Поскольку исследователи в ходе полевых работ стремились максимально полно документировать объект и получить пробу из линзы каждого оттенка, с одного горизонта (придонное заполнение ямы) было взято 18 почвенных образцов.

Выводы

Проведенные работы демонстрируют ряд возможностей применения рентгенофлуоресцентной спектроскопии для элементного анализа сыпучих композитных образцов, какими не-

¹⁰ Ярко- и бледно-оранжевый, красно-оранжевый, бледный оранжево-красноватый, кирпично-красный, буровато-желтый, бежевый. Определение цветности слоев производилось визуально художницей И.Е. Лебедевой сразу после вскрытия и зачистки горизонта.

¹¹ Микроскопический анализ почвенных образцов производился на микроскопе Olympus BX-51 при увеличении 50, 100 в проходящем и отраженном свете.

редко являются собранные в ходе полевых археологических исследований пробы минеральных охристых пигментов. Это тем более важно, что в настоящее время данный метод признан оптимальным для решения задач элементного анализа в рамках археологии, геоархеологии и ряда других дисциплин, однако используется в этой сфере преимущественно на артефактах из металла и камня. Значимыми и информативными представляются, на наш взгляд, и наблюдения, касающиеся специфики пробозабора и подготовки сыпучих композитных образцов, с учетом особенностей вмещающих археологических объектов и вопросов, которые ставит исследователь-гуманитарий. Перечисленные методические моменты, а также осознание интерпретационных возможностей рентгенофлуоресцентной спектроскопии могут послужить основанием для формирования корректной и достаточной выборки образцов, не только пригодной для решения текущих исследовательских задач, но и сохраняющей актуальность на более отдаленную научную перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Дубовцева Е.Н. Отчет о НИР. Археологические спасательные работы (раскопки) селища Барсова Гора II/42 в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2011 г. Т. I: Текст отчета. Сургут, 2012 // БИИКФ Сургутского р-на. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 513.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Геологический словарь / Под общей ред. А.Н. Криштофовича. М.: Госгеолтехиздат, 1955. Т. 2. С. 112.
- Грешников Э.А. Вопросы изучения состава пигментов методами естественных наук // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 12–14.
- Балабина В.И., Борисенко Л.А., Яхонтова Л.К. Исследование охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона // СА. 1991. № 1. С. 154–166.
- Величко Т.Ю. Почвы и культурные слои // Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. С. 47–52.
- Лентовский А.М. Технология живописных материалов. М.: Искусство, 1949. 220 с.
- Пахунов А.С., Житенев А.С. Результаты естественнонаучных исследований скопления красочной массы: Новые данные о рецептуре изготовления красок в Каповой пещере // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Кишинев: Выш. антропол. шк., 2015. № 1. С. 125–135.
- Пахунов А.С., Житенев А.С., Брандт Н.Н., Чикишев А.Ю. Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4 (27). С. 4–15 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Широков В.Н., Дубровский Д.К., Суриков В.Т., Киселева Д.В., Петрищева В.Г. Наскальные изображения Среднего и Южного Урала: Микроэлементный состав образцов древних красок // УИВ. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 2014. № 1 (42). С. 100–111.
- Косинская Л.Л., Остроушко А.А., Тонкушина М.О., Юдина Е.А., Кулеш Н.А. «Этюд в багровых тонах», или Опыт комплексного анализа уникального объекта («хранилища охры») селища Барсова Гора II/42 // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Материалы Третьей науч.-практ. конф., г. Сургут, 26–29 ноябр. 2013 г.: В 2 ч. Ч. 1. Сургут: Изд.-полиграф. комплекс, 2013. С. 88–96.
- Кузнецова Л.В. О пигментах древнерусской темперной живописи // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М., 1977. № 3 (33). С. 63–82.
- Сериков Ю.Б. Краски и цвет в ритуалах древности // Очерки по первобытному искусству Урала. Ниж. Тагил: Издат. центр НТГСПА, 2014. С. 141–159.
- Усачева И.В., Ларина Н.С. Цветные почвы неолитического ритуального комплекса Чепкуль 21А: Состав и происхождение // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Вел. Новгород — Старая Русса. СПб.; М.; Вел. Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. Т. I. С. 199–200.
- Химическая энциклопедия / Под ред. И.Л. Кнунянца. М.: Сов. энцикл., 1988. Т. 1. 625 с.
- Чернуруков Н.Г., Нипрук О.В. Теория и практика рентгенофлуоресцентного анализа: Электрон. учеб.-метод. пособие. Ниж. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2012. 57 с [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.unn.ru/books/met_files/RFA.pdf.
- Wadley L. Putting ochre to the test: Replication studies of adhesives that may have been used for hafting tools in the Middle Stone Age // Journ. of Human Evolution. 49 (2005). P. 587–601.
- X-Ray Fluorescence Spectrometry (XRF) in Geoarchaeology / M.S. Shackley (ed.). N. Y.: Springer Science+Business Media, LLC, 2011. P. 7–44.

E.A. Iudina, M.O. Tonkushina, N.A. Kulesh, A.A. Ostroushko

Ural Federal University
Lenina prospect, 51, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation
E-mail: kveten@gmail.com
Kuibysheva st., 48, Ekaterinburg, 620026, Russian Federation
E-mail: rita-zar@yandex.ru;
nikita.kulesh@urfu.ru;
alexander.ostroushko@urfu.ru

**ELEMENTAL ANALYSIS OF ARCHAEOLOGICAL OCHRE: METHOD AND POSSIBILITIES
OF X-RAY FLUORESCENCE SPECTROSCOPY
(based on materials of Neolithic and Aeneolithic sites of the Middle Trans-Urals
and Western Siberia)**

The article is dedicated to methodological aspects of the elemental analysis (X-ray fluorescence spectroscopy) of a natural mineral pigment — ochre. We chose oxide ochre obtained from the Neolithic and Aeneolithic sites of the taiga zone of Western Siberia and the Middle Urals (the end of VI — III millennium BC) as a source base. The questions of selection and preparation of archaeological samples, and of interpretive capabilities of the chosen approach are discussed in the article.

Key words: oxide ochre, natural mineral pigments, Neolithic Age, Aeneolithic Age, Western Siberia, Middle Trans-Urals, elemental analysis, XRF spectroscopy.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-021-034

REFERENCES

- Balabina V.I., Borisenok L.A., Iakhontova L.K., 1991. Issledovanie okhr iz pogrebenii epokhi bronzy v nizov'akh Dona [Research of ochre from the burials of the Bronze Age in the lower reaches of the Don]. *Sovetskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 154–166.
- Chernorukov N.G., Nipruk O.V., 2012. *Teoriya i praktika rentgenofluorescentnogo analiza* [Theory and practice of X-Ray Fluorescence Analysis]: Elektronnoe uchebno-metodicheskoe posobie, Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 57 p., available at: www.unn.ru/books/met_files/RFA.pdf.
- Greshnikov E.A., 2014. Voprosy izucheniia sostava pigmentov metodami estestvennykh nauk [Study of the composition of pigments by methods of the natural sciences]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. 4, Kazan: Otechestvo, pp. 12–14.
- Knuniants I.L., 1988, (ed.). *Khimicheskaya entsiklopediya* [Chemical Encyclopedia], vol. 1, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 625 p.
- Kosinskaya L.L., Ostroushko A.A., Tonkushina M.O., Iudina E.A., Kulesh N.A., 2013. «Etiud v bagrovyykh tonakh», ili Opyt kompleksnogo analiza unikal'nogo ob"ekta («khranilishcha okhry») selishcha Barsova Gora II/42 [«Study in Scarlet» or Example of a comprehensive analysis of the unique object («ochre's storage») at the settlement Barsova Gora II/42]. *Zapadnaya Sibir' v akademicheskikh i muzeinykh issledovaniyakh: Materialy tret'ei nauchno-prakticheskoi konferentsii, gorod Surgut, 26–29 noiabria 2013 goda*, vol. 1, Surgut: Izdatel'skopoligraficheskii kompleks, pp. 88–96.
- Krishtofovich A.N., 1955, (ed.). *Geologicheskii slovar'* [Geological dictionary], vol. 2, Moscow: Gosgeoltekhizdat, p. 112.
- Kuznetsov S.A., 1998, (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Great Dictionary of the Russian language], St. Petersburg: Norint, 1536 p.
- Kuznetsova L.V., 1977. O pigmentakh drevnerusskoi tempornoj zhivopisi [About pigments in ancient Russian tempera painting]. *Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie, issledovanie, restavratsiya*, no. 3 (33), pp. 63–82.
- Lentovskii A.M., 1949. *Tekhnologiya zhivopisnykh materialov* [Technology of painting materials], Moscow: Iskusstvo, 220 p.
- Pakhunov A.S., Zhitenev A.S., 2015. Rezultaty estestvennonauchnykh issledovaniy skopleniya krasochnoi massy: Novye dannye o retsepture izgotovleniya krasok v Kapovoi peshchere [The results of natural science research of coloring mass: New data on the composition of paints in the Kapova cave]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, no. 1, Kishinev: Izdatel'stvo universiteta «Vysshaia antropologicheskaya shkola», pp. 125–135.
- Pakhunov A.S., Zhitenev A.S., Brandt N.N., Chikishev A.I., 2014. Predvaritel'nye rezultaty kompleksnogo issledovaniya krasochnykh pigmentov nastennykh izobrazhenii Kapovoi peshchery [Preliminary results of a comprehensive study of the coloring pigments from the murals of the Kapova cave]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (27), pp. 4–15, available at: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Serikov Iu.B., 2014. Kraski i tsvet v ritualakh drevnosti [Paints and color in ancient rituals]. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala*, Nizhnii Tagil: Izdatel'skii tsentr NTGSPA, pp. 141–159.
- Shackley M.S., 2011, (ed.). *X-Ray Fluorescence Spectrometry (XRF) in Geoarchaeology*, New York: Springer Science+Business Media, LLC, pp. 7–44.

Е.А. Юдина, М.О. Тонкушина, Н.А. Кулеш, А.А. Остроушко

Shirokov V.N., Dubrovskii D.K., Surikov V.T., Kiseleva D.V., Petrishcheva V.G., 2014. Naskal'nye izobrazheniia Srednego i luzhnogo Urala: Mikroelementnyi sostav obraztsov drevnikh krasok [Rock Art of the Middle and Southern Urals: The trace element composition of the samples of ancient colors]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (42), pp. 100–111.

Usacheva I.V., Larina N.S., 2011. Tsvetnye pochvy neoliticheskogo ritual'nogo kompleksa Chepkul' 21A: Sostav i proiskhozhdenie [Colored soil of the Neolithic ritual complex Chepkul 21A: Composition and origin]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda, Velikii Novgorod — Staraia Russa*, vol. 1, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod: Izdatel'stvo IIMK RAN, pp. 199–200.

Velichko T.Iu., 2006. Pochvy i kul'turnye sloi [Soils and cultural layers]. *Poselenie Bystryi Kul'egan 66: Pamiatnik epokhi neolita Surgutskogo Priob'ia*, Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe izdatel'stvo, pp. 47–52.

Wadley L., 2005. Putting ochre to the test: replication studies of adhesives that may have been used for hafting tools in the Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution*, no. 49, pp. 587–601.

Ю.Б. Сериков*, Г.П. Визгалов**, М.В. Коноваленко**

*Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)

Красновардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031, РФ

E-mail: u.b.serikov@mail.ru

**НПО «Северная археология-1»

Проезд 5П, 9, Нефтеюганск, 628305, РФ

E-mail: vizgalovgp@mail.ru;

konovalenkomarinaV@yandex.ru

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ СТАДУХИНСКОГО ОСТРОГА НА НИЖНЕЙ КОЛЫМЕ (РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ))

Анализируется комплекс каменных изделий с русского поселения XVII–XVIII вв. Наибольший интерес представляют каменные скребла. Их трасологический анализ показал, что на поселении существовала специализированная технология расщепления галек и изготовления из галечных отщепов скребел для первичной обработки шкур. Скребела были приспособлены для удаления мездры путем как состругивания, так и соскабливания.

Ключевые слова: каменные скребла, рыболовные грузила, точильные камни, вторичное использование древних артефактов.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-035-043

Стадухинское поселение основано в 1644 г. во время похода Михаила Стадухина и Дмитрия Зыряна на Колыму как ясачное зимовье и острог, являлось административным центром Нижней Колымы и частично Чукотки. В 1672 г. по просьбам жителей из-за частых наводнений поселение было перенесено на левый берег р. Колымы напротив устья р. Анюя на место современного с. Нижнеколымска [Кистенев, Строгова, 2003, с. 42]. Русские старожилы низовьев Колымы (этническая группа «колымчане») и в настоящее время называют это место «старый город». Как археологический памятник поселение впервые было обследовано в 1959 г. С.А. Федосеевой — участницей комплексной Юкагирской экспедиции на Колыму АН СССР [Федосеева, 1959, с. 2]. Стадухинский острог поставлен на охрану согласно распоряжению Правительства Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2008 г. № 402-р под названием «Стадухинский острог (поселение русских землепроходцев, XVII в.)». В предыдущих исследованиях и научной литературе памятник часто именуется Стадухинским поселением.

В 1989–1990 гг. на памятнике проводились археологические раскопки экспедицией Якутского государственного университета под руководством А.Н. Алексева. Вскрытая площадь составила 284 м². Из-за мерзлоты культурный слой исследовать до материка не удалось. Получена богатая коллекция находок, состоящая из нескольких тысяч изделий из металла, дерева, стекла, фарфора, фаянса, ткани, камня, кости, бересты [Алексеев, 1996, с. 29–32].

В 2006 г. памятник посетила сотрудник ИГИИПМНС СО РАН Е.А. Строгова, которая обнаружила значительные разрушения культурного слоя протокой Стадухинской. В связи с этим было принято решение провести рекогносцировочные исследования технического состояния Стадухинского острога и, если понадобится, возобновить аварийно-спасательные раскопки. В 2009 г. группа НПО «Северная археология-1» под руководством Г.П. Визгалова при участии Е.А. Строговой провели рекогносцировочное обследование памятника. Оно показало, что обрыв берега смещается, вследствие чего интенсивно разрушается центральная и южная части острога. Всего за 19 лет река смыла не менее 500 м² культурного слоя.

Охранные раскопки на территории острога экспедицией НПО «Северная археология-1» под руководством Г.П. Визгалова проводились в 2010, 2012 гг. Удалось вскрыть 165 м². Коллекция находок составила 1447 артефактов. В ней представлены монеты XVII и XVIII вв., деревянные шахматные фигурки, бусины, изделия из кожи и ткани, предметы рыбного промысла (грузила, сетевые поплавки), охотничий инвентарь (стрелы, наконечники стрел, детали сторожевых ловушек), фрагменты фарфоровой посуды и др. Костных останков собрано 9014 ед. [Визгалов, 2013].

Стадухинский острог расположен в Нижнеколымском районе республики Саха (Якутия) в 15,5 км к юго-западу от районного центра пос. Черский, на левом берегу р. Колымы, на правом берегу протоки Стадухинской. Памятник находится в 8 км от устья протоки на большом острове, образованном основным руслом р. Колымы и ее левой протокой Стадухинской. Остров, как и большая часть левобережья р. Колымы, представляет собой плоскую низкую равнину с многочисленными старичными озерами, соединенными между собой узкими протоками. Острог занимает берег протоки высотой 4–5 м над летним уровнем воды. Он представляет собой сильно заросшую травой обширную поляну. Поверхность неровная, на ней имеются многочисленные бугры и ямы от древних построек, а также от археологических раскопок предыдущих лет и несанкционированных покоев.

Стратиграфия памятника приводится по зачистке обрыва берега. Под дерновым слоем толщиной от 6 до 18 см залегает суглинок светло-коричневого цвета с щепой и обожженной глиняной крошкой. Его мощность 35–45 см. Ниже располагается слой щепы темно-серого цвета с навозом толщиной 22–40 см. Еще ниже залегает прослойка синей глины толщиной от 2 до 17 см. Под ней находится слой щепы (14–20 см) светло-коричневого цвета. Материком является глина синего цвета. Мелкодисперсная синяя глина залегает на дне русла и прибрежной части протоки Стадухинской. Прослойки этой глины свидетельствуют о периодах затопления поселения паводковыми водами. Слой щепы светло-коричневого цвета под глиной связан с первым этапом застройки и отделяется от более позднего следами наводнения.

Каменные изделия XVII–XVIII вв. очень редко являются предметом исследования. Наибольший интерес вызвало наличие в коллекции значительного количества галечных скребел, что необычно для русских памятников. В связи с этим в работе поставлена цель ввести в научный оборот данный комплекс каменных изделий.

По материалам А.Н. Алексеева [1990, 1991] и Г.П. Визгалова [2010; 2011а, б; 2013] коллекция каменных изделий Стадухинского острога насчитывает не менее 215 экз. Распределяются по группам они следующим образом: скребла — 128; рыболовные грузила — 52; оселки — 2; кресальные и ружейные кремни — 13; пластины — 4; отщепы — 14; отбойник — 1; шлифованный топор — 1. В подсчеты не включены гальки и сколы с них без следов работы.

Трасологическому анализу подверглись каменные изделия в количестве 63 экз. из раскопок Г.П. Визгалова. Среди них 34 скребла, 11 рыболовных грузил, 2 ружейных кремня, 14 отщепов, шлифованный топор и оселок.

Все скребла изготовлены из отщепов, сколотых с массивных галек однородной плотной и твердой породы (твердость по десятибалльной шкале Мооса не менее 7) черного цвета. Отщепы с галек сбивались торцовыми отбойниками, которыми служили торцовые части таких же галек. Отбойник на памятнике отмечен только один, но на ударной площадке одного из отщепов сохранились следы ударов от использования гальки, с которой он впоследствии был сколот, в качестве торцового отбойника. Отщепы для скребел сколоты с торцовых концов заметно уплощенных галек. Ударными площадками иногда служили естественные неровности на торце гальки, но чаще — гладкие плоскости боковых поверхностей гальки, прилегающих к ее торцу. Форма отщепов и отсутствие негативов на их спинках позволяет предполагать, что с каждого торца гальки диагональным ударом скалывалось по одному отщепу. Только три отщепа в коллекции на своей спинке имеют негатив от предыдущего скола. По всей видимости, первый удар был неудачным — сколотый отщеп оказался тонким и небольшим. Поэтому удар пришлось повторить, в результате чего на сколоте отщепе сохранился негатив от предыдущего скола. То же можно сказать и о единственном в коллекции отщепе с подработанной ударной площадкой. Неудачный первый удар повредил ударную площадку, после чего ее пришлось подправлять тремя средними сколами. Большая часть отщепов в основном овальной, округлой или подтреугольной формы.

Длина скребел колеблется от 4,6 до 9,5 см¹. Длину от 5,1 до 6,0 см имеют 20,5 % скребел, от 6,1 до 7,0 см — 29,5 %, от 7,1 до 8,0 см — 27,3 %, от 8,1 до 9,0 см — 15,9 %. Преобладают скребла длиной 6,1–8,0 см — 56,8 %. Замеры ширины скребел дают величины от 4,0 до 7,9 см (не учитывалось расколотое пополам скребло шириной 2,5 см). Ширину до 5,0 см имеют 31,8 % скребел, от 5,1 до 6,0 см — 45,5 %, от 6,1 до 7,0 см — 18,2 %. По ширине выделяются две группы скребел: 4,3–4,7 см — 25 % и 5,6–6,0 см — 34,1 %. Толщина скребел укладывается в разме-

¹ Замеры производились не по оси скалывания, а по максимальной величине. В подсчетах участвуют и скребла на отщепе без вторичной обработки, выявленные по следам сработанности, — 10 экз.

Каменные изделия Стадухинского острога на Нижней Колыме...

ры от 0,7 до 2,3 см. Толщину от 1 до 2 см имеют 84 % изделий. По толщине тоже можно выделить две группы: 1,0–1,5 см — 34 % и 1,7–2,0 см — 47,7 % (рис. 1, 2).

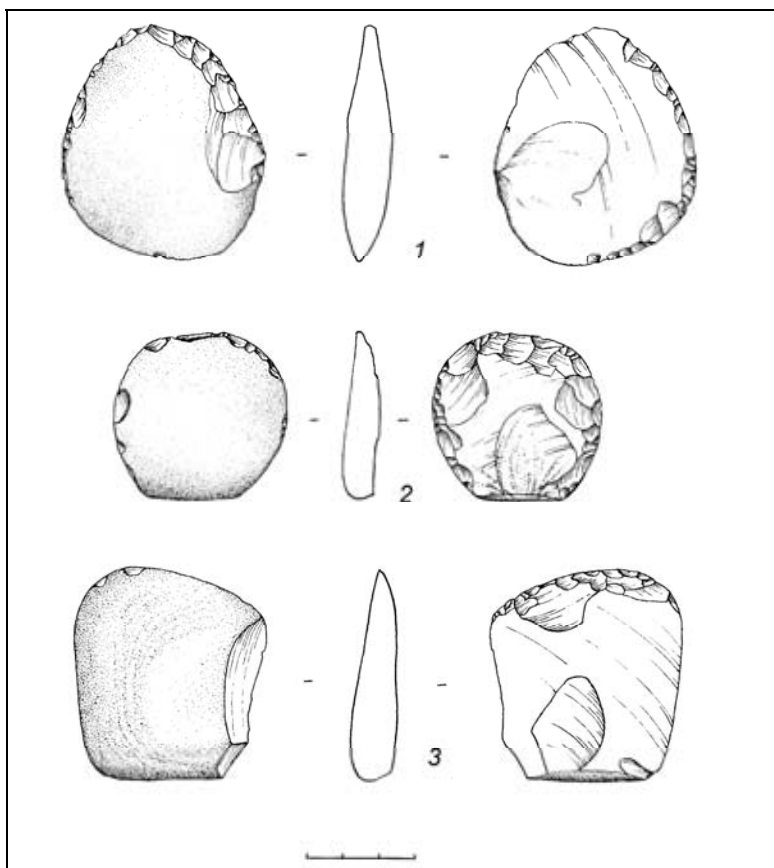

Рис. 1. Стадухинское поселение. Каменные скребла.

Больше половины рабочих лезвий скребел оформлены средней ретушью со стороны брюшка — 58,8 % (рис. 1, 3; 2, 2). В 23,5 % случаев отретушированное с брюшка лезвие подрабатывалось ретушью со спинки (рис. 1, 1; 2; 2, 3). Ретушью со спинки обработано только шесть скребел (17,6 %) (рис. 2, 1). Поскольку в большинстве случаев (82,3 %) ретушь наносилась со стороны брюшка, работали скреблом спинкой отщепав вперед, на себя. Интересная деталь: рабочие лезвия практически всех скребел имеют угол заострения 25–40°. Скребок лезвия, оформленные при помощи торцового отбойника, обычно имеют неровный, зубчато-выемчатый край. У всех скребел Стадухинского острога (за исключением двух самых массивных, рабочие лезвия у которых обработаны крупнофасеточной ретушью со спинки) рабочие лезвия имеют плавные очертания без выступающих зубцов. Добиться такого оформления можно с помощью плоскостных отбойников.

Отличие плоскостного отбойника состоит в том, что скалывание производилось не узким (торцовым) концом гальки, а одной из боковых уплощенных ее сторон. Плоскостные отбойники известны еще с палеолита. Их применение связано со скалыванием пластин и отщепов с сильно скошенных (заостренных) ударных площадок. На Гаринской палеолитической стоянке скошенность ударных площадок у некоторых нуклеусов достигает 45–50° [Сериков, 2007, рис. 5, 1, 6–8; 6, 10–12]. Торцовым отбойником удар наносится под определенным углом к ударной площадке, как бы по касательной. У плоскостного отбойника удар прямой, т.е. направление удара совпадает с направлением плоскости скалывания. Применение плоскостных отбойников подтверждено экспериментами. Они показали, что использование при оформлении рабочего края скребла плоскостного отбойника дает ряд преимуществ. Прямой удар по заостренной (обычно — нижней) части отщепав приводит к его выкрошенности, и вместо одной рабочей кромки появляется несколько, что в итоге увеличивает производительность орудия. Также обработка скребко-

вого лезвия плоскостным отбойником позволяет сделать рабочий край ровным, без зазубрин и выемок. Это также сказывается на качестве и скорости обработки шкуры.

Следы сработанности плоскостных отбойников такие же, как и у отбойников торцовых. Они располагаются на боковых плоскостях галек ближе к одному из концов. Поскольку сила ударов была небольшой, сработанность выглядит как беспорядочно расположенные короткие риски и вмятины (рис. 4, 5). Эти риски сконцентрированы на овальных участках диаметром до 3 см. Описанные следы сработанности выявлены на девяти скреблах и одном отщепе. В одном случае на скребле зафиксированы следы использования гальки в качестве и торцового, и плоскостного отбойника.

На всех скреблах обнаружены следы использования. Рабочие кромки скребел сильно заглажены и закруглены. На сработанных участках просматриваются четкие линейные следы в виде коротких рисок, идущих перпендикулярно рабочей кромке орудия² (рис. 4, 1–4). В ряде случаев фиксируются стертость и заглаженность фасеток ретуши. Это дает возможность реконструировать способ работы скреблом. Обычно скобление производится следующим образом: скребок ставится на обрабатываемую поверхность (шкуру) вертикально с небольшим отклонением верхней его части на себя. Затем его начинают перемещать на себя брюшком вперед. При этом скребок постепенно меняет свой наклон. Сначала он принимает строго вертикальное положение, а потом его верхняя часть слегка отклоняется от себя. Следы сработанности фиксируются на кромке рабочего края и на фасетках ретуши на спинке скребущего орудия. В нашем случае кинематика движения была другой. Скребло устанавливалось на обрабатываемую поверхность под значительным углом (30–40°) и без изменения угла наклона двигалось на себя спинкой отщепы вперед. Фактически происходило не скобление шкуры, а строгание. Таким способом со шкуры удалялась мездра: пленка, плохо срезанные остатки сала и мяса. Таким же образом работали и скреблами, у которых рабочий край был образован ретушью со спинки.

Представляет интерес самое крупное в коллекции поселения скребло. Оно имеет подовальную форму и размеры 9,5×7,9×1,3 см. Почти по всему периметру обработано ретушью со стороны спинки (рис. 2, 1). Следы употребления выявлены на двух противоположных рабочих краях — основном лезвии (на рисунке — справа) и вспомогательном — зауженном и обработанном мелкой ретушью (на рисунке — слева). Оба края сильно сглажены и закруглены, на них уже невооруженным глазом видны линейные следы скребкового характера. Но использовали скребло не для строгания, а вполне традиционным способом — движением на себя брюшком вперед. Учитывая большой угол заострения рабочего лезвия, можно предполагать, что скребло применялось не для мездрения шкуры, а для следующей операции — пушения бахтармы.

Таким образом, всесторонний анализ скребел показал, что на памятнике существовала специализированная технология расщепления галек и изготовления из галечных отщепов скребел для первичной обработки шкур. Для нее характерно использование плоскостных отбойников и оформление рабочих краев скребел ретушью с брюшка. Специализацию орудий подтверждает и способ их использования: они приспособлены для удаления мездры путем как состругивания, так и соскабливания.

Следующая по количеству группа каменных орудий — отщепы (14 экз.). Выше уже отмечалось, что 10 из них без всяких следов вторичной обработки использовались в качестве орудий для очистки шкур. Рабочими краями обычно служили выпуклые и заостренные края отщепов. Все отщепы без вторичной обработки в работе были недолго. На галечной корке одного из отщепов зафиксированы следы использования в качестве плоскостного отбойника. На трех отщепках никаких следов работы не выявлено. Возможно, их отбраковали из-за утолщенной нижней части. Изготовить скребковое лезвие на толстом краю отщепы затруднительно, а состругивать толстым краем мездру вообще невозможно.

Рыболовные грузила из галек (9 экз.) вполне традиционны как для русского, так и для аборигенного населения. По размерам и весу они подразделяются на две группы. В первую входят восемь грузил размером от 4 до 6 см (рис. 3, 1–5). Для их изготовления использовались небольшие плоские галечки весом 22–40 г. На удлиненных сторонах галек каменными отбойниками делали по две противоположные выемки для привязывания. Полтора десятка полностью аналогичных рыболовных грузил изображены на фотографии в отчете А.Н. Алексеева за 1989 г. На трех грузилах сохранилась лыковая обвязка, при помощи которой они крепились к палочкам,

² Микрофотографии выполнены С.Н. Скочиной (ИПОС СО РАН, Тюмень) (рис. 4, 1–4) и Н.В. Митиным (НТГСПИ, Нижний Тагил) (рис. 4, 5, 6), которым авторы приносят свою глубокую благодарность.

Каменные изделия Стадухинского острога на Нижней Колыме...

а затем к сети. Ко второй группе отнесены два более массивных грузила. Одно сделано из гальки длиной 7,1 см, второе — из окатанной плоской плитки длиной до 10,4 см. Их вес составляет соответственно 145 и 119 г. К сети они также крепились при помощи двух противоположных выемок. Каменные грузила с лыковой обвязкой, крепящиеся к деревянному обручу, применялись для ставных сетей. В том случае, когда остатки обвязок утрачены, определить принадлежность каменного грузила к конкретному типу сетей затруднительно.

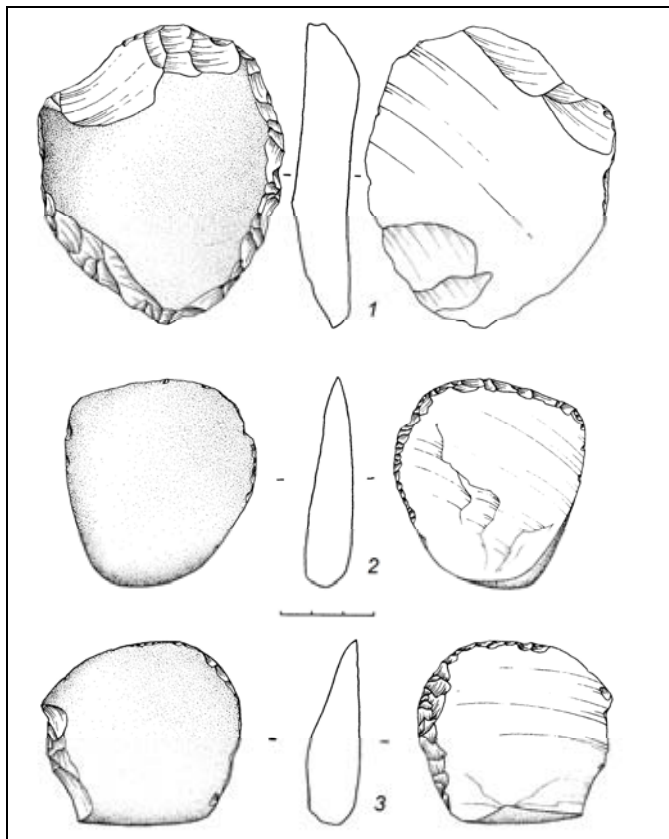

Рис. 2. Стадухинское поселение. Каменные скребла.

Из этого круга грузил выпадает изделие, которое относится к типу так называемых каменных дисков. Оно имеет вытянутую листовидную форму, длину 22,1 см, ширину в средней части до 9,8 см и толщину 2,2 см. Форма изделия придана путем двусторонней краевой оббивки. На одном боковом крае нанесены две неглубокие выемки: по центру изделия и ближе к заостренному концу. Эти выемки могли использоваться для привязывания грузила к сети. Изготовлен диск из темно-серого слоистого сланца. На одной из плоскостей сохранились следы ожелезнения.

Подобные каменные диски (но меньшего размера) хорошо известны на территории Среднего Зауралья. Они бытовали на протяжении долгого периода времени, от эпохи неолита до раннего железного века, но больше всего их найдено на памятниках раннего железа. Использовались каменные диски обычно в качестве рыболовных грузил и скребел [Сериков, 1977, с. 210–215, рис. 1–5].

На данном каменном диске следов работы в качестве скребла по коже не зафиксировано. Заостренные боковые края изделия мало способствовали его применению в качестве рыболовного грузила, если только его не заворачивали в кожу или бересту. Такие тяжелые грузила могли использоваться для калыданных сетей.

Оба ружейных кремня изготовлены из ярких цветных минералов: розового кремня и оранжевого сердолика. Оба имеют небольшие, довольно стандартные размеры — 2,2×1,6 см и 2×1,5 см. Сильная забитость боковых краев свидетельствует об их долгом использовании. Большая часть кремней, приведенных на фотографиях в отчетах, судя по их форме и размерам, использовалась в качестве кресальных, т.е. для получения огня.

Большой интерес представляют единичные каменные изделия из коллекции поселения: шлифованное тесло и просверленная галька.

Тесло изготовлено из такой же черной породы, как и скребла. Его размеры 10,9х2,8х2,7 см. Оно имеет слегка асимметричный профиль и квадратное сечение (рис. 3, 6). Следы использования присутствуют с двух сторон орудия — в виде тонких частых и длинных царапин, расположенных перпендикулярно кромке рабочего лезвия. С асимметричной стороны тесла на краю лезвия наблюдаются мелкие выщерблины и сколы. Несмотря на асимметричный профиль орудия, им работали в двух позициях, когда лезвие прилегало к обрабатываемой поверхности то одной, то другой стороной. Это возможно в том случае, если тесло держали в руках и использовали его в качестве долота. Выбоины и заметный скол на верхнем конце орудия подтверждают это предположение.

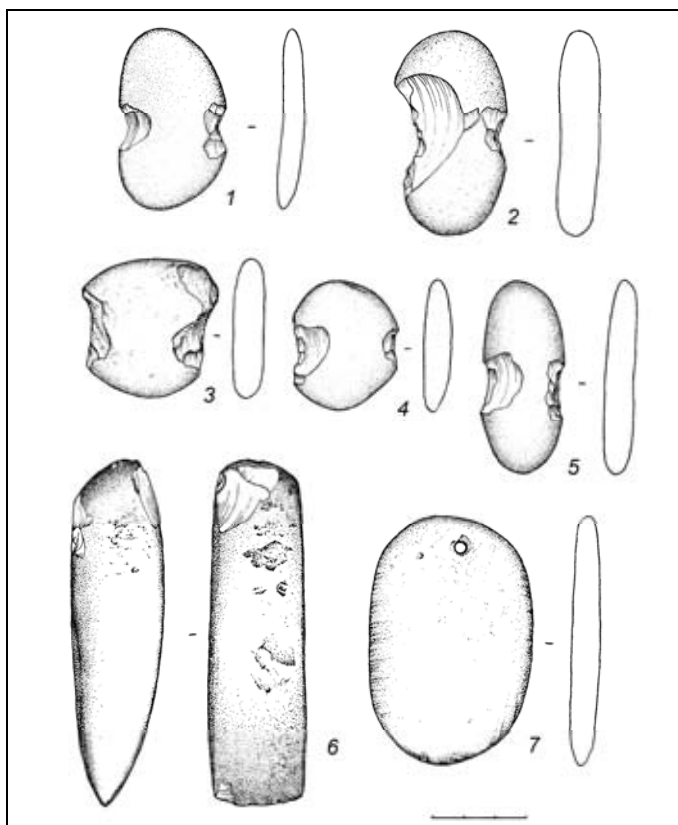

Рис. 3. Стадухинское поселение. Каменные изделия:
1–5 — рыболовные грузила; 6 — шлифованное тесло; 7 — оселок-скребло.

Обе боковые поверхности тесла сильно заглажены, одна из сторон даже слегка вогнута. На заглаженных поверхностях присутствуют четкие линейные следы использования их в качестве оселков для заточки металлических орудий. Слабая вогнутость рабочей поверхности показывает, что такими орудиями были узкие изделия — скорее всего, ножи.

По внешнему облику и технике изготовления (полная пришлифовка поверхности) орудие следует отнести к нео-энеолитической эпохе. Появление данного изделия в позднесредневековом комплексе свидетельствует о его вторичном использовании. Кстати, возможно, и описанный выше каменный диск имеет более древний возраст. То же относится и к четырем ножевидным пластинам, о которых дополнительной информации в отчетах нет. Использование древних «антикварных» изделий зафиксировано во все археологические эпохи от позднего палеолита до современности. На мезолитических памятниках р. Туры отмечено переоформление крупных раннепалеолитических орудий в более мелкие, а также применение их в качестве нуклеусов для получения нужных заготовок. На средневековом святилище Голый Камень найдено 26 скребков, которые местному населению служили как кресальные кремни для получения «священного»

Каменные изделия Стадучинского острога на Нижней Колыме...

огня. Русское население старинного села Гари на р. Сосьве в условиях жесткого дефицита каменного сырья в качестве кресальных и ружейных кремней использовало артефакты с размытой палеолитической стоянки. Другой аспект вторичного функционирования изделий предшествующих эпох связан с сакрализацией местным населением древних артефактов [Сериков, 2011], но к находкам Стадучинского острога это вряд ли относится.

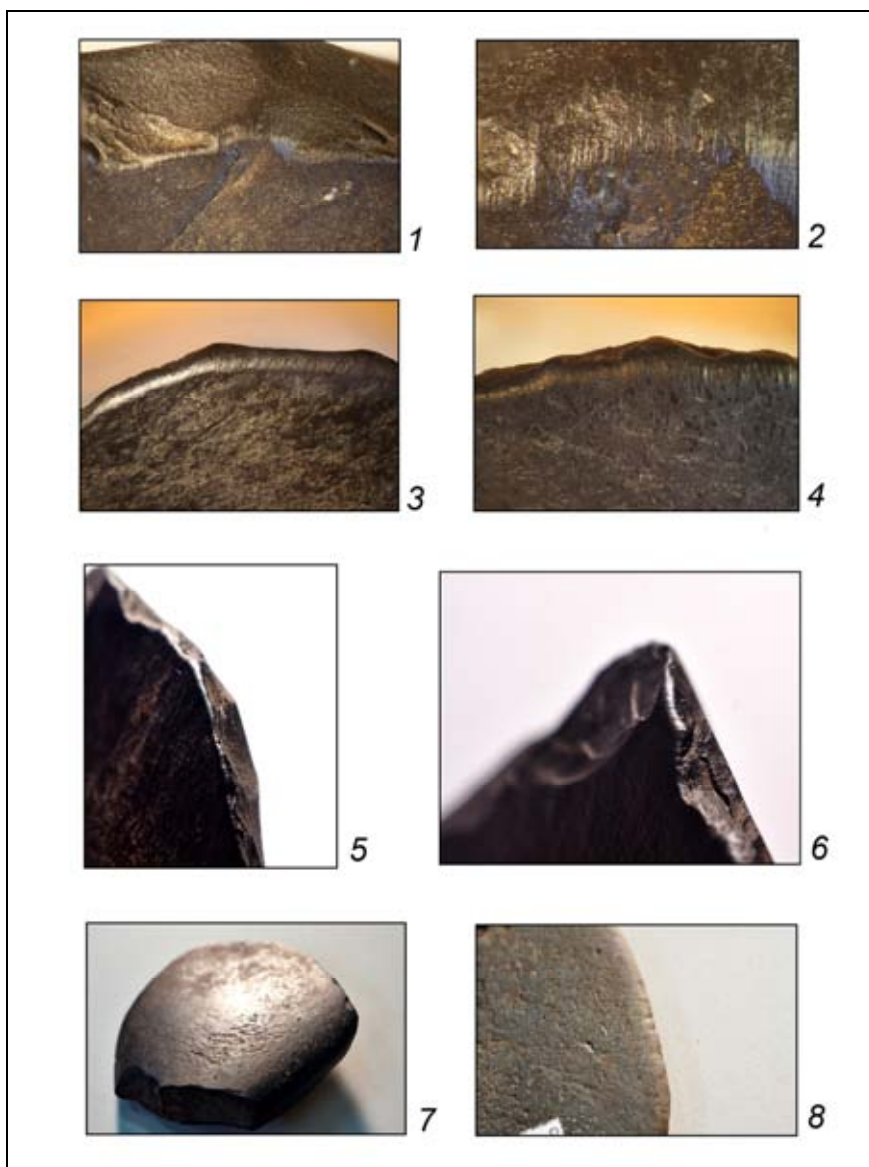

Рис. 4. Микрофотографии линейных следов использования:
1–4, 6 — скребла по коже; 5 — плоскостной отбойник.

В качестве оселка служила овальная плоская галька размером 7,8×5,1×0,7 см (рис. 3, 7). На одном из концов гальки металлическим сверлом выполнено цилиндрическое отверстие диаметром 0,45 см. Выломы с одной стороны сверлины показывают слоистость материала. Это позволяет предположить, что галька из сланца. В 1 см от отверстия присутствует намеченная, но незаконченная сверлина диаметром 0,15 см. Обе плоские стороны гальки сильно стертые и заглажены. Особенно заглажена сторона, противоположная вылому у отверстия. Подобная глубокая заглаженность обычно присутствует на оселках для заточки металлических орудий типа ножей. Просверленные оселки из галек хорошо известны в средневековых комплексах Среднего Зауралья. В пещере Туристов на р. Чусовой найдено два таких оселка из галек [Сериков, 2009, с. 49, рис. 25, 5].

Оба боковых края гальки и один торцевой напротив отверстия имеют следы дополнительной обработки и использования. Слегка выпуклый боковой край заметно закруглен и заглажен. Прямой боковой край, наоборот, заострен. Также приострен нижний торцевой конец гальки. Следы сработанности фиксируются в виде широких как бы размытых царапин, которые расположены перпендикулярно или слегка под углом к рабочей кромке орудия (рис. 4, б). Такие следы более характерны для операции строгания, но, учитывая, что на поселении присутствует большой комплекс каменных изделий для обработки шкур, можно предположить, что галька применялась для состругивания мездры. Тем не менее данное орудие требует дальнейшего изучения.

Стратиграфические наблюдения по раскопам 2009–2010, 2012 гг. показывают увеличение количества скребков ближе к материковому слою. Если в раскопах в 2010 г. найдено 15 каменных скребков, то в 2012 — 25 (с учетом массового материала — 87), в 2010 г. учет массового материала не проводился. Работы 2010 и 2012 гг. велись в границах одних и тех же раскопов. Раскоп 2009 г., где найдено шесть скребков, вошел в площадь раскопа 1 2010, 2012 гг.

Таким образом, большую часть скребков можно связывать с первым горизонтом функционирования поселения. Этот горизонт помимо скребков содержал большое число других артефактов: изделия из дерева, кости, фрагменты кожи и ткани. Причем преобладают на данном горизонте вещи аборигенного происхождения.

Поскольку орудий и отходов производства скребел (прежде всего чешуек) в границах раскопов не обнаружено, можно предполагать, что изготовление скребел происходило в другом месте, например на галечной береговой отмели. На исследованной раскопками площади находилась рабочая площадка, на которой время от времени производилась первичная обработка шкур лося и северного оленя. Широко представленная на памятнике первичная обработка шкур свидетельствует о массовом забое копытных животных.

Собранные на поселении в 2009–2010, 2012 гг. костные остатки были определены сотрудником НИИ ЭРИЖ УрО РАН Т.В. Лобановой. Из костных остатков млекопитающих (7239 образцов) больше всего принадлежало северному оленю — 2673 и лося — 2609. Следовательно, основой белкового питания населения города было мясо лося и северного оленя. Если охота на дикого северного оленя носила сезонный характер, связанный с его миграциями, то лося можно было добывать круглый год. Найденные при раскопках длинные наконечники стрел из бивня мамонта и метаподий копытных животных вполне могли использоваться для охоты на лося и оленя.

Судя по отработанной технологии изготовления и использования каменных скребел, они принадлежали аборигенному населению. По данным письменных источников, в Стадухинском остроге в конце XVII — XVIII в. могли проживать отдельные представители юкагиров, эвенов (ламуты) и береговых чукчей. Для этих народов Севера Дальнего Востока характерно сохранение некоторых древних технологий, ярким примером чего являются каменные скребки для обработки шкур, которые изготавливались и использовались юкагирами, эвенами (название *кочай*) и чукчами (название *нуврэн*) до XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А.Н. Отчет о полевых исследованиях Северо-Восточного отряда археологической экспедиции Якутского государственного университета в 1989 году. Якутск, 1990 // Архив ЯГУ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 39.

Алексеев А.Н. Отчет о полевых исследованиях Северо-Восточного отряда археологической экспедиции Якутского государственного университета в 1990 году. Якутск, 1991 // Архив ЯГУ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 39.

Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996.

Визгалов Г.П. Отчет о НИР. Археологические исследования Стадухинского поселения (Нижнеколымского острога) в Нижнеколымском районе республики Саха (Якутия) в 2009 г. Нефтеюганск, 2010 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 307.

Визгалов Г.П. Отчет о НИР. Археологические исследования Стадухинского поселения (Нижнеколымского острога) в Нижнеколымском районе республики Саха (Якутия) в 2010 г. Нефтеюганск, 2011а // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 315.

Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме. Результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТУ, 2011б. С. 40–46.

Визгалов Г.П. Археологические исследования Стадухинского острога в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2012 г. Нефтеюганск, 2013 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 364.

Кистенев С.П., Строгова Е.А. Древности заполярной Колымы // Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. Якутск, 2003. С. 35–50.

Каменные изделия Стадухинского острога на Нижней Колыме...

Сериков Ю.Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков // СА. 1977. № 2. С. 210–215.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2007. 138 с.

Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.

Сериков Ю.Б. К вопросу о вторичном использовании изделий предшествующих эпох // Твер. археол. сб. Вып. 8. Т. I: Материалы IV Твер. археол. конф. и 12-го заседания науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2011. С. 289–295.

Федосеева С.А. Отчет археологического отряда Юкагирской комплексной экспедиции АН СССР. М., 1959 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2039.

Yu.B. Serikov*, G.P. Vizgalov, M.V. Konovalenko****

*Russian State professional-pedagogical university
(Nizhniy Tagil branch)

Krasnogvardeyskaya st., 57, Nizhniy Tagil, 622031, Russian Federation

E-mail: u.b.serikov@mail.ru

**Research and Production Association «Northern archaeology-1»

Proezd 5P, 9, Nefteyugansk, 628305, Russian Federation

E-mail: vizgalovgp@mail.ru;

KonovalenkoMarinaV@yandex.ru

STONE ARTEFACTS FROM STADUHINO JAIL ON NIZHNYAYA KOLYMA (THE SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA))

In the article we analyse a complex of stone tools from a settlement of the Russians of XVII–XVIII centuries. Stone scrapers are the most interesting tools from that complex. Trosological analysis of scrapers shows that a special technology of splitting of gravel-stones and manufacturing of scrapers for initial processing of fells existed in the settlement. The scrapers were used for removing inner side of fell.

Key words: stone scrapers, fishing plummets, grinding stones, secondary use of ancient artefacts.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-035-043

REFERENCES

Alekseev A.N., 1996. *Pervye russkie poseleniia XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Iakutii* [The first Russian settlements of XVII–XVIII cc. at the North-West of Yakutija], Novosibirsk: IAET SO RAN, 152 p.

Vizgalov G.P., 2011. *Novye arkheologicheskie issledovaniia Staduhinskogo poseleniia na Nizhnei Kolyme. Rezul'taty i perspektivy kompleksnykh issledovaniia* [New archaeological investigations of Staduhino settlement on Nizhnija Kolyma. Results and perspectives of complex investigations]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: Mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*, Omsk: Izd-vo Omsk. in-ta (filiala) RGTU, pp. 40–46.

Kistenev S.P., Strogova E.A., 2003. *Drevnosti zapoliarnoi Kolymy* [Antiquities of transpolar Kolyma]. *Nizhne-kolymskii ulus: Istorii. Kul'tura. Fol'klor*, Iakutsk, pp. 35–50.

Serikov Y.B., 1977. *K voprosu o funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh kamennykh diskov* [For the issue of functional usage so called stone disks]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 210–215.

Serikov Y.B., 2007. *Garinskaia paleoliticheskaia stoianka i nekotorye problemy ural'skogo paleolitovedeniia* [The palaeolithic occupation site Gari and some problems of the Ural palaeolithic], Nizhniy Tagil: NTGSPA, 138 p.

Serikov Y.B., 2009. *Peshchernye sviatilishcha reki Chusovoi* [Cave sacred places of Chusovaya River]. Nizhniy Tagil: NTGSPA, 368 p.

Serikov Y.B., 2011. *K voprosu o vtorichnom ispol'zovanii izdelii predshestvuiushchikh epoch* [For the issue of secondary usage of artefacts of previous epochs]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, vol. I: *Materialy IV Tverskoi arkheologicheskoi konferentsii i 12-go zasedaniia nauchno-metodicheskogo seminar «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti'»*, Tver': Triada, pp. 289–295.

ДИСКУССИИ

С.А. Григорьев

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620137, РФ
E-mail: stgrig@mail.ru

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ НОВЫХ РАСКОПОК В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Статья посвящена хронологии и происхождению алакульской культуры эпохи бронзы Зауралья и выделению ее ранних памятников. Одной из проблем эпохи бронзы Зауралья является отсутствие памятников синташтинского и петровского времени в лесостепи. На основе анализа стратиграфических ситуаций и типологических характеристик определяется соотношение алакульской культуры с иными культурными комплексами региона и прилегающих территорий: петровскими, ташковскими, коптяковскими, елунинскими, сейминско-турбинскими — и делается вывод о синхронизации ранних алакульских памятников с синташтинской культурой. На ту же возможность указывают полтавкинские включения в алакульской керамике. Это подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования, чему полностью соответствуют ранние даты, полученные на материалах Чистолембяжского и Хрипуновского могильников. На сегодняшний день число таких дат увеличилось и составляет уже 43 % от всех алакульских дат, что не может рассматриваться как некая случайность. Соответственно считаем, что формирование алакульской культуры началось в лесостепи вскоре после появления синташтинских популяций в степном Зауралье, за счет обособления популяций, носителей синташтинских и полтавкинских традиций. Аналогичные процессы в Казахстане привели к появлению петровской культуры.

Ключевые слова: алакульская культура, эпоха бронзы, Зауралье, датировка и происхождение.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-044-053

Введение. Основные подходы к происхождению алакульской культуры

Памятники алакульской культуры распространены на огромной территории от Зауралья до междуречья Ишима и Иртыша на востоке и Средней Азии на юге, но общепринятые представления о происхождении культуры отсутствуют.

Наиболее распространена предложенная Г.Б. Здановичем [1984] версия происхождения алакульской культуры на петровской основе. И для территории Казахстана это правомерно. Н.Б. Виноградов предположил, что в Зауралье этот процесс происходил через кулевчинский тип [1982], а А.В. Матвеев считал, что кулевчинский этап имел место в иных ареалах [1998, с. 325–329]. Но очень трудно охарактеризовать этот тип или этап, поскольку четких формулировок для него не существует. В результате Н.Б. Виноградов фактически отказался от выделения этого типа, полагая, что им описывается практически вся петровская керамика [2011, с. 103]. Вариацией этой теории является точка зрения А.А. Ткачева, что причиной трансформации петровской культуры в алакульскую стало продвижение с востока носителей федоровской культуры [2002, с. 159, 185, 191–192, 198, 214].

К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина [1977] высказали идею о формировании алакульских комплексов на новокумакской (синташтинской) основе. Первоначально она была близка указанной выше версии, поскольку этот термин описывал и петровские памятники. Впоследствии стало ясно, что в Зауралье синташтинская культура существовала раньше петровской, и появилось предположение о формировании алакульской культуры на синташтинской основе при петровском участии [Матвеев, 1998, с. 348–352; Григорьев, 1999, с. 145, 146; 2000, с. 310–313].

Наконец, следует назвать концепцию Т.М. Потемкиной [1983; 1985, с. 259–272], которая считает, что алакульская культура сформировалась в лесостепном Зауралье на базе памятников ранней бронзы.

Для дальнейшего обсуждения важна точность терминологии. В данной работе под ранними алакульскими памятниками понимаются именно ранние памятники этой традиции, а не петров-

Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок...

ские. Последний термин тоже утратил былую ясность. Их могут называть раннеалакульскими [Ткачев В.В., 2007, с. 325; Виноградов, 2011, с. 144]. При этом Г.Б. Зданович понимал под этим термином памятники, близкие тем, которые обнаружены у с. Петровка [1983], В.В. Ткачев — поздне/постсинташтинские памятники (выделяя особый кулевинский этап — см.: [Ткачев В.В., 2007, рис. 78]), а Н.Б. Виноградов с недавнего времени рассматривает в качестве петровских кулевчинские памятники [2011, с. 103]. Это крайне запутанная проблема, но здесь под термином «петровские» понимаются и собственно петровские и кулевчинские памятники.

Пространство ранней алакульской культуры

Во всех случаях при обсуждении генезиса культуры речь идет о Зауралье, которое неплохо изучено, но мы сталкиваемся с парадоксом (подробнее: [Григорьев, 2008]). В предшествующее, синташтинское время памятники располагаются в степи, к югу от р. Уй (рис. 1). Отдельные позднесинташтинские или петровские фрагменты известны в южной лесостепи (Мочище и Шибаетово) и на Тоболе (Царев Курган, Камышное I, Верхняя Алабуга, Убаган) [Потемкина, 1985, рис. 27, 2; 38, 7; 47; 77, 4, 5, 12; 78, 3; 106, 78]. Таким образом, для предалакульского времени мы имеем в зауральской лесостепи огромную почти «пустую» территорию.

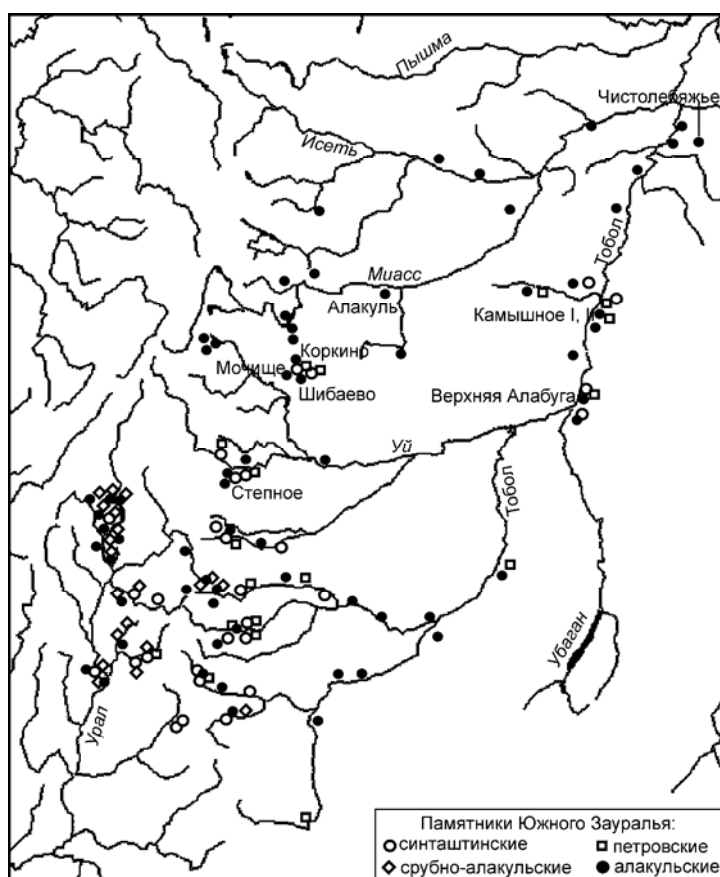

Рис. 1. Карта синташтинских, петровских и алакульских памятников в Южном Зауралье.

Непосредственно после синташтинской культуры в степи мы видим срубные или срубно-алакульские памятники по притокам Урала и петровские в бассейне Тобола. В лесостепи же это тоже очень ограниченные материалы на памятниках иных культур: Кипель, Камышное II, Камышное I, Раскатиха, Верхняя Алабуга, Мочище, Шибаетово.

Ситуация меняется в алакульское время, и алакульские памятники присутствуют повсеместно, вплоть до предтаежной зоны Западной Сибири, хотя в северной лесостепи Челябинской области, к северу от р. Миасс, они малочисленны.

Таким образом, мы имеем проблемную ситуацию, когда в регионе отсутствуют памятники синташтинского и постсинташтинского времени.

Алакульская материальная культура и ее истоки

Алакульская культура в лесостепной Зауралье имеет больше сопоставимых черт с синташтинской, чем с петровской культурой [Матвеев, 1998, с. 243, 348–352; Григорьев, 1999, с. 145, 146; 2000, с. 310–313; Алаева, 2015, с. 9, 10, 23]. Безусловно и присутствие петровских черт. Часть алакульских признаков наблюдается и в синташтинской и в петровской культурах. Соответственно в основе культуры лежали как петровские, так и синташтинские комплексы, и в разных регионах соотношение этих признаков различно. В степной зоне доля петровских признаков в ранней алакульской культуре выше.

Вместе с тем в алакульской культуре присутствует посуда с полтавкинскими признаками: уступчики, шнуровой орнамент и орнамент в виде «личинки» и «гусеницы». Кроме того, в материалах могильника Верхняя Алабуга есть катакомбный сосуд со шнуровым орнаментом [Потемкина, 1985, рис. 66; 67; 78, 3].

В алакульской керамике Притоболья распространена орнаментация «шагающей гребенкой» [Потемкина, 1985, рис. 77]. Причем орнаментированы так часто приземистые сосуды с уступчиком и короткой вертикальной шейкой (рис. 2, 11–15). Для синташтинской культуры это не характерно, но имеет многочисленные восточно-европейские параллели. Та же ситуация с примесями в керамическом тесте. В посуде мог. Верхняя Алабуга распространена примесь раковины [Потемкина, 1985, с. 197]. Т.М. Потемкина отмечала эти факты и выделяла раннюю алакульскую группу с уступчиком, зигзагом, елочным орнаментом и геометрическими узорами и группу погребений III с позднекатакомбными признаками. Часть посуды, особенно с «шагающей гребенкой» (см.: [Там же, рис. 74; 76; 77; 11, 13, 14]), вызывает полтавкинские ассоциации, но часть [Там же, рис. 38, 7; 77, 12] является скорее синташтинской.

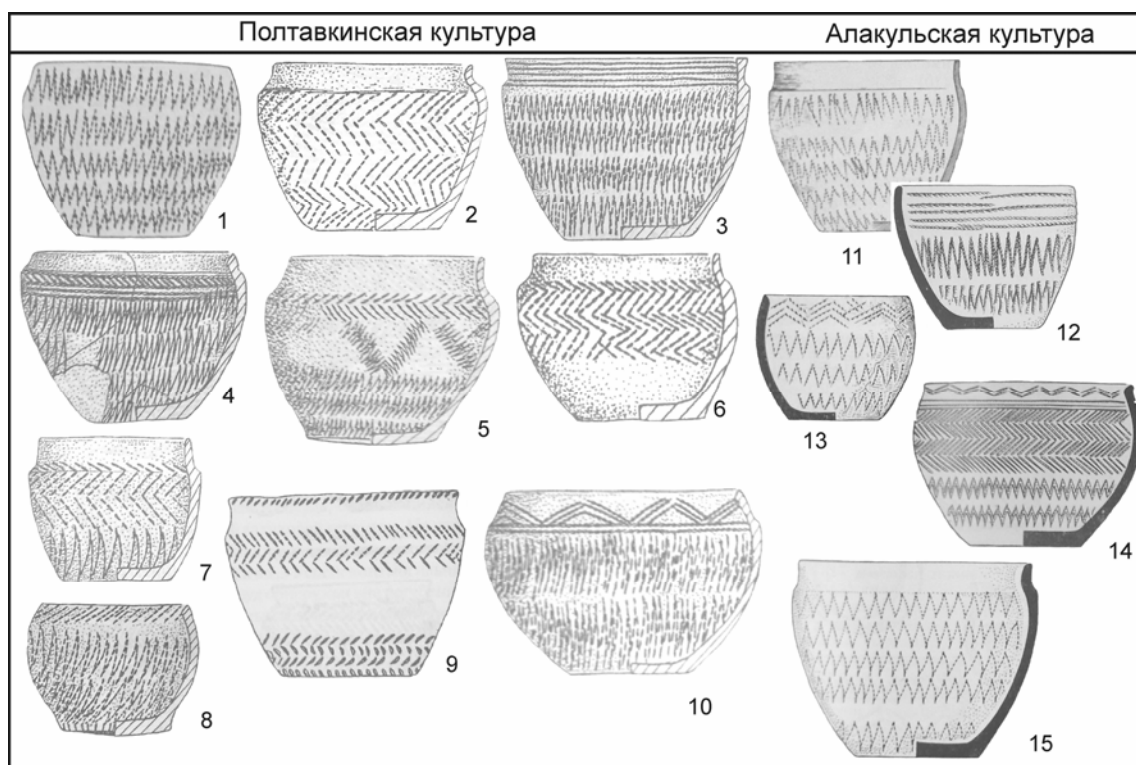

Рис. 2. Сопоставление полтавkinской (1–10) и алакульской (11–15) керамики:
1 — Широченка; 2 — Гвардейцы II; 3 — Аверьяновка I; 4 — Верхнее Погромное I; 5 — Четыре Брата; 6 — Ровное 3;
7 — Чиковский; 8 — Челюскинец; 9 — Максютово; 10 — Химкомбинат; 11–15 — Верхняя Алабуга
(по: [Кияшко, 2002; Мочалов, 2008; Потемкина, 1985]).

Уступчики на плече синташтинских сосудов не встречаются. Упоминание единственного такого случая [Григорьев, 2000, с. 312] относится к полтавкинскому сосуду из Большекараганского могильника (к. 24, погр. 9-1). Для полтавkinской керамики уступчики чрезвычайно характерны; кроме того, на этой керамике мы видим «шагающую гребенку» и горизонтальный гребенчатый

Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок...

елочный орнамент [Мочалов, 2008, с. 42, 44, 53, 54, 58] (рис. 2, 1–10). Таким образом, описанные черты связаны с полтавкинскими и катакомбными памятниками. Поскольку в синташтинской культуре есть полтавкинские включения [Боталов и др., 1996, с. 87; Григорьев, 2000, с. 312], можно предположить, что они перешли в алакульскую керамику через синташтинскую. Но «шагающая гребенка» в синташтинских комплексах отсутствует. А с учетом того, что это сочетается с керамикой с уступчатым плечом, прямые полтавкинские корни этого орнамента очевидны. Параллели горизонтальному елочному гребенчатому орнаменту тоже следует искать в Восточной Европе. Он широко представлен в полтавкинской культуре [Мочалов, 2008, с. 60], но типичен и для катакомбных культур.

Относительная хронология ранней фазы алакульской культуры

Относительная хронология алакульской культуры очевидна; поэтому коснемся лишь раннего этапа культуры. В степном Зауралье и Казахстане она занимает позднюю позицию относительно петровской, что зафиксировано на нескольких памятниках (Петровка II, Новоникольское I, Кулевчи III) [Зданович, 1984, с. 165; Виноградов, 1982]. Но и совместное залегание этих материалов типично.

На поселении Мочище синташтинская керамика лежит в одних слоях с алакульской. Для Притоболья Т.М. Потемкина [1985, с. 269, 270] доказывала, что алакульская культура появляется раньше петровской. Керамические комплексы ранней группы (алакульские, абашевские, петровские, ранесрубные и катакомбные) залегают вместе; в более поздних слоях идет алакульская керамика, иногда с федоровской примесью. Но под абашевской понимается керамика, близкая синташтинской или петровской.

В могильнике Степное VII, на р. Уй, кольцо погребений иногда пристраивали к более раннему. В комплексе 4 располагаются петровские ямы 17, 18, 19, одна с синташтоидной керамикой, окруженные периферийными петровскими погребениями. К этому кругу пристроен круг с центральным алакульским погребением 31 и периферийными, что указывает на более позднюю позицию алакульских погребений [Куприянова, Зданович, 2015, с. 30–32]. Но разница по времени между этими погребениями не была большой. Три алакульские ямы (№ 41–43) четко вписаны в петровское кольцо погребений, и оба кольца перекрыты одной насыпью [Там же]. В яме 17 выявлены синташтоидная керамика и обряд [Куприянова, Зданович, 2015, с. 131] и примечательный набор (см.: [Там же, с. 38–43, рис. 41–45]): петровская керамика с синташтинскими чертами, синташтинский топор с бойком, наконечник, близкий наконечнику из Синташтинского могильника, массивновислобушный топор, который можно обнаружить в петровских или алакульских комплексах, три сейминско-турбинских ножа разряда НК-4 (по: [Черных, Кузьминых, 1989, с. 92]), кольца и подвески, которые могут быть встречены как в петровских, так и в алакульских комплексах, и алакульские бляхи с чеканным орнаментом. Последние имеют аналоги в алакульской яме 31, расположенной севернее [Куприянова, Зданович, 2015, рис. 67]. Все это указывает на сосуществование поздней синташтинской культуры с сейминско-турбинской традицией, петровской и раннеалакульской.

В кургане 19 алакульского могильника Чистолебяжье выявлена ташковская керамика [Матвеев, 1998, с. 276, 277, 345]. В этом плане интересна проблема коптяковской культуры, которая формируется на основе ташковской и алакульской [Зах и др., 2014]. Поскольку коптяковские материалы идут вместе с сейминско-турбинскими [Корочкова, Стефанов, 2010], предполагаем, что процесс формирования культуры предшествовал приходу сейминско-турбинских групп или они были синхронны. И синхронны синташтинской культуре, о чем говорит синташтинский металл в мог. Ростовка [Черных, Кузьминых, 1989, с. 65, 101].

Из совокупности этих данных следует, что ранние алакульские комплексы синхронны синташтинским, елуниным, сейминско-турбинским, абашевским, ташковским и коптяковским (рис. 3). Но если с синташтинскими, ташковскими и елуниными они синхронны, хотя нижняя граница всех этих культур, по-видимому, глубже, то коптяковским и сейминско-турбинским они и синхронны и отчасти предшествуют. Интересно их соотношение с петровской культурой. В Казахстане и степном Зауралье алакульские материалы более поздние, а в лесостепном Зауралье, возможно, синхронны или занимают более раннюю позицию. Но установить соотношение ранних алакульских памятников в лесостепи с петровскими в степи не представляется возможным.

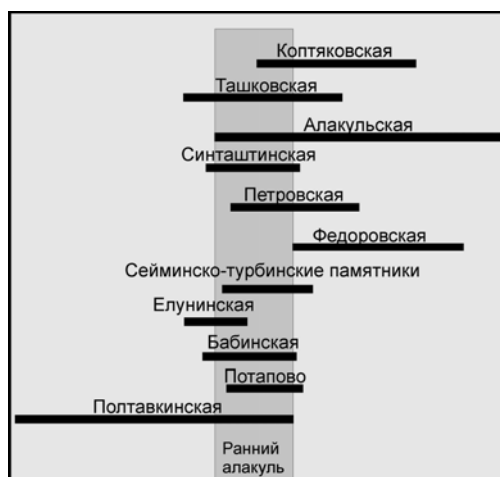

Рис. 3. Относительная хронология ранней алакульской культуры (серое поле).

Построить хронологию относительно восточно-европейских комплексов СБВ трудно. В потаповской керамике изредка встречаются «шагающая гребенка», шнуровой орнамент и хорошо представлен елочный орнамент. Это и иные факты позволили сделать вывод, что классические полтавкинские комплексы в Поволжье предшествуют потаповским, а поздние синхронны [Мочалов, 2008, с. 139, 165–167, рис. 51]. Поэтому поздние полтавкинские памятники синхронны синташтинским, а классические непосредственно предшествуют им. Соответственно **классические полтавкинские черты в алакульской керамике могли появиться только во время формирования синташтинской культуры.**

Полтавкинские погребения Волго-Донского междуречья тоже содержат керамику с алакульскими параллелями: с уступчиком, «шагающей гребенкой», гребенчатой горизонтальной елкой, изредка шнуровой орнамент и «личиночный» штамп, примесь раковины в тесте. Эти признаки существуют до формирования волго-донской катакомбной культуры. Поздний ее этап синхронен раннему этапу КМК и потаповским материалам [Кияшко, 2002, с. 129–132, 135, 136]. То есть, эта культура синхронна синташтинской. В ней на керамике появляются валики в сочетании с елочным орнаментом, отсутствовавшие прежде [Кияшко, 2002, с. 137]. Это свойственно синташтинской культуре, но сосуд с валиком и шнуровым двурядным зигзагом известен в алакульском могильнике Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, рис. 78, 3].

В свое время автор статьи предложил синхронизацию синташтинской культуры со временем появления валиков в катакомбных культурах и началом второго этапа среднедонской культуры. Для всех очевидна синхронизация с КМК (или бабинской культурой), но мало оснований для суждений о том, идет ли речь о полной синхронизации, или начало и конец культур различались. Конец бабинской культуры явно датируется более поздним временем, а начало, вероятно, синхронно [Григорьев, 2006, с. 195, 196]. Для бабинской культуры характерна вертикальная елка с разделителями, а такой сосуд есть в алакульском могильнике Субботино в Притоболье (см.: [Литвиненко, 2011; Потемкина, 1985, рис. 103, 3]), но такая керамика известна в синташтинских комплексах [Генинг и др., 1992, рис. 63, 7; 89, 6; 95. 17], поэтому синташтинский источник этой традиции в Субботино более вероятен.

Радиоуглеродная хронология алакульской культуры

Самым распространенным методом определения абсолютной хронологии является радиоуглеродный, позволяющий при больших сериях дат и сопоставлении диапазонов существования культур делать обоснованные хронологические построения.

К настоящему времени произошло накопление радиоуглеродных дат и вышла обобщающая работа по хронологии бронзы Урала и Западной Сибири [Молодин и др., 2014]. В приведенном графике (рис. 4) отражены данные для зауральских культур по этой публикации, рассчитанные с 68,2 % вероятности, поскольку интервалы, полученные с вероятностью 95,4 %, широки и не допускают конкретного обсуждения. В той же таблице помещен интервал дат для ранних алакульских комплексов поселения Мочище.

Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок...

Рис. 4. Радиоуглеродные даты культур Урала и юга Западной Сибири (по: [Молодин и др., 2014]), синташтинской культуры (по: [Черных, 2007]), полтавкинской культуры (по: [Кузнецов, Мочалов, 2015]) и поселения Мочище. Серое поле — ранние алакульские памятники.

В вышеуказанной работе отражена известная проблема, вызванная ранними датами Чистолембяжского и Хрипуновского могильников, многие из которых приходится на последнюю четверть III тыс. до н.э. [Матвеев, 1998, с. 359–373]. Поэтому мы видим два интервала алакульской культуры. Авторы исключают из рассмотрения первый интервал, поскольку, в соответствии с распространенной точкой зрения, культура формируется на петровской основе и не может датироваться раньше петровской культуры. Но с петровской культурой произведена та же процедура, так как ее 18 дат дали широкий интервал, и авторы остановились на интервале, очерченном небольшим количеством оксфордских дат [Молодин и др., 2014, с. 142, 143], т.е. в обоих случаях мы имеем дело с произвольными выборками, основанными на представлениях о хронологии.

Но если мы принимаем даты Чистолембяжского и Хрипуновского могильников, то видим, что ранний интервал соответствует относительной хронологии ранних алакульских комплексов, которую мы обсуждали. В этот интервал укладываются и даты раннего алакульского материала поселения Мочище (табл.). Дерево из алакульского колодца поселения Коркино имеет возраст 3640 ± 40 лет [Чемякин, 2000], т.е. 2029 ± 70 гг. до н.э. В результате в раннюю группу попадает 26 из 61 алакульской даты (или 43 %) с четырех памятников, и они расположены в зауральской лесостепи, где нам неизвестны иные памятники, синхронные синташтинским.

Радиоуглеродные анализы костей из алакульского слоя поселения Мочище. Калибровка осуществлена с помощью программы CalPal

Анализ	Даты BP	Даты BC 68 %
COAH-7318	3710 ± 75 лет	2116 ± 108 2224–2008
COAH-7315	3700 ± 65 лет	2098 ± 92 2190–2006
COAH-7317	3690 ± 45 лет	2081 ± 63 2144–2018
COAH-7316	3670 ± 55 лет	2057 ± 77 2134–1980

Таким образом, мы имеем серию дат, которые соответствуют относительной хронологии и объясняют парадоксы «пустого пространства». Это заставляет синхронизировать ранние ала-

кульские памятники с синташтинскими. Но синташтинские даты укладываются в более поздний интервал — 2010–1770 гг. до н.э. И этому интервалу трудно не доверять, поскольку синташтинская культура наиболее хорошо исследована радиоуглеродным методом. Но так ли это? В правомерном стремлении сузить интервал из рассмотрения были убраны ранние «одиозные даты», а затем использовано большое количество АСМ-дат, которые отличаются узкими доверительными интервалами. Рост датировок осуществлялся за счет памятников Степное и Каменный Амбар [Молодин и др., 2014, с. 140], которые не производят впечатления ранних. Тем самым вновь обнаруживается некоторая искусственность выборки. То есть, мы имеем три искусственные выборки, которые и сопоставляем!

Я не утверждаю, что эта процедура привела к ошибочному датированию синташтинской культуры. Мной был предложен идентичный интервал, и это базировалось на ближневосточных и европейских параллелях. Опора на европейские радиоуглеродные даты дает идентичную дату начала культуры, но лишь в случае справедливости ее синхронизации с КМК [Григорьев, 2006, с. 196; 2010, с. 44, 45]. Поэтому предложенный интервал допустим, и это нормальное сближение с ближневосточными датами. Но его нельзя сопоставлять с интервалами иных культур региона, так как использованы разные процедуры.

Использование одного подхода дает иную картину, но с широкими интервалами. Синташтинская культура показывает соответствие абашевским датам в интервале 2200–1650 гг. до н.э. и близость сейминско-турбинским датам, а серия срубных дат укладывается в интервал 1880–1450 гг. до н.э. [Черных, 2007, с. 86]. Для среднедонской катакомбной культуры предложен интервал дат 2470–2140 до н.э. [Мимоход, 2011, с. 43], а выше мы обсуждали синхронизацию ее второго этапа с синташтинской культурой. Это указывает на правомерность синташтинского интервала, предложенного Е.Н. Черных, но в рамках одной процедуры.

С учетом параллелей алакульской и полтавкинской культур принципиальным является вопрос, до какого времени доживали классические полтавкинские комплексы. Для катакомбных культур П.Ф. Кузнецов и О.Д. Мочалов [2015, с. 248] предлагают широкий диапазон XXIX–XIX вв. до н.э., а для полтавкинской культуры — XXIX–XXI вв. до н.э. Е.Н. Черных катакомбные культуры рассматривает в диапазоне 2650–1850 гг. до н.э., а полтавкинскую культуру — в рамках 3050–2350 гг. до н.э. [2007, с. 40, 72].

Есть серия системных причин, мешающих принять поздний интервал синташтинской культуры, обсуждаемый выше (или ранние интервалы иных культур?). В предлагаемой схеме она практически синхронна ранней срубной культуре, имея более ранние нижнюю и верхнюю даты. В действительности срубная культура это более позднее образование. Второй пример — федоровская культура, которая появляется несколько позже ранней алакульской, но с ее классическим этапом сосуществует. В этой схеме она почти синхронна синташтинской, а коптяковская возникает даже раньше (рис. 4).

По совокупности приведенных данных мы видим принципиальное соответствие раннего блока алакульских дат полтавкинским и иным досрубным образованиям и можем предполагать, что формирование алакульской культуры осуществлялось с самого начала появления синташтинской культуры.

Выводы: происхождение и формирование культуры

С учетом общих черт алакульской и синташтинской культур, наиболее приемлемой является упомянутая гипотеза о формировании алакульской культуры на синташтинской основе, к северу и северо-востоку от ареала синташтинских городищ, в лесостепном Зауралье, как и предлагала Т.М. Потемкина, и вплоть до Тюменского Притоболья, как было показано А.В. Матвеевым. Это происходило в начале складывания синташтинской культуры. Основным компонентом при этом в лесостепи был формирующийся южнее синташтинский, а дополнительным — полтавкинский. Процесс был достаточно быстрым, и синташтинская традиция перерождалась, но ограниченные синташтинские материалы здесь есть. Вероятно, параллельно к востоку от синташтинского ареала имели место идентичные процессы формирования петровской культуры.

Дальнейший культурогенез алакульской культуры обеспечивался взаимодействием с петровской и федоровской традициями. Таким образом, под ранним этапом алакульской культуры следует понимать те памятники, которые формируются в лесостепи в синташтинское время. Начало классического периода вполне очевидно. Оно связано с появлением федоровских черт [Кузьмина, 2008, с. 171; Корочкова, Стефанов, 2001], т.е. с началом федоровских влияний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алаева И.П.* Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 33 с.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим.* Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А.* Ямная и полтавкинская культуры // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век.* Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 6–64.
- Виноградов Н.Б.* Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // *КСИА.* 1982. Вып. 169. С. 94–99.
- Виноградов Н.Б.* Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // *Вестн. ЧелГПИ. Истор. науки.* Челябинск: Изд-во ЧелГПИ, 1995. Вып. 1. С. 16–26.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Генина В.Ф., Зданович Г.Б., Генина В.В.* Синташта. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск: Рифей, 1999. 444 с.
- Григорьев С.А.* Бронзовый век // *Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы.* Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 241–409.
- Григорьев С.А.* Основные этапы и проблемы культуругенеза // *Археология Южного Урала. Степь.* Челябинск: Рифей, 2006. С. 188–222.
- Григорьев С.А.* Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // *ВАУ.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 175–193.
- Григорьев С.А.* Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и ее хронология // *Аркаим — Синташта: Древнее наследие Южного Урала: К 70-летию Г.Б. Здановича.* Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. Ч. 2. С. 32–48.
- Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Костомарова Ю.В.* Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5 // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии.* 2014. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. № 1. С. 36–49.
- Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей: (К вопросу о выделении петровской культуры) // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.* Челябинск: Изд-во БашГУ, 1983. С. 48–68.
- Зданович Г.Б.* Относительная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей // *Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья.* Челябинск: Изд-во БашГУ, 1984. С. 3–22.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 268 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* О федоровских древностях Зауралья // *XV Урал. археол. совещ.: Тез. докл.* Оренбург, 2001. С. 83–84.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере (по материалам раскопок 2008 г.) // *РА.* 2010. № 4. С. 120–129.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Параметры времени культур бронзового века степей Восточной Европы: проблема отражения // *Изв. СНЦ РАН.* 2015. Т. 17, № 3. С. 247–251.
- Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА., 2008. 358 с.
- Куприянова Е.В., Зданович Д.Г.* Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
- Литвиненко Р.А.* Культурный круг Бабино: Название, таксономия и структура // *Материалы круглого стола: КСИА.* 2011. Вып. 225. С. 108–123.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Мимиход Р.А.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // *КСИА.* 2011. Вып. 225. С. 28–53.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // *Вестн. НГУ. Сер. История и филология.* 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Изд-во СГПУ, 2008. 252 с.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Потемкина Т.М.* О происхождении алакульской культуры // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.* Челябинск: Изд-во БашГУ, 1983. С. 8–21.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

С.А. Григорьев

- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актоб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- Чемякин Ю.П. Кorkино I // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига; Челябинск: Чел. дом печати, 2000. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-10-999-korkino-i.html>.
- Черных Е.Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь древних горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 5. 200 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

S.A. Grigoriev

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620137, Russian Federation
E-mail: stgrig@mail.ru

PROBLEM OF CHRONOLOGY AND ORIGIN OF THE ALAKUL CULTURE IN LIGHT OF NEW EXCAVATIONS IN THE SOUTHERN URALS

The article deals with chronology and origin of the Alakul culture of the Bronze Age in the Trans-Urals and with searching for its early sites. One of the problems of the Bronze Age in the Trans-Urals is that there are no sites of the Sintashta and Petrovka periods in forest-steppe areas. Basing on analysis of stratigraphic situations and typological characteristics, relations of the Alakul culture with other cultural complexes of the region and adjacent territories, such as Petrovka, Tashkovo, Koptyaki, Elunino, Seyma-Turbino, were identified. A conclusion was made about synchronization of the early Alakul sites with the Sintashta culture. The same possibility is testified by Poltavka inclusions in Alakul ceramics. It is also confirmed by the results of radiocarbon dating. And this dating completely corresponds to the early dates obtained from analyses of materials of the Chistolebyazhsky and Hripunovsky cemeteries. Today the number of such early dates increased and is already 43 % of all the Alakul dates, so it can't be considered as an accidental result. Respectively, formation of the Alakul culture began in the forest-steppe soon after the Sintashta people had appeared in the steppe Trans-Urals, due to isolation of populations, bearers of the Sintashta and Poltavka traditions. Similar processes in Kazakhstan led to the origin of the Petrovka culture.

Key words: Alakul culture, Bronze Age, Trans-Urals, dating and origins.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-044-053

REFERENCES

- Alaeva I.P., 2015. *Kul'turnaia spetsifika pamiatnikov pozdnego bronzovogo veka stepnoi zony Yuzhnogo Zaural'ia* [Cultural specifics of the Late Bronze Age monuments in the steppe zone of the Southern Trans-Urals]. Avtoreferat disertatsii kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 33 p.
- Botalov S.G., Grigoriev S.A., Zdanovich G.B., 1996. Pogrebal'nye komplekxy epokhi bronzy Bol'shekaraganskogo mogil'nika [Funeral complexes of the Bronze Age of the Bolshekaragansky cemetery]. *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala*, Cheliabinsk: Kamennyi poias, pp. 64–88.
- Chemiakin Yu.P., 2000. Korkino I [Korkino I]. *Ural'skaia istoricheskaya entsiklopediia*. Ekaterinburg: Akademkniga; Cheliabinsk: Dom pečhati, available at: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-10-999-korkino-i.html>.
- Chernykh E.N., 2007. *Kargaly* [Kargaly], Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury, 200 p.
- Chernykh E.N., Kuzminykh S.V., 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii* [Ancient metallurgy of Northern Eurasia], Moscow: Nauka, 320 p.
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V., 1992. *Sintashta* [Sintashta], Cheliabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatelstvo, 408 p.
- Grigoriev S.A., 1999. *Drevnie indoevropeitsy: Opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [Ancient Indo-Europeans: An attempt of historical reconstruction], Cheliabinsk: Rifei, 444 p.
- Grigoriev S.A., 2000. Bronzovyi vek [Bronze Age]. *Drevniaia istoriia Yuzhnogo Zaural'ia*, vol. I, Cheliabinsk: Yuzhnouralskii universitet, pp. 241–409.
- Grigoriev S.A., 2006. Osnovnye etapy i problemy kul'turogeneza [Main stages and problems of culture genesis]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step'*, Cheliabinsk: Rifei, pp. 188–222.
- Grigoriev S.A., 2008. Prostranstvennyi analiz pamiatnikov epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ia [Spatial analysis of the Bronze Age sites in the Southern Trans-Urals]. *Voprosy arkheologii Urala*, vol. 25, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 175–193.
- Grigoriev S.A., 2010. Blizhnevostochnye komponenty v formirovanii sintashtinskoi kul'tury i eio khronologiiia [Near Eastern components in formation of the Sintashta culture and its chronology]. *Arkaim — Sintashta: Drevnee nasledie Yuzhnogo Urala: K 70-letiiu G.B. Zdanovicha*, vol. 2, Cheliabinsk: Chelyabinskii universitet, pp. 32–48.

Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок...

- Kiiashko A.V., 2002. *Kul'turogenez na vostoke katakombnogo mira* [Culture genesis in the east of the catacomb world], Volgograd: Volgogradskii universitet, 268 p.
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2001. O fiodorovskikh drevnostiakh Zaural'ia [About Fyodorovka antiquities in the Trans-Urals]. *XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Tezisy dokladov*, Orenburg, pp. 83–84.
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2010. Kul'tovyi pamiatnik epokhi bronzy na Shaitanskom ozere [Cultic site of the Bronze Age on Shaitanskoe lake]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 120–129.
- Kupriianova E.V., Zdanovich D.G., 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ia: Mogil'nik Stepnoe VII* [Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: Cemetery Stepnoe VII], Cheliabinsk: Entsiklopediia, 196 p.
- Kuzmina E.E., 2008. *Klassifikatsiia i periodizatsiia pamiatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti* [Classification and periodization of sites of Andronovo cultural family], Aktobe: PrintA, 358 p.
- Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., 2015. Parametry vremeni kul'tur bronzovogo veka stepei Vostochnoi Evropy: Problema otrazheniia [Parameters of time of the Bronze Age cultures in the Eastern European steppes: A problem of reflection]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra*, vol. 17, no. 3, pp. 247–251.
- Litvinenko R.A., 2011. Kul'turnyi krug Babino: Nazvanie, taxonomiia i struktura [Cultural circle Babino: Its name, taxonomy, and structure]. *Materialy kruglogo stola: Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 225, pp. 108–123.
- Matveev A.V., 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [The first Andronovo people in the Transural forests], Novosibirsk: Nauka, 417 p.
- Mimokhod R.A., 2011. Radiouglerodnaia khronologiiia bloka postkatakombnykh kul'turnykh obrazovanii [Radiocarbon chronology of the postcatacomb cultural bloc]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 225, pp. 28–53.
- Mochalov O.D., 2008. *Keramika pogrebal'nykh pamiatnikov epokhi bronzy lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia* [Ceramics of funeral monuments of the Bronze Age in the forest-steppe belt of the Volga-Ural area], Samara: Samarskii universitet, 252 p.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaia khronologiiia kul'tur epokhi bronzy Urala i iuga Zapadnoi Sibiri [Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and Southern part of Western Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo universiteta, Istorii i filologii*, vol. 13, no. 3: Arkheologii i etnografiia, pp. 136–167.
- Potemkina T.M., 1983. O proiskhozhdenii alakul'skoi kul'tury [About the origins of the Alakul culture]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Bashkirskii universitet, pp. 8–21.
- Potemkina T.M., 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia* [Bronze Age of the forest-steppe Tobol area], Moscow: Nauka, 376 p.
- Smirnov K.F., Kuzmina E.E., 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii* [The origins of Indo-Iranians in light of the latest archaeological discoveries], Moscow: Nauka, 84 p.
- Stefanov V.I., Korochkova O.N., 2000. *Andronovskie drevnosti Tiimenskogo Pritobol'ia* [Andronovo antiquities of the Tyumen Tobol area], Ekaterinburg: Poligrafist, 108 p.
- Tkachev A.A., 2002. *Central'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age], vol. 2, Tiumen': Neftegazovyi universitet, 243 p.
- Tkachev V.V., 2007. *Stepi Yuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy* [Steppes of the Southern Cisural area and Western Kazakhstan on the cusp of the Middle and the Late Bronze Age], Aktobe: Aktiubinskii oblastnoi centr istorii, etnografii i arkheologii, 384 p.
- Vasiliev I.B., Kuznetsov P.F., Turetskii M.A., 2000. Yamnaia i poltavkinskaia kul'tury [Yamnaya and Poltavka cultures]. *Istoriiia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei: Bronzovyi vek*, Samara: Samarskii nauchnyi centr, pp. 6–64.
- Vinogradov N.B., 1982. Kulevchi III — pamiatnik petrovskogo tipa v Yuzhnom Zaural'e [Kulevchi III — a site of Petrovka type in the Southern Trans-Urals]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 169, pp. 94–99.
- Vinogradov N.B., 1995. Khronologiiia, sodержanie i kul'turnaia prinalozhnost' pamiatnikov sintashtinskogo tipa bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Chronology, contents and cultural belonging of the sites of Sintashta type of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Cheliabinskogo pedagogicheskogo instituta, Istoricheskie nauki*, vol. 1, Cheliabinsk: Pedagogicheskii institut, pp. 16–26.
- Vinogradov N.B., 2011. *Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e.: (Pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa)* [Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd millennium BC: (Sites of Sintashta and Petrovka types)], Cheliabinsk: Abris, 175 p.
- Zakh V.A., Kostomarov V.M., Iliushina V.V., Riabogina N.E., Ivanov S.N., Kostomarova Yu.V., 2014. Koptiakovskii kompleks poseleniia Chepkul' 5 [Koptiaki complex of the settlement Chepkul' 5]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1, pp. 36–49.
- Zdanovich G.B., 1983. Osnovnye kharakteristiki petrovskikh kompleksov uralo-kazakhstanskikh stepei: (K voprosu o vydelenii petrovskoi kul'tury) [The main characteristics of Petrovka complexes of Ural-Kazakhstan steppes: (Revisiting the Petrovka culture)]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Bashkirskii universitet, pp. 48–68.
- Zdanovich G.B., 1984. Otnositel'naia khronologiiia pamiatnikov bronzovogo veka uralo-kazakhstanskikh stepei [Relative chronology of the Bronze Age sites in Ural-Kazakhstan steppes]. *Bronzovyi vek Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Bashkirskii universitet, pp. 3–22.

Н.Б. Виноградов

Челябинский государственный педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080, РФ
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХРОНОЛОГИИ «АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ». РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕПЦИИ С.А. ГРИГОРЬЕВА

Статья посвящена критике концепции происхождения и хронологии алакульской культуры, предложенной С.А. Григорьевым. Автор подвергает сомнению точку зрения С.А. Григорьева о датировке алакульских памятников Зауралья в пределах двух разорванных во времени интервалов и о прямой генетической связи алакульского населения и обитателей памятников синташтинского типа.

Ключевые слова: лесостепное Зауралье, поздний бронзовый век, алакульская культура, памятники синташтинского типа, памятники петровского типа.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-054-059

С.А. Григорьев хорошо известен научной общественности своими трудами по истории древнего металлопроизводства [Григорьев, 1994], промежуточным результатам изучения комплекса археологических памятников на о-ве Веры (на оз. Тургояк у г. Миасса), а также известного геоглифа у горного озера Зюраткуль на Южном Урале. Большой резонанс и дискуссию вызвала в научных кругах выдвинутая этим исследователем концепция происхождения населения, оставившего в области зауральского пенеппена памятники синташтинского типа [Григорьев, 1996].

Обсуждаемая сегодня статья С.А. Григорьева [2016] содержит авторские представления о хронологии и происхождении «алакульской культуры Зауралья». Обсуждение всех затронутых С.А. Григорьевым аспектов культурогенеза и хронологии алакульской культуры лесостепного Зауралья потребовало бы несравненно большего объема, чем допускает жанр публикации журнала. Поэтому автор заранее просит извинения за краткость изложения некоторых тезисов.

Трудами нескольких поколений археологов XX в. представления об алакульских древностях, их происхождении, содержании прошли сложный путь от стадии в истории андроновской культуры в Южном Зауралье (по К.В. Сальникову) до позиционирования алакульских памятников в статусе отдельной культуры (по В.С. Стоколосу) и, наконец, в качестве общности [Корочкова, 2004]. Заметным событием в истории изучения алакульских древностей стало открытие Г.Б. Здановичем памятников петровского типа в Северном Казахстане и их определение как раннеалакульских. За последние десятилетия XX в. в научный оборот были введены значительные массивы алакульских и связанных с ними материалов (раскопки Е.Е. Кузьминой, Т.М. Потемкиной, Г.Б. Здановича, Н.Б. Виноградова, В.В. Евдокимова, В.В. Варфоломеева, А.А. Ткачева, В.В. Ткачева, В.И. Стефанова, О.Н. Корочкиной, А.В. Матвеева, Д.Г. Здановича, Е.В. Куприяновой и др.).

Обсуждаемая статья С.А. Григорьева включает парадоксально небольшой по объему, в сравнении с затронутыми проблемами, текст и четыре иллюстрации. Многократное прочтение текста и просмотр рисунков не прояснили поставленные в статье проблемы, а лишь добавили вопросов.

Во-первых, это проблема дефиниций. Что понимает С.А. Григорьев под термином «алакульская культура», если еще в начале 2000-х гг. О.Н. Корочкова выступила с предложением рассматривать сообщество алакульских культур на всей огромной территории их распространения в ранге культурно-исторической общности [2004, с. 208]?

При всей кажущейся изученности алакульских и синхронных с ними родственных древностей в лесостепях и степях Южного Зауралья, лесостепях Зауралья, степях Северного и Цен-

О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья»...

трального Казахстана, даже очертания отдельных алакульских или крайне близких им культур пока лишь намечены пунктиром.

На мой взгляд, сегодня крайне необходимо отдельное исследование по систематизации критериев обособления алакульских памятников в родственные культуры по территориям. Причем это должна быть система сравнимых признаков с *серийным* (курсив мой. — Н. В.) их присутствием, исключая даже малую возможность любых обобщений на основе наличия в коллекции из раскопанного отдельного конкретного памятника *единичного* сосуда, определяемого как «полтавкинский» или «катакомбный».

Проблема культурогенеза, хронологической позиции конкретной алакульской культуры должна решаться, по моему мнению, на основе детального изучения всей совокупности относящихся к этой культуре артефактов и с применением всех доступных сегодня методов. То есть, при всей соблазнительности ограничиться аналитической выводной частью, необходимость исследования каждой из алакульских культур на инструментальном, источниковедческом уровне не отменяется.

Во-вторых, это проблема датирования, хронологии и стратиграфической колонки свиты культурных явлений рубежа среднего и позднего бронзового века и следующей за ним стадии позднего бронзового века. В нашем случае это памятники синташтинского типа и памятники алакульских культур Южного Урала и Казахстана, включая ранний (петровский) этап их истории.

К настоящему времени радиоуглеродным методом датирования убедительно доказано хронологическое предшествование синташтинских памятников любым алакульским, включая петровские с некоторым периодом их сосуществования [Епимахов, 2010, с. 162].

Результаты радиоуглеродного датирования Чистолебяжского и Хрипуновского могильников, разделившие историю алакульского населения Зауралья по С.А. Григорьеву на два разорванных во времени эпизода, с момента их обнаружения настораживали археологов, поскольку противоречили другим линиям радиоуглеродного датирования [Епимахов, 2010, с. 79–80]. Кроме того, ни закрытые комплексы погребальных памятников, ни взаимовстречаемость типов керамики в них, ни стратиграфия масштабно и спокойно изученных поселений не дают повода для тезиса С.А. Григорьева о предшествовании алакульских памятников с керамикой с уступчатым плечом и двух-трехзонально распределенной орнаментацией петровским. Он основан на единственном и небесспорном случае «обратной» стратиграфии, зафиксированном Т.М. Потемкиной в Среднем Притоболье [Потемкина, 1985, с. 268–269]. Кстати, сам С.А. Григорьев в недавнем прошлом весьма скептически оценивал этот стратиграфический факт [2000, с. 288].

Напротив, материалы стратиграфических наблюдений на масштабно исследованных поселениях, факты взаимовстречаемости типов сосудов в закрытых комплексах, которыми специалисты обладают сегодня, не позволяют ни синхронизировать синташтинские и собственно алакульские (с керамикой с уступчатым плечом и двух-трехзонально распределенной орнаментацией) памятники, ни хотя бы сомкнуть их во времени.

В-третьих, С.А. Григорьев, утверждая о формировании «алакульской культуры» в лесостепях Зауралья на основе лишь населения, оставившего южнее, в степях Южного Зауралья, синташтинские памятники, упускает два момента.

Во-первых, количество синташтинских памятников в Южном Зауралье несоразмерно, я бы сказал, ничтожно мало в сравнении с алакульскими, включая и петровские (раннеалакульские).

Во-вторых, обитатели памятников синташтинского типа (23 укрепленных поселения и несколько невыразительных и не понятых до конца местонахождений) в хозяйственно-экономическом, социально-политическом и культурном, наконец, аспектах представляют, на мой взгляд, не правило, а исключение для модели функционирования степных евразийских скотоводческих обществ бронзового века, поскольку значительная часть их жизни была замкнута на металлопроизводство с вытекающими из этого обстоятельства разнообразными последствиями, делающих их не стандартным, но уникальным явлением бронзового века Евразии, да и «привязана» не к определенному ландшафту, а к месторождениям медьсодержащих минералов или неким коммуникациям (курсив мой. — Н. В.).

Синташтинское население, вместе с тем, выступило как источник мощного культурогенетического импульса в среду местных аборигенных квазиэнеолитических или «раннебронзовых» культур. В значительной степени именно этот импульс определил облик скотоводческих культур позднего бронзового века степей и лесостепей Южного Зауралья и Казахстана и локальные отличия их материального мира.

В течение нескольких десятков лет мои научные интересы так или иначе были связаны с памятниками алакульских культур Южного Зауралья и Северного Казахстана, особенно ранней (петровской) стадии их истории.

Систематическое изучение петровских и собственно алакульских материалов из памятников Северного Казахстана, масштабные исследования поселений Кулевчи III (3000 м²) и Устье I (3000 м²) в степях Южного Зауралья, десятилетняя (1983–1993 г.) работа с материалами памятников бронзового века лесостепного Притоболья в ходе создания «Археологической карты Курганской области» привели меня к созданию той стратиграфической колонки культур бронзового века в Северном Казахстане, Среднем Притоболье и Южном Зауралье, которая отражена в трех монографиях и серии статей, частью проигнорированных С.А. Григорьевым.

С.А. Григорьев совершенно справедливо высказывает мнение о наличии проблемы с определением содержания керамического комплекса памятников петровского типа. Дело в том, что в Северном Казахстане нет ни одного петровского укрепленного поселения с «синташтоидной» керамикой типа могильника у с. Петровка [Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980], которая первоначально была представлена научному сообществу как петровская. Напротив, в котлованах, замкнутых оборонительными укреплениями построек укрепленного поселения Петровка II, залегает в основном керамика баночных (корчаги), более поздних собственно алакульских форм с небольшим количеством острореберных горшечно-баночных сосудов с утолщением под венчиком. И вряд ли это обстоятельство возможно объяснить вторичным использованием площадки.

Все перечисленное выше и вызвало к жизни критикуемый С.А. Григорьевым мой взгляд на петровские памятники в целом и на их керамический комплекс в частности [Виноградов, 2009, с. 22–45]. Поскольку в свете данных, полученных за последние десятилетия, представление о содержании памятников петровского типа как Северного Казахстана, так и Южного Зауралья непременно должно было трансформироваться. Что и произошло. Я полагаю, что к этому вопросу необходимо в будущем вернуться отдельно и масштабно, поскольку и в Среднем Притоболье, и в Северном Казахстане керамические комплексы укрепленных поселений (Камышное II, Петровка II), по моему мнению, свидетельствуют об их более поздней хронологической позиции в сравнении с синташтинскими укрепленными поселениями Южного Зауралья.

Попытка размыть критерии выделения мной петровских типов керамики в Южном Зауралье и Северном Казахстане, предпринятая С.А. Григорьевым, несостоятельна. Авторская типология керамики памятников петровского типа и алакульской керамики в Южном Зауралье и Северном Казахстане была создана мной еще в начале 1980-х гг. [Виноградов, 1983]. Относительно недавно, в связи с новыми серийными материалами по проблеме, мной была написана отдельная статья [Виноградов, 2009, с. 22–45]. С.А. Григорьев же пишет: «...четких формулировок для него («кулевчинского» типа петровской керамики. — Н. В.) не существует. В результате Н.Б. Виноградов фактически отказался от выделения этого типа, полагая, что им описывается практически вся петровская керамика» [2016, с. 44]. Я никогда не считал, что петровская (раннеалакульская) керамика ограничивается лишь приземистыми горшечно-баночными сосудами с высоко поднятым ребром, утолщением-валиком под венчиком и двух-трехзональной орнаментацией, сформованными на сосудах-основах с прокладкой из влажного текстиля. Это бесспорно ведущий тип петровской керамики. Но ни на одном петровском памятнике он не является единственным. Как правило, сосуды этого типа залегают в слое с острореберными горшечно-баночными сосудами с усеченно-коническим или слабо выпуклым туловом, прямой или отогнутой наружу, иногда «сдвоенной» шейкой или биконическими формами [Виноградов, 2011, с. 107]. Но именно процентное содержание ведущего типа в коллекции, как справедливо заметил А.В. Матвеев, маркирует хронологическую позицию того или иного петровского памятника внутри самого раннеалакульского (петровского) сообщества [Матвеев, 1998, с. 282–283].

Что касается кажущегося отсутствия ведущего типа петровской керамики в лесостепном Зауралье, так это скорее следствие слабой исследованности региона. Даже разведочными работами экспедиции ЧГПИ в Курганской области в 1980-х гг. была выявлена серия как поселенческих (вероятно, однослойное петровское поселение Кузнецово II на р. Миасс в Щучанском районе), так и погребальных (могильник Грызаново в Куртамышском районе и могильник Подуровка IV в Целинном районе) комплексов [Археологическая карта Курганской области, 1993, с. 138–139, 201–202, 279–280].

«Алакульская культура в лесостепном Зауралье имеет больше сопоставимых черт с синташтинской, чем с петровской культурой», — этот пассаж С.А. Григорьева выглядит интригую-

О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья»...

ще, поскольку игнорируются стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе масштабного изучения поселений Кулевчи III и Устье I в Южном Зауралье. В первом случае петровский слой перекрыт именно алакульским, а во втором — синташтинский петровским. Именно в петровской (раннеалакульской) среде наблюдаем практически весь комплекс алакульских признаков. Синташтинские реминисценции крайне редки и неоднозначны уже для петровской (раннеалакульской) керамики.

Мне уже приходилось высказываться по поводу выделения особой «петровской культуры» или особой, помимо петровской, «раннеалакульской» стадии истории собственно алакульских культур. Любой исследователь, решившийся на этот шаг, неизбежно сталкивается с необходимостью прописать для выделенной культуры отдельный вариант культурогенеза, а также дать характеристики ранней, развитой и поздней фаз истории этой культуры. Коллеги знакомы с несколькими подобными попытками. Первооткрыватель петровских древностей, Г.Б. Зданович, явно испытывал большие сложности с определением черт выделенной им «петровской культуры» для раннего этапа ее истории в Северном Казахстане [Зданович, 1983]. Что не удивительно, поскольку поселенческие памятники с «ранней» петровской, по Г.Б. Здановичу, керамикой в этом регионе, как и в Среднем Притоболье, неизвестны до сих пор.

Попытки конструирования особой «петровской культуры» или «раннеалакульской» стадии истории алакульских культур, помимо петровской, с одной стороны, девальвируют системные знания алакульских древностей, накопленные предшествующими поколениями исследователей, с другой — окончательно запутывают коллег по обозначенным проблемам.

Более логичным для меня является представление о памятниках петровского типа в Южном Зауралье, Среднем Притоболье и Северном Казахстане как о раннем этапе истории алакульских культур этих регионов. Причем имеющиеся в распоряжении специалистов материалы не позволяют говорить о миграциях извне больших групп скотоводческого населения. В качестве основных компонентов формирования алакульских культур в обсуждаемых регионах логичнее рассматривать различные аборигенные субстраты. Оппоненты могут возразить мне, основываясь на небольших сериях радиоуглеродных дат. Они пока что свидетельствуют о хронологическом разрыве в несколько веков между аборигенными квазиэнеолитическими, раннебронзовыми культурами и памятниками синташтинского типа. Я, вслед за В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой, полагаю, что представление это ошибочно и носители аборигенных позднейших энеолитических культур и обитатели синташтинских укрепленных поселений общались «вживую». Формирование культур алакульского круга позднего бронзового века связано с глубокими и разносторонними трансформациями энеолитических культурных традиций под мощным влиянием синташтинского культурогенетического импульса. В этом случае установление культурной преемственности традиционными методами серьезно затрудняется. Да и сами памятники аборигенного в этих регионах энеолитического населения изучены неравномерно.

Несходство между аборигенными культурами позднейшего энеолита и памятниками синташтинского типа очевидно по всем линиям сравнения. И, тем не менее, я осмелюсь сказать, что именно взаимосвязи этих несходных явлений определили облик основных степных культур позднего бронзового века Южного Урала. На чем основана эта уверенность? Я полагаю, что укрепленные поселения синташтинского типа населяли общины специализированные — металлурги, кузнецы, литейщики. Причем полностью они были населены лишь часть года. Все остальное время их население было немногочисленным, что и сказалось на масштабах погребальных памятников, относящихся к этим поселениям. Синташтинские поселения были, как я думаю, местами, где происходили периодические встречи их обитателей с представителями аборигенных культур, прежде всего по поводу металла, обладание которым для аборигенов, очевидно, было престижным. Иначе как объяснить то, что более позднее хронологически формирующееся население алакульских культур Южного Урала, Зауралья и Северного Казахстана восприняло как престижные ориентиры синташтинскую традицию строительства укрепленных поселений, модель пространства для жизни, включая архитектурный стиль, оформление интерьера, гончарную традицию, особенности металлообработки, концепцию погребальных памятников и особенности их функционирования. Причем важно и то, что уже культура раннего — петровского этапа истории алакульских культур демонстрирует такую степень каноничности, которую могло обеспечить лишь ранее культурно родственное население, каковым и были носители квазиэнеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана. К сожалению,

культурогенетические процессы, особенно связанные с кардинальной трансформацией материального мира, археологические методики улавливают лишь в малой степени.

В качестве заключения

Проблемы культурогенеза и хронологии алакульских древностей Зауралья, поднятые С.А. Григорьевым в обсуждаемой статье, действительно существуют и требуют разрешения. Однако избранный С.А. Григорьевым путь их разрешения вряд ли можно считать удачным и тем более «истинным». Скорее авторские заключения можно определить как поспешные. Я говорю это с полной ответственностью, поскольку представляю степень даже не изученности, а учета алакульских памятников в лесостепях Зауралья. Как я полагаю, сейчас мы находимся лишь на дальних подступах к решению обозначенных проблем и любые категоричные выводы преждевременны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 22 с.

Виноградов Н.Б. Археологическая карта Курганской области. Курган: Производственная группа по охране и использованию памятников, 1993. Т. 1. 346 с.

Виноградов Н.Б. Керамика памятников петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. ред. и сост. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2009. 217 с.

Григорьев С.А. Древняя металлургия Южного Урала: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 20 с.

Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 78–96.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 532 с.

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2016. № 3 (34). С. 44–53.

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала: (Экономический и социальные аспекты): Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 394 с.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3. С. 183–193.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей: (К вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 48–68.

Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии: (К 75-летию А.А. Формозова) / Ред. и сост. В.И. Гуляев и С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 202–211.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

N.B. Vinogradov

Chelyabinsk State Pedagogical University
Lenina prospect, 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

CHRONOLOGY AND ORIGIN OF «THE ALAKUL CULTURE» IN THE TRANS-URALS. REFLECTIONS ON THE STANISLAV A. GRIGORIEV CONCEPT

The paper is devoted to criticism of the concept of Alakul culture origin and history proposed by Stanislav Grigoriev. The author casts doubt on Stanislav Grigoriev opinion about the dating Alakul sites in the Trans-Urals within two separate time periods and about a direct genetic link of Alakul population and inhabitants of Sintashta sites.

Key words: the forest-steppe Trans-Urals, the Late Bronze age, the Alakul culture, the Sintashta sites, the Petrovka sites.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-054-059

REFERENCES

- Vinogradov N.B., 1993. *Arkheologicheskaja karta Kurganskoj oblasti* [Archaeological map of the Kurgan region], vol. 1, Kurgan: Proizvodstvennaia gruppa po okhrane i ispol'zovaniiu pamiatnikov, 346 p.
- Vinogradov N.B., 1983. *Luzhnoe Zaural'e i Severnyi Kazakhstan v rannealakul'skii period (po pamiatnikam petrovskogo tipa)* [Southern Trans-Urals and North Kazakhstan in Early-Alakul period (the monuments of Petrovka type)]. Avtoreferat disertacii kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 22 p.
- Vinogradov N.B., 2009. Keramika pamiatnikov petrovskogo tipa v luzhnom Zaural'e i Severnom Kazakhstane [Pottery of the Petrovka sites in the Southern Trans-Urals and North Kazakhstan]. *Problemy arkheologicheskogo izucheniia luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: ABRIS, 217 p.
- Grigor'ev S.A., 1994. *Drevniaia metallurgija luzhnogo Urala*: [Ancient metallurgy of the Southern Urals: The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Avtoreferat disertacii kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 20 p.
- Grigor'ev S.A., 1996. Sintashta i ariiskie migratsii vo II tys. do n.e. [Sintashta and Aryan migration in II thousand BC]. *Novoe v arkheologii luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: Rifei, pp. 78–96.
- Grigor'ev S.A., 2000. Bronzovyi vek [The Bronze age]. *Drevniaia istoriia luzhnogo Zaural'ia*, vol. 1: Kamennyi vek. Epokha bronzy, Cheliabinsk: IuUrGU, 532 p.
- Grigor'ev S.A., 2016. Problema khronologii i proiskhozhdeniia alakul'skoj kul'tury v luzhnom Zaural'e [Problem of chronology and origin of Alakul culture in the light of new excavation in the Southern Trans-Ural]. *Vestnik arkheologii, antropologii i étnografii*, no. 3 (34), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 44–53.
- Epimakhov A.V., 2010. *Bronzovyi vek luzhnogo Urala: (Ekonomicheskii i sotsial'nye aspekty)* [Bronze Age of the Southern Urals: (Economic and social aspects)]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk, Ekaterinburg, 394 p.
- Zdanovich G.B., Zdanovich S.Ia., 1980. Mogil'nik epokhi bronzy u sela Petrovka [The Bronze Age burial ground near the village of Petrovka]. *Sovetskaja archeologija*, no. 3, pp. 183–193.
- Zdanovich G.B., 1983. Osnovnye kharakteristiki petrovskikh kompleksov Uralo-Kazakhstanskikh stepei: (K voprosu o vydelenii petrovskoi kul'tury) [Main features of Petrovka sites in Ural-Kazakhstan steppes: (The question of the allocation of the Petrovka culture)]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: ChelGU, pp. 48–68.
- Korochkova O.N., 2004. K obsuzhdeniiu termina «andronovskaia obshchnost'» [For a discussion of the term «Andronovo community»]. *Problemy pervobytnoi arkheologii Evrazii: (k 75-letiiu A.A. Formozova)*, Moscow: IA RAN, pp. 202–211.
- Matveev A.V., 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [The first Androns in the Trans-Urals forests], Novosibirsk: Nauka, 417 p.
- Potemkina T.M., 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia* [The Bronze Age in forest-steppe of Tobol river], Moscow: Nauka, 376 p.

А.В. Епимахов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080, РФ
E-mail: eav74@rambler.ru

К ВОПРОСУ О РАДИОУГЛЕРОДНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ РАННЕЙ ДАТИРОВКИ АЛАКУЛЬСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Статья посвящена публикации каталога радиоуглеродных дат алакульской культуры. Анализ серии выявил крайне противоречивую картину. С одной стороны, статистическая проверка серий датировок одних и тех же комплексов показала, что более половины из них не могут быть приняты во внимание. Суммирование вероятностей также не демонстрирует нормального распределения. С другой стороны, эталонная серия Лисаковских могильников (и другие AMS-даты) четко соответствуют схемам периодизации позднего бронзового века Восточной Европы и Западной Сибири. В этой связи алакульская культура пока должна быть отнесена к первой половине II тыс. до н.э. с вероятным сокращением этого интервала.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Зауралье, относительная и абсолютная хронология, радиоуглеродное датирование.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-060-067

Алакульская культура — одно из наиболее масштабных явлений позднего бронзового века в рамках андроновского культурного мира. Если эпохальная принадлежность никем не оспаривается, то по вопросу о происхождении и исторической судьбе до единства мнений пока далеко. Традиционные аргументы, используемые с первых шагов по культурному обособлению этой группы и опирающиеся в конечном итоге на облик керамики и, в меньшей степени, металлические изделия, не дают однозначного ответа на ряд вопросов. В их числе генезис традиции, соотношение с другими культурами и пр. Обращение к методам естественных наук стало логичным продолжением научного поиска, особенно в процессе установления хронологической позиции алакульских древностей в систематике бронзового века Урала и сопредельных территорий. С выделением петровских древностей в качестве ранней фазы алакульской культуры (либо самостоятельной культуры) ситуация несколько осложнилась, появилась потребность выразить в цифрах соотношение этих явлений. Количественные показатели (число анализов) позволяют обратиться к детальному рассмотрению данного вопроса, чему и посвящена настоящая работа.

Алакульские памятники и радиоуглеродное датирование

Первые попытки датирования алакульских памятников относятся к периоду становления методики и были выполнены еще в 1960–1970-е гг. Основными объектами в это время являлись могильник и поселения лесостепного Зауралья, территории во многих отношениях ключевой для верификации выдвигаемых схем культурогенеза. Естественно, что речь шла о крупных по размеру образцах дерева. В дальнейшем этот материал останется основным источником для радиоуглеродного датирования. На сегодняшний день мы располагаем внешне достаточно солидным перечнем из 80 анализов¹ по 19 памятникам, из которых четыре поселения, остальные могильники.

Говорить о культурной однородности вышеуказанного перечня трудно. Следуя ранее предложенным критериям [Матвеев, 1998; Виноградов 2011], по облику керамики как наиболее массовой культурно диагностирующей категории находок была выделена группа (21 результат) с петровскими чертами. Большинство специалистов она считается ранней относительно собственно алакульских древностей. При этом часть материалов Чистолебяжского могильника оказалась в разных выборках, в соответствии с мнением автора раскопок А.В. Матвеева. Кроме

¹ Формально это число несколько больше благодаря исследованию Лисаковского могильника с хорошо выверенной процедурой датирования (см. далее). Однако была избрана максимально строгая процедура отбора значений и использованы только результаты датирования внешних колец образцов дерева.

К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей

того, контекст некоторых образцов (особенно для разнокультурных поселений) сегодня уже невозможно достоверно установить. Наконец, три определения возраста явно не имеют отношения к эпохе бронзы и в дальнейшем обсуждении не использованы.

При обзоре выборки обращает на себя внимание тот факт, что почти половина результатов получена в результате исследования двух могильников (Чистолебяжского и Хрипуновского), в остальных случаях количество образцов не превышает четырех. Всего задействовано 59 комплексов [Аванесова, 1991; Григорьев, 2015; Кузьмина, 2010; Матвеев, 1998; Матвеева, 2007; Потемкина, 1985; Чемякин, 2015; Hanks et al., 2007; Panyushkina et al., 2008], так как в 13 случаях для одного погребения выполнены два и более анализа. Работы проведены шестью лабораториями, доля AMS-дат невелика (одна шестая). Подавляющее большинство анализов выполнено по дереву (две трети), кроме того, есть примеры датирования костей человека и животных.

Даже беглый взгляд на таблицу значений выявляет их огромный разброс — более тысячи лет для конвенциональных дат. Соответственно при калибровке наиболее ранний интервал относится к первой половине III тыс. до н.э., а поздний — ко второй половине II тыс. до н.э. Однако такая оценка может неадекватно отражать общую картину за счет экстремальности крайних точек, необходимо определить равномерность распределения дат по временной шкале. Исходные данные, приведенные к единой форме, представлены в табл.²

Дальнейшие расчеты выполнены в программе OxCal 3.10 (калибровочная кривая 2013 г.). В процессе работы наряду с рутинной калибровкой единичных дат использованы процедуры формирования комбинированных радиоуглеродных дат для закрытых комплексов, чтобы статистически оценить степень согласования анализов, а также сформировать усредненную дату и более узкий интервал. Для обобщения применена процедура суммирования вероятностей, которая позволяет рассмотреть массив данных на предмет его соответствия модели правильного распределения, хотя и не дает достоверного представления о границах интервала.

Петровская серия

Как уже отмечено, серия невелика и включает 21 дату из 13 комплексов (могильники Верхняя Алабуга, Раскатиха, Чистолебяжский, Царев курган и укрепленное поселение Устье). Максимальный разброс конвенциональных значений относится именно к этой выборке. Суммирование вероятностей этот факт иллюстрирует цифрами интервала 2700–1200 (2900–1100)³ гг. до н.э. Неоднородность особенно наглядна на графике (рис. 1), где выделяется несколько пиков. Столь же очевиден этот вывод при обращении к процедуре создания комбинированных радиоуглеродных дат для комплексов, таковых в нашем распоряжении было пять. Три из этого списка не проходят статистическую проверку на согласованность: Чистолебяжский (к. 10, п. 1; к. 13, п. 3) и Верхняя Алабуга (п. 29). Два других успешно формируют комбинированные даты: Чистолебяжский (к. 13, п. 4), Царев курган (центральное погребение). К сожалению, и в этом случае мало поводов для оптимизма. Первая комбинированная дата (3885±39: 2460–2300 (2250–2210) гг. до н.э.) радикально отличается от второй (3500±43: 1890–1760 (1940–1690) гг. до н.э.).

Таким образом, петровская серия имеет многочисленные внутренние противоречия на уровне датирования отдельных комплексов, памятников и выборки в целом. В своем настоящем виде она не может быть использована в качестве формального аргумента в споре о хронологических приоритетах. Очевидно также, что около половины значений относятся к более раннему периоду в сравнении с абашевской, синташтинской, коптяковской и ташковской группами [Епимахов, 2014; Молодин и др. 2014; Корочкова и др., 2015], а также сейминско-турбинскими древностями [Черных, 2012, и др.]. Как минимум часть этого перечня имеет аргументы для синхронизации с петровскими памятниками (напр.: [Куприянова, Зданович, 2015]). Поздняя часть петровского интервала также малоприспособна для содержательных построений, поскольку в его рамках оказываются все культуры II тыс. до н.э., включая хорошо датированные. Часть дат близка синташтинским, ранним срубным и коптяковским, но формальных причин для исключения остальных нет.

Причины столь прискорбной ситуации неясны, очевидно лишь, что анализ костей животных и человека в результате AMS-датирования дал хорошо согласованные результаты, которые укла-

² Приходится признать, что часть информации не полностью отражена в публикациях, так как требования формулировались на протяжении последних лет (см.: [Зазовская, 2016, и др.]). Кроме того, выявлены разногласия в отношении некоторых образцов периода становления методики.

³ За скобками вероятность 68,2 %, в скобках — 95,4 %.

дываются в периодизационные схемы. Вряд ли стоит ссылаться на эффект старого дерева, особенно когда речь о серийном датировании одних и тех же комплексов или образцов.

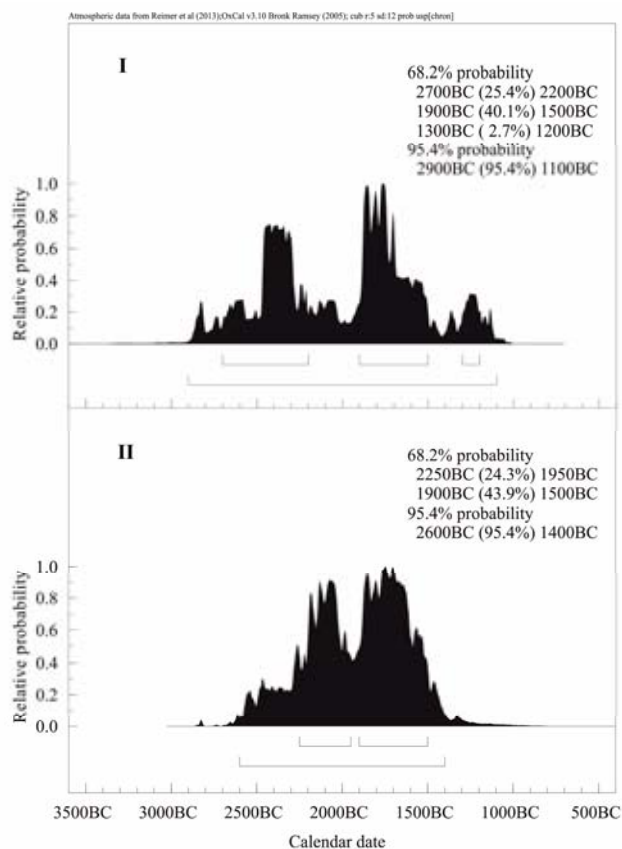

Рис. 1. Сумма вероятностей калиброванных датировок.
I — петровские памятники; II — алакульские памятники.

Алакульская серия

Из 59 дат в анализе задействованы 56, так как три конвенциональных значения приходится на I тыс. до н.э. Результаты получены для 15 могильников и поселений (44 комплекса⁴). Восемь погребений Хрипуновского и Чистолебяжского могильников располагают возможностями создания комбинированных дат. 800-летний разброс в конвенциональных датах при суммировании сформировал очень протяженный интервал: 2250–1500 (2600–1400) гг. до н.э. (рис. 2), на графике которого отчетливо выделяются два пика⁵. Несмотря на то что приведенные цифры чуть более реалистичны в сравнении с петровским вариантом, поводов для оптимизма не слишком много и здесь. На это указывает статистическая проверка отдельных комплексов — из восьми лишь четыре группы дат Хрипуновского могильника (к. 1, п. 13; п. 44; 58; 63) внутренне согласованы⁶. Остальные (Чистолебяжский могильник (к. 9, п. 1) и Хрипуновский могильник (п. 62; 64; 68)) статистический тест не прошли.

Согласованные комбинированные даты выглядят так:

Погребение 13 — 3780 ± 19 : 2280–2140 (2290–2130) гг. до н.э.

Погребение 44 — 3364 ± 21 : 1685–1625 (1740–1610) гг. до н.э.

Погребение 58 — 3719 ± 46 : 2200–2030 (2280–1970) гг. до н.э.

Погребение 63 — 3530 ± 28 : 1920–1770 (1950–1760) гг. до н.э.

⁴ Для целого ряда анализов контекстуальной конкретики явно недостаточно.

⁵ Интересно, что и петровский и алакульский интервалы имеют разрыв в районе 1900 гг. до н.э.

⁶ Во всех случаях анализы выполнены в одной лаборатории.

К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей

Алакульские памятники. Результаты радиоуглеродного датирования

Памятник	Комплекс	Культура	Шифр	Материал	Дата BP	Калибровка (calBC)	
						68,2 %	95,4 %
Верхняя Алабуга, мог.	п. 29	Петровка	Le-1474	Дерево	3270±70	1630–1450	1740–1410
Верхняя Алабуга, мог.	п. 29	Петровка	Le-1423	Дерево	3000±40	1370–1120	1400–1110
Верхняя Алабуга, мог.	Группа 2, п. 6	Петровка	Le-1424	Дерево	3020±60	1390–1130	1420–1080
Верхняя Алабуга, мог.	Группа 2, п. 10	Петровка	Le-1425	Дерево	3710±40	2200–2030	2210–1970
Раскатиха, мог.	р. 1, п. 6	Петровка	Le-1127	Уголь	3300±50	1630–1510	1700–1450
Раскатиха, мог.	р. 4, п. 1	Петровка	Le-1195	Уголь	3910±60	2480–2290	2570–2200
Устье, пос.	п. 2	Петровка	OxA-12560	Кость чел.	3476±32	1880–11740	1890–1690
Устье, пос.	п. 3	Петровка	OxA-12561	Кость чел.	3454±31	1880–1690	1880–1680
Устье, пос.	Жилище 2	Петровка	OxA-12562	Кость жив.	3488±32	1880–1760	1900–1690
Царев к.	ц. п.	Петровка	RUL-275	Дерево	3420±65	1870–1630	199–1530
Царев к.	ц. п.	Петровка	RUL-276	Дерево	3520±65	1930–1750	2030–1680
Царев к.	ц. п.	Петровка	RUL-277	Дерево	3720±120	2300–1940	2500–1750
Чистолепяжский, мог.	к. 10, п. 1	Петровка	SOAN-3236	Дерево	4090±75	2860–2490	2880–2480
Чистолепяжский, мог.	к. 10, п. 1	Петровка	SOAN-3237	Дерево	3870±40	2460–2290	2470–2200
Чистолепяжский, мог.	к. 10, п. 1	Петровка	UPI-570	Дерево	3380±60	1760–1610	1880–1510
Чистолепяжский, мог.	к. 10, п. 1	Петровка	UPI-571	Дерево	3490±50	1890–1750	1940–1680
Чистолепяжский, мог.	к. 13, п. 3	Петровка	SOAN-3240	Дерево	3880±45	2460–2290	2480–2200
Чистолепяжский, мог.	к. 13, п. 3	Петровка	SOAN-3241	Дерево	4085±40	2850–2500	2870–2490
Чистолепяжский, мог.	к. 13, п. 3	Петровка	UPI-563	Дерево	3889±39	2460–2290	2480–2210
Чистолепяжский, мог.	к. 13, п. 4	Петровка	SOAN-3242	Дерево	3925±270	2900–2000	3400–1600
Чистолепяжский, мог.	к. 13, п. 4	Петровка	UPI-565	Дерево	3884±39	2460–2300	2470–2200
Алакуль, мог.	к. 15, п. 1	Алакуль	Le-924	Дерево	3360±50	1740–1560	1760–1500
Алакуль, мог.	?	Алакуль	RUL-922	Дерево	3360±50	1740–1560	1760–1500
Алакуль, мог.	к. 15, п. 6	Алакуль	Le-923	Дерево	3290±80	1670–1460	1760–1400
Камышное II, пос.	п. 6	Алакуль	Le-1198	Дерево	3810±70	2400–2130	2470–2030
Камышное II, пос.	п. 1	Алакуль	Le-1199	Дерево	3420±70	1870–1630	1910–1530
Коркино I, пос.	р. 8, Л/20	?	Le-1544	Дерево	4040±40	2640–2480	2840–2460
Коркино I, пос.	р. 3, я. 4 (колодец), Н/16–17	Алакуль	Le-1541	Дерево	3640±40	2120–1940	2140–1900
<i>Коркино I, пос.</i>	<i>Н/20</i>	?	<i>Le-1542?</i>	<i>Дерево</i>	<i>2930±30</i>	<i>1200–1050</i>	<i>1220–1020</i>
<i>Коркино I, пос.</i>	<i>р. 3, ж. 3, К/15</i>	?	<i>Le-1545</i>	<i>Дерево</i>	<i>2600±30</i>	<i>810–775</i>	<i>830–670</i>
Кулевчи VI, мог.	р. 4, п. 31	Алакуль	OxA-12527	Кость	3542±30	1940–1780	1960–1760
Кулевчи VI, мог.	р. 4, п. 24	Алакуль	OxA-12526	Кость чел.	3501±32	1890–1770	1920–1740
Кулевчи VI, мог.	к. 5, п. 3	Алакуль	OxA-12528	Кость чел.	3457±30	1880–1690	1880–1690
Лисаковский-1, мог.	к. 3	Алакуль	AA-78369	Дерево	3409±38	1750–1640	1880–1610
Лисаковский-3, мог.	соор. 7	Алакуль	AA-78378	Дерево	3434±40	1870–1680	1880–1640
Лисаковский-3, мог.	соор. 2	Алакуль	AA-78389	Дерево	3444±40	1870–1680	1890–1660
Лисаковский-3, мог.	соор. 2, ров	Алакуль	KI-13008	Кость	3340±70	1730–1520	1870–1450
Лисаковский-3, мог.	соор. 3	Алакуль	AA-78392	Дерево	3457±40	1880–1690	1890–1660
Лисаковский-3, мог.	соор. 8	Алакуль?	KI-13463	Кость	3120±180	1610–1120	1900–900
Лисаковский-4, мог.	соор. 1	Алакуль	AA-78391	Дерево	3437±40	1870–1680	1880–1640
Мочище, пос.	кв. В/27, я. 6, гор. 4, гл. (-52...-62)	Алакуль	SOAN-7318	Кость жив.	3710±75	2210–1970	2340–1890
Мочище, пос.	кв. Ж/2, гор. 7 (-89) и (-100...-110)	Алакуль	SOAN-7315	Кость жив.	3700±65	2200–1980	2290–1920
Мочище, пос.	кв. А/30, я. 1, жил., гор. 3, гл. (-40...-60)	Алакуль	SOAN-7317	Кость жив.	3690±45	2140–1980	2200–1950
Мочище, пос.	кв. В/9 ЮЗ, я. 45, гл. (-177)	Алакуль	SOAN-7316	Кость жив.	3670±55	2140–1970	2200–1900
Синташта, пос.		Алакуль?	Le-1142	Уголь	3410±90	1880–1610	1940–1500
Субботино, мог.	к. 3, п. 1	Алакуль	Le-129	Дерево	3910±70	2490–2280	2580–2190
Субботино, мог.	к. 2, п. 1	Алакуль	Le-1228	Дерево	3900±70	2480–2280	2580–2140
Субботино, мог.	к. 17, п. 3	Алакуль	Le-1126	Дерево	3460±50	1880–1690	1900–1640
Субботино, мог.	к. 18, п. 16	Алакуль	Le-1196	Дерево	3300±50	1630–1510	1700–1450
Тасты-Бутак, пос.	я. 14	Алакуль	RUL-614	Дерево	3500±60	1910–1740	2020–1660
Тасты-Бутак, пос.	я. 11	Алакуль	Le-213	Дерево	3190±80	1610–11320	1660–1260
Урефты, мог.	к. 25, п. 7	Алакуль	OxA-12522	Кость жив.	3330±31	1670–1530	1690–1520
Хрипуновский, мог.	к. 1, п. 13	Алакуль	SOAN-3243	Дерево	3805±25	2290–2200	2340–2140
Хрипуновский, мог.	к. 1, п. 13	Алакуль	SOAN-3244	Дерево	3730±30	2200–2040	2210–2030
Хрипуновский, мог.	к. 1, п. 21	Алакуль	SOAN-3247	Дерево	3935±45	2490–2340	2570–2290
Хрипуновский, мог.	к. 1, п. 25	Алакуль	SOAN-3346	Дерево	3725±35	2200–2040	2280–2020
Хрипуновский, мог.	к. 1, п. 26	Алакуль	SOAN-3245	Дерево	3720±30	2200–2040	2210–2030
Хрипуновский, мог.	п. 31	Алакуль	SOAN-4503	Дерево	3245±40	1610–1450	1620–1430
Хрипуновский, мог.	п. 40	Алакуль	Le-6152	Дерево	3420±60	1870–1630	1890–1550
Хрипуновский, мог.	п. 44	Алакуль	Le-6150	Дерево	3370±25	1690–1630	1740–1610
Хрипуновский, мог.	п. 44	Алакуль	Le-6151	Дерево	3500±50	1890–1750	1950–1690
Хрипуновский, мог.	п. 44	Алакуль	SOAN-4504	Дерево	3320±45	1660–1530	1740–1500
Хрипуновский, мог.	п. 56	Алакуль	SOAN-6268	Дерево?	3500±110	1970–1680	2150–1500
Хрипуновский, мог.	п. 57	Алакуль	SOAN-6265	Дерево?	3455±95	1890–1640	2020–1520
Хрипуновский, мог.	п. 58	Алакуль	SOAN-6267	Дерево?	3765±110	2400–2020	2500–1850
Хрипуновский, мог.	п. 58	Алакуль	SOAN-6266	Дерево?	3710±50	2200–2030	2280–1950

Памятник	Комплекс	Культура	Шифр	Материал	Дата BP	Калибровка (calBC)	
						68,2 %	95,4 %
Хрипуновский, мог.	п. 62	Алакуль	SOAN-6270	Дерево?	3780±40	2290–2140	2350–2040
<i>Хрипуновский, мог.</i>	<i>п. 62</i>	<i>Алакуль</i>	<i>SOAN-6271</i>	<i>Дерево?</i>	<i>3510±35</i>	<i>1890–1770</i>	<i>1940–1740</i>
Хрипуновский, мог.	п. 63	Алакуль	SOAN-6272	Дерево?	3540±40	1940–1770	1980–1750
<i>Хрипуновский, мог.</i>	<i>п. 63</i>	<i>Алакуль</i>	<i>SOAN-6273</i>	<i>Дерево?</i>	<i>3520±40</i>	<i>1910–11770</i>	<i>1960–1740</i>
<i>Хрипуновский, мог.</i>	<i>п. 64</i>	<i>Алакуль</i>	<i>SOAN-6275</i>	<i>Дерево?</i>	<i>3225±75</i>	<i>1610–1420</i>	<i>1690–1300</i>
<i>Хрипуновский, мог.</i>	<i>п. 64</i>	<i>Алакуль</i>	<i>SOAN-6276</i>	<i>Дерево?</i>	<i>3665±35</i>	<i>2140–1970</i>	<i>2150–1940</i>
<i>Хрипуновский, мог.</i>	<i>п. 65</i>	<i>Алакуль</i>	<i>SOAN-6282</i>	<i>Дерево?</i>	<i>3705±70</i>	<i>2200–1970</i>	<i>2300–1890</i>
Хрипуновский, мог.	п. 68	Алакуль	SOAN-6281	Дерево?	3715±30	2200–2030	2200–2020
Хрипуновский, мог.	п. 68	Алакуль	SOAN-6280	Дерево?	3655±35	2130–1960	2140–1930
<i>Хрипуновский, мог.</i>	<i>п. 68</i>	<i>Алакуль</i>	<i>SOAN-6278</i>	<i>Дерево?</i>	<i>3575±40</i>	<i>2010–1880</i>	<i>2040–1770</i>
Чистолеляжский, мог.	к. 9, п. 1	Алакуль	SOAN-3238	Дерево	3960±40	2570–2350	2580–2330
Чистолеляжский, мог.	к. 9, п. 1	Алакуль	UPI-567	Дерево	3766±43	2280–2060	2300–2030
Чистолеляжский, мог.	к. 9, п. 1	Алакуль ?	SOAN-3239	Дерево	3755±85	2290–2030	2500–1950
<i>Чистолеляжский, мог.</i>	<i>к. 9, п. 1</i>	<i>Алакуль</i>	<i>UPI-562</i>	<i>Дерево</i>	<i>2623±35</i>	<i>825–785</i>	<i>900–670</i>

Примечание. Полу жирным курсивом выделены комплексы с серией дат, курсивом — даты, исключенные из процедуры суммирования вероятностей.

Приведенные значения имеют те же изъяны, что и серия в целом, — разногласия достигают нескольких веков для однокультурного комплекса. На взгляд автора этих строк, в обширных материалах могильника трудно выделить раннюю серию. Если взглянуть не на комплексы, а на другие памятники с сериями дат (могильник Субботино, поселения Камышное, Коркино I, Тасты-Бутак), то картина окажется почти идентичной. Исключения из этого печального «правила» являют собой только немногочисленные анализы для поселения Мочище, могильников Алакуль, Кулевчи VI и Лисаковских 1–4.

Могильники Лисаковские заслуживают отдельного внимания, так как степень достоверности результатов в этом случае неизмеримо выше в сравнении со всеми остальными перечисленными [Panyushkina et al., 2008]. Дело не только во впечатляющем объеме серии (24 образца⁷), но и в применении уточняющих процедур: датирование разных материалов в разных технологиях, датирование годичных колец с последующей статистической обработкой (wiggle matching). Все это обуславливает эталонность результатов исследования Лисаковских могильников. Выводы авторов, которые трудно оспорить умозрительными спекуляциями, сводятся к утверждению, что временем функционирования памятников был период 1780–1660 гг. до н.э. Речь идет не о вероятностном интервале, а о длительности использования площадки для захоронений. Удалось установить также порядок совершения ритуалов захоронения. Конечно, выводы имеют отношение к конкретному участку по берегам р. Тобола, но материальная культура местных памятников имеет неоспоримые черты сходства с другими зауральскими могильниками. Обычно за таким *комплексным сходством* усматривается близость хронологии, и нет никаких поводов делать исключения из этого общепринятого допущения.

Лисаковские даты четко укладываются в предложенную ранее периодизацию, более того, они согласуются с выводами о возрасте андроновских древностей к востоку от Урала [Молодин и др., 2014] и срубных древностей к западу [Черных, 2012 и др.]. Серия дат для синкретических алакульско-федоровских памятников очень близка обозначенным цифрам [Епимахов, 2014 и др.]. На фоне этого перечисления поздняя часть суммарного интервала (1900–1500 гг. до н.э.) выглядит куда более реалистичной, чем ранняя, что подтверждается стратиграфическими фактами. Они стабильно демонстрируют более позднюю позицию алакульских слоев и объектов относительно синташтинских. Видимо, не удастся привести и типологические контраргументы.

Остается вопрос о значительном числе ранних датировок в алакульской серии. Только часть из них относится к первым шагам отечественной школы радиоуглеродного датирования. Из очевидных наблюдений можно упомянуть только тот факт, что практически все результаты такого рода получены в одной лаборатории (СО РАН), в основном при анализе дерева.

Некоторые выводы

Несовершенства базы данных радиоуглеродных анализов алакульской культуры сигнализируют, что эти данные не могут быть некритически использованы в качестве аргумента при

⁷ Цифра учитывает и синкретические алакульско-федоровские комплексы.

К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей

определении рамок существования культуры. Наметившееся разногласие степной и лесостепной серий вряд ли служит надежным фундаментом для однозначных масштабных заключений о чрезвычайно ранней датировке алакульских памятников лесостепи. Малополезным оказалось и отделение от общей группы петровских древностей, которые многие исследователи считают ранней фазой алакульской культуры (либо основой будущего алакульского культуругенеза). Обе серии выглядят совершенно непригодными для заключений о приоритетах. Вместе с тем логика культурных процессов начала позднего бронзового века и многие черты сходства (не говоря уже о синкретических комплексах) подсказывают, что алакульские (и андроновские) древности этой части Северной Евразии синхронны срубной общности, хронологические рубежи которой выглядят вполне определенно и точно не выходят в III тыс. до н.э. Данное обстоятельство четко задает хронологические рамки.

Признание синташтинского участия в алакульском культуругенезе также не оставляет особых вариантов. Синташтинская хронология — одна из наиболее надежных и разнообразно представленных. Достаточно упомянуть, что использованы практически все варианты датирующих материалов, обширными сериями представлены даты поселений и могильников, применены современные технологии и статистические процедуры [Erimakhov, Krause, 2013]. Общее число анализов приближается к сотне, а поскольку все датировки после середины 1990-х гг. демонстрируют очень незначительные отклонения, трудно ожидать корректировки установленных границ культуры — конец XXI — начало XVIII в. до н.э. Таким образом, крайне сомнительными представляются попытки датировать петровские и алакульские материалы более ранним периодом.

Для подтверждения этой экстравагантной версии нужно представить более веские аргументы, чем несогласованность алакульских радиоуглеродных дат; прежде всего требуется комплексный анализ типологических и стратиграфических свидетельств, которые заставят пересмотреть сформулированную систему периодизации. Что касается радиоуглеродной аргументации, видимо, альтернативы естественнонаучному датированию нет, но процесс накопления требует выверенного отбора и анализа всех факторов, влияющих на конечный результат. Бросается в глаза, что ускорительные технологии (особенно при серийном использовании) дают более стабильные результаты и позволяют провести взаимопроверку выводов, в том числе на предмет влияния резервуарного эффекта [Svyatko et al., 2015] и пр. Во всяком случае, в нашей выборке ни один из образцов при калибровке не дал интервал, уходящий в III тыс. до н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан УзССР, 1991. 200 с.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Григорьев С.А.* К проблеме формирования алакульской культуры Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 119–124.
- Епимахов А.В.* Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Тайнство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 125–205.
- Зазовская Э.П.* Радиоуглеродное датирование — современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2016. № 1 (32). С. 151–164.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И.* О металлообработке эпохи поздней бронзы горнолесного Зауралья: Кельты кежировского типа // Вестн. КемГУ. 2015. Т. 6, № 2. С. 61–67.
- Кузьмина Е.Е.* Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа — Азия. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
- Куприянова Е.В., Зданович Д.Г.* Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Чемякин Ю.П.* Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 169–176.

А.В. Епимахов

Черных Е.Н. Металлургические провинции на фоне геоэкологических ареалов Евразии в эпоху раннего металла (V–I тыс. до н.э.) // Металлургические провинции на фоне геоэкологических ареалов Евразии в Эпоху раннего металла (V–I тыс. до н.э.). // Мегаструктура Евразийского мира: Основные этапы формирования. М.: ИА РАН, 2012. С. 122–127.

Epimakhov A.V., Krause R. Relative and absolute Chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 129–146.

Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. 2007. Vol. 81, N 312. P. 353–367.

Panyushkina I., Mills B.J., Usmanova E.R., Li Cheng. Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia // *Radiocarbon*. 2008. Vol. 50, N 3. P. 459–469.

Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J. Freshwater reservoir effect on redating of Eurasian steppe cultures: First results for eneolithic and early Bronze Age Northeast Kazakhstan // *Radiocarbon*. 2015. Vol. 57, N 4. P. 625–644.

A.V. Epimakhov

Institute of History and Archaeology, South Ural Department, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
Lenina prospect, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: eav74@rambler.ru

REVISITING RADIOCARBON ARGUMENTATION OF EARLY DATING OF ALAKUL' ANTIQUITIES

The main aim of the article is the publication of the full catalog of Alakul' radiocarbon dates. Analysis of the sequences has shown a very contradictory picture. On the one hand, the statistical tests for the same complexes (combine radiocarbon dates) indicated that more than half of them should not be used. The sum of the probabilities did not show a normal distribution. On the other hand, the reference series of Lisakovsky cemeteries (and other AMS dates) clearly corresponded to the scheme of periodization of the Late Bronze Age in Eastern Europe and Western Siberia. In this regard, the Alakul' culture is to be attributed to the first half of the II millennium BC with a probable reduction of this interval in future.

Key words: Late Bronze Age, Trans-Urals, relative and absolute chronology, radiocarbon dating.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-060-067

REFERENCES

Avanesova N.A., 1991. *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR* [Culture of pastoral tribes in the Asian part of the USSR in the Bronze Age], Tashkent: Fan UzSSR, 200 p.

Chemiakin Iu.P., 2015. Sledy voennykh konfliktov na alakul'skikh poseleniakh [Traces of military conflicts in the Alakul' settlements]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Cheliabinsk, pp. 169–176.

Chernykh E.N., 2012. Metallurgicheskie provintsii na fone geoekologicheskikh arealov Evrazii v Epokhu ranego metalla (V–I tys. do n.e.) [Metallurgical provinces alongside geo-ecological areas in Eurasia in the Early Metal Age (V–I millennium BC)]. *Megastruktura Evraziiskogo mira: Osnovnye etapy formirovaniia*, Moscow: IA RAN, pp. 122–127.

Epimakhov A.V., 2014. Dinamika kommunikatsii bronzovogo veka Urala [Communication Dynamics in the Urals in the Bronze Age]. *Tainstvo etnicheskoi istorii drevneishikh nomadov stepnoi Evrazii*, Almaty: Ostrov Krym, pp. 125–205.

Epimakhov A.V., Krause R., 2013. Relative and absolute Chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*, Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, pp. 129–146.

Grigor'ev S.A., 2015. K probleme formirovaniia alakul'skoi kul'tury Zaural'ia [Revisiting the problem of formation of the Alakul' culture in the Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Cheliabinsk, pp. 119–124.

Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C., 2007. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia. *Antiquity*, vol. 81, no. 312, pp. 353–367.

Korochkova O.N., Spiridonov I.A., Stefanov V.I., 2015. O metalloobrabotke epokhi pozdnei bronzy gornolesnogo Zaural'ia: Kel'ty kezhirovskogo tipa [About the Late Bronze Age metal working in the forest Trans-Urals: Kezhirovo type celts]. *Vestnik KemGU*, vol. 6, no. 2, pp. 61–67.

Kupriianova E.V., Zdanovich D.G., 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ia: mogil'nik Stepnoe VII* [Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: Stepnoe VII cemetery], Cheliabinsk: Entsiklopediia, 196 p.

Kuz'mina E.E., 2010. *Predystoriia Velikogo shelkovogo puti: Dialog kul'tur Evropa — Azia* [Prehistory of the Silk Road: Dialogue of Cultures: Europe — Asia], Moscow: KomKniga, 240 p.

К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей

Matveev A.V., 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [The earliest Andronovo groups in the forests of the Trans-Urals], Novosibirsk: Nauka, 417 p.

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaia khronologiya epokhi bronzy Urala i iuga Zapadnoi Sibiri: Printsipy i podkhody, dostizheniia i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Age in the Urals and in the Southern part of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and problems]. *Vestnik NGU, Seriya Istorii, filologiya*, vol. 13, 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 136–167.

Panyushkina I., Mills B.J., Usmanova E.R., Li Cheng, 2008. Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia. *Radiocarbon*, vol. 50, no. 3, pp. 459–469.

Potemkina T.M., 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia* [Bronze Age in the forest-steppe zone of the Tobol River basin], Moscow: Nauka, 376 p.

Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J., 2015. Freshwater reservoir effect on redating of Eurasian steppe cultures: First results for eneolithic and early Bronze Age Northeast Kazakhstan. *Radiocarbon*, vol. 57, no. 4, pp. 625–644.

Vinogradov N.B., 2011. *Stepi luzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e.*: (Pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) [The Southern Urals and Kazakhstan steppe in the first centuries of the II millennium BC: (Sintashta and Petrovka type sites)], Cheliabinsk: Abris, 175 p.

Zazovskaia E.P., 2016. Radiouglerodnoe datirovanie — sovremennoe sostoianie, problemy, perspektivy razvitiia i ispol'zovanie v arkheologii [Radiocarbon dating — modern state, problems, prospects of development and use in archaeology]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (32), pp. 151–164.

В.В. Ткачев

Институт степи УрО РАН
ул. Пионерская, 11, Оренбург, 460000, РФ
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ КОЖУМБЕРДЫНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ НА ЗАПАДНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЛАКУЛЬСКОГО АРЕАЛА¹

Рассматривается проблема хронологии кожумбердынской культурной группы Уральско-Мугоджарского региона, являющейся локальным вариантом алакульской культуры. Вводится в научный оборот новая серия радиоуглеродных дат из поселений и могильников позднего бронзового века, локализующихся в южных отрогах Уральских гор. Анализ исходных данных позволил определить хронологический интервал существования памятников кожумбердынской культурной группы в пределах второй половины XVIII в. до н.э. — XII в. до н.э. с возможностью деления на две последовательные фазы, граница между которыми приходится приблизительно на 1400 г. до н.э. На основе радиоуглеродного датирования можно сделать заключение об относительной синхронности алакульской и федоровской культур. Хронологический приоритет имеют только памятники раннеалакульского (петровского) этапа, в то время как появление федоровского компонента относится к развитой стадии алакульской культуры. Поздняя фаза бытования памятников кожумбердынской культурной группы смыкается по времени с горизонтом культур валиковой керамики финала бронзового века, что допускает возможность их генетической преемственности.

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, алакульская культура, кожумбердынская культурная группа, Уральско-Мугоджарский регион, радиоуглеродное датирование.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-068-077

Введение

Культурная специфика памятников позднего бронзового века (ПБВ) Уральско-Мугоджарского региона на западном фланге андроновского мира отмечалась их первыми исследователями уже с момента открытия в 1920-х гг. Тогда же был поставлен вопрос о том, что особый статус западного варианта андроновских древностей в значительной мере определялся наличием собственной минерально-сырьевой базы, способствовавшей динамичному развитию горно-металлургического производства [Грязнов, 1927, с. 215].

Разработка концепции андроновской культурно-исторической общности (КИО) и формирование солидной источниковой базы для изучения древностей эпохи поздней бронзы в южных отрогах Уральских гор позволили обосновать их культурную обособленность и уточнить статус в системе археологической таксономии. В качестве эпонимного для обозначения обсуждаемой группы памятников выступил Кожумбердынский могильник [Граков, 1935, с. 109; Кривцова-Гракова, 1948, с. 165–169; Кузьмина, 1969]. В рамках эволюционного подхода памятники кожумбердынского типа воспринимаются как переходные между алакульской и федоровской культурами андроновской КИО [Аванесова, 1991, с. 87, рис. XVII; Зданович, 1988, с. 7, 153]. В соответствии с альтернативной трактовкой содержания андроновской КИО памятники кожумбердынского типа позиционируются как синкретические, отражающие процесс взаимодействия синхронных культур, относящиеся к алакульской линии развития, но органично вобравшие в себя федоровские компоненты [Кузьмина, 1994, с. 46–47; 2008, с. 250–268].

Необходимо упомянуть также относящуюся к разряду экстравагантных гипотезу о «первородности» смешанных памятников (тау-таринских, атасуских, амангельдинских, кожумбердын-

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00323а «Разработка археологической карты исторических медных рудников степного Приуралья на основе изучения архитектоники наземного и подземного ландшафта с учетом геохимической специфики рудопроявлений», гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан № 2585/ГФ4 «Горно-металлургические центры древнего Казахстана: междисциплинарное исследование проблем освоения природных ресурсов в эпоху палеометалла».

Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы...

ских), якобы составлявших костяк андроновской КИО, от которой отпочковываются алакульская культура в западном направлении и федоровская — в восточном. При этом появление в степях Центральной Евразии указанных синкретических комплексов связывается с миграцией переселенцев из Средней Азии — носителей Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) [Кукушкин, 2002, с. 119–120; 2010].

Первоначально определение хронологической позиции памятников кожумбердынской культурной группы осуществлялось посредством традиционных сравнительно-типологических процедур. Памятникам кожумбердынского типа (этапа) отводился сравнительно узкий хронологический горизонт, не выходящий за рамки XIV в. до н.э. [Аванесова, 1991, рис. XVII; Зданович, 1988, с. 153]. Первые попытки радиоуглеродного датирования относятся к периоду становления методики в нашей стране. В 1960-е гг. в лаборатории ЛОИА АН СССР были получены две пары радиоуглеродных дат по образцам дерева из поселения Тасты-Бутак и могильника Турсумбай I [Аванесова, 1991, с. 117–118; Кузьмина, 1994, с. 374]. Эти данные позволили расширить хронологические рамки существования кожумбердынских древностей и поместить их в интервале XVI–XII вв. до н. э. [Кузьмина, 1994, с. 46, 374, 377].

К настоящему времени в ходе реализации ряда инициированных автором исследовательских проектов археометаллургической направленности удалось дополнить серию еще 20 радиоуглеродными датами из памятников кожумбердынской культурной группы. Целью данной статьи является введение в научный оборот наиболее полной сводки радиоуглеродных дат кожумбердынской культурной группы, анализ которых позволяет вывести на новый качественный уровень обсуждение вопросов, связанных с определением культурно-хронологической позиции одного из локальных вариантов алакульской культуры и его места в системе андроновской КИО.

Географическая локализация и общая характеристика источников

Памятники кожумбердынской культурной группы занимают обособленный с физико-географической точки зрения район на южной оконечности Уральской горно-равнинной страны (рис. 1). Он охватывает две физико-географические области: Приюжноуральскую предгорно-возвышенную степную и Мугоджарскую предгорно-низкогорную полупустынную и горно-степную. Ландшафтное разнообразие в пределах степных и полупустынных экосистем обусловлено ярко выраженной меридиональной зональностью. В то же время ландшафтно-орографические различия позволяют внести более тонкие градации и выделить несколько подобластей (провинций). Северная часть кожумбердынского ареала размещается в территориальных пределах Центрально-Приюжноуральской (Урало-Таналыкской) мелкосопочно-высокоравнинной и Урало-Тобольской возвышенно-равнинной провинций. На юге памятники этого круга локализуются на восточном фланге Западно-Примугоджарской (Эмбенской) увалисто-равнинной провинции и в границах Центрально-Мугоджарской (Примугоджарской) низкогорно-мелкосопочной и Восточно-Примугоджарской (Иргизской) равнинно-увалистой провинций [Чибилев А., Чибилев Ант., 2012, с. 1663–1664, табл. 2, рис. 1; Шакиров, 2011]. Ранее очерченная территория, характеризующаяся относительной монолитностью ландшафтной структуры, рассматривалась в качестве единой физико-географической единицы — Уральско-Мугоджарской низкогорной провинции.

Культурная обособленность носителей кожумбердынского комплекса во многом определялась самодостаточностью хозяйственно-культурной системы. Основу системы жизнеобеспечения составляли отгонные формы скотоводства. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что важными компонентами производящей экономики в этот период становятся металлургия и металлообработка. Именно с кожумбердынским населением следует связывать освоение богатейших меднорудных ресурсов региона. Целенаправленные геоархеологические исследования позволили выделить Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр (ГМЦ) эпохи поздней бронзы, функционирование которого связано с металлопроизводственной деятельностью кожумбердынской культурной группы [Ткачев, 2011; Ткачев et al., 2013].

Именно стремление получить объективную информацию о времени формирования указанного историко-металлургического образования стало стимулом для реализации масштабной программы радиоуглеродного датирования памятников кожумбердынской культурной группы с целью установления их абсолютной хронологии². В общей сложности были получены 24 радиоуглеродные даты, но 4 из них оказались непригодными для использования. Одна дата, из Еле-

² Исследования проведены Г.И. Зайцевой в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН.

новского могильника, дала интервал калибровочного возраста в пределах IV тыс. до н. э., что совершенно неприемлемо. Еще три даты, из могильников Ушкаттинский I, Ишкиновка I и Аралча II, имели слишком большие значения стандартных отклонений, составлявших от 350 до 750 лет, что автоматически переводит их в разряд некорректных.

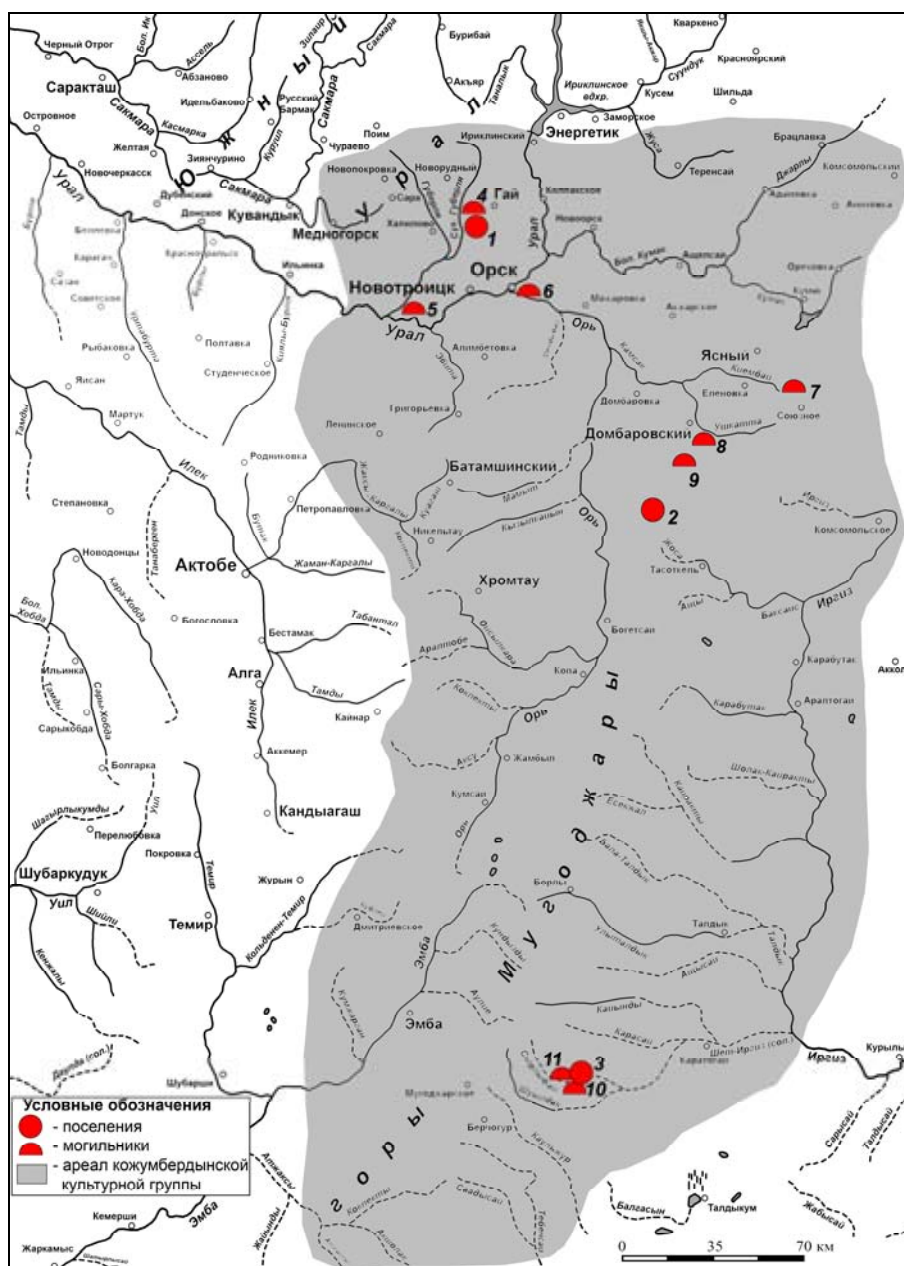

Рис. 1. Карта локализации памятников кожумбердынской культурной группы, датированных радиоуглеродным методом:

- 1 — Ишкиновка (пос.); 2 — Тасты-Бутак (пос.); 3 — Сарлыбай III (пос.); 4 — Ишкиновка I (мог.); 5 — Казачья Губерля II (мог.); 6 — Нагорный (мог.); 7 — Турсумбай I (мог.); 8 — Ушкаттинский I (мог.); 9 — Аралча II (мог.); 10 — Сарлыбай III (мог.); 11 — Сарлыбай V (мог.).

В результате выборка составила 20 радиоуглеродных дат. Даты из погребальных памятников числом 15 получены по образцам костей человека, материалом для датирования 5 образцов из поселений стали кости животных. Для получения полноценной картины серия была дополнена четырьмя упомянутыми выше анализами из раскопок 1960-х гг., сделанными по образцам дерева в той же лаборатории ранее. Таким образом, была сформирована вполне репре-

Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы...

зентативная выборка из 24 радиоуглеродных дат, удовлетворяющая требованиям математической статистики.

В территориальном отношении памятники, образцы органики из которых были проанализированы методом радиоуглеродного датирования, охватывают практически весь ареал кожумбердынской культурной группы, хотя большинство из них сосредоточено в северной части (рис. 1). Распределение по типам памятников в целом отражает соотношение исследованных погребальных и бытовых объектов. Серию из могильников составили 17 образцов, происходящих из такого же числа погребений в 15 надмогильных сооружениях, сосредоточенных в 8 некрополях. Поселенческая выборка составила 7 анализов из 3 бытовых памятников.

Результаты радиоуглеродного датирования

Результаты датирования комплексов кожумбердынской культурной группы приведены в табл. Обращает на себя внимание тот факт, что конвенционные даты, полученные по образцам костей человека, животных и фрагментам деревянных конструкций, демонстрируют неплохое схождение, что позволяет при осуществлении интерпретационных процедур оперировать всей совокупностью значений без оговорок о различиях в точности измерений при определении возраста по различным материалам. Кроме того, все анализы сделаны в одной лаборатории по единой методике, что повышает корректность сопоставлений и их достоверность.

Результаты радиоуглеродного датирования комплексов кожумбердынской культурной группы

№ п/п	Адрес	Шифр лаборатории	Материал	BP	BC cal 68,2 %	BC cal 95,4 %
1	Могильник Ушкаттинский I, к. 12, п. 1	Ле-8845	Кость человека	3290±180	(3,3 %) 1880–1840 calBC (1,7 %) 1820–1790 calBC (61,8 %) 1780–1390 calBC (1,4 %) 1340–1320 calBC	(0,2 %) 2120–2100 calBC (95,2 %) 2040–1110 calBC
2	Могильник Ушкаттинский I, к. 4, п. 5	Ле-8847	Кость человека	3250±90	(68,2 %) 1630–1430 calBC	(91,8 %) 1750–1370 calBC (3,6 %) 1360–1300 calBC
3	Поселение Ишкиновка, кв. Г-2, уровень -35	Ле-8854	Кость животного	3020±150	(68,2 %) 1430–1050 calBC	(95,4 %) 1620–890 calBC
4	Поселение Ишкиновка, кв. Г-2, уровень -70	Ле-8855	Кость животного	3190±100	(63,2 %) 1620–1380 calBC (5,0 %) 1340–1310 calBC	(0,3 %) 1730–1720 calBC (95,1 %) 1700–1210 calBC
5	Могильник Ушкаттинский I, к. 1, п. 33	Ле-9335	Кость человека	3080±200	(1,1 %) 1600–1580 calBC (67,1 %) 1540–1040 calBC	(0,3 %) 1870–1850 calBC (95,1 %) 1780–830 calBC
6	Могильник Ушкаттинский I, к. 2, п. 3	Ле-9337	Кость человека	3240±90	(68,2 %) 1630–1420 calBC	(95,4 %) 1750–1290 calBC
7	Могильник Ушкаттинский I, к. 22, п. 4 (северный костяк)	Ле-9336	Кость человека	3380±150	(68,2 %) 1880–1500 calBC	(1,3 %) 2140–2080 calBC (92,9 %) 2050–1370 calBC (1,2 %) 1350–1300 calBC
8	Поселение Ишкиновка, раскоп 3	Ле-9342	Кость животного	2940±200	(68,2 %) 1400–920 calBC	(95,4 %) 1690–760 calBC
9	Могильник Аралча II, к. 4, п. 1	Ле-9348	Кость человека	2870±130	(68,2 %) 1230–900 calBC	(95,4 %) 1400–800 calBC
10	Могильник Аралча II, к. 1, п. 2	Ле-9347	Кость человека	2730±190	(64,8 %) 1220–750 calBC (1,2 %) 690–660 calBC (2,1 %) 640–590 calBC	(2,0 %) 1390–1330 calBC (93,4 %) 1320–410 calBC
11	Могильник Нагорный, п. 2, южный костяк	Ле-9346	Кость человека	3500±120	(1,2 %) 2010–2000 calBC (67,0 %) 1980–1660 calBC	(95,4 %) 2150–1520 calBC
12	Могильник Ишкиновка I, к. 2, п. 1	Ле-9680	Кость человека	3380±110	(4,9 %) 1880–1840 calBC (1,3 %) 1820–1800 calBC (62,0 %) 1780–1520 calBC	(95,4 %) 1950–1430 calBC
13	Могильник Казачья Губерля II, к. 6	Ле-9682	Кость человека	3310±70	(68,2%) 1670–1500calBC	(95,4 %) 1750–1430 calBC
14	Могильник Ушкаттинский I, к. 35, п. 3	Ле-9679	Кость человека	3380±110	(4,9 %) 1880–1840 calBC (1,3 %) 1820–1800 calBC (62,0 %) 1780–1520 calBC	(95,4 %) 1950–1430 calBC
15	Могильник Ушкаттинский I, к. 22, п. 13	Ле-9677	Кость человека	3110±110	(68,2 %) 1500–1220 calBC	(95,4 %) 1620–1050 calBC
16	Могильник Сарлыбай V, ограда 7, п. 2, северный костяк	Ле-11105	Кость человека	2920±100	(68,2 %) 1270–980 calBC	(95,4 %) 1410–890 calBC
17	Могильник Сарлыбай III, ограда 28, пристройка	Ле-11106	Кость человека	3270±100	(68,2 %) 1660–1430 calBC	(1,1 %) 1880–1840 calBC (0,3 %) 1820–1800 calBC (90,8 %) 1780–1370 calBC (3,3 %) 1360–1290 calBC
18	Могильник Сарлыбай III, ограда 23, п. 1	Ле-11107	Кость человека	3220±100	(68,2 %) 1630–1390 calBC	(95,3 %) 1750–1230 calBC
19	Поселение Сарлыбай III, раскоп 2, кв. И 5	Ле-11108	Кость животного	3185±95	(5,9 %) 1610–1580 calBC (55,2 %) 1570–1380 calBC (7,1 %) 1350–1300 calBC	(95,4 %) 1690–1220 calBC

№ п/п	Адрес	Шифр лаборатории	Материал	BP	BC cal 68,2 %	BC cal 95,4 %
20	Поселение Сарлыбай III, раскоп 2, заполнение колодца	Ле-11110	Кость животного	2980±70	(3,5 %) 1380–1350 calBC (64,7 %) 1310–1080 calBC	(95,4 %) 1410–1010 calBC
21	Поселение Тасты-Бугак, яма 14	РУЛ-614	Дерево	3550±65	(41,9 %) 1980–1860 calBC (26,3 %) 1850–1770 calBC	(1,6 %) 2120–2090 calBC (91,8 %) 2040–1730 calBC (1,9 %) 1720–1690 calBC
22	Поселение Тасты-Бугак, яма 11	Ле-213	Дерево	3190±80	(5,7 %) 1610–1580 calBC (59,5 %) 1560–1390 calBC (3,0 %) 1340–1320 calBC	(95,4 %) 1650–1260 calBC
23	Могильник Турсумбай I, ограда 6, п. 1	Ле-660	Дерево	3190±90	(6,4 %) 1610–1580 calBC (57,9 %) 1570–1380 calBC (3,9 %) 1340–1320 calBC	(95,4 %) 1690–1230 calBC
24	Могильник Турсумбай I, ограда 7, п. 1	Ле-662	Дерево	3080±50	(68,2 %) 1410–1280 calBC	(95,4 %) 1450–1210 calBC

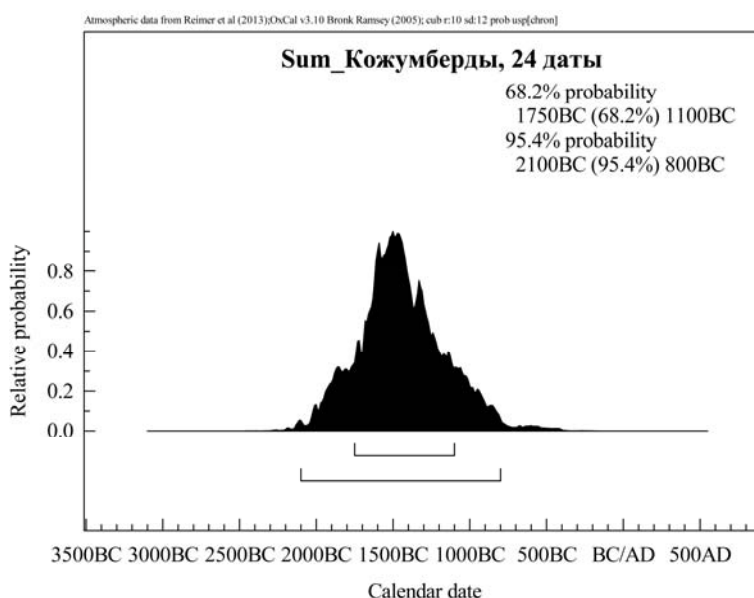

Рис. 2. Сумма вероятностей калиброванных радиоуглеродных датировок комплексов кожумбердынской культурной группы.

Первым этапом анализа полученной информации стала калибровка радиоуглеродных дат. Указанная процедура производилась в программе Оксфордской лаборатории OxCal 4.2. Результаты калибровки показали, что использование вероятности 95,4 % приводит к значительному расширению хронологических рамок, лишаящих какой-либо перспективы дальнейший анализ. Поэтому при осуществлении статистических процедур продуктивнее оказалось задействовать значения с вероятностью 68,2 %, которые дают более компактные интервалы.

Основной и наиболее информативной аналитической процедурой стало суммирование полученных интервалов. Эта функция доступна в предыдущей версии программы OxCal 3.10, но для достижения наилучших результатов была использована более точная калибровочная кривая 2013 г. В результате получен довольно симметричный график сумм вероятностей (1750–1100 (2100–800)³ гг. до н.э., или XVIII–XII вв. до н.э.), в целом соответствующий нормальному распределению. Однако обращает на себя внимание, что наряду с основным пиком фигура образует еще один, не столь ярко выраженный. Граница между ними приходится примерно на 1400 г. до н.э. (рис. 2).

Анализ сводной таблицы графиков калибровки всех 24 конвенционных дат (рис. 3) позволяет выделить две разновеликие совокупности интервалов. Серия распадается на две хронологические группы, включающие соответственно 16 и 8 дат. Последовательное суммирование интервалов выделенных групп дало предсказуемые результаты: (1750–1380 (2050–1200) гг. до н.э.)

³ За скобками представлены результаты калибровки в 1σ (68,2 %), в скобках — в 2σ (95,4 %).

Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы...

и (1410–1000 (1700–500) гг. до н.э.) (рис. 4). Показательно, что нижняя граница ранней серии демонстрирует строгое соответствие значению суммарного интервала всей совокупности, в то время как верхняя граница поздней группы выходит за его рамки (рис. 2, 4). По всей видимости, последнее значение следует скорректировать в сторону удревления примерно на один век. Учитывая не слишком высокую степень точности радиоуглеродного датирования по традиционной бензольной технологии, границу между выделенными совокупностями интервалов вполне можно округлить до среднего значения, выпадающего ориентировочно на 1400 г. до н.э.

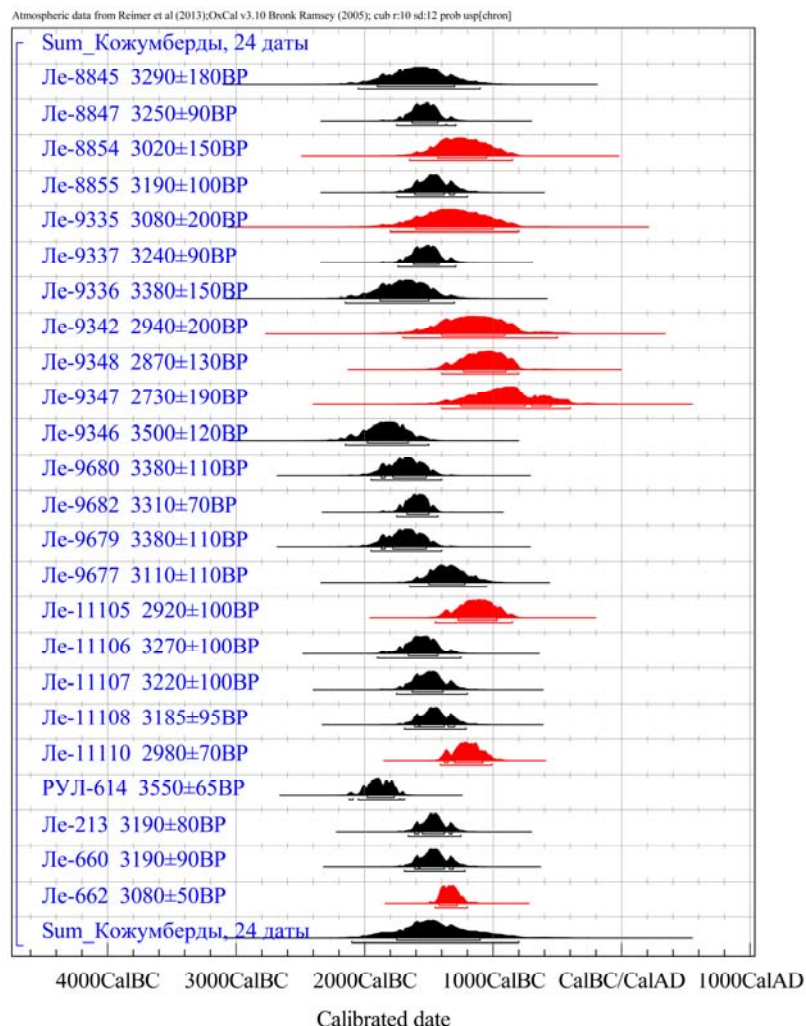

Рис. 3. Сводный график суммирования вероятностей калиброванных радиоуглеродных датировок комплексов кожумбердынской культурной группы. Красным цветом выделены графики дат, образующих позднюю группу.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют выделить два интервала радиоуглеродного возраста памятников кожумбердынской культурной группы Уральско-Мугоджарского региона: 1750–1400 гг. до н.э. и 1400–1100 гг. до н.э., т.е. середина XVIII — XV в. до н.э. и XIV–XII вв. до н.э.

Обсуждение и выводы

Обращаясь к интерпретации полученных результатов, можно констатировать, что они оказались довольно неожиданными. Если ранняя серия дат в целом соответствует современным представлениям о хронологической позиции памятников кожумбердынской культурной группы и алакульской культуры в целом, то поздняя группа явно входит в противоречие с традиционной шкалой периодизации и хронологии андроновских древностей. Незначительность поздней вы-

борки (8 дат) пока заставляет воздержаться от категоричных суждений. Тем не менее нужно признать, что увеличение источниковой базы более чем в пять раз позволило отодвинуть на два века вглубь II тыс. до н.э. нижнюю границу хронологического интервала кожумбердынских древностей. При этом появились дополнительные доказательства уже отмечавшегося ранее довольно продолжительного существования памятников этого круга вплоть до XII в. до н.э. включительно [Кузьмина, 1994, с. 374, 376].

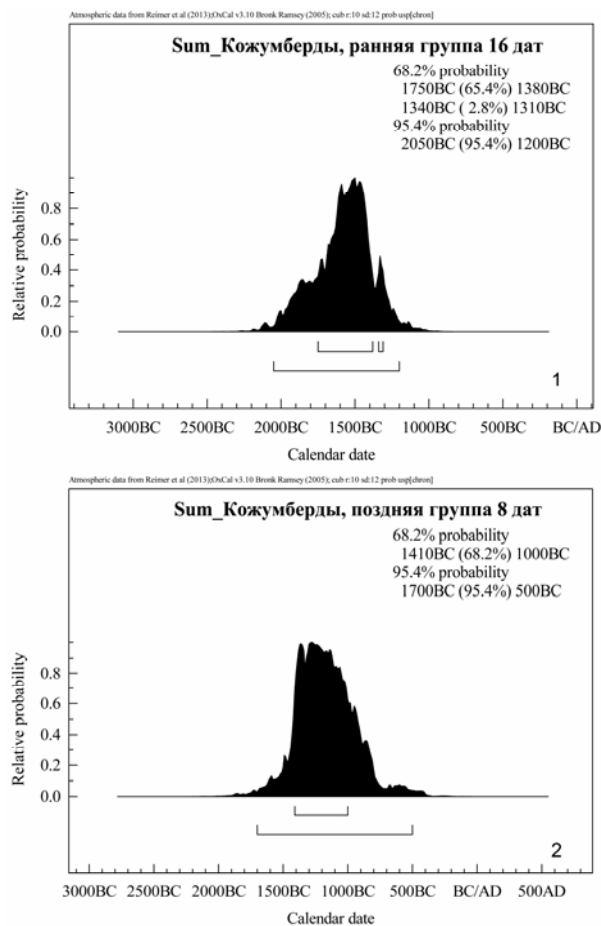

Рис. 4. Суммы вероятностей калиброванных радиоуглеродных датировок комплексов кожумбердынской культурной группы: 1 — ранняя фаза (16 дат); 2 — поздняя фаза (8 дат).

Примечательно, что позднюю серию образуют преимущественно даты из поселений, причем на этих же памятниках получены и значения, соответствующие ранней фазе существования кожумбердынской культурной группы, что может свидетельствовать о длительности использования поселенческих площадок, приуроченных к древним выработкам на медь (рудникам).

Весьма любопытно, что связанные с поселением Сарлыбай III некрополи, видимо, формировались на протяжении значительного отрезка времени. На это недвусмысленно указывают ранние даты могильника Сарлыбай III и поздняя датировка погребения 2 ограды 7 могильника Сарлыбай V. Полученные результаты хорошо согласуются со стратиграфическими наблюдениями, поскольку данное захоронение являлось впускным и прорезало более раннее захоронение 1 с той же культурной атрибуцией. Таким образом, радиоуглеродное датирование в полной мере подтвердило соотношение комплексов в системе относительной хронологии.

Наиболее крупные кожумбердынские могильники, относящиеся к долговременным поселениям, по всей видимости, функционировали на протяжении длительного времени, свидетельством чему может служить значительный разброс радиоуглеродных дат из таких некрополей, как Ушкаттинский I и Турсумбай I. Вероятно, в обозримом будущем удастся определить диагности-

Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы...

рующие археологические признаки погребальных комплексов позднего этапа кожумбердынской культурной группы. Некоторый оптимизм в этом плане вселяет тот факт, что все радиоуглеродные даты могильника Аралча II оказались в пределах позднего интервала значений.

Следует отметить, что установленный на основе радиоуглеродного датирования поздний хронологический интервал существования памятников кожумбердынской культурной группы в пределах XIV–XII вв. до н.э. практически смыкается с хронологическими рамками горизонта культур валиковой керамики финала бронзового века, а частично и перекрывает их [Епимахов и др., 2005, с. 100, рис. 3]. Прежде всего это касается ранней фазы бытования комплексов финала бронзового века степного Зауралья, для которых определен интервал 1380–1130 (1400–1050) гг. до н.э. [Епимахов, 2010, с. 44–46; Молодин и др., 2014, с. 144]. Указанное обстоятельство фактически заставляет отказаться от дальнейшей разработки эволюционной концепции андроновской КИО, поскольку не оставляет места для федоровской культуры, памятники которой до сих пор не обнаружены в Уральско-Мугоджарском регионе и степном Приуралье. И, напротив, оно является весомым аргументом для синхронизации алакульской и федоровской культур, по крайней мере частичной.

Разработка радиоуглеродной хронологии культур позднего бронзового века Урала и Западной Сибири прямо указывает на синхронность алакульских и федоровских древностей в составе андроновской КИО. Хронологическим приоритетом обладают лишь памятники раннего (петровского) этапа алакульской культуры [Молодин и др., 2014, с. 143–146, рис. 2]. Надежно установленная более поздняя хронологическая позиция синкретических комплексов по отношению к «чистым» алакульским и федоровским лишает оснований и версию о генезисе смешанных типов памятников в результате миграции населения из оседло-земледельческих центров Средней Азии [Кукушкин, 2010], так как это неизбежно приводит к логическому противоречию при осуществлении любых культурно-хронологических построений.

Вовлечение федоровских групп в процесс культурогенеза и формирование синкретических комплексов относится к развитой стадии алакульской культуры. Видимо, в сложившейся ситуации заслуживает также пристального внимания гипотеза о происхождении саргаринско-алексеевской культуры непосредственно на основе алакульской и смешанных типов памятников алакульской линии развития [Кузьмина, 1994, с. 124].

Подводя краткие итоги проведенного исследования, можно сформулировать ряд положений:

1. Хронологические рамки кожумбердынской культурной группы, установленные на основе радиоуглеродного датирования, охватывают протяженный период времени от середины XVIII в. до XII в. до н.э. с возможностью выделения двух фаз, граница между которыми приходится приблизительно на 1400 г. до н.э.

2. Сопоставление серий радиоуглеродных дат из памятников ПБВ Урало-Казахстанского региона и юга Западной Сибири свидетельствует об относительной синхронности федоровской и алакульской культур, за исключением раннего (петровского) этапа последней, имеющего хронологический приоритет. Появление федоровского компонента фиксируется на развитой стадии алакульской культуры.

3. Поздняя фаза бытования памятников кожумбердынской культурной группы смыкается с датировкой горизонта культур валиковой керамики, что допускает их генетическую преемственность.

Эти выводы носят предварительный характер. По мере накопления данных, вполне вероятно, потребуются их корректировка. Одним из перспективных направлений дальнейших исследований является получение репрезентативной серии радиоуглеродных дат с использованием ускорительных AMS-технологий. Это позволит добиться большей точности измерений и сузить хронологические интервалы, что в конечном счете может стать надежным фундаментом для верификации приведенных положений.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность Г.И. Зайцевой за выполнение радиоуглеродного датирования, Д.А. Байтлеу за любезно предоставленную возможность публикации серии дат из Сарлыбайского археологического микрорайона, П.Ф. Кузнецову, А.А. Хохлову, Е.П. Китову за помощь в отборе образцов, А.В. Епимахову за ценные консультации на всех этапах систематизации и анализа результатов датирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 202 с.
- Граков Б.Н.* Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Изв. ГАИМК. Вып. 110: Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. Ч. 2. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935. С. 91–119.
- Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки: (Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик). Вып. II. Сер. Казахская. Л., 1927. С. 172–221.
- Епимахов А.В.* Темные века эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010. № 2. С. 39–50.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: (Основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 177 с.
- Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. М., 1948. Вып. XVII. С. 57–172.
- Кузьмина Е.Е.* Раскопки могильника Кожумберды // КСИА. 1969. Вып. 115. С. 124–132.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 463 с.
- Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
- Кукушкин И.А.* Керамика синкретического типа как основной хронологический показатель передвижения андроновских племен // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: НПФ ЭКО, 2002. С. 119–125.
- Кукушкин И.А.* О происхождении андроновской культурно-исторической общности // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. История. Философия. Право. 2010. № 2 (58). С. 12–24.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Ткачев В.В.* Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.
- Чибилев А.А., Чибилев Ант.А.* Природное районирование Урала с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов // Изв. Самар. НЦ РАН. 2012. Т. 14. № 1 (6). С. 1660–1665.
- Шакиров А.В.* Физико-географическое районирование Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 617 с.
- Tkačev V., Zajkov V., Juminov A.* Das spätbronzezeitliche bergbaumetallurgische Zentrum von Mugodžary im System der Eurasischen Metallurgischen Provinz (Geoarchäologische Untersuchungen in Mugodžary) // Unbekanntes Kasachstan — Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbaumuseums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. I. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 471–482.

V.V. Tkachev

Institute of Steppe, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
 Pionerskaya st., 11, Orenburg, 460000, Russian Federation
 E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF KOZHUMBERDY CULTURAL GROUP ON THE WESTERN PERIPHERY OF THE ALAKUL AREA

The article discusses the problem of chronology of the Kozhumberdy cultural group from the Ural-Mugodzhary region, which is the local variant of the Alakul culture. It introduces into scientific use a new series of radiocarbon dates from settlements and burial grounds of the Late Bronze Age, located in the southern spurs of the Ural Mountains. The analysis of the raw data allowed us to determine the chronological interval of existence of monuments of the Kozhumberdy cultural groups within the second half of the XVIII century BC — XII century BC with possible division of this period into two successive phases, the boundary between them is approximately 1400 BC. Radiocarbon dating allows us to make a conclusion about the relative synchrony of the Alakul and the Fedorovo cultures. Only monuments of the Late Alakul (Petrovka) stage have chronological priority, while the appearance of Fedorovo component refers to an advanced stage of the Alakul culture. The late phase of the exis-

Радиоуглеродная хронология козхумбердынской культурной группы...

tence of monuments of the Kozhumberdy cultural groups is linked in time with the horizon of Valikovaya pottery cultures of the end of the Bronze Age which makes their genetic continuity possible.

Key words: Late Bronze Age, Alakul culture, Kozhumberdy cultural group, Ural-Mugodzhary region, radiocarbon dating.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-068-077

REFERENCES

- Avanesova N.A., 1991. *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzы Aziatskoi chasti SSSR* [Culture of pastoral tribes in the Asian part of the USSR in the Bronze Age], Tashkent: Fan, 202 p.
- Chibilev A.A., Chibilev Ant.A., 2012. Prirodnoe raionirovanie Urala s uchetoм shirotnoi zonal'nosti, vysotnoi poiasnosti i vertikal'noi differentsiatsii landshaftov [Natural zoning of the Urals taking into account the latitudinal zonation, altitudinal zonation and vertical differentiation of landscapes]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 14, no. 1 (6), pp. 1660–1665.
- Epimakhov A.V., 2010. Temnye veka epokhi bronzы luzhnogo Zaural'ia [The dark ages of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 39–50.
- Epimakhov A.V., Khenks B., Renfrii K., 2005. Radiouglerodnaia khronologiya pamiatnikov bronzovogo veka Zaural'ia [Radiocarbon chronology of the Bronze Age monuments of the Trans-Urals]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 92–102.
- Grakov B.N., 1935. Raboty v raione proektiruemykh iuzhnoural'skikh gidroelektrostantsii [Work in the area of future hydroelectric power plants of the Southern Urals]. *Izvestiia GAIMK*, 110, Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh v 1932–33 gg. Chast' 2, Moscow; Leningrad: SOTsEKGIz, pp. 91–119.
- Griaznov M.P., 1927. Pogrebeniia bronzovoi epokhi v Zapadnom Kazakhstane [Burials of the Bronze Age in West Kazakhstan]. *Kazaki: Antropologicheskie ocherki: (Materialy osobogo komiteta po issledovaniuu soiuzykh i avtonomnykh respublik)*, II, Seriya Kazakhstanskaia, Leningrad, pp. 172–221.
- Krivtsova-Grakova O.A., 1948. Alekseevskoe poselenie i mogil'nik [Alekseevskoe settlement and burial ground]. *Trudy GIM*, XVII, Moscow, pp. 57–172.
- Kukushkin I.A., 2002. Keramika sinkreticheskogo tipa kak osnovnoi khronologicheskii pokazatel' peredvzheniia andronovskikh plemen [Syncretic type pottery as the primary chronological record of the movements of the Andronovo tribes]. *Izuchenie pamiatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia*, Pavlodar: NPF EKO, pp. 119–125.
- Kukushkin I.A., 2010. O proiskhozhdenii andronovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti [On the origin of the Andronovo cultural-historical community]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istorii. Filosofii. Pravo*, no. 2 (58), pp. 12–24.
- Kuz'mina E.E., 1969. Raskopki mogil'nika Kozhumberdy [Excavations of the burial ground Kozhumberdy]. *Brief communications of the Institute of archaeology*, 115, pp. 124–132.
- Kuz'mina E.E., 1994. *Otkuda prishli indoarii? Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoiantsev* [Where came the Indo-Aryans from? Material culture of tribes of the Andronovo community and the origin of Indo-Iranians], Moscow: Kalina, 463 p.
- Kuz'mina E.E., 2008. *Klassifikatsiia i periodizatsiia pamiatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti* [Classification and periodization of monuments of the Andronovo cultural community], Aktobe: PrintA, 358 p.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaia khronologiya kul'tur epokhi bronzы Urala i iuga Zapadnoi Sibiri: Printsipy i podkhody, dostizheniia i problemy [Radiocarbon chronology of cultures of the Bronze Age of the Urals and South of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and challenges]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istorii, filologiya*, vol. 13, 3, Arkheologiya i etnografiia, pp. 136–167.
- Shakirov A.V., 2011. *Fiziko-geograficheskoe raionirovanie Urala* [Physical and geographical regionalization of the Urals], Ekaterinburg: UrO RAN, 617 p.
- Tkachev V.V., 2011. Ural'sko-Mugodzharskii gorno-metallurgicheskii tsentr epokhi pozdnei bronzы [Ural-Mugodzhary mining and metallurgical center of the Late Bronze Age]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 43–55.
- Tkačev V., Zajkov V., Juminov A., 2013. Das spätbronzezeitliche bergbaumetallurgische Zentrum von Mugodžary im System der Eurasischen Metallurgischen Provinz (Geoarchäologische Untersuchungen in Mugodžary). *Unbekanntes Kasachstan — Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Band I. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum, pp. 471–482.
- Zdanovich G.B., 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei: (Osnovy periodizatsii)* [The Bronze Age of Ural-Kazakhstan steppes: (The basics of periodization)], Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 177 p.

РАННЕАЛАКУЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА

Статья написана в рамках обсуждения мнения С.А. Григорьева об особом происхождении алакульской культуры лесостепного Зауралья и выделения им категории раннеалакульских памятников, не связанных с петровским типом и синхронизированных с синташтинским явлением. Заявленное мнение тесно связано с проблемой формирования ряда локальных вариантов алакульской культуры Урало-Казахстанского региона. Традиционно специфика локальных вариантов представлена характерными признаками керамического комплекса, но подчас культурная идентификация сосудов вызывает затруднение в силу фактического отсутствия общепринятой типологии. В основной части статьи дан вариант типологии керамического комплекса раннеалакульских памятников. Сопоставление типов керамических сосудов разных локальных вариантов алакульской культуры позволяет связать характеристики сосудов раннего этапа всех территорий с уже известными чертами петровского типа керамики, что свидетельствует о существовании единой основы формирования локальных вариантов алакульской культуры. Вместе с тем специфические черты керамических комплексов ряда территорий дают возможность говорить о выделении двух областей, различающихся вариантами развития раннеалакульской (петровской) культуры. Первый вариант — «классический», восточный, для территорий лесостепного Зауралья, Притоболья, Северного Казахстана и Центрального Казахстана. Второй вариант — «неклассический», западный, для территорий степного Южного Зауралья, Южного Приуралья, Западного Казахстана (Орско-Актюбинского района).

Ключевые слова: начало позднего бронзового века, керамические комплексы, алакульская культура, петровский тип, раннеалакульский тип.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-078-085

Введение

В результате многолетней работы исследователей бронзового века Евразии для каждой территории алакульских культур охарактеризованы материалы этапа формирования культуры. Для Северного Казахстана, лесостепной и подтаежной части Притоболья (по работам Г.Б. Здановича, Н.Б. Виноградова, Т.М. Потемкиной, А.В. Матвеева) описаны памятники раннеалакульской культуры, частью авторов сопоставляемые с материалами петровской культуры. Для Центрального Казахстана А.А. Ткачевым выделены нуртайские памятники, синхронные петровским и послужившие основой формирования алакульской (атасуской) культуры. При обсуждении таксономического ранга петровских комплексов, вне зависимости от отнесения их к культурному типу либо отдельной культуре, Г.Б. Зданович, Н.Б. Виноградов, А.В. Матвеев сходятся во мнении о наличии генетической связи между петровскими и алакульскими комплексами, где петровские хронологически являются более ранними. С этой же тенденцией перерастания в алакульские (атасуские) рассматриваются и нуртайские (петровские) комплексы Центрального Казахстана в работах А.А. Ткачева.

На ряде других территорий исследователи сталкиваются с определенными затруднениями в выделении «классических» петровских признаков в керамических комплексах начала позднего бронзового века. В начале XXI в. В.В. Ткачев в Южном Приуралье (в бассейне Илека) выделяет памятники ранней западноалакульской культурной группы, объединяя в ней как материалы предшественников (могильники Увак I, Пятимары, Близнецы, Ветлянка IV), так и новые (могильник Восточно-Курайли I, Жаман-Каргала II). В развитии ранней западноалакульской культурной группы В.В. Ткачев определяет ранний, «петровский», и более поздний, «кулевчинский», этапы, синхронизируя их с этапами раннеалакульской (петровской) культуры [2007, с. 328–330].

Дискуссионная ситуация отмечена и для степной части Южного Зауралья. Еще в работах Г.Б. Здановича [1988], Н.Б. Виноградова [1982] эти территории были включены в зону распространения петровской (раннеалакульской) культуры. Позднее А.В. Матвеев [1998], С.А. Гри-

Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона

горьев [2000] столкнулись с практическим отсутствием «классических» петровских признаков в памятниках южной зоны Челябинской области. На сегодняшний день список территорий, в пределах которых не фиксируются «классические» петровские керамические сосуды, пополнил С.А. Григорьев, включив туда и лесостепное Зауралье (по-видимому, речь идет о Причелябинской зоне).

В целом проблема сходства и разнообразия памятников начала позднего бронзового века на разных территориях Урало-Казахстанского региона не является хорошо проработанной. Особые затруднения вызывает культурная идентификация керамических комплексов, в силу фактического отсутствия общепринятой типологии. Ниже представлен вариант типологии раннеалакульских сосудов по Н.Б. Виноградову и предпринята попытка сопоставления типов керамической посуды разных территорий раннего этапа алакульских культур (рис. 1, 2).

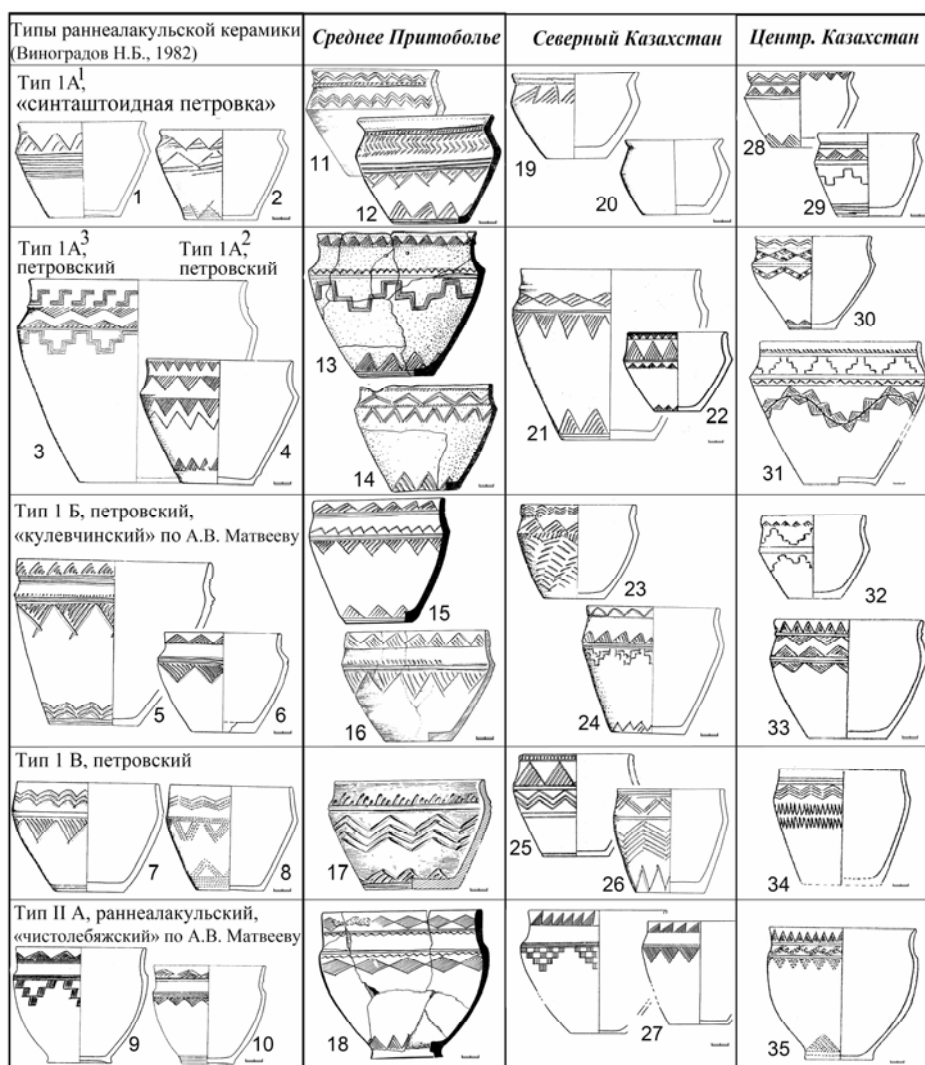

Рис. 1. Типы раннеалакульских керамических сосудов (восточный, «классический» вариант алакульской культуры):

1 — мог. Петровка; 2 — мог. Кенес; 3 — мог. Улубай; 4 — мог. Аксайман; 5, 6, 8 — мог. Кулевчи VI; 7 — Графские Развалины; 9–10 мог. Алакульский; 11 — мог. Верхняя Алабуга, п. 50; 12 — мог. Раскатиха, раскоп I, п. 14; 13 — мог. Раскатиха, раскоп IV, п. 13; 14 — мог. Раскатиха, раскоп IV, п. 16; 15 — мог. Раскатиха, раскоп IV, п. 20; 16 — мог. Верхняя Алабуга, кв. Н20, первая группа погребений; 17 — мог. Верхняя Алабуга, I группа погребений, п. 25; 18 — мог. Раскатиха, раскоп I, п. 18; 19 — мог. Улубай; 20 — пос. Петровка II; 21 — мог. Аксайман, 22 — мог. Петровка, с. № 19; 23 — мог. Графские Развалины; 24 — мог. Бектениз; 25 — мог. Петровка, № 18; 26 — мог. Улубай; 27 — мог. Семипалатное, курган 1, древний горизонт, с. 6, 7; 28 — пос. Икпень I, мог. 1, погребение на поселении; 29 — пос. Икпень I, мог. 4, погребение на поселении; 30 — мог. Нуртай, к. 2, я. 2; 31 — мог. Нуртай, огр. 9, могила; 32 — мог. Нуртай, огр. 9, жертв.; 33, 35 — мог. Нуртай к. 14а, могила; 34 — мог. Нуртай, к. 2, я. 2 (1–10, 19, 26 — по: [Виноградов, 1982]; 11–18 — по: [Потемкина, 1985]; 20–25, 27 — по: [Зданович, 1980, 1988]; 28–35 — по: [Ткачев А.А., 2002]).

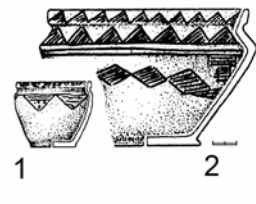

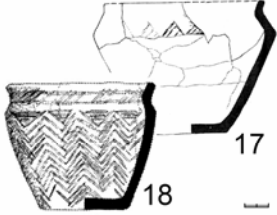
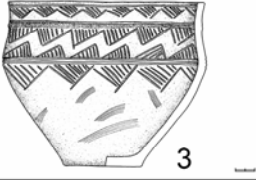
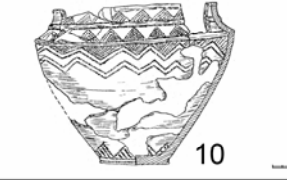
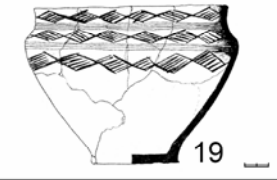
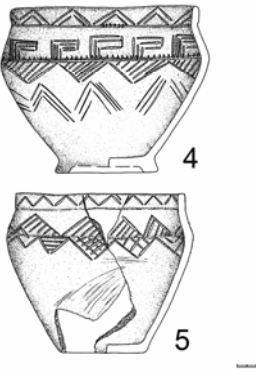
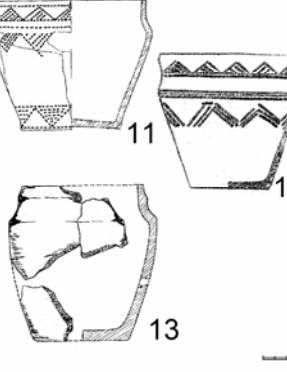
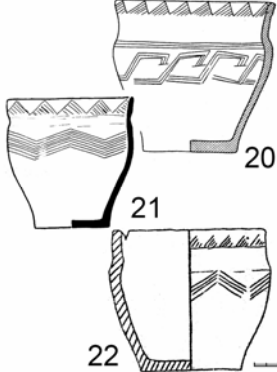
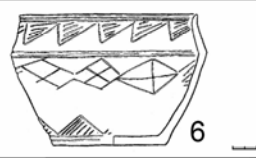
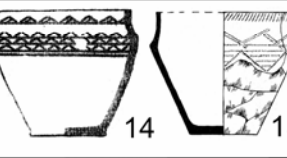
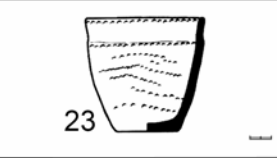
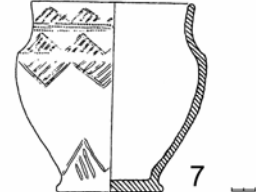
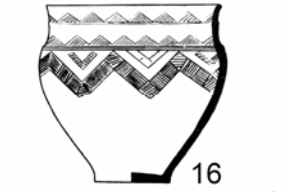

Типы	Южное Зауралье (степь)	Южное Приуралье	Западный Казахстан
Тип I Аз ¹			
Тип I Аз ² Тип I Аз ³			
Тип I Бз			
Тип I Вз			
Тип II Аз			

Рис. 2. Типы раннеалакульских керамических сосудов (западный, «неклассический» вариант алакульской культуры):

1, 2 — мог. Большекараганский, к. 22, я. 1; 3 — мог. Песчанка-3, к. 8, п. 3; 4, 5 — мог. Песчанка-2, к. 3, п. 4; 6 — мог. Акмулла I, к. 4, я. 14; 7 — мог. Кизильский, к. 2, группа В; 8 — мог. Восточно-Курайли I, к. 11, п. 4; 9 — мог. Восточно-Курайли I, к. 5, п. 3; 10 — мог. Восточно-Курайли I, к. 5, п. 3; 11 — мог. Восточно-Курайли I, к. 11, п. 2; 12 — мог. Долгое Песчаное Озеро; 13 — мог. Восточно-Курайли I, к. 10, п. 5; 14 — мог. Ветлянка IV, к. 9, п. 3; 15 — мог. Восточно-Курайли I, к. 20, п. 2; 16 — мог. Близнецы; 17 — мог. Новокумакский, к. 25, п. 6; 18 — мог. Ишкиновка, к. 3, п. 4; 19 — мог. Ишкиновка II; 20 — мог. Байту I, кольцо 4, п. 1; 21 — мог. Тасты-Бутаг; 22 — мог. Песчаный карьер; 23; 24 — мог. Тасты-Бутаг (1, 2 — по: [Боталов и др., 1996]; 3–5 — по: [Алаева, Марков, 2009]; 6 — по: [Марков, 2006]; 7 — по: [Стоколос, 2004]; 8–11, 13, 15 — по: [Ткачев В.В., 2005]; 12, 14 — по: [Горбунов и др., 1990]; 16, 17, 21, 23–24 — по: [Кузьмина, 2008]; 18, 19 — по: [Ткачев В.В., 2007]; 20 — по: [Кузьмина, 1964]; 22 — по: [Родионов, Ткачев В.В., 1995]).

Типология раннеалакульского керамического комплекса

Подробная типология сосудов раннеалакульской и алакульской культуры «классического» варианта на основе реконструированной технологии формовки сосудов на старых сосудах-

Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона

основах предложена в кандидатской диссертации Н.Б. Виноградова [1982, с. 32–56]. Технологические признаки способа формовки, выделенные и описанные Н.Б. Виноградовым, стали диагностирующими признаками посуды раннеалакульской (петровской) культуры. Изготовление сосудов раннеалакульской культуры на старых сосудах предполагало довольно жесткую унификацию форм, различающихся вариациями оформления шейки. Именно поэтому внутренняя эволюция типов сосудов в подгруппе выстроена на основе изменений оформления шейки от «ребристого» к «уступчатому» профилю и оформления тулова от усеченно-конического к слабо раздутому и далее к сильно раздутому.

Раннеалакульский (петровский) керамический комплекс представлен несколькими типами посуды первой подгруппы (петровскими типами IA¹, IA², IA³, IB, IB и переходным раннеалакульским типом IIA).

Тип IA представлен сосудами горшечно-баночной формы, с усеченно-коническим туловом, высоко поднятым ребром при переходе к высокому плечу, короткой шейкой. (рис. 1, 1–4). В тип IA вошли три варианта, различающихся особенностями перехода от шейки к плечу. В подтипе IA¹ (синташтинский тип) переход к плечу резкий, на внутренней стороне шейки фиксируется «косой срез». В подтипе IA² переход к плечу плавный. В подтипе IA³ в центральной части шейки имеется валик.

Сосуды типа IA представляют наиболее раннюю группу погребальных памятников, соотнесенных исследователями с петровскими захоронениями (могильник Кривое Озеро, курганы 1, 2; Большекараганский, курган 22), часть из них происходит из периферийных захоронений синташтинских курганов. В поселенческих комплексах сосуды типа IA представлены и в комплексах укрепленных поселений.

Тип IB — сосуды горшечно-баночной формы, с усеченно-конической формой тулова, ребром в месте перехода от тулова к плечу, короткой, прямой шейкой с характерным утолщением под венчиком — «воротничком». В нижней части шейки локализовалась «свободная полоса», неорнаментированная зона, образовавшаяся в результате прикрепления шейки сосуда к тулову. Композиционное построение орнамента зональное, набор элементов орнамента единообразен — косозаштрихованные треугольники, горизонтальные линии, ряды вдавлений. В технике орнаментации ведущие позиции занимают прочерчивание и гладкий штамп (рис. 1, 5, 6). Сосуды, сходные с сосудами подтипа IB, А.В. Матвеевым отнесены к «кулевчинской фазе» [1998].

Тип IB представлен сосудами горшечно-баночной формы, с биконической формой тулова, хорошо выраженным ребром при переходе тулова в плечо, плохо выделенной шейкой либо без нее. Композиционное построение орнамента зональное, среди элементов орнамента заштрихованные треугольники, зигзаги, ряды вдавлений. Орнамент выполнен в технике прочерчивания, гладкого и гребенчатого штампа.

Тип IIA представлен сосудами раннеалакульской группы. Сосуды горшечно-баночной формы, тулово слабовыпуклое, в месте перехода от тулова к шейке оформлен уступ, шейка прямая, вверху на ней у части сосудов оформлен слабовыраженный «воротничок». Композиционное построение орнамента зональное, в нижней части шейки оставлена неорнаментированная зона — «свободная полоса». В технике орнаментации представлены гладкий, гребенчатый штамп, прочерчивание, вдавления. Тип IIA имеет сходство с сосудами «чистолебяжского этапа», выделенного А.В. Матвеевым [1998, с. 325–328].

В погребальных памятниках практически все типы сосудов группы IA могли встречаться в пределах одной ямы, за исключением более раннего, «синташтинского» типа IA¹. Тип IIA также мог встречаться с типом IB, но не с сосудами группы IA [Виноградов, 1982, с. 49–50]. Все обсуждаемые петровские типы сосудов зафиксированы в памятниках на территории Среднего Притобья, Северного и Центрального Казахстана (рис. 1) и представляют собой «классический» вариант развития культуры.

На территории степного Южного Зауралья, Южного Приуралья, Западного Казахстана (Орско-Актюбинского района) в памятниках начала позднего бронзового века представлены специфические типы керамики раннеалакульского периода (рис. 2). Несмотря на отличия, типы керамики данных территорий в особенностях формы, композиционного размещения орнамента повторяли ведущие типы раннеалакульской (петровской) культуры «классического» варианта. Для «неклассических» территорий выделены раннеалакульские типы: IAз¹, IAз², IAз³, IBз, IBз, IIAз (рис. 2).

На сосудах «неклассических» типов выраженными остаются признаки единой петровско-алакульской технологии керамического производства — следы формовки сосуда на сосуде-основе, образующие усеченно-коническое тулово, ребро при переходе тулова в шейку. При этом для этих типов характерны специфические признаки, отличающие их от «классических». Шейки характеризуются большей высотой (для типов IАз², IАз³), на сосудах типа IБз наплыв в верхней части шейки («воротничок») представлен в редуцированной форме. «Свободная полоса» в нижней части шейки специально не выделена. На большинстве сосудов в этой части шейки расположен орнамент. Композиционное построение орнамента зональное, но придонная часть сосуда лишена орнамента. Ведущими элементами орнамента также являются заштрихованные треугольники, но часто нестандартной формы, разноразмерные, со штриховкой разной направленности. В технике орнаментации помимо гладкого штампа существенную долю составляют средне- и крупногребенчатый штамп, вдавления, насечки. На части сосудов отмечен нерегулярный орнамент, расчесы по тулову. Отличительные элементы подтипа IБз демонстрируют присутствие в керамике «неклассических» территорий компонентов срубной культуры. В подтип IВз объединены сосуды с ребристым профилем, усеченно-коническим туловом, выраженным плечом при практически полном отсутствии шейки. Отличительной особенностью «неклассического» типа является специфика орнаментации. Орнаментальная полоса на сосудах этого подтипа локализуется на плече сосуда, реже под ребром на тулове. Среди элементов орнамента нестандартные для «классического» лесостепного варианта — треугольники и ромбы с различной штриховкой, нерегулярный орнамент. Подтип II Аз характеризуется сосудами с плоским, часто узким дном, выпуклым туловом. Сосуды этого подтипа имеют вертикальные пропорции, наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю часть. Признаком типа является оформление уступа при переходе от тулова к шейке. Шейка часто отогнута. Композиционное построение орнамента зональное. На половине сосудов фиксируется «свободная», неорнаментированная полоса в нижней части шейки, на другой половине этот принцип не соблюдается и орнамент покрывает всю шейку. Среди элементов орнамента — заштрихованные треугольники, ромбы, зигзаги. Достаточно широко представлены меандры. Орнамент выполнен гладким и гребенчатым штампом, прочерчиванием, вдавлением.

Таким образом, чаще всего фиксируемые различия керамических типов на «неклассических» территориях Урало-Казахстанского региона связаны с теми навыками керамического производства, которые подвержены наиболее быстрому изменению (согласно концепции А.А. Бобринского): композиционное построение орнамента, набор элементов орнамента.

Обсуждение результатов

Наличие всех типов раннеалакульских (петровских) сосудов на памятниках Среднего Приоболья, Северного и Центрального Казахстана позволяет считать эти памятники однородным блоком родственных культур, что неоднократно утверждалось исследователями [Матвеев, 1998, с. 376]. «Классический» вариант развития алакульской культуры локализовался на восточном фланге Урало-Казахстанского региона (рис. 3).

Керамические комплексы «неклассических», западных территорий (степного Южного Зауралья, Южного Приуралья и Западного Казахстана) с видоизмененными признаками сохраняют в себе основные черты типов петровской керамики, что позволяет синхронизировать комплексы «классического» и «неклассического» вариантов раннего этапа алакульской культуры.

В то же время «неклассические» варианты имеют значительные отличия между собой. Раннеалакульские памятники степного Южного Зауралья и Южного Приуралья возникают под сильным воздействием раннесрубной культуры, памятники Западного Казахстана (Орско-Актюбинского района) составляют основу кожумбердынского явления.

Результаты обзора типов керамики начала позднего бронзового века обширного региона свидетельствуют о том факте, что на всех территориях комплексы данного периода представлены петровскими типами керамики. Наиболее ранний из них (тип IА¹) фактически является синташтинским и именуется Н.Б. Виноградовым «синташтоидной петровкой», последнее знаменует собой перерастание синташтинских черт в петровские. Близость этих керамических комплексов, наличие синташтинско-петровских переходных форм свидетельствует о едином генезисе. Подобная же эволюция петровских типов в алакульские демонстрирует классическую схему «синташта — петровка — алакуль» для «классического» варианта восточных территорий.

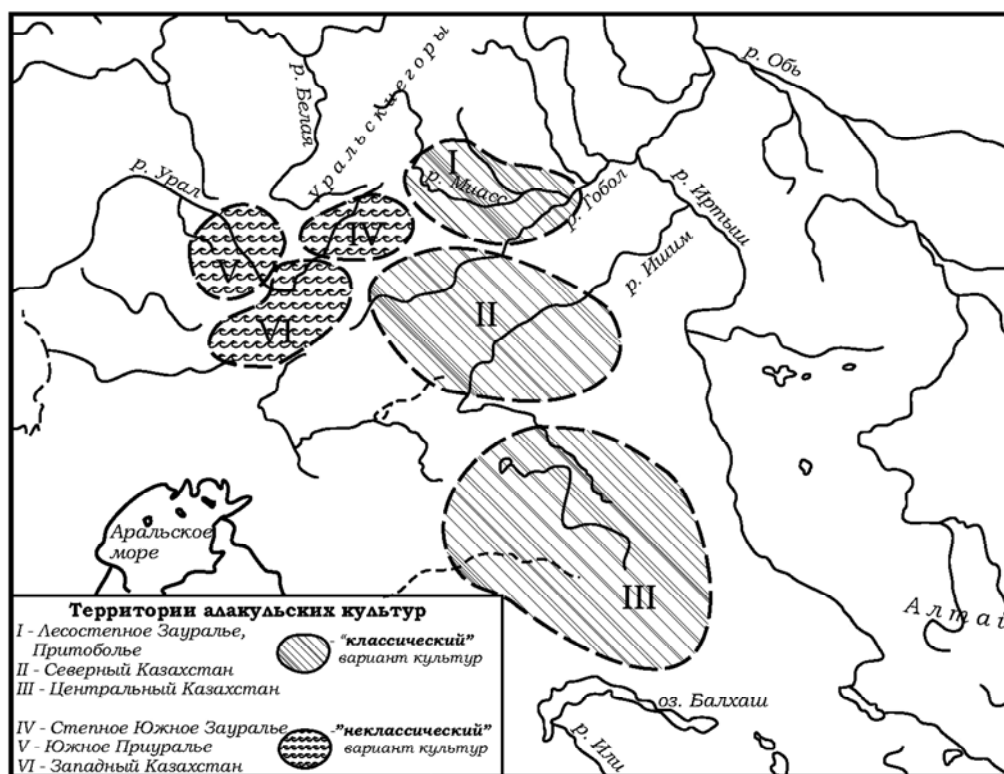

Рис. 3. Территории алакульских культур (на основе карты Е.Е. Кузьминой [2008]).

Тезис С.А. Григорьева об отсутствии постсинташтинских, петровских памятников на территории лесостепного Зауралья и присутствии неких раннеалакульских комплексов с полтавкинскими чертами может быть подвергнут сомнению. В лесостепном Зауралье (Причелябинской зоне) действительно не известно могильников с синташтинскими, петровскими комплексами, но нет там и «полтавкинских» раннеалакульских памятников. Напротив, те раннеалакульские сосуды с полтавкинскими чертами, на которые ссылается С.А. Григорьев, обнаружены на территории лесостепного Притоболья, там же, где есть и синташтинские материалы (Царев Курган, Озерное-3) и в изобилии петровские (Верхняя Алабуга, Раскатиха). Более того «полтавкинские» сосуды встречены в одном погребении с петровским типом 1Б [Потемкина, 1985 с. 182, рис. 76, 1, 2, 5, 6, 8].

Кажущееся отсутствие в Причелябинской лесостепи памятников с петровскими типами при наличии синташтинской и петровской керамики на поселениях (Шибаво, Мочище) свидетельствует лишь о белом пятне в археологических исследованиях. Действительно, вокруг Челябинска последними, кто вел раскопки могильников бронзового века, были уже легендарные исследователи Н.К. Минко, К.В. Сальников, В.С. Стоколос.

Заключение

Таким образом, на начальном этапе позднего бронзового века Урало-Казахстанского региона мы можем выделить две области — «классическую», восточную, отличающуюся сходным культурогенезом и последовательной эволюцией по схеме «синташта — петровка — алакуль», и западную, «неклассическую», включающую территории Южного Приуралья, степного Южного Зауралья, Западного Казахстана, где раннеалакульские (петровские) памятники оказываются несколько видоизмененными (рис. 3).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алаева И.П., Марков С.С. Памятники бронзового века у села Песчанка в Южном Зауралье // Уфим. археол. вестн. Уфа: Гилем, 2009. Вып. 9. С. 28–45.

И.П. Алаева

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника: (Публикация археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 140 с.

Гаврилюк А.Г., Григорьев С.А., Марков С.С. Погребальные комплексы. Могильники Ак-Мулла I, Городищенское-IX, Наровчатский II // Археология Южного Урала. Степь: (Проблемы культурогенеза). Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск: Рифей, 2006. С. 89–152.

Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башгоспединститут, 1990. 37 с.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Сер. Этногенез уральских народов. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 241–442.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3. С. 183–193.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: (Основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 177 с.

Кузьмина Е.Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков. М.: Наука, 1964. С. 121–140.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принта, 2008. 358 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболжья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Родионов В.В., Ткачев В.В. Новый грунтовый могильник эпохи бронзы в Актюбинской области. Препр. Актюбинск. 1995. 12 с.

Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестн. ЧелГПУ. Сер. 1, Исторические науки. Челябинск: Изд-во ЧелГПУ, 2004. Вып. 2. С. 237–256.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.

Ткачев В.В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопр. истории Западного Казахстана. Уральск, 2005. Вып. 4. С. 182–198.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актоб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

I.P. Alaeva

Chelyabinsk State Pedagogical University
Prospect Lenina, 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: alaevaira@mail.ru

THE EARLY SITES OF THE ALAKUL CULTURE IN THE URAL-KAZAKHSTAN REGION

The paper was written as part of the discussions about the S.A. Grigoriev view on particular origins of the Alakul culture in the forest-steppe Trans-Urals. S.A. Grigoriev identified categories early Alakul sites, which are not related to Petrovka culture and synchronized them with Sintashta period. The author of this paper raises the problem of similarity and diversity of early stage of the Alakul culture in different regions of the Ural-Kazakhstan region. In the main part of the article it shows a ceramic typology of early Alakul sites. The comparison shows that the early Alakul vessels associated with Petrovka type of ceramics, which is presented on all local variants of the Ural-Kazakhstan region. Sintashta signs fixed only at the earliest types in conjunction with the features of the Petrovka culture. At the same time the specificity of ceramic complexes allows to distinguish two different variants of the Alakul culture in different territories. The first variant — «classic» or Eastern which is situated in forest-steppe of the Trans-Urals, Tobol river region, North and Central Kazakhstan. The second variant is «non-classical» or Western occupies the steppe areas of the Southern Urals and West Kazakhstan (Aktobe-Orsk region).

Key words: the Late Bronze Age, ceramic complexes, the Alakul culture, the Petrovka type, the early Alakul type.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-078-085

REFERENCES

Alaeva I.P., Markov S.S., 2009. Pamyatniki bronzovogo veka u sela Peschanka v Yuzhnom Zaurale [Bronze Age monuments in Peschanka village in the Southern Trans-Urals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik*, no. 9, pp. 28–45.

Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона

Botalov S.G., Grigoriev S.A., Zdanovich G.B., 1996. Pogrebal'nye komplekxy epokhi bronzy Bol'shekaraganskogo mogil'nika [Funeral complexes of the Bronze Age of the Bolshekaragansky cemetery]. *Materialy po arkhologii i etnografii Yuzhnogo Urala*, Cheliabinsk: Kamennyi poias, pp. 64–88.

Gavrilyuk A.G., Grigorev S.A., Markov S.S., 2006. Pogrebalnye komplekxy. Mogilniki Ak-Mulla I, Gorodischenskoe-IX, Narovchatskiy II [Funerary complex. Cemeteries Ak-Mulla I, Gorodischenskoe-IX, II Narovchat]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step: (Problemy kulturogeneza), Seriya Etnogenez uralskikh narodov*, Chelyabinsk: Rifev, pp. 89–152.

Gorbunov V.S., Denisov I.V., Ismagilov R.B., 1990. Novyye materialy po epohe bronzy Yuzhnogo Priuralya [New materials on the Bronze Age of the Southern Urals], Ufa: Bashgospedinstitut, 37 p.

Grigoriev S.A., 2000. Bronzovyy vek [Bronze Age]. *Drevniya istoriya Yuzhnogo Zaural'ia*, vol. I, Cheliabinsk: Yuzhnouralskii universitet, pp. 241–409.

Kuzmina E.E., 1964. Periodizatsiya mogilnikov Elenovskogo mikrorayona andronovskoy kultury [Periodization burial Elenovskogo neighborhood Andronovo culture]. *Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov*, Moscow: Nauka, pp. 121–140.

Kuzmina E.E., 2008. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti* [Classification and periodization of sites of Andronovo family of cultures], Aktobe: PrintA, 358 p.

Matveev A.V., 1998. *Pervyye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [The first Andronovo people in forests of the Transurals], Novosibirsk: Nauka, 417 p.

Potemkina T.M., 1985. *Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ia* [Bronze Age of forest-steppe Tobol area], Moscow: Nauka, 376 p.

Rodionov V.V., Tkachev V.V., 1995. *Novyyiy gruntovyy mogilnik epokhi bronzy v Aktyuinskoy oblasti* [New ground burial of the Bronze Age in the Aktobe region], Preprint, Aktyubinsk, 12 p.

Stokolos V.S., Stokolos G.I., 2004. Kizil'skiy kurgannyiy mogilnik epokhi pozdney bronzy na reke Ural [Kizil'sky burial mound Late Bronze Age on the Ural River]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, Ser. 1, Istoricheskie nauki, 2, Chelyabinsk, pp. 237–256.

Tkachev A.A., 2002. *Central'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age], vol. 1, Tiumen': Neftegazovyy universitet, 289 p.

Tkachev V.V., 2005. Periodizatsiya i hronologiya pamyatnikov epokhi bronzy Ishkininskogo arheologicheskogo mikrorayona v Vostochnom Orenburzhe [Periodization and chronology of the monuments of the Bronze Age archaeological Ishkinino neighborhood in East Orenburg]. *Voprosy istorii Zapadnogo Kazakhstana*, 4, Uralsk, pp. 182–198.

Tkachev V.V., 2007. *Stepi Yuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdney bronzy* [Steppes of the Southern Cisural area and Western Kazakhstan at the transition from the Middle to Late Bronze Age], Aktobe: Aktiubinskii oblastnoi centr istorii, etnografii i arkhologii, 384 p.

Vinogradov N.B., 1982. *Iuzhnoe Zaural'e i Severnyi Kazakhstan v rannealaku'lskii period (po pamyatnikam petrovskogo tipa)*: Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Southern Trans-Urals and North Kazakhstan in Early-Alakul period (the monuments of Petrovka type): Dissertation of the candidate of historical sciences], Moscow, 140 p.

Zdanovich G.B., 1988. *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey: (Osnovy periodizatsii)* [Bronze age of Ural-Kazakhstan steppes: (Base periodization)], Sverdlovsk: UrGU, p.177.

Zdanovich G.B., Zdanovich S.Ia., 1980. Mogil'nik epokhi bronzy u sela Petrovka [The Bronze Age burial ground near the village of Petrovka]. *Sovetskaya arheologiya*, no. 3, pp. 183–193.

АНТРОПОЛОГИЯ

А.А. Хохлов*, **К.Н. Солодовников****, **М.П. Рыкун*****, **Г.Г. Кравченко*****,
Е.П. Китов****

*Самарский государственный социально-педагогический университет
ул. Горького, 65/67, Самара, 443099, РФ
E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

**Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049, РФ
E-mail: solodk@list.ru

***Национальный исследовательский Томский государственный университет
просп. Ленина, 36, Томск, 634050, РФ
E-mail: m_rykun@mail.ru;
ggk_07@mail.ru

****Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский просп., 32А, Москва, 119334, РФ
E-mail: kadet_eg@mail.ru

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ПРОБЛЕМЕ СВЯЗИ ПОПУЛЯЦИЙ ЯМНОЙ И АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

Работа посвящена актуальной проблеме связи двух ярких культур энеолита — ранней бронзы — ямной Восточной Европы и афанасьевской Южной Сибири. Приводятся гипотезы о происхождении афанасьевского населения. Сравниваются краниологические материалы разных территориально-хронологических групп этих культур на фоне серий черепов энеолита — средней бронзы Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии, Южной Сибири с использованием методов многомерной статистики. Показана неоднородность населения локальных ямных и афанасьевских групп, а также доминирование в составе тех и других широколицых европеоидных антропологических компонентов. Сравнительные нео-энеолитические краниологические материалы Алтая, прилегающих областей Южной Сибири и Северного Казахстана демонстрируют морфологические комплексы с умеренной профилировкой лица. Население такого облика не может рассматриваться в качестве базиса для сложения европеоидного в своей основе афанасьевского населения. Среди нео-энеолитических краниологических выборок с территорий Средней и Передней Азии, Кавказа, юга Восточной Европы доминируют варианты долихокраничных мезо- или гипоморфных европеоидов. Они морфологически отличаются от афанасьевских краниологических выборок Алтая и Минусинской котловины. Соответственно отрицается точка зрения об истоках протоафанасьевского населения в регионах Средней и Передней Азии. Исходя из общих результатов морфологического анализа предков протоафанасьевского населения следует искать именно в кругу степных и лесостепных популяций энеолита — ранней бронзы восточно-европейского ареала. По нашим данным наибольшее краниологическое сходство с афанасьевцами Горного Алтая демонстрируют волго-уральские ямники, которые и хронологически оказываются наиболее древними в составе популяций ямной культурно-исторической области. Таким образом, поддерживаются археологические разработки и антропологические доводы, по которым появление протоафанасьевцев на территории Алтая связано с миграцией какой-либо восточно-европейской популяции энеолита — ранней бронзы, вероятнее всего, с территории Волго-Уралья.

Ключевые слова: *ямная культура, афанасьевская культура, морфологические особенности, антропологические компоненты, генетическое единство.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-086-106

Проблема родственной связи между двумя колоритными культурами энеолита — ранне-бронзового века Евразии — ямной Восточной Европы и афанасьевской Алтае-Саяно-Хангайско-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №15-06-01916.

го нагорья была поставлена уже к середине прошлого столетия [Окладников, 1941]. Обе культуры, имеющие собственные характерные особенности, несмотря на географическую удаленность друг от друга, демонстрируют ряд сходных черт: скотоводческое направление хозяйства, курганный обряд захоронений, доминирующее положение скелета скорченно на спине, наличие охры в погребениях, остро- и круглодонные сосуды. Параллельно проводившиеся палеоантропологические исследования показали наличие физического сходства между представителями этих культур, которое выражалось в широком распространении среди них так называемого протоевропеоидного антропологического типа [Дебец, 1948; Алексеев, 1961а, б]. Это дало стимул к развитию теории о генетической связи между афанасьевской и ямной культурами [Грязнов, 1999, с. 52–54; Вадецкая, 1979; Хлобыстина, 1975; Даниленко, 1974; Цыб, 1980, 1984]. Эта теория поддерживается и на современном этапе развития науки рядом специалистов [Семенов, 1993; Фрибус, 1999, 2012; Солодовников, 2005, 2010; Кузнецов, Мочалов, 2005; Anthony, 2007; Козинцев, 2009; Моргунова, 2014а, б; и др.]. Подразумевается генетическая связь предков афанасьевского населения с мигрантами из степных районов Восточной Европы. Последние результаты молекулярно-генетического исследования, основанные на анализе митохондриальной ДНК и аутосомных маркеров из костных образцов индивидов женского пола могильников Усть-Куюм и Батени (Афанасьева Гора), также указывают на генетическое единство афанасьевского и ямного населения на фоне групп эпохи бронзы Евразии [Allentoft et al., 2015].

Вместе с тем в археологии существует особое мнение — о вырастании ямной и афанасьевской традиций из одного района древних цивилизаций Ближнего Востока [Кирюшин Ю.Ф., 1991; Мерц, 2007; Степанова, 2008]. Альтернативную идею предложил В.И. Молодин, согласно которому сложение афанасьевской культуры произошло в Центральной Азии — в северной части Монголии и Тувы [Молодин, 2002]. Выделение в некоторых краниологических выборках афанасьевцев Алтая особого морфологического комплекса, близкого неолитическому населению этой территории, позволило также говорить об участии в сложении физического облика популяции древних скотоводов также представителей древнего автохтонного населения [Чикишева, 2000, 2010]. Мнение об участии в сложении афанасьевского населения Алтая местного населения основано и на интерпретации археологических источников [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 103–112].

К настоящему времени накопилось сравнительно много фактического материала, позволившего выделить в составе как ямного, так и афанасьевского населения территориально-хронологические группы с собственными культурными характеристиками и при этом уточнить особенности культурогенетических и расогенетических процессов. Для ямной культуры еще Н.Я. Мерпертом [1974] были охарактеризованы шесть обрядовых, три хронологические и девять географических групп. То есть, отмечаемая многими специалистами на начальных этапах исследования культурно-хронологическая целостность ямной культуры, обозначаемая термином «ямная культурно-историческая общность» (ЯКИО) («область» по Н.Я. Мерперту [1974]), еще во второй половине XX в. подвергалась сомнению. Сегодня доминирует концепция существования в составе ЯКИО (области) различных самостоятельных субкультур. Среди степных и лесостепных популяций Восточной Европы, относимых к этой культуре, выделяют следующие группы: в Волго-Уралье — ямную и ямно-репинскую, полтавкинскую (поздняя), тамаруткульскую/илекскую (приуральский вариант ямной культуры); в ареале Северо-Западного Прикаспия, Предкавказья и Волго-Донья — ямную, северокавказскую, новотиторовскую, репинскую; в ареале Северо-Западного Причерноморья и Буго-Днестровского междуречья — ямную раннюю/днестровский вариант, буджакскую (поздняя). Свои культурные типы выделяют и для Днепро-Донецкого региона.

Среди названных групп наиболее древние ямные захоронения, для которых были определены радиоуглеродные даты (XXXVI–XXXIII вв. до н.э., вероятность 95,4 %, калиброванные значения), обнаружены на территории Волго-Уралья [Черных, Орловская, 2004а; Кузнецов, 2007; Кузнецов, Ковалюх, 2008; Моргунова, 2013, 2014б]. Для этого региона довольно хорошо дифференцированы краниологические материалы степных подкурганых культур в соответствии с выделяемыми археологами территориально-хронологическими группами Волго-Уралья [Хохлов, 2013б]. Важно отметить, что для Восточной Европы выделяют целый пласт памятников курганного типа, близких ямным, но предшествовавшим им по времени в Предкавказье, Дно-Волжском [Кореневский, Резепкин, 2008], Причерноморском [Котова, 2010; Телегин, Нечитайло, 2001; Трифионов, 1996] регионах. Причем даты для Ставропольского края и Калмыкии соответствуют хвалынскому энеолиту (5910±80 ВР, 5890±70 ВР, по: [Кореневский, Резепкин,

2008]). На территории Волго-Уралья к таким относят «древнейшие подкурганные захоронения Бережновского типа» [Мерперт, 1974; Васильев, 1981; Дремов, Юдин, 1992].

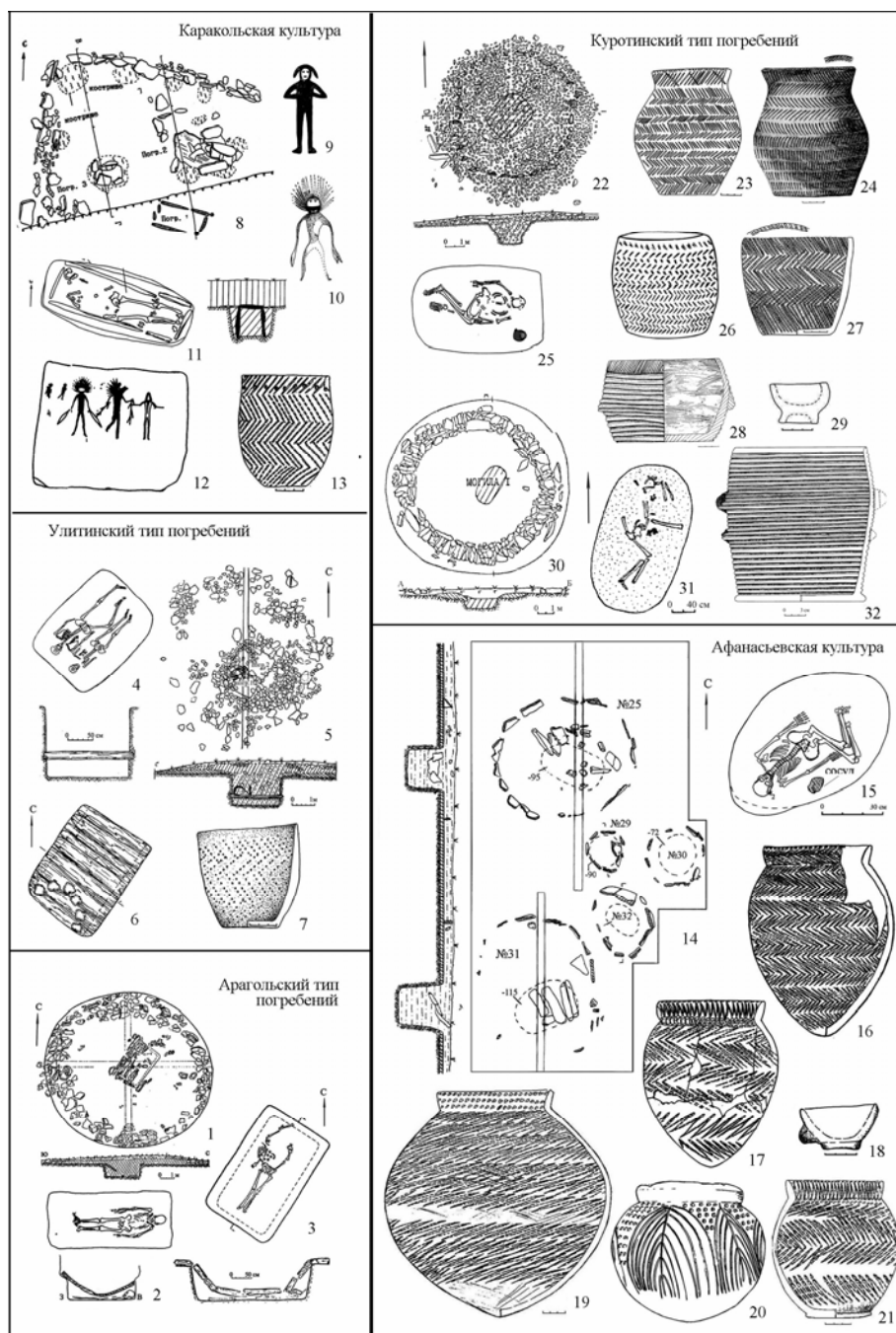

Рис. 1. Археологическая атрибутика памятников Горного Алтая ранней бронзы (по: [Вадецкая и др., 2014]).

В энеолите — бронзе Горного Алтая, помимо самостоятельной каракольской культуры окуневского типа Южной Сибири, из памятников собственно афанасьевской культуры выделены типы погребений: курортинский, арагольский, улитинский (рис. 1) [Степанова, 2009, 2010, 2012а, б]. Их хронологическое соотношение и характер взаимодействия оставившего их населения с афанасьевским не вполне ясны. Возможно, что арагольские погребения древнее улитинских и последние синхронны позднему афанасьевскому [Степанова, 2010]. В отношении могильников

куротинского типа предполагается, что они оставлены группой населения, подвергшейся влиянию «афанасьевцев», и не исключено, что эта группа появилась в Горном Алтае вместе с афанасьевским населением, но отличалась от него по этнографическим характеристикам [Там же]. Отмечается, что между группами афанасьевского населения, различающимися по этнографическим признакам, а также группами иной культурной принадлежности существовали тесные контакты, что нашло отражение в погребальном обряде и инвентаре [Степанова, 2012b]. На Среднем Енисее афанасьевская культура датируется по калиброванным радиоуглеродным датам с вероятностью 2σ XXXIII–XXV вв. до н.э. (с возможностью удреждения нижней границы). Однако наиболее древним территориальным вариантом афанасьевской культуры является горно-алтайский [Поляков, 2010]. По-видимому, на современном этапе для куротинских, арагольских и афанасьевских памятников этого региона может быть принята общая датировка афанасьевской культуры Горного Алтая — XXXVIII–XXV вв. до н.э.

Приведенные даты афанасьевской культуры как будто даже более ранние по сравнению с ямными. Однако эти показатели абсолютизировать нельзя. По-прежнему большинство специалистов считают, что эти два великих культурных образования были синхронными. К тому же, как было сказано выше, полученные даты по материалам памятников из древнейших подкурганых захоронений Восточной Европы древнее афанасьевских. На синхронность ямной и афанасьевской культур указывают и последние результаты радиоуглеродного датирования, проведенного в рамках проекта исследования палеогенетической структуры населения эпохи бронзы Евразии [Allentoft et al., 2015, Fig. 1; Tabl. 1, 3 Sample information].

На промежуточной территории, между Алтаем и Волго-Уралем, обнаружены памятники, соотносимые археологами с ямной и афанасьевской культурами. Среди них дали антропологический материал: Карагаш — Центральный Казахстан [Евдокимов, Ломан, 1989]; Усть-Нарым, Черновая II, Григорьевка II — Восточный и Северо-Восточный Казахстан [Оразбаев, 1989; Мерц В.К., Мерц И.В., 2010]; Кумсай и Жиренкопа — Западный Казахстан (раскопки А.А. Бисембаева). Обработка некоторых краниологических материалов этих памятников [Гинзбург, 1956; Исмагулова, 1989; Солодовников, 2010; Хохлов, Китов, 2012] показала их значительное сходство с черепами людей ямной и афанасьевской культур. Так, череп из Карагаша по результатам анализа главных компонент объединенной серии ямников Волго-Уралья и афанасьевцев Горного Алтая на данном внутрigrупповом фоне характеризуется выраженной массивностью при выраженной европеоидности (или протоевропеоидности) [Солодовников, 2010]. Дополнительно указывалось на специфику некоторых из этих черепов, в частности умеренную горизонтальную профилировку лица на фоне их общей матуризации. И это рассматривалось как элемент наследия данных черт от местного нео-энеолитического населения казахстанских степей [Хохлов, Китов, 2012, с. 70]. На рис. 2 отмечены памятники Волго-Уралья, Казахстана и Алтая, содержащие краниологические материалы, относящиеся к блоку ямных и афанасьевских культур.

Все вышесказанное, с учетом новейших археологических представлений и антропологических разработок, предполагает необходимость по-новому рассмотреть проблему возможной генетической связи между популяциями ямной и афанасьевской культур. В данном случае обратимся с этой целью к морфологическому сравнению краниологических выборок этих культур с сериями синхронных и предшествующих им других археологических образований. Возможность перегруппировки черепов Горного Алтая появилась после выхода обобщающего свода памятников афанасьевской культуры [Вадецкая и др., 2014]². В табл. 1 приведены основные краниологические данные по мужским черепам, относящимся к «ямным» культурам Волго-Уралья и «афанасьевским» Горного Алтая³.

На данном этапе исследования мы сформировали группу мужских краниологических серий неолита — начала средней бронзы преимущественно с территорий Южной и Западной Сибири, Казахстана и юга Средней Азии, южной половины Восточной Европы и Кавказа (табл. 2).

² Пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность с.н.с. ИАЭТ СО РАН Н.Ф. Степановой за помощь в группировке краниологических материалов с территории Горного Алтая и ценные замечания по проблемам афанасьевской культуры.

³ Черепа, вошедшие в серию куротинского ТП, происходят из погребений куротинского и смешанного афанасьевско-куротинского типа. В данную серию включены, в частности, измерения мужского черепа из могильника Черновая II в Восточно-Казахстанской области, на границе с Горным Алтаем [Исмагулова, 1989], по особенностям инвентаря и керамики относящегося к куротинскому типу памятников [Мерц И.В., 2014].

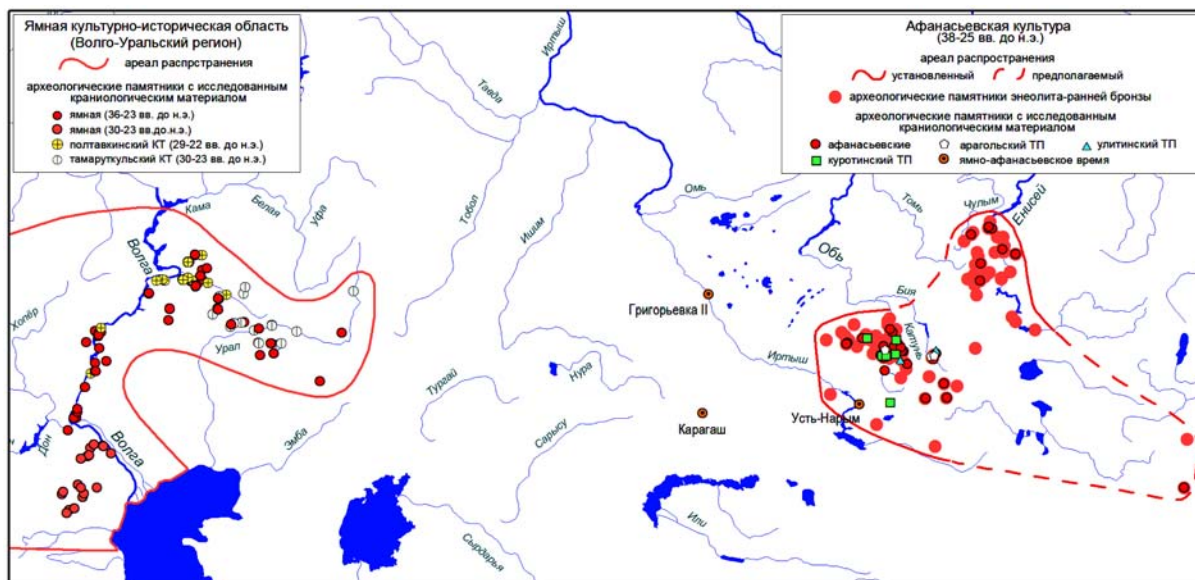

Рис. 2. Могильники восточной части ареала ямной культуры и афанасьевской культуры Алтая, давшие краниологические материалы.

Таблица 1

Мужские краниологические серии энеолита — ранней бронзы Горного Алтая и Волго-Уралья

Признак, № по Мартину и др.	Афанасьевская культура		Куротинский ТП		Арагольский ТП		Ямная культура Волго-Уральской лесостепи		Ямная культура поволжской степи		Полтавкинская культура Поволжья		Тамаруккульский КТ Приуралья	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	37	191,3	8	191,8	2	193,5	18	192,3	15	189,5	28	188,7	25	192,5
8	36	142,9	8	143,6	2	134,5	19	145,6	16	143,2	27	144,1	22	140,2
17	25	138,7	4	140,0	2	141,0	13	137,2	8	137,8	16	137,4	15	137,5
9	38	100,1	10	100,3	3	102,7	18	101,1	15	98,2	26	98,6	24	98,3
32	34	80,9°	4	79,8°	2	85,0°	17	80,1°	11	78,1°	23	78,9°	16	79,3°
45	34	140,1	8	140,5	3	136,0	18	141,4	13	139,2	23	139,2	14	135,1
48	33	70,1	8	71,0	3	69,7	14	72,9	14	72,2	21	70,8	17	72,8
72	30	85,3°	4	87,8°	2	83,5°	14	85,8°	9	84,3°	21	85,9°	13	88,0°
77	34	137,4°	8	139,0°	1	132,5°	18	138,1°	11	137,2°	24	138,0°	21	137,0°
Zm	30	125,8°	5	125,6°	1	126,1°	16	125,0°	9	125,2°	20	124,5°	19	122,8°
51	32	44,3	5	45,0	1	43,0	17	43,9	11	43,7	24	44,2	22	43,7
52	36	30,9	7	31,0	3	36,0	18	32,0	14	32,3	25	32,5	21	32,8
55	34	51,1	6	53,4	3	51,3	18	53,4	15	53,1	25	51,8	22	52,9
54	35	25,9	6	27,1	3	25,0	18	25,7	16	25,5	24	25,0	20	26,0
75(1)	26	35,3°	5	37,8°	2	35,0°	11	35,5°	10	36,0°	19	34,8°	18	35,3°
SC	31	9,1	6	8,2	1	9,8	14	9,2	11	9,7	23	8,9	24	8,3
SS	30	5,4	6	6,1	1	5,8	14	5,8	11	4,9	22	5,2	24	4,8

Необходимо отметить, что, во-первых, некоторые материалы по-прежнему представлены минимальными по численности выборками (череп из погребений арагольского типа и доафанасьевского времени из пещер Горного Алтая, новосвободненской культуры) или даже единичными находками (Карагаш, Усть-Нарым, Григорьевка II). Не использованы некоторые весьма важные для сравнения черепа из-за ограниченности их метрических данных (к примеру, Кумсай — ямная культура). Во-вторых, не все имеющиеся материалы, относимые к ямной культуре, ранжированы в соответствии с выделяемыми археологически культурно-хронологическими вариантами. В-третьих, к сравнению привлечены степные серии начала среднебронзового века, но только те из них, которые, судя по археологическим данным, могли быть тем или иным образом связаны с афанасьевским населением либо могут помочь в понимании этого процесса (полтавкинская и тамаруккульская Волго-Уралья, северокавказская Предкавказья). В группе серий, к сожалению, нет выборки, относящейся к новотиторской культуре Прикубанья, поскольку публикации с краниометрическими данными по этим материалам нам неизвестны. Катакомбные

Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур...

выборки Предкавказско-Волго-Донского региона не учтены в силу их очевидно более позднего хронологического датирования⁴. Влияние населения катакомбной культуры на формирование афанасьевских популяций [Козинцев, 2009] гипотетически возможно, но если и было, то поздним и скорее опосредованным. Все перечисленные нами ограничения и недостатки нужно учитывать, если речь идет о полноценном сравнении, получении объективных результатов и формулировании выводов.

Таблица 2

Привлекаемые для сравнительного анализа серии мужских черепов неолита — бронзы

1	Неолит Горного Алтая (Нижнетьктескенская I и Каминная пещеры)*. Суммировано по: [Чикишева, 2012]	20	Майкопская культура. Суммировано по: [Шевченко, 1986; Хохлов, 2002; Алексеева, 2004; Герасимова и др., 2007; Казарницкий, 2012; Шишлина и др., 2012]
2	Неолит лесостепи Среднего Енисея (Долгое Озеро, Базаиха, Перевозное). Суммировано по: [Алексеев, 1961; Герасимова, 1964]	21	Новосвободненская культура*. Суммировано по: [Шевченко, 1986; Казарницкий, 2012]
3	Неолит северных предгорий Алтая. Суммировано по: [Дремов, 1986, 1997; Чикишева, 2012]	22	Кеми-обинская культура Крыма [Круц, 1972]
4	Неолит Новосибирско-Каменского Приобья (Ордынское, Раздутье, Крутиха, Иня 4). Суммировано по: [Алексеев, 1961; Дремов, 1985; Шапова, Мыльникова, 1998]	23	Ямная культура Северо-Западного Причерноморья. Суммировано по: [Дебец, 1948; Зиневич, 1972]
5	Неолит Кузнецкой котловины (Кузнецкий, Заречное I, Васьково IV, Лебеди II). Суммировано по: [Дремов, 1997; Чикишева, 2012]	24	Ямная культура Степного Приднепровья, суммарно [Круц, 1984]
6	Афанасьевская культура Горного Алтая (наст. работа, табл. 1)	25	Ямная культура Волго-Уральской лесостепи [Хохлов, 2013b]
7	Куротинский тип памятников Горного Алтая (наст. работа, табл. 1)	26	Ямная культура степей Нижнего Поволжья [Хохлов, 2013b]
8	Арагольский тип погребений Горного Алтая (наст. работа, табл. 1)	27	Ямная культура Нижневолжского правобережья (Кривая Лука и др.) [Хохлов, 2013b]
9	Афанасьевская культура Среднего Енисея [Солодовников, 2009, табл. 2]	28	Полтавкинский культурный тип степного Поволжья и лесостепного Волго-Уралья, суммарно [Хохлов, 2013b]
10	Усть-Нарым, погр. 2, ямно-афанасьевское время Восточного Казахстана [Гинзбург, 1956]	29	Тамаруккульский культурный тип/приуральский вариант ямной культуры [Хохлов, 2013b]
11	Григорьевка II, мог. 1, ямно-афанасьевское время Северо-Восточного Казахстана*. Неопubl. данные К.Н. Солодовникова	30	Древнеямная культура Калмыкии. Суммировано по: [Казарницкий, 2012; Хохлов, 2006]
12	Карагаш, кург. 2, мог. 2, ямно-афанасьевское время Центрального Казахстана [Солодовников, 2010]	31	Северокавказская культура Калмыкии. Суммировано по: [Шевченко, 2009, табл.]
13	Неолит днепро-донецкой общности, суммарно [Потехина, 1999]	32	Тумек-Кичиджик, кельтеминарская культура южного Приаралья [Виноградов и др., 1986]
14	Неолит — ранний энеолит Самарской области (Пеляжинка IV и V, Съезжее I). Суммировано по: [Хохлов, 2012]	33	Кара-Депе, энеолит юга Средней Азии [Гинзбург, Трофимова, 1972]
15	Энеолит лесостепного Зауралья и Северного Казахстана (Гладунино 3, Ботай). Суммировано по: [Рыкушина, Зайберт, 1984; Хохлов, Нечвалода, 2002]	34	Геокюр, энеолит юга Средней Азии [Гинзбург, Трофимова, 1972]
16	Хвалынские I и II могильники, хвалынская культура. Суммировано по: [Хохлов, 2010]	35	Пархай II, энеолит — ранняя бронза юга Средней Азии (периоды ЮЗТ VI–IV). Суммировано по: [Громов, 2004]
17	Хлопков Бугор, хвалынская культура*. Суммировано по: [Хохлов, 2010]	36	Куро-аракская культура Грузии [Абдушелишвили, 1982]
18	Среднестоговская культура Днепро-Донецкого междуречья. Суммировано по: [Сурина, 1963; Зиневич, 1967; Потехина, 1983]	37	Куро-аракская культура Армении (Шенгавит, Мейданнер, Ланджик). Суммировано по: [Алексеев, 1974; Алексеев, Мкртчян, 1989; Худавердян, 1996]
19	Трипольская культура Украины и Молдавии, суммарно [Кондукторова, 1973, табл. 8]		

* Суммарно мужские и пересчитанные на «мужские» [Алексеев, Дебец, 1964] женские черепа.

Итак, мы сопоставили 37 мужских краниологических выборок между собой с помощью кластеризации расстояний Махаланобиса (взвешенный парно-групповой способ) и канонического анализа (программа Ю.К. Чистова) по набору признаков, представленному в табл. 1. В результате кластеризации расстояний Махаланобиса (рис. 3) выделяются три основные совокупности краниологических серий, имеющие географическую локализацию. Во-первых, обособляются выборки черепов доафанасьевского времени из районов, занятых впоследствии афанасьевским населением, либо соседних регионов: неолита Горного Алтая, его северных предгорий, Новосибирско-Каменского Приобья, Кузнецкой котловины и Красноярско-Канской лесостепи. Очевидно, морфологическую специфику этих групп определяют автохтонные западно-южносибирские антропологические типы с краниологическими комплексами, отличными от европеоидных. К данной совокупности присоединяются черепа лесостепного Зауралья и Северного Казахстана (Гладунино 3, Ботай), а также неолита — раннего энеолита Волго-Уральской лесостепи, которые отчасти или напрямую связаны происхождением с древнеуральскими популяциями [Хохлов, Нечвалода, 2002; Хохлов, Китов, 2015; Хохлов, 2000].

⁴ К примеру, для катакомбной культуры Калмыкии — XXVII–XIV вв. до н.э. с интервалом калиброванного возраста в 2σ по: [Черных, Орловская, 2004b] и XXVI–XXIII вв. до н.э. с интервалом в 1σ по Н.И. Шишлиной [2007].

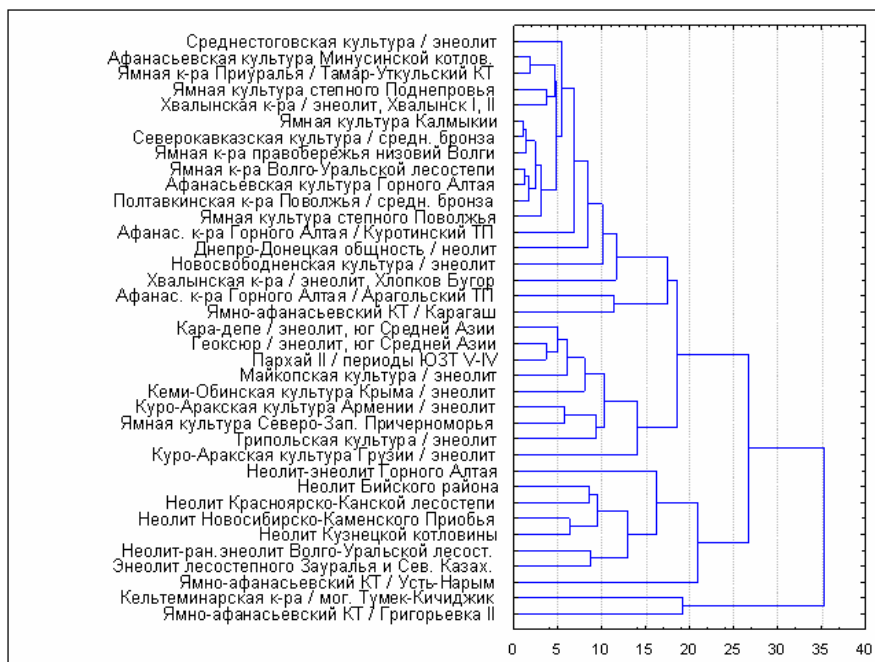

Рис. 3. Результаты кластеризации расстояний Махаланобиса мужских серий неолита — бронзы.

Другие две совокупности составлены именно из европеоидных серий. С одной стороны, это выражено долихокранные относительно узколицые группы энеолита — ранней бронзы Кавказа и юга Средней Азии и отдельные из южных районов Восточной Европы (серии трипольской, майкопской и кеми-обинской культур, ямной Северо-Западного Причерноморья). Другой обширный кластер формируют все «афанасьевские» серии Южной Сибири и большинство сравнительных групп степного и лесостепного пространства Восточной Европы. Объединяют эти серии существенно большие поперечные размеры мозгового и лицевого отделов. Данный краниологический комплекс, с широким или среднешироким лицевым отделом, соответствует протоевропейскому антропологическому типу [Дебец, 1948; Алексеев, 1961b]. В данном кластере несколько обособляются брахикранные серии Северо-Западного Прикаспия (ямные Калмыкии и правобережья Нижней Волги, северокавказской культуры с территории Калмыкии) в противоположность остальным, преимущественно умеренно долихокранным или мезоокранным группам, в числе которых и выборки афанасьевской культуры Горного Алтая и Минусинской котловины, куротинского и арагольского типа памятников. Примечательно, что последние анализируемые европеоидные южно-сибирские группы на фоне восточно-европейских степных и лесостепных серий не образуют отдельного кластера. Так, серия афанасьевской культуры Среднего Енисея непосредственно объединяется с тамаруткульской Приуралья, а ближайшими к собственно афанасьевской серии Горного Алтая оказываются краниологические выборки ямной культуры лесостепного Волго-Уралья и полтавкинской культуры Поволжья. Из хронологически ранних серий в данный ямно-афанасьевский кластер входят выборки черепов из энеолитических могильников хвалынской и среднепестовской культур. Судя по абсолютным значениям расстояний Махаланобиса, таблица которых не приводится здесь по причине ее большого объема, максимально морфологически отличны среди сравнительных групп как от южно-сибирских «афанасьевских», так и от восточно-европейских серий черепа людей кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик, а также из могильника Григорьевка II на Иртыше, которые обособляются и при кластеризации (рис. 3).

По результатам канонического анализа наибольшие нагрузки по первому каноническому вектору приходятся на тотальные широтные размеры черепной коробки и лицевого отдела, по второму — на длину и высоту черепа, угол выступания носа, симотическую высоту, а также углы горизонтальной профилировки лица с противоположными знаками. Был построен график распределения серий в пространстве этих векторов. В его нижней части (рис. 4) расположены

Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур...

выборки черепов доафанасьевского времени с территории Сибири, нео-энеолитические Волго-Уралья и Зауралья, а также кельтеминарская Южного Приаралья. Относительно кельтеминарской группы неолитического населения Южного Приаралья нужно напомнить, что Л.Т. Яблонский [Виноградов и др., 1986, с. 118] допускал наличие в ее антропологическом составе монголоидной примеси.

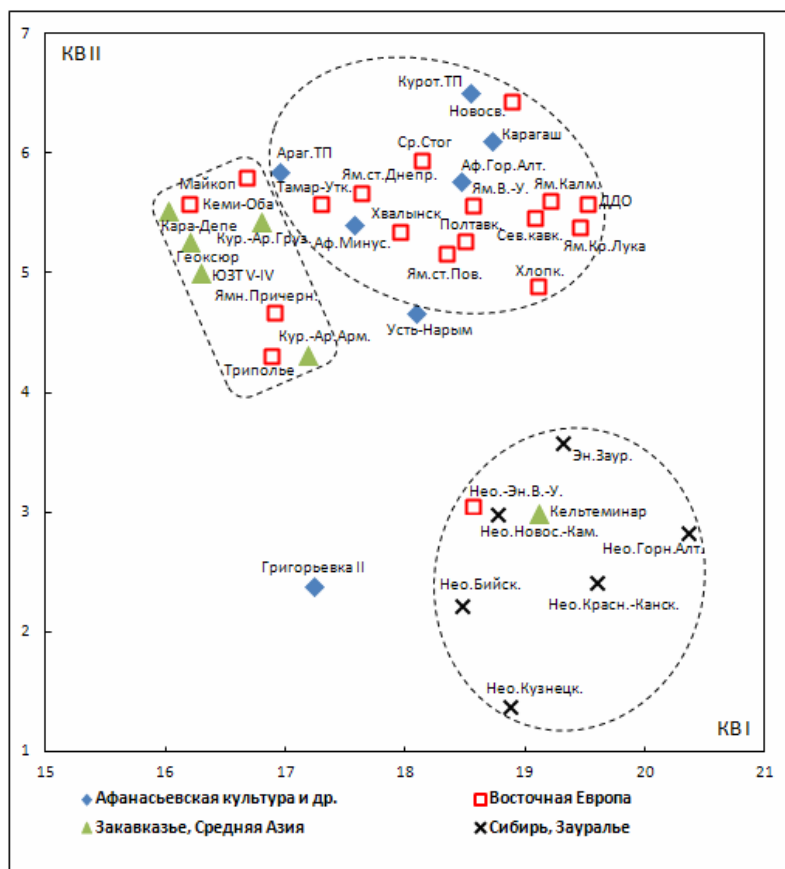

Рис. 4. Результаты канонического анализа и кластеризации расстояний Махаланобиса мужских серий неолита — бронзы.

Особую позицию занимает группа в составе выборок юга Средней Азии, Закавказья, юга Восточной Европы. Морфологически все они представляют собой долихокранные мезоморфные или гипоморфные европеоидные комплексы, нередко именуемые в литературе вариантами средиземноморского или южноевропеоидного типа (напр.: [Великанова, 1972; Гинзбург, Трофимова, 1972; Круц, 1972; Казарницкий, 2012])⁵. Нами отдельно очерчена третья большая группа, включающая афанасьевские, ямные и вошедшие в этот круг нео-энеолитические выборки степей и лесостепей Восточной Европы. Некоторые из них тяготеют к южноевропеоидным формам (арагольский ТП, тамаруткульский КТ). В этой большой группе древних европеоидных серий можно увидеть некоторую концентрацию максимально широкоголовых, гиперморфных выборок в составе суммарной серии днепро-донецкой общности, энеолитической серии из могильника Хлопков Бугор Поволжья и бронзовой эпохи — ямных и северокавказской групп Предкавказско-Нижневолжского ареала.

⁵ Не являются исключением и группы, оставившие могильники энеолита и ранней бронзы Саразм и Заман-Баба в среднеазиатском междуречье, потенциально рассматривающиеся некоторыми археологами в связи с ямно-афанасьевскими миграциями [Мерц В.К., Мерц И.В., 2010, с. 143; Аванесова, 2012, с. 20, 23]. Малая численность или плохая сохранность краниологических материалов из этих могильников не позволяют включать в межгрупповой статистический анализ, но на них вполне отчетливо проявляются типологические особенности южного европеоидного антропологического типа — длинная долихокранный мозговая коробка, узкое высокое лептопрозное лицо с резкой горизонтальной профилировкой на верхнем уровне и т.д. [Ходжайов, 2004; Гинзбург, Трофимова, 1972].

Серии, относящиеся к афанасьевской культуре, или близких культурных типов Горного Алтая на графике расположены достаточно широко. Исходя из предмета нашего исследования отметим, что наиболее близки афанасьевской выборке Горного Алтая ямные Волго-Уралья и степного Поволжья, полтавкинская того же ареала, а из ранних групп — энеолитические среднестоговская и хвалынская. К черепакам из погребений куротинского типа памятников оказалась близка новосвободненская выборка из Предкавказья. Каждая из названных краниологических групп, несомненно, имеет свои отличительные характеристики, но их морфологический облик в целом ранее оценивался исследователями как свидетельство принадлежности к вариантам протоевропеоидного типа [Сурнина, 1963; Мкртчян, 1988; и др.]. Исключения составляют новосвободненские черепа, морфологически специфичные [Шевченко, 1986, с. 161], и хвалынские (мезоморфный, долихо-акрокранный вариант [Хохлов, 2010]). Тем не менее все они морфологически обособляются от брахикранных широколицых европеоидов энеолита — бронзы Предкавказско-Нижневолжского ареала. Черепа с промежуточных территорий казахстанских степей, в частности из Карагаша и Усть-Нарыма, сходны с сериями ямно-афанасьевского кластера либо проявляют существенные отличия, как краниум из могильника Григорьевка II.

Таким образом, по результатам предпринятого сравнения можно заключить, что, во-первых, нео-энеолитическое население Алтая и прилегающих областей не могло быть антропологическим ядром для сложения присущих афанасьевцам физических черт. Во-вторых, прослеживается максимальная морфологическая близость краниологических выборок афанасьевского населения Южной Сибири и сходных культурных типов Горного Алтая с группами ямного населения Волго-Уралья, что подтверждает ранее полученные результаты [Солодовников, 2009, 2010].

В археологии существуют различные мнения о связи предков носителей афанасьевской культуры с теми или иными культурно-территориальными группами ямного населения Восточной Европы. Отмечается наибольшая близость афанасьевского культурного комплекса с ямным: 1) степей Причерноморья [Грязнов, 1999]; 2) Нижнего Поднепровья [Абдулганеев, Плахин, 1982]; 3) Волжско-Уральского междуречья [Шорин, 2005, с. 88; Моргунова, 2014]. По мнению А.В. Фрибуса [1999, 2012], протоафанасьевский комплекс мог сформироваться на территории от Нижнего Поднепровья и степного Крыма до Приазовья и Предкавказья, где прослеживаются наибольшие аналогии афанасьевским погребальным сооружениям в местных ямных и доямных комплексах. В частности, специфическое сходство с афанасьевскими надмогильными сооружениями проявляют так называемые плоские могильники Поднепровья [Фрибус, 1999]. Ввиду сказанного мы дополнили и детализировали межгрупповой сравнительный анализ, исключив неевропеоидные группы, по-видимому, не имеющие отношения к расогенезу населения афанасьевской культуры и сходных культурных типов Горного Алтая. Одновременно, используя опубликованные индивидуальные данные [Кондукторова, 1956; Зиневич, 1967; Зиневич, Круц, 1968; Кондукторова, 1969; Круц, 1969, 1972], суммарную серию ямной культуры степного Поднепровья ранжировали на локально-территориальные выборки. В результате были рассчитаны средние краниометрические характеристики следующих мужских выборок ямной культуры: 1) Запорожской области р. Молочной; 2) из «плоских» могильников Поднепровья; 3) степного правобережья Днепра; 4) криворожской группы (Кривой Рог, Ингулец-Широкое); 5) низовий Днепра (херсонская степная группа); 6) Буго-Ингульского междуречья. Также учтена выборка черепов из древнейших подкурганых погребений Нижнего Поволжья бережновского культурного типа [Хохлов, 2013а]. Она суммирована по измерениям мужских черепов и женских, размеры которых были пересчитаны на «мужские» через средние коэффициенты полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964].

С изменением масштаба сравнения на графике, построенном по данным первых двух канонических векторов (рис. 5), обособилась от остальных групп крайне матуризованная, гиперморфная серия днепро-днецкого неолита. В остальном по-прежнему можно видеть группировку выборок с брахикранными широколицыми черепами низовий Волги и Предкавказья (ямные, северокавказская, Хлопков Бугор). Также очерчивается группа с южноевропеоидными краниологическими характеристиками, основу которых составляют закавказские, среднеазиатские и ряд серий южной части Восточной Европы. Среди последних к тем, что назывались выше (майкопская, трипольская и др.), добавились ямные Херсонской области и Буго-Ингульского междуречья, а также из древнейших подкурганых погребений Поволжья. Примечательно, что в этой группе оказались черепа из погребений арагольского культурного типа Алтая.

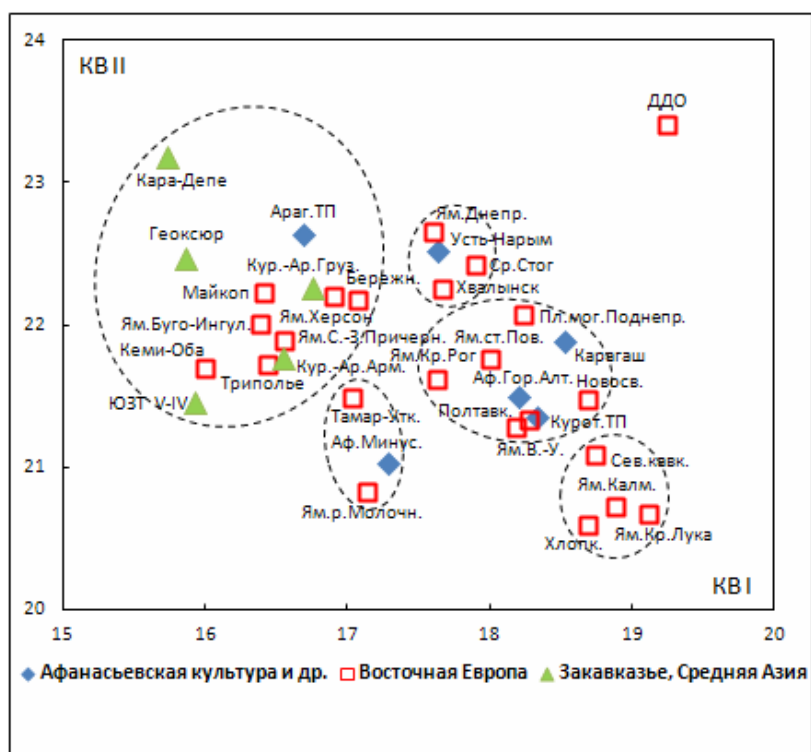

Рис. 5. Результаты канонического анализа мужских европеоидных серий неолита — бронзы.

Можно проследить и другие, небольшие группы, в составе которых одновременно и ямные, и афанасьевские выборки. Так, череп из Усть-Нарыма оказался в группе с ямными правобережья Днепра, энеолитическими среднестоговской и хвалынской культуры, а тамаруткульская Южного Урала — с афанасьевской Среднего Енисея и ямной р. Молочной. Подчеркнем, что близость между собой двух первых выборок наблюдалась по результатам сравнения всеми используемыми аналитическими методами. По-прежнему фиксируется максимальное сближение афанасьевской серии Горного Алтая (и черепов из погребений куротинского ТП) с выборками ямной и полтавкинской культур Волго-Уралья. Близки к ним ямные краниологические серии из «плоских» могильников Поднепровья и Кривого Рога, а также новосвободненской культуры Предкавказья и череп из Карагаша Центрального Казахстана.

На основании результатов сравнения ямных и афанасьевских краниологических выборок на фоне серий других культур неолита — бронзы Евразии можем сформулировать следующие положения:

1. Население как «ямных», так и «афанасьевских» культур энеолита — начала бронзового века было неоднородным. В составе как тех, так и других прослеживаются в основном европеоидные гиперморфного или мезоморфного облика антропологические компоненты. Доминирует, как выявлялось и ранее в исследованиях отечественных ученых, широколицый степной палеоевропеоидный вариант.

2. Нео-энеолитические краниологические материалы Алтая, прилегающих областей Южной Сибири, Зауралья, Северного Казахстана, а также кельтеминарской культуры Южного Приаралья демонстрируют морфологические комплексы с умеренной профилировкой лица, которые не могут рассматриваться в качестве базиса для сложения европеоидного афанасьевского населения.

3. Среди известных к настоящему времени нео-энеолитических краниологических выборок с территорий Средней и Передней Азии, Кавказа, Южной Европы фиксируются варианты долихокранных мезо- или гипоморфных европеоидов южного морфологического облика. По-прежнему статистически представительные материалы, относящиеся к массивным, широколицым краниологическим формам, за исключением приаральского могильника Тумек-Кичиджик, с этих территорий отсутствуют. Следовательно, и здесь нет антропологической основы для формирования морфологической доминанты протоафанасьевского населения.

4. Исходя из общих результатов морфологического анализа предков протоафанасьевского населения следует искать именно в кругу степных и лесостепных популяций энеолита — ранней бронзы восточно-европейского ареала. На характер миграции из этого региона в восточном направлении указывают в том числе обрядовые особенности погребений с промежуточной территории Казахстана (Кумсай, Карагаш, Усть-Нарым), близкие одновременно и ямным, и афанасьевским, а также краниологические особенности захороненных в них людей — носителей палеоевропеоидных черт.

5. По нашим данным наибольшее краниологическое сходство с афанасьевцами Горного Алтая демонстрируют волго-уральские ямники, которые к тому же и хронологически оказываются наиболее древними в составе популяций ЯКИО. Сходство с афанасьевской серией Горного Алтая полтавкинской той же территории (потомки местных ямников) только усиливает впечатление о вероятной генетической связи названных групп. Уточним, что речь идет в основном о ямных и полтавкинских материалах Среднего Заволжья. Археологически прослеживается распространение ямных коллективов в восточном направлении вдоль р. Самары. Возможно, это намечает один из начальных путей продвижения ранних скотоводов по кромке степи и лесостепи, который, видимо, продолжился. На пути их движения были земли, занятые носителями местных культур, в частности ботайской и терсекской. Некоторые черепа из погребений ямного типа Казахстана (Кумсай, Жиренкопа) имеют умеренную горизонтальную профилировку. Возможно, этот морфологический элемент унаследован от контактов мигрантов с аборигенами, но если они и были, то носили скорее эпизодический характер.

6. Присутствие в афанасьевском ареале разных культурных и краниологических вариантов, несомненно, является следствием участия, помимо древнеямного, других компонентов. К примеру, специфика черепов из погребений арагольского типа предполагает вероятность привнесения выражено долихокранного, мезоморфного европеоидного варианта. Этот вариант, однако, был достаточно широко географически распространен как среди азиатских, так и среди европейских культур энеолита — бронзового века. В этой связи еще потребует объяснения сходство тамарут-кульской (позднеямной) группы Южного Урала с афанасьевской Минусинской котловины.

Пока мы лишь наметили ранние истоки протоафанасьевского населения, возможно связанные с иммиграцией какой-либо восточно-европейской популяции от Днепра до Урала, наиболее вероятно по нашим данным — с территории Волжского бассейна. Данная работа является лишь этапом исследований, в перспективе которых — освещение афанасьевской проблематики через призму комплексных усилий археологов и антропологов с использованием новых подходов, в том числе палеогенетического.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т., Плахин В.Т. Об этнической принадлежности афанасьевской культуры // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Якутск, 1982. С. 100–101.

Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде // Материалы к антропологии Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1982. Вып. VIII. 134 с. (На груз. яз.)

Аванесова Н.А. Святилище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 8–27.

Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока: Тр. конф. по истории Сибири и Дал. Востока: Материалы пленарного заседания и секции истории досовет. периода, археологии и этнографии (март 1960 г.). Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1961а. С. 377–385.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропол. сб. III. М.: Изд-во АН СССР, 1961б. С. 107–206. (ТИЭ; Т. 71).

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 318 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П., Мкртчян Р.А. Палеоантропологические материалы из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-араксинской культуры // СЭ. 1989. № 1. С. 127–133.

Алексеева Т.И. К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности на Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 168–179.

Вадецкая Э.Б. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 98–100.

Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур...

- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1981. 129 с.
- Великанова М.С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 282 с.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население Южного Приаралья: Археолого-палеоантропологическое исследование. М.: Наука, 1986. 199 с. (Тр. ХАЭЭ; Т. XV).
- Герасимова М.М.* Неолитические погребения у Долгого озера (Канск) // *Вопр. антропологии*. М.: Наука, 1964. Вып. 18. С. 134–143.
- Герасимова М.М., Пежемский Д.В., Яблонский Л.Т.* Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Ставрополь: Наследие; М.: Памятники ист. мысли, 2007. Вып. VII. С. 91–121.
- Гинзбург В.В.* Древнее население восточных и центральных районов Казахстана // *Антропол. сб. I*. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 238–298. (ТИЭ; Т. 33).
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.
- Громов А.В.* Древнее население долины реки Сумбар (Юго-Западный Туркменистан) // *Палеоантропология, этническая антропология, этногенез*. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 8–20.
- Грязнов М.П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 136 с.
- Даниленко В.Н.* Энеолит Украины: Этноисторическое исследование. Киев: Наук. думка, 1974. 176 с.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (ТИЭ; Т. 4).
- Дремов В.А.* Об антропологическом составе неолитического населения Новосибирско-Барнаульского Приобья // *Западная Сибирь в древности и средневековье*. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1985. С. 3–16.
- Дремов В.А.* Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // *Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии*. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56–73.
- Дремов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
- Дремов И.И., Юдин А.И.* Древнейшие подкурганые захоронения Степного Заволжья // *РА*. 1992. № 4. С. 18–31.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г.* Раскопки ямного кургана в Карагандинской степи // *Вопр. археологии Центрального и Северного Казахстана*. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 34–46.
- Зиневич Г.П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наук. думка, 1967. 223 с.
- Зиневич Г.П.* Краниологічні матеріали епохи енеоліту-бронзи з Північно-Західного Причорномор'я // *Матеріали з антропології України*. Київ: Наук. думка, 1972. Вип. 6. С. 2–28.
- Зиневич Г.П., Круц С.І.* Антропологічна характеристика давнього населення території України (за матеріалами експедицій 1961–1963 рр.). Київ: Наук. думка, 1968. 144 с.
- Исмагулова А.О.* Энеолитический череп из Восточного Казахстана // *Маргулановские чтения*. Алма-Ата: АН КазССР, 1989. С. 75–78.
- Казарницкий А.А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф.* Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: (Итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. 335 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Проблемы хронологии памятников энеолита, бронзы Южной Сибири // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири*: Тез. докл. к Всесоюз. науч. конф. 3–5 апр. 1991 г. Барнаул, 1991. С. 43–47.
- Козинцев А.Г.* О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. № 4 (40). С. 125–136.
- Кондукторова Т.С.* Материалы по палеоантропологии Украины // *Антропол. сб. I*. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 166–203. (ТИЭ; Т. 33).
- Кондукторова Т.С.* Антропологічний склад племен території України в епоху бронзи // *Матеріали з антропології України*. Київ: Наук. думка, 1969. Вип. 4. С. 33–56.
- Кондукторова Т.С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.
- Кореневский С.Н., Резепкин А.Д.* Радиоуглеродная хронология памятников круга майкопского кургана и новосвободненских гробниц // *Проблемы истории, филологии, культуры*. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. Вып. XXII. С. 109–127.
- Котова Н.С.* О культурной принадлежности группы погребений эпохи среднего энеолита в междуречье Днепра и Дона // *Человек и древности*. М.: Гриф и К., 2010. С. 343–362.
- Круц С.І.* Черепа епохи бронзи з курганів Криворіжжя // *Матеріали з антропології України*. Київ: Наук. думка, 1969. Вип. 4. С. 23–32.

- Круц С.И.* Население территории Украины эпохи меди-бронзы (по антропологическим данным). Киев: Наук. думка, 1972. 192 с.
- Круц С.И.* Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев: Наук. думка, 1984. 208 с.
- Кузнецов П.Ф.* Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Материалы конф., посвященной 50-летию углеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апр. 2007 г. СПб., 2007. С. 216–222.
- Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н.* Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология Восточно-европейской степи. Саратов: СГУ, 2008. Вып. 6. С. 194–200.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Проблема взаимосвязей культур Волго-Уралья и Южной Сибири в эпоху ранней — средней бронзы: Взгляд с запада // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия: Сб. докл. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения чл.-кор. РАН С.В. Киселева, г. Минусинск, 20–26 июня 2005 г. Красноярск, 2005. С. 41–44.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 1974. 173 с.
- Мерц В.К.* Погребение ямного типа на Иртыше // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 23–27.
- Мерц В.К., Мерц И.В.* Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана: (К постановке проблемы) // Афанасьев. сб. Барнаул: Азбука, 2010. С. 134–144.
- Мерц И.В.* Памятники афанасьевского типа Восточного Казахстана // Э.Б. Вадецкая, А.В. Поляков, Н.Ф. Степанова. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. С. 369–372.
- Мкртчян Р.А.* Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга Европейской части СССР (по материалам могильников «Госпитальный холм и Хвалынский»): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Молодин В.И.* Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. С. 97–142.
- Моргунова Н.Л.* О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры степного Волго-Уралья и афанасьевской культуры Алтае-Саянского региона // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014а. № 3. С. 4–13. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014б. 347 с.
- Моргунова Н.Л.* Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 5–23.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 5–14.
- Оразбаев А.М.* Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Маргулановские чтения: Материалы конф. Алма-Ата, 1989. С. 226.
- Поляков А.В.* Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьев. сб. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158–171.
- Потехина П.Д.* О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным // СА. 1983. № 1. С. 144–154.
- Потехина И.Д.* Население Украины в эпоху неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев: Ин-т археологии НАНУ, 1999. 208 с.
- Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф.* Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1984. С. 121–136.
- Савинов Д.Г.* Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов. Новосибирск: Наука, 1994. С. 130–135.
- Семенов В.А.* Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток: (К 100-летию открытия тохарских рукописей) // Петерб. археол. вестн. СПб.: Фарн, 1993. № 4. С. 25–30.
- Солодовников К.Н.* Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 3–27.
- Солодовников К.Н.* Антропологические материалы из могильника Сальдьяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // О.В. Ларин. Афанасьевская культура Горного Алтая: Могильник Сальдьяр-1. Приложение 1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 120–154.
- Солодовников К.Н.* Антропологические материалы афанасьевской культуры: К проблеме происхождения // Вестн. антропологии. М.: Проект-Ф, 2009. Вып. 17. С. 117–135.
- Солодовников К.Н.* Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катунь // Афанасьев. сб. Барнаул: Азбука, 2010. С. 233–244.
- Степанова Н.Ф.* Афанасьевская культура и древнеямная КИО: Сходство и различие // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 351–354.

Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур...

Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 391–395.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улигинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Слово, 2010. С. 24–37.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьев. сб. 2. Барнаул: Азбука, 2012а. С. 173–182.

Степанова Н.Ф. К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012b. Кн. 2. С. 203–208.

Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из Александрийского могильника // Антропол. сб. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 144–153. (ТИЭ; Т. 82).

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-причерноморского региона. Луганск, 2001. 152 с.

Трифонов В.А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: (Материалы междунар. науч. конф.). Волгоград, 1996. С. 3–5.

Фрибус А.В. Происхождение афанасьевской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 26 с.

Фрибус А.В. Афанасьевская культура и системы взаимодействия в степной Евразии эпохи палеометалла // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 199–202.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–33.

Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зеравшана // Вестн. антропологии. М., 2004. Вып. 11. С. 87–101.

Хохлов А.А. Краниологический тип человека, погребенного по традициям майкопской культуры эпохи ранней бронзы: (Калмыкия, памятник Манджикины I, 14/13) // Нижневолж. археол. вестн. Волгоград: ВГУ, 2002. Вып.5. С. 174–179.

Хохлов А.А. О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Вестн. антропологии. М.: Оргсервис-2000, 2006. № 14. С. 136–146.

Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры: По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалыньские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара: Поволжье, 2010. С. 407–517.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья в эпохи неолита и энеолита: Обзор источника и подробный анализ. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing AG & Co. KG, 2012. 154 с.

Хохлов А.А. Краниологические материалы из древнейших подкурганых захоронений Бережновского типа // Изв. Самар. НЦ. Самара: Самар. НЦ, 2013а. Т. 15. № 1. С. 196–199.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита — бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013b. 631 с.

Хохлов А.А., Китов А.А. К антропологии раннего этапа бронзового века Западного Казахстана // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 1. С. 64–71. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана // Казахское ханство в потоке истории: Сб. материалов междунар. конф., посвященной 550-летию Казахского ханства. Алматы, 2015. С.437–445.

Хохлов А.А., Нечвалода А.И. Краниум человека, погребенного на территории древнего поселения Гладунино-3 // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 24. С. 32–38.

Худавердян А.Ю. Антропология древнего Ланджикского населения // 10-я науч. сессия, посвященной итогам археологических исследований в Республике Армения (1993–1995). Ереван, 1996. С. 33–34.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1980. С. 38–51.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганной культуры // РА. 2004а. № 1. С. 84–98.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности // РА. 2004b. № 2. С. 15–29.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 139–148.

Чикишева Т.А. Антропологический аспект взаимодействия населения афанасьевской культуры с автохтонным населением на территории Горного Алтая // Афанасьев. сб. Барнаул: Азбука, 2010. С. 259–273.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

Шевченко А.В. Краниологические материалы из могильников эпохи бронзы Калмыкии // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 235–267.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.) // Тр. ГИМ. М.: ГИМ, 2007. Вып. 165. 401 с.

Шишлина Н. И., Казарницкий А. А., Белькевич Е. В. Курган 3 могильника Улан IV: Археология, антропология и хронология культур бронзового века Средних Ергеней // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 1. С. 390–398.

Шорин А.Ф. Культурогенетические процессы и взаимодействия в среде энеолитического населения Урала и сопредельных территорий // Археология Урала и Западной Сибири: К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. С. 87–92.

Шакова Е.Г., Мильникова Л.Н. Случайная краниологическая находка из Верхнего Приобья. Тогучинский район, Иня-4 // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 693–701.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., a-Sapfo Malaspinas A-S, Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa Ph D., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grube G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature: The intern. weekly journ. of sciens. 11 June 2015. Vol. 522. № 7555. P. 167–172.

Anthony D.W. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. 553 p.

A.A. Khokhlov*, K.N. Solodovnikov, M.P. Rykun***, G.G. Kravchenko***, E.P. Kitov******

*Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
M. Gorky st., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation

E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

**Altai State University

Lenina prospect, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

E-mail: solodk@list.ru

***National Research Tomsk State University

Lenina prospect, 36, Tomsk, 634050, Russian Federation

E-mail: m_rykun@mail.ru;

ggk_07@mail.ru

****Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences

Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334, Russian Federation

E-mail: kadet_eg@mail.ru

CRANIOLOGICAL DATA ON THE PROBLEM OF RELATIONSHIP BETWEEN POPULATIONS OF THE EARLY BRONZE AGE YAMNAYA AND AFANASYEVO CULTURES

This study focuses on the problem of the relationship between two distinctive Early Bronze Age cultures — Yamnaya of Eastern Europe and Afanasyevo of Southern Siberia; the issue is still very topical and appealing to a wide range of specialists in the field of history. Here we summarize the existing hypotheses on the origin of the Afanasyevo population, compare cranial material of geographically and chronologically different groups of these cultures with the series of Eneolithic — Middle Bronze Age skulls from Eastern Europe, Caucasus, Central Asia and South Siberia. Multivariate statistics techniques, such as canonical analysis and clustering of Mahalanobis distances, were used. The heterogeneity of the local Yamnaya and Afanasyevo groups, as well as predominance of wide-face European-type anthropological components in both populations, were shown. Comparative Neo-Eneolithic craniological materials of Altai, adjacent areas of Southern Siberia and Northern Kazakhstan demonstrate morphological complexes with moderate face profiling. The population with such appearance cannot be considered as a basis for the European-type Afanasyevo population. Among available Neo-Eneolithic craniological series from Central and Western Asia, Caucasus and South-Eastern Europe, various types of dolichocranial meso- or hypomorphic European-type individuals clearly prevail. They are morphologically different from the Afanasyevo craniological samples of Altai and the Minusinsk Hollow. As such, we deny the existing point of view on the origins of the proto-Afanasyevo population in Central and Western Asia regions. From the overall results of morphological analysis, we suggest that the ancestors of the proto-Afanasyevo population need to be sought

specifically among the steppe and forest-steppe Eneolithic — Early Bronze Age populations of Eastern Europe. According to our data, Yamnaya groups from Volga-Ural regions, which, moreover, appear to be chronologically the oldest ones within the populations of the Yamnaya cultural-historical area, demonstrate the greatest craniological similarity with the Afanasyevo groups from the Altai Mountains. Therefore, we support archaeological research and anthropological arguments which suggest that the appearance of the proto-Afanasyevo people in the Altai region is related to the migration of some Eneolithic — Early Bronze Age Eastern European population, most likely from the Volga-Ural areas.

Key words: Yamnaya culture, Afanasyevo culture, morphological features, anthropological components, genetic unity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-086-106

REFERENCES

Abdulganeev M.T., Plahin V.T., 1982. Ob e'tnicheskoj prinadlezhnosti afanas'evskoj kul'tury [On Afanasyevo culture's ethnicity]. *Problemy arheologii i perspektivy izucheniya drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka: Tezisy dokladov*, pp. 100–101.

Abdushelishvili M.G., 1982. Antropologiya naseleniya Kavkaza v bronzovom periode [Anthropological studies of the Bronze Age population of the Caucasus]. *Materialy k antropologii Kavkaza*, 8, Tbilisi: Mecniereba, 134 p. (Na gruzinskom yazyke).

Alekseev V.P., 1961a. Antropologicheskie tipy Yuzhnoj Sibiri (Altae-Sayanskoe nagor'e) v e'pokhi neolita i bronzy [Anthropological types of Southern Siberia (Altai-Sayan highland) in the Neolithic and Bronze Ages]. *Vo-prosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Trudy konferencii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Materialy plenarnogo zasedaniya i sekcii istorii dosovetskogo perioda, arheologii i e'tnografii (mart 1960 g.)*, Novosibirsk: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 377–385.

Alekseev V.P., 1961b. Paleoantropologiya Altae-Sayanskogo nagor'ya e'poxi neolita i bronzy [Paleoanthropological studies of the Altai-Sayan upland Neolithic and Bronze Age]. *Antropologicheskij sbornik III*, Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 107–206. (Trudy IE; vol. 71).

Alekseev V.P., 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza: (Kraniologicheskoe issledovanie)* [Origin of the Caucasus peoples: (Craniological research)], Moscow: Nauka, 318 p.

Alekseev V.P., Debec G.F., 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Cranimetry: Methods of anthropological research], Moscow: Nauka, 128 p.

Alekseev V.P., Mkrtchyan R.A., 1989. Paleoantropologicheskie materialy iz pogrebenij v Armenii i voprosy genezisa naseleniya kuro-araksinskoj kul'tury [Paleoanthropological materials from burials in Armenia and the question of genesis of the Kura-Arax culture population]. *Sovetskaya e'tnografiya*, no. 1, pp. 127–133.

Alekseeva T.I., 2004. K antropologii plemen majkopsko-novosvobodnenskoj obshchnosti na Central'nom Predkavkaz'e [On Anthropology of the Maikop-Novosvobodnaya community tribes in the Central Ciscaucasus]. *Pamyatniki arkheologii i drevnego iskusstva Evrazii*, Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk, pp. 168–179.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., a-Sapfo Malaspinas A-S, Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa Ph D., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature: The international weekly journal of sciens*, 11 June 2015, vol. 522, no. 7555, pp. 167–172.

Anthony D.W., 2007. *The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 553 p.

Avanesova N.A. 2012., Svyatiliwe rannix nomadov Zeravshana [Sanctuary of Zarafshan's early nomads]. *Afanas'evskij sbornik*, vol. 2, Barnaul: Azbuka, pp. 8–27.

Chernyh E.N., Orlovskaya L.B., 2004a. Radiouglerodnaya hronologiya drevneyamnoj obshchnosti i istoki kurgannykh kul'tur [Ancient Yamnaya (Pit-Grave) community's radiocarbon chronology and origin of the burial mound cultures]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 84–98.

Chernyh E.N., Orlovskaya L.B., 2004b. Radiouglerodnaya hronologiya katakombnoj kul'turno-istoricheskoi obshchnosti [Radiocarbon chronology of the Catacomb cultural-historic community]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 15–29.

Chikisheva T.A., 2000. Novye dannye ob antropologicheskom sostave naseleniya Altaya v e'pokhi neolita-bronzy [New data on the anthropological composition of Altai population in the Neolithic — Bronze Age]. *Arxeologiya, e'tnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 1, pp. 139–148.

Chikisheva T.A., 2010. Antropologicheskij aspekt vzaimodejstviya naseleniya afanas'evskoj kul'tury s avtokhtonnyim naseleniem na territorii Gornogo Altaya [Anthropological aspect of interaction of Afanasyevo culture's

population with the indigenous population in the territory of the Altai Mountains]. *Afanas'evskij sbornik*, Barnaul: Azbuka, pp. 259–273.

Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoy differenciacii naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v e'pokhi neolita-rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the Southern part of Western Siberian population in the Neolithic Age — Early Iron Age], Novosibirsk: IAET SO RAN, 468 p.

Cyb C.B., 1980. Rannyya gruppa afanas'evskix pamyatnikov i vopros o proisxozhdenii afanas'evskoj kul'tury [Afanasyevo early period group of sites and the question of Afanasyevo culture's origin]. *Drevnyaya istoriya Altaya*, Barnaul: Izdatel'stvo AltGU. 38–51.

Cyb S.V., 1984. *Afanas'evskaya kul'tura Altaya* [Afanasyevo culture of the Altai]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk, Kemerovo, 19 p.

Danilenko V. N., 1974. *E'neolit Ukrainy: E'tnoistoricheskoe issledovanie* [Ukraine's Eneolithic Age: Ethno-historical study], Kiev: Naukova Dumka, 176 p.

Debec G.F., 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR], Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 392 p. (Trudy IE; vol. 4).

Dryomov I.I. Yudin A.I., 1992. Drevnejshie podkurgannye zaxoroneniya Stepnogo Zavolzh'ya [The earliest burials beneath barrows in the trans-Volga Steppe]. *Rossiyskaya arheologiya*, no. 4, pp. 18–31.

Dryomov V.A., 1985. Ob antropologicheskom sostave neoliticheskogo naseleniya Novosibirsko-Barnaul'skogo Priob'ya [On anthropological composition of the neolithic population of the Novosibirsk-Barnaul Cis-Ob River region]. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e*, Tyumen': Izdatel'stvo TyumGU, pp. 3–16.

Dryomov V.A., 1986. Izmereniya cherepov i skeletov iz neoliticheskix mogil'nikov Ust'-Isha i Itkul' (Verkhnee Priob'ye) [Measurements of skulls and skeletons from the Neolithic burials of Ust-Isha and Itkul sites (the Upper Cis-Ob River region)]. *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoj Azii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 56–73.

Dryomov V.A., 1997. *Naselenie Verxnego Priob'ya v e'poxu bronzy: (Antropologicheskij ocherk)* [The population of the Upper Cis-Ob River region in the Bronze Age (Anthropological essay)], Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 264 p.

Evdokimov V.V., Loman V.G., 1989. Raskopki yamnogo kurgana v Karagandinskoj stepi [Excavations of a Yamnaya (Pit-Grave) mound in the Karaganda Steppe]. *Voprosy arheologii Central'nogo i Severnogo Kazakhstana*, Karaganda: Izdatel'stvo KarGU, pp. 34–46.

Fribus A. V., 2012. Afanas'evskaya kul'tura i sistemy vzaimodejstviya v stepnoj Evrazii e'poxi paleometalla [The Afanasyevo culture and Early Metal era communication system in the Eurasian Steppe]. *Kul'tury stepnoj Evrazii i ikh vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami*, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, Kniga 2, pp. 199–202.

Fribus A.V., 1999. *Proisxozhdenie afanas'evskoj kul'tury* [Origin of the Afanasyevo culture]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk, Kemerovo, 26 p.

Gerasimova M.M., 1964. Neoliticheskie pogrebeniya u Dolgogo ozera (Kansk) [Neolithic burials at the Dolgoe Lake (Kansk)]. *Voprosy antropologii*, 18, Moscow: Nauka, pp. 134–143.

Gerasimova M.M., Pezhemskiy D.V., Yablonskiy L.T., 2007. Paleoantropologicheskie materialy majkopskoj e'poxi iz Central'nogo Predkavkaz'ya [Maikop period paleoanthropological materials from the Central Caucasus]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza*, 7, Stavropol': Nasledie; Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 91–121.

Ginzburg V.V., 1956. Drevnee naselenie vostochnykh i central'nykh rajonov Kazaxstana [The ancient population of the eastern and central regions of Kazakhstan]. *Antropologicheskij sbornik 1*, Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 238–298. (Trudy Instituta e'tnografii; vol. 33).

Ginzburg V.V., Trofimova T.A., 1972. *Paleoantropologiya Srednej Azii* [Paleoanthropological research in Central Asia], Moscow: Nauka, 372 p.

Gromov A.V., 2004. Drevnee naselenie doliny reki Sumbar (Yugo-Zapadnyj Turkmenistan) [The ancient population of the Sumbar River's valley (Southwest Turkmenistan)]. *Paleoantropologiya, e'tnicheskaya antropologiya, e'tnogenez*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 8–20.

Gryaznov M.P., 1999. *Afanas'evskaya kul'tura na Enisee* [The Afanasyevo culture on the Yenisei River], St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 136 p.

Hudaverdyan A.Yu., 1996. Antropologiya drevnego Landzhikskogo naseleniya [Anthropology of ancient Landzhik population]. *10 nauchnaya sessiya, posvyawennaya itogam arxeologicheskikh issledovanij v Respublike Armeniya (1993–1995)*, Erevan, pp. 33–34.

Ismagulova A.O., 1989. E'neoliticheskij cherep iz Vostochnogo Kazaxpстана [A Chalcolithic skull from East Kazakhstan]. *Margulanovskie chteniya: Sbornik materialov konferencii*, Alma-Ata: AN KazSSR, pp. 75–78.

Kazarnickiy A.A., 2012. *Naselenie azovo-kaspijskikh stepej v e'pokhu bronzy: (Antropologicheskij ocherk)* [Population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age: (Anthropological essay)]. St. Petersburg: Nauka, 264 p.

Khlobystina M.D., 1975. Drevnejshie mogil'niki Gornogo Altaya [The earliest burials of the Altai Mountains]. *Sovetskaya arheologiya*, no. 1. pp. 17–33.

Khodzhaiov T.K., 2004. Novye kranialogicheskie materialy e'pokhi neolita, e'neolita i bronzy srednego i verhnego Zeravshana [New Neolithic, Chalcolithic and Bronze Age cranial materials from the middle and upper Zarafshan River]. *Vestnik antropologii*, 11, Moscow, pp. 87–101.

Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур...

Khohlov A.A., 2006. O kраниologicheskikh osobennostyax naseleniya yamnoj kul'tury Severo-Zapadnogo Pri-kaspiya [On the cranial features of the North-West Caspian Yamnaya (Pit-Grave) culture population]. *Vestnik antropologii*, no. 14, Moscow: Orgservis-2000, pp. 136–146.

Khohlov A.A., 2010. Naselenie xvalynskoj e'neoliticheskoy kul'tury: Po antropologicheskim materialam grun-tovykh mogil'nikov Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor [Population of the Khvalynsk Eneolithic culture: According to anthropological materials from ground burials Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor]. *Khva-lynskie e'neoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya e'neoliticheskaya kul'tura*, Samara: Povolzh'e, pp. 407–517.

Khohlov A.A., 2012. *Paleoantropologiya Volgo-Ural'ya v e'poxi neolita i e'neolita: Obzor istochnika i podrob-nyj analiz* [Neolithic — Bronze Age paleoanthropology of the Volga-Ural region], Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing AG & Co. KG, 154 p.

Khohlov A.A., 2013a. Kраниologicheskie materialy iz drevnejshix podkurgannyx zaxoroneniij Berezhnovskogo tipa [Cranialogical materials from ancient barrow burials of Berezhnoye type]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*, vol. 15, no. 1, Samara: Samarskij Nauchnyj Centr, pp. 196–199.

Khohlov A.A., 2013b. *Paleoantropologiya Volgo-Ural'ya e'poxi neolita — bronzy* [Neolithic — Bronze Age paleoanthropology of the Volga-Ural region]. Dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni doktora istoricheskikh nauk, Moscow, 631 p.

Khohlov A.A., Kitov A.A., 2012. K antropologii rannego e'tapa bronzovogo veka Zapadnogo Kazaxstana [On anthropology of the early stage of the Bronze Age in Western Kazakhstan]. *Vestnik arkheologii, antropologii i e'tnografii*, no. 1, Tyumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, pp. 64–71, available at: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Khohlov A.A., Kitov E.P., 2015. Fizicheskij oblik predstavitelej botajskoj e'neoliticheskoy kul'tury v kontekste problemy formirovaniya stepnogo naseleniya Kazaxstana [The physical appearance of representatives of the Botay Eneolithic culture in the context of Kazakhstan steppe population's emergence]. *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii: Sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii, posvyawennoj 550-letiyu Kazakhskogo khanstva*, Almaty, pp. 437–445.

Khohlov A.A., Nechvaloda A.I., 2002. Kраниum cheloveka, pogrebnogo na territorii drevnego poseleniya Gladunino-3 [A human cranium, buried on the territory of the ancient settlement Gladunino-3]. *Voprosy arkheologii Urala*, 24, Ekaterinburg: UrGU, pp. 32–38.

Khohlov A.A., 2002. Kраниologicheskij tip cheloveka, pogrebnogo po tradiciyam majkopskoj kul'tury e'pokhi rannej bronzy (Kalmykiya, pamyatnik Mandzhikiny I, 14/13) [Cranialogical type of the person buried according to the tradition of the Maikop culture of the Early Bronze Age (Kalmykia, Mandzhikiny I site, 14/13)]. *Nizhne-volzhskij arkheologicheskij vestnik*, 5, Volgograd: VGU, pp. 174–179.

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F., 2008. *Kul'turno-khronologicheskie komplekсы poseleniya Tytkesken'-2: (Itogi rabot 1988–1994 gg.)* [Cultural chronological complexes of Tytkesken-2 settlement: (The results of excavations in 1988–1994)], Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, 335 p.

Kiryushin Yu.F., 1991. Problemy khronologii pamyatnikov e'neolita, bronzy Yuzhnoj Sibiri [Chronology problems of the South Siberian Chalcolithic and Bronze Age sites]. *Problemy khronologii i periodizacii arkheologicheskix pamyatnikov Yuzhnoj Sibiri: Tezisy dokladov k Vsesoyuznoj nauchnoj konferencii, 3–5 aprelya 1991 g.*, Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, pp. 43–47.

Konduktorova T.S., 1956. Materialy po paleoantropologii Ukrainy [Materials on paleoanthropology of Ukraine]. *Antropologicheskij sbornik 1*, Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 166–203. (Trudy Instituta e'tnografii; vol. 33).

Konduktorova T.S., 1969. Antropologichnij sklad plemen territorii Ukraini v epoxu bronzy [Anthropological composition of the tribes on the territory of Ukraine in the Bronze Age]. *Materiali z antropologii Ukraini*, 4, Kiev: Naukova dumka, pp. 33–56.

Konduktorova T.S., 1973. *Antropologiya naseleniya Ukrainy mezolita, neolita i e'pokhi bronzy* [Anthropology of the population in Ukrainian territory in Mesolithic, Neolithic and Bronze Age], Moscow: Nauka, 126 p.

Korenevskij S.N., Rezepkin A.D., 2008. Radiokarbonnaya khronologiya pamyatnikov kruga majkopskogo kurgana i novosvobodnenskikh grobnic [Radiocarbon chronology of the Maikop mound sphere's sites and Novosvobodnaya tombs]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 22, Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk, pp. 109–127.

Kotova N.S., 2010. O kul'turnoj prinadlezhnosti gruppy pogrebenij e'pokhi srednego e'neolita v mezhdurech'e Dnepra i Dona [On the cultural background of the Dnieper — Don interfluvium's burials group of the Middle Chalcolithic Age]. *Chelovek i drevnosti*, Moscow: Grif i K., pp. 343–362.

Kozincev A.G., 2009. O rannix migracijakh evropeoidov v Sibir' i Central'nuyu Aziyu: (V svyazi s indoevropejskoj problemoj) [On the early migrations of Europoids to Siberia and Central Asia: (In connection with the Indo-European problem)]. *Arxeologiya, e'tnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 4 (40), Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 125–136.

Kruc S.I., 1969. Cherepi epoxi bronzy z kurganiv Krivorizhzhya [Bronze Age skulls from the mounds of Krivoi Rog region]. *Materiali z antropologii Ukraini*, 4, Kiev: Naukova dumka, pp. 23–32.

Kruc S.I., 1972. *Naselenie territorii Ukrainy e'poxi medi-bronzy (po antropologicheskim dannym)* [The Ukraine territory's population of the Copper-Bronze Age (according to anthropological data)], Kiev: Naukova dumka, 192 p.

- Kruc S.I., 1984. *Paleoantropologicheskie issledovaniya stepnogo Pridneprov'ya (e'poxa bronzы)* [Paleoanthropological research of the Steppe Cis-Dnieper region (Bronze Age)], Kiev: Naukova dumka, 208 p.
- Kuznecov P.F., 2007. Vremya novykh kul'turnykh tradicij v bronzovom veke Volgo-Ural'ya [Time of new cultural practices in the Bronze Age of the Volga-Urals]. *Radiouglerod v arkhеologicheskikh i paleo'kologicheskikh issledovaniyakh: Materialy konferencii, posvyawennoj 50-letiyu uglerodnoj laboratorii IIMK RAN, 9–12 aprelyа 2007 g.*, St. Petersburg, pp. 216–222.
- Kuznecov P.F., Kovalyuh N.N., 2008. Datirovanie keramiki yamno-repinskogo oblika v Povolzh'e [Dating of Yamnaya-Repinskaya appearance ceramic in the Volga region]. *Arkheologiya Vostochno-evropejskoj stepi*, 6, Saratov: SarGU, pp. 194–200.
- Kuznecov P.F., Mochalov O.D., 2005. Problema vzaimosvyazej kul'tur Volgo-Ural'ya i Yuzhnoj Sibiri v e'pokhu rannej — srednej bronzы: Vzglyad s zapada [The problem of the relationship between cultures of the Volga-Urals and Southern Siberia in the Early — Middle Bronze Age: A view from the West]. *Arkheologiya Yuzhnoj Sibiri: Idei, metody, otkrytiya: Sbornik dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyawyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta Rossijskoj akademii nauk S.V. Kiselyova, g. Minusinsk, 20–26 iyunya 2005 g.*, KrasGPU, pp. 41–44.
- Merc I.V., 2014. *Pamyatniki afanas'evskogo tipа Vostochnogo Kazakhstana* [Afanasyevo type sites from East Kazakhstan]. Vadeckaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. *Svod pamyatnikov afanas'evskoj kul'tury*, Barnaul: Azbuka, pp. 369–372.
- Merc V.K. 2007. Pogrebenie jamnogo tipа na Irtyshe Ergenej [A burial of the Yamnaya culture (Pit-Grave) type on the Irtys' river]. *Altai-Sajanskaja gornaja strana i sosednie territorii v drevnosti*, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 23–27.
- Merc V.K., Merc I.V., 2010. Pogrebeniya «yamnogo» tipа Vostochnogo i Severo-Vostochnogo Kazakhstana: (K postanovke problemy) [«Pit-Grave» type burials of East and North-East Kazakhstan: (Statement of the problem)]. *Afanas'evskij sbornik*, Barnaul: Azbuka, pp. 134–144.
- Merpert N.Ya., 1974. *Drevnejšie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya* [The most ancient pastoralists of the Volga — Ural interfluve], Moscow: Nauka, 173 p.
- Mkrtchyan R.A., 1988. *Paleoantropologiya neoliticheskogo i e'neoliticheskogo naseleniya yuga Evropejskoj chasti SSSR (po materialam mogil'nikov «Gospital'nyj kholm i Khvalynskij»)* [Paleoanthropology of the Neolithic and Chalcolithic Age population from the south of the European part of the USSR (based on material from «Hospital Hill» and «Khvalynsky» cemeteries)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 19 p.
- Molodin V.I., 2002. Gornyj Altaj v e'poxu bronzы [The Altai Mountains in the Bronze Age]. *Istoriya Respubliki Altaj*, vol. 1: Drevnost' i srednevekov'e, Gorno-Altajsk: Institut Altaistiki imeni S.S. Surazakova, pp. 97–142.
- Morgunova N.L., 2013. Radiokarbonnaya khronologiya yamnoj kul'tury Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya [Radiocarbon chronology of the Yamnaya (Pit-Grave) culture of the Volga — Urals interfluve]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 230, pp. 5–23.
- Morgunova N.L., 2014a. O kharaktere kul'turnogo vzaimodejstviya naseleniya yamnoj kul'tury stepnogo Volgo-Ural'ya i afanas'evskoj kul'tury Altae-Sajanskogo regiona [The nature of the cultural interaction between the population of the Steppe Volga-Urals Yamnaya (Pit-Grave) culture and the Afanasyevo culture of the Altai-Sayan region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i e'tnografii*, no. 3, Tyumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, pp. 4–13, available at: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Morgunova N.L., 2014b. *Priural'skaja grupa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoj kul'turno-istoricheskoi oblasti* [Cis-Ural group of sites in the system of the Volga-Urals' variant of Yamnaya (Pit-Grave) cultural and historical area], Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 347 p.
- Okladnikov A.P., 1941. Neoliticheskie pamyatniki kak istochniki po e'tnagonii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Neolithic sites as sources for ethnogony of Siberia and Far East]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*, 9, pp. 5–14.
- Orazbaev A.M., 1989. Nekotorye itogi arkheologicheskikh issledovanij Vostochnogo Kazakhstana [Some of the results of archaeological research in East Kazakhstan]. *Margulanovskie chteniya: Materialy konferencii*, Alma-Ata, 226 p.
- Polyakov A.V., 2010. Radiouglerodnye daty afanas'evskoj kul'tury [Radiocarbon dates for the Afanasyevo culture]. *Afanas'evskij sbornik*, Barnaul: Azbuka, pp. 158–171.
- Potehina I.D., 1999. *Naselenie Ukrainy v e'pokhi neolita i rannego e'neolita po antropologicheskim dannym* [The population of Ukraine in the Neolithic and Early Chalcolithic Age according to anthropological data], Kiev: Institut arkheologii nacional'noj akademii nauk Ukrainy, 208 p.
- Potehina P.D., 1983. O nositelyakh kul'tury Srednij Stog II po antropologicheskim dannym [About bearers of Srednij Stog II culture according to anthropological data]. *Sovetskaja arkheologiya*, no. 1. pp. 144–154.
- Rykushina G.V., Zajbert V.F., 1984. Predvaritel'noe soobshchenie o skeletnykh ostatkakh lyudej s e'neoliticheskogo poseleniya Botaj [Preliminary report on the skeletal remains of people from the Chalcolithic settlement of Botaj]. *Bronzovyj vek Uralo-Irtys'skogo mezhdurech'ya, Chelyabinsk*: Izdatel'stvo ChelGU, pp. 121–136.
- Savinov D.G., 1994. Afanas'evskaja kul'tura [Afanasyevo culture]. *Drevnie kul'tury Bertekskoj doliny (Gornyj Altaj, ploskogor'e Ukok)*. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, D.G. Savinov, Novosibirsk: Nauka, pp. 130–135.

Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур...

Semenov V.A., 1993. Drevnejshaya migraciya indoevropcejev na Vostok: (K 100-letiju otkrytiya tokharskikh rukopisej) [Earliest Indo-European migration to the East: (Dedicated to the 100th anniversary of discovery of the Tocharian manuscripts)]. *Peterburgskij arkheologicheskij vestnik*, no. 4, St. Petersburg: Farn, pp. 25–30.

Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya naseleniya yuzhno-russkikh stepej v e'pokhu bronzy [Anthropology of the South-Russian Steppes population in the Bronze Age]. *Antropologiya drevnego i sovremennogo naseleniya Evropejskoj chasti SSSR*, Leningrad: Nauka, pp. 121–215.

Shevchenko A.V., 2009. Kraniologicheskie materialy iz mogil'nikov e'poxi bronzy Kalmykii [Craniological materials from the Bronze Age burials in Kalmykia]. *Mikroevolyucionnye processy v chelovecheskikh populyacijakh*, St. Petersburg: Muzej antropologii i etnografii Rossijskoj akademii nauk, pp. 235–267.

Shishlina N.I., Kazarnickij A.A., Bel'kevich E.V., 2012. Kurgan 3 mogil'nika Ulan IV: Arkheologiya, antropologiya i khronologiya kul'tur bronzovogo veka Srednix Ergenej [Ulan IV cemetery's Kurgan 3: Archeology, anthropology and history of the Bronze Age cultures from Sredniye Ergeni]. *Kul'tury stepnoj Evrazii i ikh vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami*, book 1, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 390–398.

Shishlina N.I., 2007. Severo-Zapadnyj Prikaspij v e'pokhu bronzy (V–III tysyacheletiya do n.e') [North-West Caspian Sea coast area in the Bronze Age (V–III millennia BCA)]. *Trudy GIM*, 165, Moscow: GIM, 401 p.

Shorin A.F., 2005. Kul'turogeneticheskie processy i vzaimodejstviya v srede e'neoliticheskogo naseleniya Urala i sopedel'nyx territorij [Processes of cultural genesis and interactions among the Chalcolithic population of the Urals and adjacent territories]. *Arkheologiya Urala i Zapadnoj Sibiri: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya V.F. Geninga*, Ekaterinburg: IIA UrO RAN, pp. 87–92.

Shpakova E.G., Myl'nikova L.N., 1998. Sluchajnyaya kraniologicheskaya nakhodka iz Verkhnego Priob'ya. Toguchinskij rajon, Inya-4 [Random craniological discovery in the Upper Ob River. Toguchinsky District, Yinya-4]. *Sibir' v panorame tysyacheletij: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*, vol. 1, Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, pp. 693–701.

Solodovnikov K.N., 2003. Materialy k antropologii afanas'evskoj kul'tury [Materials on the Afanasyevo culture's anthropology]. *Drevnosti Altaya*, no. 10, Gorno-Altajsk: Izdatel'stvo GAGU, pp. 3–27.

Solodovnikov K.N., 2005. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika Sal'dyar I v svyazi s voprosami proiskhozhdeniya afanas'evskoj kul'tury [Anthropological materials from burial Saldyar I in connection with the matters of the Afanasyevo culture's origin]. O.V. Larin. *Afanas'evskaya kul'tura Gornogo Altaya: Mogil'nik Sal'dyar-1*. Prilozhenie 1, Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, pp. 120–154.

Solodovnikov K.N., 2009. Antropologicheskie materialy afanas'evskoj kul'tury: K probleme proiskhozhdeniya [Anthropological materials of the Afanasyevo culture: Problem of the origin]. *Vestnik antropologii*, 17, Moscow: Proekt-F, pp. 117–135.

Solodovnikov K.N., 2010. Cherepa iz pogrebenij afanas'evskoj kul'tury Srednej i Nizhnej Katuni [The skulls from the Afanasyevo culture's burials of the Middle and Lower Katun River]. *Afanas'evskij sbornik*, Barnaul: Azbuka, pp. 233–244.

Stepanova N.F., 2008. Afanas'evskaya kul'tura i drevneyamnaya KIO: Skhodstvo i razlichie [Afanasyevo culture and Drevneyamnaya (ancient Pit-Grave) cultural historical community: Similarity and difference]. *Trudy 2 (18) Vserossijskogo arkheologicheskogo syezda v Suzdale*, vol. 1, Moscow: IA RAN, pp. 351–354.

Stepanova N.F., 2009. Pogrebeniya kurotinskogo tipa e'poxi bronzy v Gornom Altae [Kurotino type Bronze Age burials in the Altai Mountains]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel'nykh territorij: Materialy itogovoj sessii IAET SO RAN, 2009 g.*, vol. 15, Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, pp. 391–395.

Stepanova N.F., 2010. Arago'skij i ulitinskij tipy pogrebenij e'poxi bronzy (Gornyj Altaj) [Aragol and Ulita types Bronze Age burials (the Altai Mountains)]. *Khozyajstvenno-kul'turnye tradicii Altaya v e'pokhu bronzy*, Barnaul: Slovo, pp. 24–37.

Stepanova N.F., 2012a. Afanas'evskaya kul'tura Gornogo Altaya i pogrebeniya kurotinskogo tipa [Afanasyevo culture in the Altai Mountains and Kurotino type burials]. *Afanas'evskij sbornik 2*, Barnaul: Azbuka, pp. 173–182.

Stepanova N.F., 2012b. K voprosu o vydelenii obryadovykh grupp afanas'evskoj kul'tury Gornogo Altaya [On the question of the allocation of the Afanasyevo culture's ritual groups in the Altai Mountains]. *Kul'tury stepnoj Evrazii i ikh vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami*, book 2, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 203–208.

Surnina T.S., 1963. Paleoantropologicheskie materialy iz Aleksandrijskogo mogil'nika [Paleoanthropological materials from Alexandria cemetery]. *Antropologicheskij sbornik 4*, Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 144–153. (Trudy IE; vol. 82).

Telegin D.Ja., Nechitajlo A.L., Potehina I.D., Panchenko Ju.V., 2001. *Srednestogovskaja i novodanilovskaja kul'tury jeneolita azovo-prichernomorskogo regiona* [Sredny Stog and Novodanilovskaya Chalcolithic cultures of the Azov-Black Sea region], Lugansk, 152 p.

Trifonov V.A., 1996. Repinskaja kul'tura i process slozhenija yamnoj kul'turno-istoricheskoi obshchnosti [Repinskaya culture and the process of formation of the Yamnaya (Pit-Grave) cultural-historical community]. *Drevnosti Volgo-Don'skikh stepej v sisteme vostochnoevropskogo bronzovogo veka: (Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii)*, Volgograd, pp. 3–5.

А.А. Хохлов, К.Н. Солодовников, М.П. Рыкун, Г.Г. Кравченко, Е.П. Китов

Vadeckaya E.B., 1979. Gipoteza proiskhozhdeniya afanas'evskoj kul'tury [Hypothesis on the origin of the Afanasyevo culture]. *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri*, Tomsk: Izdatel'stvo TGU, pp. 98–100.

Vadeckaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F., 2014. *Svod pamyatnikov afanas'evskoj kul'tury* [Corpus of monuments of the Afanasyevo culture], Barnaul: Azbuka, 380 p.

Vasil'ev I.B., 1981. *E'neolit Povolzh'ya (step' i lesostep')* [Volga region's Eneolithic Age (Steppe and Forest-Steppe)], Kujbyshev: Izdatel'stvo KGPU, 129 p.

Velikanova M.S., 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya* [Paleoanthropology of the Prut — Dniester interfluve], Moscow: Nauka, 282 p.

Vinogradov A.V., Itina M.A., Yablonskij L.T., 1986. Drevnejshee naselenie Yuzhnogo Priaral'ya: Arkheologo-paleoantropologicheskoe issledovanie [The most ancient population of the Southern Circum-Aral region]. *Trudy Khorezmijskoj arkheologo-e'tnograficheskoy e'kspedicii*, vol. 15, Moscow: Nauka, 199 p.

Zinevich G.P., 1967. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy* [Essays on the Ukraine's paleoanthropology], Kiev: Naukova dumka, 223 p.

Zinevich G.P., 1972. Kraniologichni materiali epokhi eneolitu-bronzi z Pivnichno-Zakhidnogo Prichornomor'ya [Eneolithic — Bronze Age craniological materials from Northwestern Black Sea Coast]. *Materiali z antropologii Ukraini*, 6, Kiev: Naukova dumka, pp. 2–28.

Zinevich G.P., Kruc S.I., 1968. *Antropologichna kharakteristika davn'ogo naseleण्या teritorii Ukraini (za materialami ekspedicii 1961–1963 rr.)* [Anthropological characteristics of ancient population of Ukrainian territory (based on materials of the 1961–1963 expeditions)], Kiev: Naukova dumka, 144 p.

А.В. Зубова, Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, РФ
E-mail: zubova_al@mail.ru;
afrika_77@mail.ru;
artem-grishin@mail.ru

СТРУКТУРА ПИТАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)¹

Работа посвящена обсуждению результатов изучения патологического статуса зубной системы в трех локальных популяциях одиновской культуры эпохи бронзы Западной Сибири из могильников Сопка-2/4А, Тартас-1, Преображенка-6. Основными задачами исследования являлись определение соотношения животного и растительного компонентов в рационе одиновских групп, уровня пищевого стресса в каждой популяции, анализ хронологической динамики состава рациона и сопоставление характеристик диеты носителей одиновской культуры с более ранним, синхронным и более поздним населением южного региона Западной Сибири. Состав патологий зубной системы позволяет предполагать у населения, оставившего захоронения в могильнике Сопка-2/4А, комплексный состав диеты с умеренным присутствием углеводов и преобладанием животного белка, а также низкий уровень пищевых стрессов. Серьезных различий между мужчинами и женщинами не наблюдается. В суммарной серии из могильника Тартас-1 можно предполагать более высокий, чем в популяции из Сопки-2/4а, уровень потребления углеводов и аналогичный, низкий уровень пищевых стрессов. Можно говорить об увеличении доли мясной пищи в рационе поздних одиновцев Тартаса-1. В серии из могильника Преображенка-6 повышена частота кариеса, что свидетельствует о диете, богатой углеводами, и очень высокая частота гипоплазии эмали зубов, демонстрирующая явно недостаточную для нормального существования обеспеченность популяции пищевыми ресурсами. У женщин в этой серии ниже частота кариеса и отсутствуют прижизненные утраты зубов, в отличие от мужчин. Частота гипоплазии эмали выше в мужской группе. Результаты сравнительного анализа показали, что пищевая стратегия, практикуемая одиновцами, была традиционной для Барабинской лесостепи на протяжении как минимум трех тысяч лет и имела комплексный характер. В одиновских группах наблюдается сложный состав рациона, включающего местные дикорастущие растения (углеводный компонент диеты), определенную долю мяса наземных животных, различающуюся в локальных популяциях, и, по данным изотопного анализа, значительное количество рыбы [Marchenko et al., 2015]. Подобная пищевая стратегия соответствует комплексному присваивающему хозяйству с доминирующей ролью собирательства и рыболовства по сравнению с охотой.

Ключевые слова: эпоха бронзы, одиновская культура, одонтология, палеопатология, палеодиета, кариес, гипоплазия, зубной камень.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-107-115

Введение

Использование одонтологических данных для изучения рациона древних популяций уже давно и прочно вошло в исследовательскую практику антропологов и археологов. Эти данные применяются с целью реконструкции соотношения животных и растительных компонентов в диете, пищевых привычек индивидов и определения уровня пищевого стресса в популяциях, связанного с наличием или отсутствием необходимого для нормальной жизнедеятельности количества пищи. Основным методом, позволяющий получить информацию, необходимую для обсуждения перечисленных вопросов, это анализ распределения частот различных патологий зубной системы. Они служат индикаторами различных видов биологического стресса, вызываемого адаптацией к внешней среде, обуславливающей в том числе состав пищи в популяции (см., напр.: [Angel, 1984, Goodman et al., 1984; Бужилова, 1998, с. 128]). В последние несколько десятилетий одонтологический анализ при изучении палеодиеты был дополнен методами изотопных исследований, позволяющими не только выявить общие характеристики рациона питания, но и установить конкретные источники растительного или животного компонента в его составе. Результаты, получаемые с

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 14-06-0264.

помощью двух этих методов, не дублируются, а дают возможность получить более детальную информацию о пищевых моделях в древних популяциях. Это наглядно демонстрируют данные, представленные в работе Ж.В. Марченко с соавт. [2016] и в настоящей статье.

Работа посвящена обсуждению результатов изучения патологического статуса зубной системы в трех локальных популяциях одиновской культуры эпохи бронзы Западной Сибири из могильников Сопка-2/4а, Тартас-1, Преображенка-6, исследованных под руководством В.И. Молодина [Молодин, 2012; Молодин и др., 2007, 2011]. Основными задачами стали определение соотношения животного и растительного компонентов в рационе одиновских групп, определение уровня пищевого стресса в каждой популяции, анализ хронологической динамики состава рациона и сопоставление характеристик диеты носителей одиновской культуры с более ранним, синхронным и более поздним населением южного региона Западной Сибири.

Материалы и методы

Одонтологическая серия из могильника Преображенка-6 включала в себя 20 взрослых индивидов: 6 женщин и 14 мужчин. Серия из могильника Сопка-2 — 43 женщины, 38 мужчин и 1 индивид с неопределенной половой принадлежностью. В серии из могильника Тартас-1 одонтологические данные удалось получить для 18 индивидов, из которых 6 — мужчины, 9 — женщины (для трех взрослых особей пол определить не удалось). Хронологически серия подразделяется на две группы — раннюю и позднюю. Большая часть погребений синхронна погребениям могильника Сопка-2/4а, и несколько могил датируются последней третью III тыс. до н.э. [Марченко и др., 2016]. К поздней группе относятся 2 женщины и 4 мужчин.

Из состава каждой серии были исключены неполовозрелые особи и индивиды возрастной категории *senilis*. Дети не включались в анализ по причине возможного несоответствия их рациона диете взрослого населения. Кроме того, известно, что для проявления результатов воздействия бактерий, вызывающих кариес, необходимо длительное время экспонирования. В случае же смерти индивида в раннем возрасте внешние признаки кариеса могли еще отсутствовать. Соответственно при включении его в общую выборку это внесло бы погрешность при расчете популяционной частоты заболевания. Индивиды старческого возраста исключены, чтобы информация о частотах заболеваний пародонта была более объективной. Резорбция костной ткани альвеолярного края верхней и нижней челюсти является одним из нормальных проявлений возрастной изменчивости. Для получения корректных данных о составе рациона и связанной с ним подверженности тканей пародонта инфекционным воздействиям необходимо дифференцировать возрастные изменения и патологические во избежание влияния на результаты колебаний среднего возраста смерти в популяциях.

Для каждого индивида фиксировались патологические изменения в зубной системе, позволяющие оценить состав рациона популяции и общий уровень обеспеченности пищевыми ресурсами. Сочетание высоких частот зубного камня, заболеваний пародонта и кариеса в целом свойственно популяциям с высоким содержанием углеводов в диете [Святко, 2014, с. 144]. В группах с преобладанием белковой пищи, как правило, наблюдается только зубной камень и пародонтит/пародонтоз при отсутствии или низких частотах кариеса [Ventresca Miller A. et al., 2014].

Кариес фиксировался без учета локализации на различных плоскостях зуба и степени поражения тканей начиная со стадии мелового пятна. Заболевания тканей пародонта регистрировались при наличии значительной степени обнажения корней зубов, не соответствующей возрасту погребенного, и (или) поротических изменений альвеолярного края челюсти

Для реконструкции степени подверженности популяции биологическому стрессу, связанному с недостаточностью пищевых ресурсов, использовалась частота линейной гипоплазии эмали. Этот признак связан с эпизодическими остановками ростовых процессов в организме при резком голодании или острых инфекционных заболеваниях [Грошиков, 1985, с. 42] и проявляется в виде горизонтальных бороздок, преимущественно на внешней поверхности постоянных зубов.

В качестве дополнительного источника данных, характеризующего специфику состава употребляемой пищи, анализировалось распределение прижизненных сколов эмали между разными классами зубов. Сколы на жевательной поверхности моляров и премоляров встречаются преимущественно в популяциях, употребляющих в пищу плохо обработанные зерновые продукты.

Присутствие или отсутствие каждой патологии фиксировалось для каждого индивида как один случай, без учета количества пораженных зубов и стороны локализации патологии в челюсти. Частоты каждого признака в одиновских группах и сериях, привлеченных для сравнения,

Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи...

указаны в табл. 1. Их сопоставление выполнялось методом главных компонент при помощи программы «Statistica for Windows», version 8.0. Анализ проводился на основе тригонометрически преобразованных частот пяти признаков — кариеса, линейной гипоплазии эмали, зубного камня, заболеваний пародонта, прижизненной утраты зубов. Сколы эмали были исключены из анализа, поскольку этот признак не включался в исследовательскую программу авторами, данные которых использовались в качестве сравнительных.

Для сравнения привлекались одонтологические серии афанасьевской культуры Горного Алтая, окуневской культуры Минусинской котловины, андроновской культуры Кулундинской лесостепи [Marchenko et al., 2015, tabl. 4], ирменской культуры Кузнецкой котловины (могильник Ваганово-2) [Зубова, неопубликованные данные], восточного варианта пахомовской культуры (могильник Старый Сад) [Зубова, 2007, табл. 1, 2]. Также были использованы серия из могильника Ростовка, синхронного поздним одиновским группам, и неолитическая серия из могильника Венгерovo-2А в Барабинской лесостепи (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) (табл. 1).

Таблица 1

Частоты патологий зубной системы в сериях из могильников Сопка-2/4А, Тартас-1, Преображенка-6, Ростовка, Венгерovo-2А
(*n* — число случаев присутствия признака, *N* — общее количество наблюдений)

Признак	Серия	Мужчины		Женщины		Пол не определен		Суммарно	
		<i>n/N</i>	%	<i>n/N</i>	%	<i>n/N</i>	%	<i>n/N</i>	%
Кариес	Преображенка-6	6/13	46,2	1/4	25,0	—	—	7/17	41,2
	Сопка-2/4А	3/36	8,3	4/38	10,5	0/1	0,0	7/75	9,3
	Тартас-1	1/6	16,7	3/9	33,3	0/3	0,0	4/18	22,2
	Ростовка*	—	—	—	—	0/6	0,0	0/6	0,0
	Венгерovo-2А	1/8	12,5	2/5	40,0	—	—	3/13	23,1
Гипоплазия эмали	Преображенка-6	4/8	50,0	1/3	33,3	—	—	5/12	41,7
	Сопка-2/4А	1/31	3,2	4/27	14,8	0/1	0,0	5/59	8,5
	Тартас-1	1/5	20,0	0/7	0,0	0/1	0,0	1/13	7,7
	Ростовка	—	—	—	—	2/5	40,0	2/5	40,0
	Венгерovo-2А	1/7	14,3	0/4	0,0	—	—	1/11	9,1
Заболевания пародонта	Преображенка-6	12/13	92,3	5/5	100,0	—	—	17/18	94,4
	Сопка-2/4А	35/37	94,6	41/42	97,6	1/1	100,0	77/81	95,1
	Тартас-1	5/5	100,0	1/9	11,1	0/1	0,0	6/15	40,0
	Ростовка	—	—	—	—	3/7	42,9	3/7	42,9
	Венгерovo-2А	2/6	33,3	3/5	60,0	—	—	5/11	45,5
Прижизненная утрата зубов	Преображенка-6	4/13	30,8	0/5	0,0	—	—	4/18	22,2
	Сопка-2/4А	1/37	2,7	4/42	9,5	0/1	0,0	5/80	6,3
	Тартас-1	1/5	20,0	2/8	25,0	0/1	0,0	3/14	21,4
	Ростовка	—	—	—	—	2/7	28,6	2/7	28,6
	Венгерovo-2А	0/7	0,0	1/5	20,0	—	—	1/12	8,3
Зубной камень	Преображенка-6	13/13	100,0	4/4	100,0	—	—	17/17	100,0
	Сопка-2/4А	27/35	77,1	28/38	73,7	1/1	100,0	56/74	75,7
	Тартас-1	6/6	100,0	8/9	88,9	2/2	100,0	16/17	94,1
	Ростовка	—	—	—	—	7/7	100,0	7/7	100,0
	Венгерovo-2А	8/8	100,0	5/5	100,0	—	—	12/12	100,0
Сколы эмали	Преображенка-6	7/13	53,9	4/5	80,0	0/0	0,0	11/18	61,1
	Сопка-2/4А	—	—	—	—	—	—	—	—
	Тартас-1	6/6	100,0	7/9	77,8	3/3	100,0	16/18	88,9
	Ростовка	—	—	—	—	—	—	—	—
	Венгерovo-2А	4/6	66,7	4/5	80,0	—	—	8/11	72,7

* Из-за плохой сохранности костей определить половую принадлежность большинства индивидов, представленных одонтологическим материалом в могильнике Ростовка, невозможно.

Патологический статус локальных популяций одиновской культуры Сопка-2/4А²

Наиболее ранней из трех обследованных серий одиновской культуры является группа из могильника Сопка-2/4А. Некрополь датируется первой половиной III тыс. до н.э. [Молодин и др., 2012, 2014]. В группе были зафиксированы умеренная частота кариеса, низкая частота линей-

² Сведения о географическом положении археологических памятников, из которых происходят одонтологические материалы, и хозяйстве изучаемого населения см. в статье [Марченко и др., 2016] в данном номере журнала.

ной гипоплазии эмали, высокие частоты заболеваний пародонта и зубного камня (табл. 1). Патологии зубной системы позволяют предполагать у населения, оставившего захоронения в могильнике, комплексный состав диеты с умеренным присутствием углеводистой пищи и преобладанием животного белка, а также низкий уровень пищевых стрессов. Серьезных различий между мужчинами и женщинами не наблюдается.

Тартас-1

Могильник Тартас-1 расположен в 1,5 км от памятника Сопка-2/4а. Суммарно серия характеризуется более высокой, чем в Сопке-2/4а, частотой кариеса и прижизненной утраты зубов (табл. 1). В одном случае утрата моляра обусловлена резорбцией альвеолярного края, в одном — травмой фронтального отдела нижней челюсти и в одном — травматическими повреждениями нижних моляров, связанными с использованием зубов в качестве рабочего инструмента, о чем говорит характер стертости зуба-антагониста и соседних зубов в челюсти. В целом можно предполагать здесь более высокий, чем в популяции из Сопки-2/4а, уровень потребления углеводов и такой же низкий уровень пищевых стрессов.

Любопытной особенностью группы является низкая частота заболеваний пародонта. В суммарной серии она составляет всего 40 %, что значительно ниже показателей, свойственных большинству популяций эпохи бронзы. Аналогичная частота зафиксирована только в выборке из синхронного поздним одиновским комплексам могильника Ростовка в Омском Прииртышье.

При рассмотрении патологий пародонта отдельно по полу наблюдается заметное расхождение между мужчинами и женщинами.

У мужчин следы воспалений на альвеолярном крае верхней или нижней челюсти встречены во всех случаях, тогда как в женской группе воспалительный процесс был зафиксирован только у одного индивида (11,1 %).

Ранняя и поздняя группы в суммарной серии недостаточно репрезентативны. Нужно отметить, однако, что большая часть случаев кариеса приходится на раннюю группу. Это может свидетельствовать об увеличении доли мясной пищи в рационе поздних одиновцев Тартаса-1. Процент заболеваний пародонта выше в поздней группе, чем в ранней: из шести индивидов они были встречены у четырех (66,7 %), тогда как у ранних одиновцев частота патологии только 30 %.

Преображенка-6

Некрополь Преображенка 6 является наиболее поздним из трех одиновских памятников. Он датируется последней третью III тыс. до н.э. [Marchenko et al., 2015]. Состав патологий зубной системы в серии из этого могильника наиболее специфичен (табл. 1). Здесь повышена частота кариеса, что свидетельствует о диете, богатой углеводами, и очень высока частота гипоплазии эмали зубов, демонстрирующая явно недостаточную для нормального существования обеспеченность популяции пищевыми ресурсами. Реже, чем в Сопке-2/4А и Тартасе-1, встречаются прижизненные сколы эмали.

Между мужской и женской частью серии наблюдаются некоторые различия (табл. 1). У женщин ниже частота кариеса и отсутствуют прижизненные утраты зубов, даже в возрастной группе 40–45 лет и старше. У мужчин из Преображенки-6 частота кариеса на молярах выше почти в два раза, и, видимо, этим обусловлена прижизненная утрата хотя бы одного моляра у каждого индивида старше 40 лет. Частота гипоплазии эмали также выше в мужской группе, а прижизненные сколы эмали на резцах и клыках встречаются чаще у женщин.

Результаты сравнительного анализа

Исходя из распределения частот патологий зубной системы в одиновских сериях можно сделать несколько выводов. Прежде всего, это заключение о комплексном характере рациона одиновского населения. В двух из трех одиновских серий (Тартас-1, Преображенка-6) удельный вес углеводного компонента явно повышен, тогда как в рационе популяции, оставившей захоронения в Сопке-2/4А, преобладала скорее белковая составляющая. Углеводный компонент в составе одиновского рациона, вероятно, не был связан с потреблением зерновых продуктов. Об этом свидетельствует специфическое распределение сколов эмали в пределах различных классов зубов. В земледельческих популяциях наиболее распространена их локализация по краям жевательной поверхности моляров. Это связано с недостаточно качественной обработкой зерна и попаданием в состав пищи песка и мелких камешков при использовании примитивных зернотерок и жерновов. В одиновских группах сколы эмали чаще локализируются на режущих краях резцов и клыков или на внешней стороне премоляров. Это скорее свидетельствует о том,

Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи...

что они появлялись в результате откусывания твердой пищи (корней, хрящей) или разгрызания мелких косточек, сушеных ягод или орехов.

Второй вывод касается хронологической динамики состава рациона, реконструируемой в одиновских группах. Единого ее направления, связанного с повышением или понижением удельного веса какого-либо из компонентов во всех трех группах, по одонтологическим данным пока не наблюдается. С одной стороны, маркеры, свидетельствующие об употреблении пищи растительного происхождения, ярче представлены в поздней серии из Преображенки-6 и слабо — у ранних одиновцев из могильника Сопка-2/4а. С другой стороны, в разных хронологических группах Тартаса-1 наблюдается обратная динамика: у ранних одиновцев частота кариеса выше, чем у поздних.

Уровень пищевого стресса в локальных популяциях одиновской культуры также различается. Группы из Сопки-2/4А и Тартаса-1 находились во вполне благополучных условиях, тогда как, судя по частотам гипоплазии эмали, условия существования популяции из Преображенки-6 были близки к экстремальным из-за отсутствия необходимого количества пищи.

При сопоставлении одиновских серий с синхронными популяциями с сопредельных территорий, неолитическим населением Барабинской лесостепи, андроновскими и андронидными группами эпохи поздней бронзы методом главных компонент качественные различия рациона сравниваемых серий описывает второй фактор (табл. 2), в составе которого основная нагрузка приходится на частоту кариеса. По его координатам сравниваемые популяции разделяются на две большие группы (рис.), в одну из которых, в положительном поле, входят неолитическое население Барабинской лесостепи, оставившее могильник Венгерovo-2А, все одиновские группы и носители окуневской культуры Минусинской котловины. Все эти серии характеризуются сложным составом набора патологий зубной системы и заметным присутствием в диете растительного компонента.

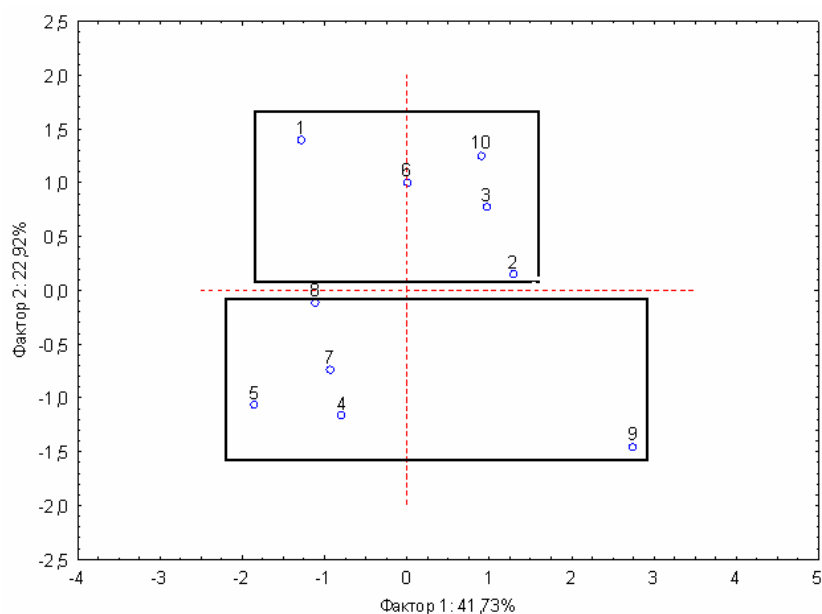

Рис. Распределение одонтологических серий неолита — поздней бронзы в пространстве первых двух факторов:

- 1 — Преображенка-6; 2 — Сопка-2/4а; 3 — Тартас-1; 4 — Ростовка; 5 — афанасьевская культура Горного Алтая;
- 6 — окуневская культура Минусинской котловины; 7 — андроновская культура Кулундинской лесостепи;
- 8 — ирменская культура Кузнецкой котловины (Вагановo-2); 9 — восточный вариант пахомовской культуры (Старый Сад); 10 — неолит Барабинской лесостепи (Венгерovo-2А).

В поле отрицательных координат попадают группы с преобладанием мясной пищи в рационе — афанасьевцы Горного Алтая, серия из могильника Ростовка, андроновцы Кулунды и обе андронидные группы — серия восточного варианта пахомовской культуры из могильника Старый Сад и ирменская из могильника Вагановo-2. Нужно отметить, что ирменская серия занимает промежуточное положение между двумя блоками, поскольку в ней был отмечен один случай кариеса, отсутствующего в других андронидных сериях.

По первому фактору, дифференцирующему сравниваемые группы в зависимости от общего уровня биологического стресса, отражающегося в повышении или понижении частот всех патологий, кроме кариеса, в поле положительных координат попадают носители афанасьевской культуры Горного Алтая, андроновской культуры Кулундинской лесостепи, ирменской культуры Кузнецкой котловины. Они формируют одну группу, в состав которой также входит серия из могильника Ростовка.

Таблица 2

Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Кариес	0,05	0,97
Гипоплазия	-0,66	-0,21
Зубной камень	-0,84	0,35
Заболевания пародонта	-0,67	0,04
Прижизненная утрата зубов	-0,70	-0,20

Можно предположить, что повышенный уровень стресса в этих популяциях связан с мигрантным происхождением части носителей афанасьевской, андроновской и ирменской культур [Зубова, 2010, 2013; Козинцев, 2009; Чикишева, 2012], в биологическом отношении хуже адаптированной к местным условиям, чем представители автохтонных популяций. Косвенным подтверждением этой гипотезы является противоположная позиция на графике серии из могильника Старый Сад. Согласно результатам краниологических исследований в ее составе значительно выше, чем в андроновских, ирменских и тем более афанасьевских сериях, удельный вес автохтонного компонента [Чикишева, 2012, с. 127]. Соответственно степень адаптированности этой серии к местной среде оказалась выше. Это подтверждают как результаты палеопатологического анализа [Зубова, 2007], так и палеодемографические данные [Зубова, 2006; Zubova, 2008, р. 149], частично обусловившие распределение маркеров эпизодического стресса в популяциях эпохи поздней бронзы [Зубова, 2008, с. 21].

С другой стороны, в поле отрицательных координат по первому фактору попала также поздняя одиночковая серия из могильника Преображенка-6, в составе которой пока сложно предполагать присутствие мигрантных компонентов и которая по качественному составу набора патологий зубной системы достаточно органично вписывается в блок местных популяций. Вероятнее всего, для популяций различных эпох причины повышенного уровня пищевого стресса могли быть разными. И если для популяций афанасьевцев, андроновцев и ирменцев первостепенное значение имело преодоление последствий миграционного стресса, то на поздних одиночках мог повлиять локальный экологический кризис. В серии из Преображенки-6 повышение уровня стресса сопровождается резким увеличением удельного веса углеводов в диете. По данным изотопного анализа, популяция, оставившая этот могильник, была ориентирована в первую очередь на потребление рыбы [Marchenko et al., 2015, р. 13] и в меньшей степени, по сравнению с одиночками Сопки 2/4А, использовала мясо наземных животных. Соответственно пищевой стресс в данном случае, вероятнее всего, мог быть вызван экологическими факторами, повлиявшими на количество животных и рыбы в промысловом ареале популяции. При отсутствии развитого земледелия дикорастущие растения, орехи и грибы не могли компенсировать недостаток пищи, что поставило популяцию из Преображенки-6 в экстремальные условия существования.

Еще одной причиной повышения уровня биологического стресса могла быть значительная степень пищевой специализации некоторых групп, приводившая популяцию к зависимости от одного источника пищи. В случае его исчезновения или снижения продуктивности могло наступить резкое ухудшение условий существования популяции. В рационе андроновских групп, привлеченных для анализа, и у афанасьевцев Горного Алтая явно преобладали мясомолочные продукты, количество которых зависело от сезона и климатических колебаний. При недоступности привычного источника пищи и узкой специализации популяция не могла компенсировать недостаток пищи за счет использования других ресурсов (дикорастущих или культурных растений, рыбы и т.д.), соответственно общий уровень стресса резко возрастал.

Пищевые стратегии популяций одиночковой культуры из могильников Тартас-1 и Сопка-2/4А оказались очень близки к модели, наблюдаемой в неолитической популяции из могильника Венгеро-2А. На графике эти три группы попадают в одно поле по обоим факторам (рис.). Это свидетельствует об устойчивости состава питания населения Барабинской лесостепи на про-

Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи...

тяжени как минимум трех тысяч лет и высокой степени адаптированности свойственной ему пищевой стратегии к местным условиям.

Андроновская модель, ориентированная на мясомолочную специализацию, оказалась значительно менее успешной. Уже у носителей ирменской культуры Кузнецкой котловины, сменившей андроновскую (федоровскую) всего через несколько столетий, наблюдается возврат к комплексному использованию пищевых ресурсов, подразумевающему повышение доли углеводов по сравнению с андроновским временем. Об этом говорит повышение частот кариеса, наблюдаемое в сериях из могильников Танай-7, Журавлево-4, Заречное-1 [Зубова, 2007, табл. 1, 2]. Положение на графике серии из могильника Ваганово-2, занимающей промежуточное положение между «чистыми» скотоводами — афанасьевцами и андроновцами и автохтонными группами (рис.), наглядно иллюстрирует эту тенденцию.

Выводы

Анализ распределения частот патологий зубной системы в трех популяциях одиновской культуры на фоне населения южного региона Западной Сибири эпох неолита — поздней бронзы продемонстрировал, что пищевая стратегия, практикуемая одиновцами, была традиционна для Барабинской лесостепи на протяжении как минимум трех тысяч лет. Она подразумевала комплексный характер использования ресурсов вмещающего ландшафта, благодаря чему в одиновских группах наблюдается сложный состав рациона, включающего местные дикорастущие растения (углеводный компонент диеты), определенную долю мяса наземных животных, различающуюся в локальных популяциях, и, как показал изотопный анализ, значительное количество рыбы [Marchenko et al., 2015]. Локальные различия в составе диеты одиновских групп не были связаны с их хронологическим статусом, а обуславливались ландшафтной динамикой вмещающих биогеоценозов. Данная пищевая стратегия соответствует комплексному присваивающему хозяйству с доминирующей ролью собирательства и рыболовства по отношению к охоте. Его комплексность обеспечивала гибкость и более высокую адаптивную ценность традиционных способов хозяйствования по сравнению со специализированной скотоводческой моделью, свойственной мигрантам — андроновцам.

Благодарности

Авторы благодарят акад. В.И. Молодина за предоставленные материалы, зав. КА ТГУ к.и.н. М.П. Рыкун и коллектив отдела физической антропологии МАЭ РАН за возможность работы с антропологическими материалами афанасьевской и окуневской культуры, анонимного рецензента за конструктивную критику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Грошиков М.И. Некариозные повреждения тканей зуба. М.: Медицина, 1985. 176 с.
- Зубова А.В. Демографические характеристики андронидного населения Западной Сибири по материалам могильников Еловский-2 и Старый Сад // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 336–340.
- Зубова А.В. Некоторые палеопатологические характеристики населения Западной Сибири эпох развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 244–248.
- Зубова А.В. Антропологический состав населения Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 26 с.
- Зубова А.В. Одонтологическая характеристика афанасьевцев Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 340–344.
- Зубова А.В. Состав носителей ирменской культуры Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Т. 41, № 3. С. 132–139.
- Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология чело- века: Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–146.
- Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: Археологические и изотопные данные // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2016. № 3 (34). С. 165–179.

Молодин В.И. Памятник Сопка 2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е. Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка 2/4А (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Древние культуры степей Евразии и их связь с цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 237–242.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка 6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 339–344.

Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита — раннего железа: Новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2. С. 143–156.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Angel J.I. Health as a crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the Mediterranean // *Paleopathology at the origin of Agriculture*. L.; Orlando: Academic Press, 1984. p.13 – 44

Goodman A.H., Martin D.I., Armelagos G.J. Indication of stress from bone and teeth // *Paleopathology at the origin of Agriculture*. L.; Orlando: Academic Press, 1984. P. 13–44.

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: Preliminary results // *Radiocarbon*. 2015. Vol. 57. № 4. P. 595–610.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A. Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan // *Quaternary Intern.* 2014. P. 130–146.

Zubova A.V. The paleodemography of Western Siberia in the Middle and Late Bronze age // *Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia*. 2008. № 2. P. 143–153.

A.V. Zubova, Zh.V. Marchenko, A.E. Grishin

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
prospect Acad. Lavrentieva, 17, 630090, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: zubova_al@mail.ru;

afrika_77@mail.ru;

artem-grishin@mail.ru

STRUCTURE OF ALIMENTATION OF THE BEARERS OF THE ODINO CULTURE FROM THE BARABA FORREST-STEPPE AREA (ODONOLOGIC DATA)

The article is dedicated to reconstruction of paleodiet in three groups of the Odino archaeological culture from the burial sites of Sopka-2/4A, Tartas-1 and Preobrazhenka-6. The main goals of the article are to analyse carbohydrates and protein consumption, to determine the level of biological stress and to compare the Odino diet with the same features of the Neolithic — Late Bronze Age populations from the South region of Western Siberia. Chronological changes in the composition of the diet were analyzed too. Frequencies of dental pathologies allow us to suggest a complex composition of the diet in the Sopka-2/4A group where a low level of carbohydrates and prevalence of animal protein were presented. The level of the food stresses was low. There are no serious differences between men and women. Basing on the sample from Tartas-1, we can suggest a higher, than in Sopka-2/4A, level of carbohydrates consumption and also a low level of stress. There is a higher level of animal proteins in the late burials. Very high frequency of caries was found in the samples from Preobrazhenka-6, which indicates a high level of carbohydrates here. Also there is a high level of food stresses, which is respectively low in women than in men. Women from this site are characterized by lower frequency of ante-mortem tooth loss and caries than men. The results of the comparative analysis showed that the strategy of food consumption had been common for the population of the Baraba forrest and steppe area during at least three thousand years.

Key words: Bronze Age, Odino culture, dental anthropology, paleopathology, paleodiet, caries, hypoplasia, dental calculus.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-107-115

REFERENCES

Angel J.I., 1984. Health as a crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the Mediterranean. *Paleopathology at the origin of Agriculture*, L.: Orlando: Academic Press, p. 13–44.

Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи...

Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic Age and Early Iron Age], Novosibirsk: IAET SO RAN, 468 p.

Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiakh. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Paleopathology in bioarchaeological reconstructions. Historical ecology of human being: Method of biological researches], Moscow, p. 87–146.

Groshikov M.I., 1985. *Nekarioznye povrezhdeniia tkanei zuba* [Non-carious lesions of dental tissues], Moscow: Meditsina, 176 p.

Goodman A.H., Martin D.I., Armelagos G.J., 1984. Indication of stress from bone and teeth. *Paleopathology at the origin of Agriculture*, L.; Orlando: Academic Press, pp. 13–44.

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A., 2015. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: Preliminary results. *Radiocarbon*, vol. 57, 4, p. 595–610.

Kozintsev A.G., 2009. O rannikh migratsiakh evropeoidov v Sibiri i Tsentral'nuiu Aziyu (v svyazi s indoevropeskoi problemoi) [Cranio-metric Evidence of the Early Caucasoid Migrations to Siberia and Eastern Central Asia, with Reference to the Indo-European Problem]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 4 (40), pp. 125–136.

Marchenko Zh.V., Panov V.S., Grishin A.E., Zubova A.V., 2016. Rekonstruktsiya i dinamika struktury pitaniya odinovskogo naseleniia Barabinskoi lesostepi na protiazhenii III tys. do n.e.: Arkheologicheskie i izotopnye dannye [Reconstruction and dynamics of the Odino people food structure in the Baraba forest-steppe area during the 3rd millennium BC: Archaeological and isotopic data]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (34), pp. 165–179.

Molodin V.I., 2012. *Pamiatnik Sopka 2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury* [Sopka 2 site on the river Om: cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Odino culture], vol. 3, Novosibirsk: IAET SO RAN, 220 p.

Molodin V.I., Chemiakina M.A., Pozdnyakova O.A., 2007. Arkheologo-geofizicheskie issledovaniia pamiatnika Preobrazhenka 6 v Barabinskoi lesostepi [Archaeological and geophysical studies of Preobrazhenka 6 site in the Baraba forest-steppe area]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. XIII, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 339–344.

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaia khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i iuga Zapadnoi Sibiri: Printsipy i podkhody, dostizheniia i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and challenges]. *Vestnik NGU, Seriya Istorii i filologii*, vol. 13, 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 136–167.

Molodin V.I., Marchenko Zh.V., Orlova L.A., Grishin A.E., 2012. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury pamiatnika Sopka 2/4A (Lesostepnaia polosa Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ia) [Chronology of the Odino culture burial complexes on Sopka 2/4A site (forest-steppe zone of the Ob-Irtys interfluvies area)]. *Drevnie kul'tury stepei Evrazii i ikh svyaz' s tsivilizatsiiami*, vol. 2, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 237–242.

Sviatko S.V., 2014. Analiz zubnykh patologii naseleniia Minusinskoi kotloviny (Iuzhnaia Sibir') epokh eneolita — rannego zheleza: Novye dannye po diete [Dental Palaeopathological Analysis — Early Iron Age populations from Minusinsk Hollow, Southern Siberia: Palaeodietary Implications]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 2, pp. 143–156.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., 2014. Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan. *Quaternary International*, pp. 130–146.

Zubova A.V., 2006. Demograficheskie kharakteristiki andronoidnogo naseleniia Zapadnoi Sibiri po materialam mogil'nikov Elovskii-2 i Saryi Sad [Demography of the post-andronovo populations of Western Siberia (based on the materials from Elovskiy-2 and Saryi Sad burial grounds)]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. XII, part 1, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 336–340.

Zubova A.V., 2007. Nekotorye paleopatologicheskie kharakteristiki naseleniia Zapadnoi Sibiri epokh razvitoi i pozdnei bronzy [Several paleopathological characteristics of the Middle and Late Bronze Age population of Western Siberia]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. XIII, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 244–248.

Zubova A.V., 2008. *Antropologicheskii sostav naseleniia Zapadnoi Sibiri v epokhi razvitoi i pozdnei bronzy* [Anthropological composition of the Middle and Late Bronze Age population of Western Siberia]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Novosibirsk, 26 p.

Zubova A.V., 2008. The paleodemography of Western Siberia in the Middle and Late Bronze Age. *Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia*, no. 2, pp. 143–153.

Zubova A.V., 2010. Odontologicheskaya kharakteristika afanas'evtsev Altaia [Odontologic characteristic of Afanas'evtsy from Altai]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, p. 340–344.

Zubova A.V., 2013. Sostav nositelei irmenskoii kul'tury Zapadnoi Sibiri po odontologicheskim materialam [Composition of bearers of the Irmen culture of Western Siberia according to odontologic materials]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, vol. 41, no. 3, p. 132–139.

А.И. Боброва, Е.А. Алексеева

ОГАУК «Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова»
просп. Ленина, 75, Томск, 634050, РФ

E-mail: a_bobrova@bk.ru

Институт проблем освоения Севера СО РАН

ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ

E-mail: alekseeva.elena.ae@gmail.com

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКЕТЬЯ XV–XVII вв. (по археологическим и краниологическим данным)

Представлены результаты исследования археологических и краниологических материалов XV–XVII вв. из курганных могильников Прикетья. Феномен данного региона как особой контактной территории состоит в том, что здесь на протяжении эпохи позднего средневековья проживало разноэтничное население — кеты, селькупы, эвенки, русские. Однако проблема этнической идентификации населения, оставившего эти памятники, однозначно решена учеными в пользу самодийцев — селькупов. Объектом исследования являются антропологические материалы из погребальных памятников Нижней (Елтыревский курганный могильник II, Елтыревский курганный могильник III) и Средней (Карбинский курганный могильник II) Кети Колпашевского и Верхнекетского районов Томской области. Могильники были оставлены членами группы южных (нарымских) селькупов, представителями этногруппы сюссекум (сюссыкум). Сопоставление данных, полученных в результате антропологической реконструкции представителей населения Прикетья XV–XVII вв., с комплексом соматологических признаков нарымских селькупов XX в. позволяет сделать вывод, что основные показатели признаков внешности исследованных индивидов в целом попадают в массив соматологических данных, т.е. эти признаки не претерпели существенных изменений за три-четыре столетия. Графические портреты убедительно демонстрируют внешний облик отдельных индивидов этногруппы сюссекум (сюссыкум) как представителей нарымских селькупов. Статья проиллюстрирована графическими портретами представителей этого населения.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, река Кеть, курганные могильники, позднее средневековье, нарымские селькупы, сюссекум, антропологическая реконструкция лица по черепу.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-116-126

Введение

Объектом исследования неслучайно стало население Прикетья. Река Кеть с глубокой древности играла роль своеобразного моста между Западной и Восточной Сибирью, Средним Приобьем и Енисеем. В позднем средневековье ее нижнее и среднее течение заселяли южные (нарымские) селькупы, в верховьях проживали кеты. К началу XVII в. боровые террасы реки являлись местом постоянных кочевий сымско-кетской группы эвенков, в первой половине XVII в. низовье было освоено русскими. Однако до сих пор этот регион остается слабо изученным.

Впервые интерес к погребальным памятникам этого времени проявил П.И. Кутафьев, который в 1940 г. раскопал несколько курганов XVII в. около пос. Максимкин Яр. Материалы были опубликованы А.П. Дульзоном [1956, с. 188]. Он же продолжал работы [1955, 1956], а затем, особенно продуктивно, — Г.И. Гребнева. Крупномасштабные исследования комплексов памятников XV–XVIII вв. ею проведены около бывших юрт Лукьяновских и пос. Максимкин Яр [Гребнева, 1977, 1981; Чиндина и др., 1990]. В 1991–1992, 2004, 2006–2007 гг. работы проводила А.И. Боброва, предпринявшая раскопки курганных могильников — Карбинских I, II, Елтыревских II и III [Боброва, 2010, 2012; Боброва, Глушкова, 2010]. В публикациях нашли отражение обряд погребения, хронология комплексов, состояние здоровья населения Прикетья XV — второй половины XVII в.

С накоплением источниковой базы появилась возможность графически воссоздать внешний облик отдельных представителей населения Прикетья. Метод антропологической реконструкции активно используется, и в специальной литературе широко представлены как единичные графические портреты, так и серии таких изображений представителей различных этносов.

Однако по материалам с территории Западной Сибири до недавнего времени были известны всего две скульптурные реконструкции (автор Т.С. Балуева) [Матвеева и др., 2003, рис. XI, XII]. С 2012 г. в ИПОС СО РАН начата работа по созданию портретов представителей популяций, населявших Западную Сибирь в период от раннего железного века до новейшего времени [Багашев, Алексеева, 2012; Алексеева, 2013]. В 2015 г. предпринята попытка сопоставления данных реконструкции и соматологии по северным селькупам [Пошехонова и др., 2015].

Целью работы является сопоставление данных о физическом облике представителей этногруппы сюссекум (сюссыкум) группы южных (нарымских) селькупов, полученных из трех погребений XV–XVII вв. Елтыревских III и II, Карбинского II курганных могильников, с соматологическими данными близкого к современности населения, а также введение в научный оборот археологических и палеоантропологических материалов, послуживших основой для этих графических реконструкций.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: охарактеризовать погребальный обряд, определить хронологию и этническую принадлежность погребений, сравнить основные характеристики внешности с реконструированных портретов с соматологическим материалом.

Объектом исследования стали антропологические материалы (один мужской череп и два женских) из погребальных памятников Нижней и Средней Кети (рис. 1).

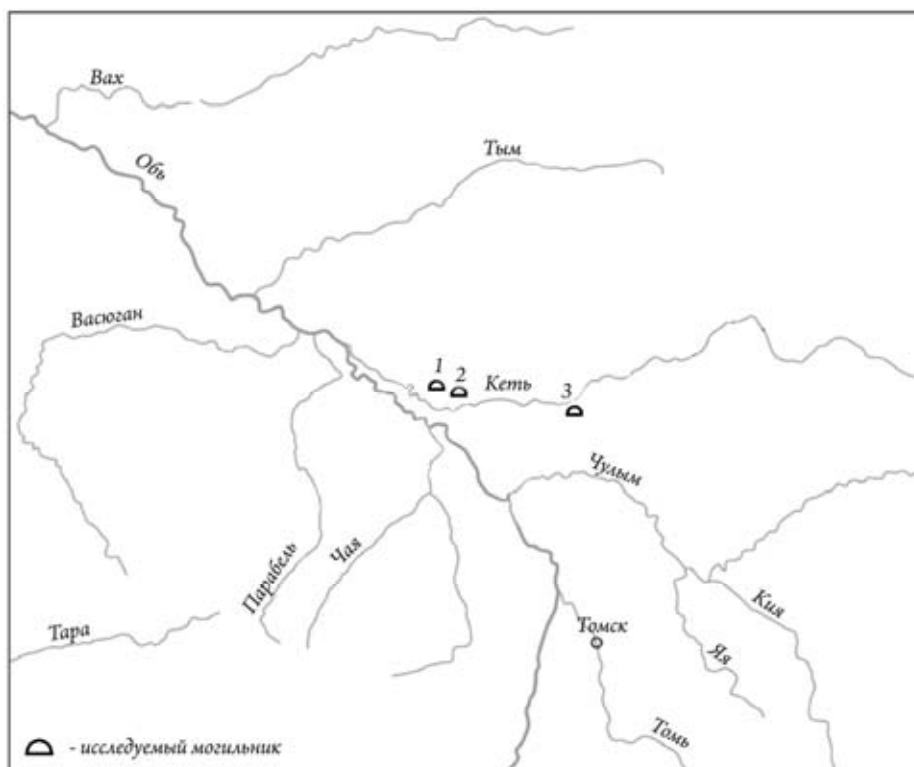

Рис. 1. Карта-схема расположения курганных могильников, из которых происходит краниологический материал для графических реконструкций: 1 — Елтыревский II; 2 — Елтыревский III; 3 — Карбинский II.

Восстановление лица по черепу проведено в графической технике по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции [Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009].

Результаты исследования

Елтыревский комплекс памятников находится в нижнем течении р. Кети, в Колпашевском районе Томской области. В 2004 г. один из курганов Елтыревского могильника III был раскопан.

Под насыпью зафиксированы два погребения [Боброва, 2010]. Для реконструкции использован краниологический материал погребения № 2, сохранившийся *in situ*.

Захоронение произведено на обожженной площадке, в бревенчатой раме-обкладке, в бревенчатой конструкции меньших размеров, соединенной с торцевых сторон вертикально вбитыми в грунт плахами. Тело покойного, завернутое в берестяную орнаментированную тиску [Боброва, 2010, рис. 9, 23], было помещено внутрь. Бревна и береста полностью обуглены, но костные останки совершенно не пострадали. На перекрытии найдены костяные наконечники стрел, в насыпи — фрагменты керамического горшка [Там же, рис. 5, 6; 9, 24].

Мужчина 25–30 лет¹ похоронен на спине, головой на восток. Слева на груди найден железный нож [Боброва, 2010, рис. 8, 1], по обе стороны от черепа — серьги «знак вопроса» [Там же, рис. 8, 18, 19], на грушевидном отверстии носа — печатка перстня из свинцово-оловянистого сплава [Там же, рис. 8, 20]. В глазницах и на фалангах стоп обнаружены тонкие серебряные пластинки [Там же, рис. 8, 17, 21], у левой ноги — кресальный камень [Там же, рис. 8, 22] и керамический сосуд с наклепными ушками [Там же, рис. 8, 25].

Погребение датировано XV — началом XVII в. Верхняя дата определена по присутствию в инвентаре перстня с печаткой, относящегося к предметам массового русского привоза, поступавших в Нарымское Приобье в 30-е гг. XVII в.

На реконструированном портрете — молодой мужчина с низкой, широкой, короткой, брахицефальной головой с невыступающим затылком и узким наклонным лбом. Надбровье развито слабо. Лицо низкое и широкое, с широкими скулами, в вертикальной плоскости — ортогнатное с выраженным альвеолярным прогнатизмом, в горизонтальной плоскости — уплощено. Разрез глазной щели имеет косовнутреннее направление. Нос средней высоты, узкий, выступает слабо. Профиль его спинки прямой, кончик и основание носа приподняты. Рот несимметричный, прохейличный, губы средней высоты и полноты. Подбородок узкий, умеренно выступающий (рис. 2, 1).

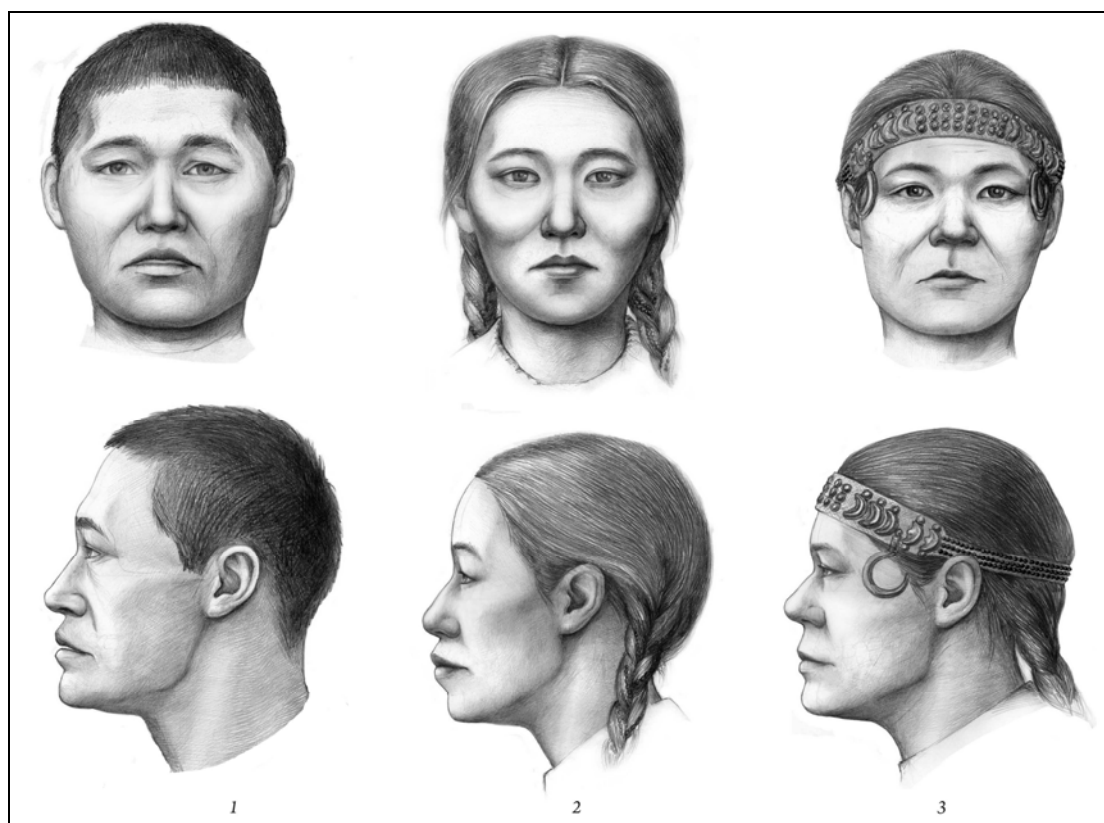

Рис. 2. Реконструкция лица по черепу. Портреты мужчины и женщин:
1 — Елтыревский III; 2 — Елтыревский II; 3 — Карбинский II.

¹ Определения здесь и далее выполнены зав. кабинетом антропологии Томского государственного университета к.и.н. М.П. Рыкун.

Елтыревский курганный могильник II находится на той же террасе, что и Елтыревский III. Группа представлена 19 курганами, раскопки проведены на пяти. Для исследования использованы материалы кургана № 1. Насыпь содержала одиночное погребение. Бревенчатая рама-обкладка была установлена на древней дневной поверхности, также имела следы неравномерного обжига. Внутри нее в грунтовой яме располагалось внутримогильное сооружение. Оно было сделано из плах, установленных на ребро вдоль тела покойной, соединявшихся с торцов вертикально вбитыми в грунт плахами.

Женщина 20–25 лет похоронена на спине, руки вдоль туловища, головой на восток (рис. 3).

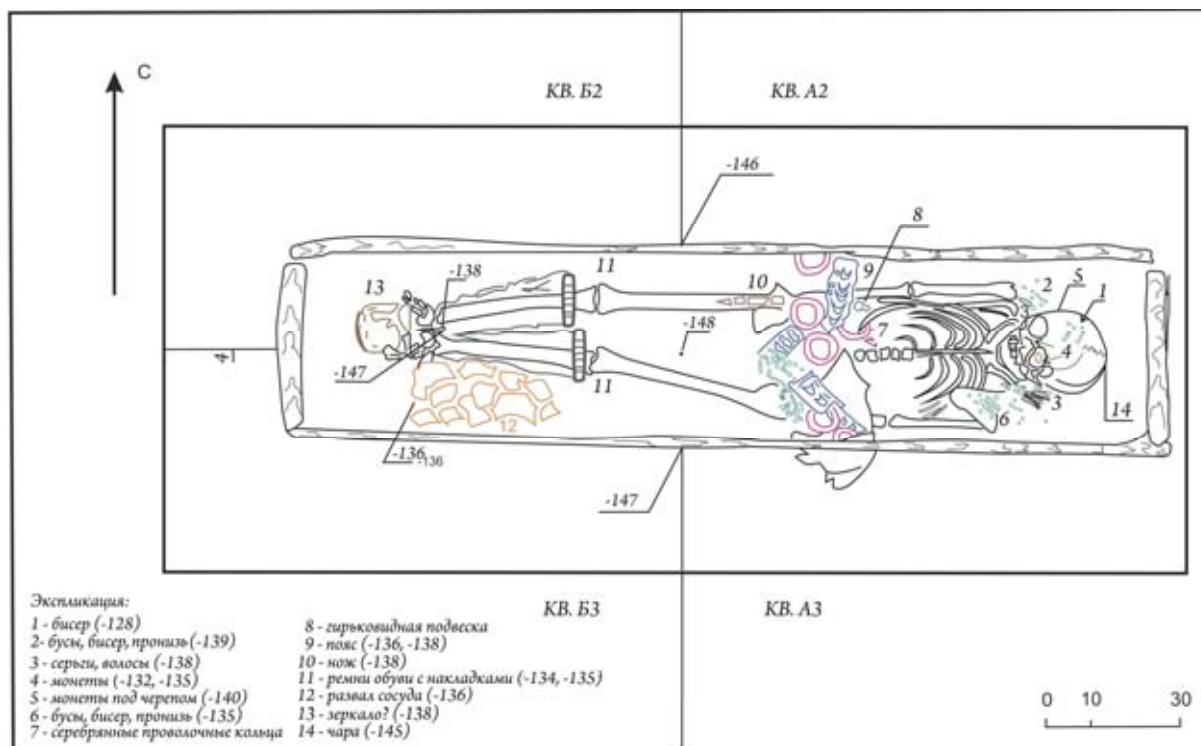

Рис. 3. Елтыревская курганная группа II. Курган № 1. План погребения.

В области черепа располагались бисер и серьги (рис. 4, 1–4), вдоль плечевых костей — бусы, бисер, пронизы. На лицевом отделе черепа, под ним и на костях левой ноги обнаружены серебряные монеты царствования Михаила Федоровича (рис. 4, 5). Найдены: справа от грудного отдела — серебряное проволочное кольцо с подвеской, на пальцах обеих рук — перстни (рис. 4, 6–8). На тазобедренных костях, перекрывая кисти рук, располагался пояс, расшитый бронзовыми (?) лунницами с бронзовыми кольцами-подвесками (рис. 4, 9). Он был повязан поверх зимней одежды: под сукном сохранились остатки шубы, сшитой из кусочков меха. Справа у бедра лежал железный нож. На ногах сохранилась обувь с голенищем до колена, с ременными подвязками, украшенными бронзовыми обоями-накладками.

В насыпи, околокурганной яме, на погребальных конструкциях найдены фрагменты белоглиняной поливной фляги гончарного производства (рис. 5, 1); в материковом слое, под головой погребенной, стояла оловянная чара (рис. 5, 2). Около голени левой ноги обнаружен керамический горшок «с ушками» (рис. 5, 3), на фалангах стоп — кожаный футляр от зеркала.

Погребение датировано серединой — второй половиной XVII в. [Боброва, Фадеев, 2013]. Обряд погребения и инвентарь имеют аналоги в могильниках Кети, Оби и Чулыма этого времени [Дульзон, 1955, 1956]. Сосуды с наклепными ушками известны в могильниках на Остяцкой Горе, Тискинском и других памятниках Нарымского Приобья XV–XVII вв. [Боброва, Мец, 1997].

На портрете — молодая женщина с низкой, короткой и широкой, брахицефальной головой с невыступающим затылком, прямым среднешироким лбом со слабо развитым надбровьем. Лицо средней высоты и ширины, в вертикальной плоскости характеризуется прогнатностью и ультра-

прогнатизмом альвеолярной части, в горизонтальной плоскости — уплощено средне. Разрез глазной щели имеет косовнутреннее направление. Эпикантус развит незначительно или средне. Нос широкий, средней высоты, с прямой спинкой, горизонтально направленным кончиком и приподнятым основанием, выступает средне. Рот полногубый, прохейличный. Подбородок узкий, слабывступающий (рис. 2, 2).

Рис. 4. Елтыревская курганная группа II. Курган № 1. Инвентарь погребения: 1–4 — серьги; 5 — монета; 6–8 — перстни; 9 — пояс: 1–5, 7 — серебро; 6, 8 — олово; 9 — ткань, кожа, бронза.

Карбинский курганный могильник II находится в Верхнекетском районе Томской области. Представлен 12 насыпями, исследован А.И. Бобровой [Гребнева, 1982, архив МАЭС ТГУ, д. 893, л. 36; Боброва, 2012]. Для реконструкции использованы материалы кургана № 2. Захоронение совершено в неглубокой грунтовой яме, на обожженной площадке, в бревенчатой раме-обкладке, во внутренней камере, сделанной из бревен, забранных с торцов вертикально вбитыми в грунт плахами. Конструкции имели следы обожжения.

Женщина 35–40 лет похоронена на спине, головой на северо-восток. Положение грудного отдела нарушено, но правая рука и кисть левой сохраняли положение *in situ*, вдоль туловища. На черепе найдены остатки головного убора, в области тазобедренного отдела, перекрывая кисти рук, лежал пояс с бронзовыми (?) лунницами [Боброва, Бодрова, 2013], рядом с ним — бисер и бронзовые подвески. В ногах на деревянном предмете стоял бронзовый котел, под ним находились чашка из капа и костяной гребень [Боброва, 2012]. Погребение датировано по серебряным монетам-чешуйкам XVII в.

На портрете — женщина с низкой, широкой, брахикефальной головой с невыступающим затылком и среднешироким слабонаклонным лбом со слабым надбровьем. Лицо средней высоты, широкое, с широкими скулами. В вертикальной плоскости — ортогнатное, по горизонтали — уплощено. Разрез глазной щели имеет косовнутреннее направление. Эпикантус слабой или средней степени. Нос средней высоты, широкий, слабывступающий, с прямым профилем, горизонтально направленным кончиком и приподнятым основанием. Рот с ортохейличными губами. Подбородок умеренно выступающий (рис. 2, 3).

Рис. 5. Елтыревская курганная группа II. Курган № 1. Посуда:

1 — фрагмент белоглиняной поливной фляги гончарного производства; 2 — чара оловянная; 3 — сосуд лепной, глиняный.

Обсуждение результатов

Проблема этнической идентификации населения Прикетья XV–XVII вв. однозначно решена исследователями в пользу самодийцев — селькупов.

А.П. Дульзон в свое время высказал предположение о вероятном сложении селькупов в народность «на основе физического смешения и скрещения языков кетов и угров с самоедами, с преобладанием из языка последних» [Архив ТОКМ, ф. 3, оп. 9, д. 4, л. 14]. В районе исторического проживания селькупов он выделял две области с различно оформленными топонимами: 1) низовье Чулыма, нижнее течение Кети, Чая и Парабель; 2) верховья Кети и район Тыма [Дульзон, 1950].

З.Я. Бояршинова отмечала, что селькупы в период присоединения Западной Сибири к Русскому государству занимали берега Оби от устья р. Тым на севере до устья р. Чулым на юге, включая все притоки Оби в среднем ее течении [1950]. Территории, осваиваемые государством, подразделялись на инородческие волости.

Б.О. Долгих считал, что все население Нарымского уезда составляли остяки (селькупы) и что уезд соответствовал объединению селькупов XVI в., известному под названием «Пегой орды» [1960].

Бассейн р. Елтыревой, откуда происходит краниологический материал, относился к Киргеевской волости — самой населенной в Кетском уезде в XVII в. В конце XIX в. в ней проживало 63 селькупа. Вопрос об их принадлежности к конкретной этнографической группе пока не решен.

Известно, что Нарымское устье и нижний приток Кети р. Пайдугину занимали селькупы чумулькуп, междуречье Оби и Кети — селькупы шешкуп, вверх по течению Кети проживали селькупы сюзсекум. Однако, по данным XIX в., селькупы Ильдейкины и Киргеевы, проживавшие на Кети, являлись носителями диалекта шешкуп.

Г.И. Пелих считала остяков Киргеевской волости особым «медвежьим народом» в составе этногруппы сюзсекум, *переселившимся* с р. Оби [Пелих, 1981]. Территорией проживания представителей сюзсекум, по мнению исследователя, являлись Кеть и Обь, хотя она и подчеркивала, что на рубеже XIX–XX вв. селькупские племена чумулькуп, сюзю-кум и шоеш-кум не имели «строго определенной территории» и частично были перемешаны друг с другом [Пелих, 1955]. Поэтому вопрос о диалекте селькупов р. Елтыревой пока остается открытым [Тучкова, 1997].

Выше по р. Кети, включая участок в районе протоки Карбинской Анги, находилась Кашкинская инородческая волость. Юрты Карбины располагались на Карбинской протоке. Краниологические материалы для графической реконструкции взяты из Карбинского II могильника. Территория волости была областью распространения нижнекетского говора диалекта сюзсекум [Тучкова, 1997].

Современные исследователи различают южный, центральный и северный селькупские диалектные ареалы [Тучкова, 2011]. Прикетье они считают южным (среднеобско-кетско-чаинско-чулымским) диалектным ареалом, выделяя в кетском диалекте нижне-, средне- и верхнекетские говоры [Селькупы..., 2011].

Обобщая особенности селькупских населенных пунктов, Н.А. Тучкова отмечает, что в области расселения южных селькупов прослеживаются два основных топонимических ареала, примерно совпадающих с границами расселения чумуль-купов (Парабель с истоками, Чижакпа, Тым и Обь между ее устьями) и сюсыкумов (Кеть, Чаа и Обь между их устьями) [2014].

Вопросам изучения морфотипа селькупов, сложности расового состава, возможных расогенетических связей уделили внимание антропологи Г.Ф. Дебеч и Н.С. Розов [Дебеч, 1947; Розов, 1955, 1958].

Характеристики соматологических признаков групп нарымских селькупов и индивидуальные данные исследуемых индивидов

Признак	Мужские выборки (1937–1941 гг.) по данным Г.Ф. Дебеца ¹	Мужские выборки (1948–1959 гг.) по данным Н.С. Розова ¹	Женские выборки	Елтыревский курганный могильник III, XV — начало XVII в.	Елтыревский курганный могильник II, середина — вторая половина XVII в.	Карбинский курганный могильник II, XVII в.
Численность	71	19	14	1	1	1
Продольный диаметр, мм	188,8	192,3	177,4	180	172	184
Поперечный диаметр, мм	153,9	151,7	144,4	164	165	148
Головной указатель	81,5	79,1	81,4	91,1	95,9	80,4
Наименьшая ширина лба, мм	104,9	109,4	105,2	98	102	107
Скуловой диаметр, мм	145,2	141,4	132,9	151	138	143
Нижнечелюстной диаметр, мм	112,9	109,0	103,3	116	106	113
Физиономическая высота лица, мм	187,5	189,5	174,7	172	176	164
Морфологическая высота лица, мм	126,7 (нижний край бровей)	121,7 (переносье)	111,8	118	110	112
Высота носа, мм	—	50,4	45,9 58	50	46	44
Ширина носа, мм	36,2	38,3	32,4	38	32	36
Ширина рта, мм	52,2	—	—	52	49	47
Высота верхней губы, мм	18,2	—	—	18	20	23
Толщина обеих губ, мм	13,7	—	—	13	17	15
Наклон лба, балл*	2,69 (ср. балл)	—	—	2	3	3
Развитие надбровья, балл**	1,22 (ср. балл)	—	—	2	1	1
Эпикантус, % наличия	25,4	10,0	11,7	Нет	Есть	Есть
Вогнутый профиль спинки носа, %	41,4	30,0	76,5			
Прямой профиль спинки носа, %	47,2	55,0	17,6	+	+	+
Выпуклый профиль спинки носа, %	0,0	5,0	0,0			
Профиль верхней губы, баллы***	1,45 (ср. балл)	—	—	1	1	2

Примечания:

¹ Данные предыдущих исследований взяты из работы [Аксянова, 2002];

«—» — нет данных;

* 1 балл — сильный; 2 — умеренный; 3 — слабый;

** 1 балл — слабое; 2 — умеренное; 3 — сильное;

*** 1 — прохейлия; 2 — ортохейлия; 3 — опистохейлия.

Краниология нарымских селькупов досконально исследована А.Н. Багашевым [1998, 2001]. При сопоставлении древних и близких к современности краниологических серий автор указывает на очень тесную родственную связь между поколениями и подтверждает вывод о стабильности процесса расообразования в Прикетье в течение II тыс. В территориальном плане расовый облик местного населения южно-таежной полосы Западной Сибири также не претерпевает за-

метных изменений в течение довольно большого промежутка времени. Для краниологических серий характерно сочетание уплощенного по горизонтали лица большой ширины и малой высоты с очень слабо выступающими носовыми костями и средневыступающим переносьем.

В обследованиях современных южных селькупов по классической соматологической программе отмечается комплекс характерных признаков: довольно большие размеры головы; суббрахицефальная форма головы; лицо по западно-сибирскому масштабу высокое и среднеширокое; абсолютно широкие нос и рот, средней толщины губы. Для группы характерна зауженная, с заметным наклоном, глазная щель, процент эпикантуса умеренно высокий. Лоб прямой или средненаклонный с несильно развитым надбровьем; лицо умеренно уплощенное и немного скуластое; выступание носа среднее при пониженном переносье, спинка носа прямая или вогнутая, кончик и основание носа приподняты; верхняя губа обычно выступает вперед (прохейлия), подбородок выступает слабо [Дубов, 1992; Аксянова, 1993; Аксянова, Васильев, 2005]. Характеристики соматологических признаков мужских и женских выборок по данным Г.Ф. Дебеца и Н.С. Розова, а также индивидуальные данные исследуемых индивидов приведены в таблице.

При анализе реконструированных портретов можно выделить следующий комплекс общих признаков: голова широкая, низкая, брахикранная, с невыступающим затылком. Лоб у женщин средней ширины (у мужчины — узкий), надбровье развито слабо. Лицо широкое, скуластое, уплощено по горизонтали. Глазная щель наклонная, эпикантус присутствует в двух случаях. Нос средней высоты, широкий, спинка носа прямая, основание его приподнято. Губы средней высоты, прохейлия в двух случаях из трех. Умеренно выступающий подбородок.

Ввиду малого числа выполненных реконструкций пока невозможно обширное сопоставление с соматологическими данными. Тем не менее отметим, что большая часть признаков внешности изученных индивидов, захороненных в могильниках XV–XVII вв., соразмерны или близки с таковыми у современного населения. Это такие характеристики, как брахикранная форма головы, высота лица, наклон лба и развитость надбровья, уплощенность и скуластость лица, наклонная глазная щель, высота и ширина носа, прямая спинка носа, приподнятые кончик и основание носа, высота и прохейлия верхней губы, слабое выступание подбородка.

Заключение

Основные признаки обряда погребения (одноактность захоронения; предварительный обжиг площадок; наличие рам-обкладок и конструкций, соединенных с торцов плахами, вбитыми в грунт; положение и ориентация головы покойного на восток и северо-восток; однотипность инвентаря) указывают на принадлежность рассматриваемых погребальных памятников к чулымско-кетскому типу обряда. В то же время присутствие в Елтыревском II могильнике типично тискинской керамики свидетельствует о возможных миграциях обского населения на Нижнюю Кеть и сложности процесса формирования диалектно-локальных групп селькупов накануне присоединения Нарымского Приобья к Русскому государству.

Сопоставляя данные, полученные в результате антропологической реконструкции представителей населения Прикетья XV–XVII вв., с комплексом соматологических признаков нарымских селькупов XX в., можно сделать вывод, что основные показатели признаков внешности исследованных индивидов в целом попадают в массив соматологических данных, т.е. эти признаки не претерпели существенных изменений за три-четыре столетия. Графические портреты убедительно демонстрируют внешний облик отдельных индивидов этногруппы *сюссекум* (*сюссыкум*) как представителей нарымских селькупов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Дульзон А.П. Работа А.П. Дульзона «Этнический состав дорусского населения Западной Сибири» 1946–47 гг. // Архив ТОКМ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 4. 129 л.

Гребнева Г.И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1982 года // Архив МАЭС ТГУ. Д. 893.

Рыкун М.П. Результаты предварительных определений. Список 238 // Архив кабинета антропологии ТГУ.

Литература

Аксянова Г.А. Некоторые новые материалы по антропологии нарымских селькупов // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 12. С. 5–34.

- Аксянова Г.А.* К этнической демографии и антропологии субъектов Российской Федерации: Томская область // *Расы и народы*. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 20–60.
- Аксянова Г.А., Васильев В.И.* Селькупы. // *Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты*. М.: Наука, 2005. С. 386–397.
- Алексеева Е.А.* Антропологическая реконструкция внешности индивидов из могильника Устюг-1 эпохи раннего средневековья // *AV ORIGINE: Археол.-этногр. сб.* ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. Вып. 5. С. 22–33.
- Багашев А.Н.* Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири*. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. Т. 4, разд. 4.4. С. 303–327.
- Багашев А.Н.* Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 159–174.
- Багашев А.Н., Алексеева Е.А.* Краниология Усть-Полуя: Родственные связи и проблемы таксономии // *Археология Арктики: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию открытия памятника археологии «древнее святилище Усть-Полуй»*. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 72–79.
- Боброва А.И.* Елтыревская курганная группа III — новый памятник Прикетья // *След на песке: Материалы и исследования по археологии*. Томск; Северск: Дельтоплан, 2010. С. 85–101.
- Боброва А.И.* Карбинский курганный могильник II — археологический памятник позднесредневековой истории Прикетья // *Тр. ТОКМ*. Томск: Ветер, 2012. Т. 17. С. 56–93.
- Боброва А.И., Бодрова А.Ш.* Пояса XVII века у населения реки Кети: Особенности технологии и декора // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Иркутск; Омск, 2013. С. 34–43.
- Боброва А.И., Глушкова Т.Н.* Женская погребальная одежда из Прикетья // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Омск: Изд-во ОмГПУ: Наука, 2010. С. 87–91.
- Боброва А.И., Мец Ф.И.* Ладьевидные сосуды и сосуды «с ушками» у средневекового населения (Тискинский комплекс памятников) // *Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири*. Томск: УФО-Пресс, 1997. С. 304–316.
- Боброва А.И., Фадеев В.А.* Монеты XVII в. из Прикетья в археологическом собрании ТОКМ // *Тр. ТОКМ*. Томск: Д' Принт, 2013. Т. 18. С. 231–242.
- Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // *Тр. ТГУ*. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек) // *ТИЭ*. Нов. сер. М.: Наука, 1955. Т. 28. 586 с.
- Гребнева Г.И.* Исследования в бассейне р. Кети // *АО 1976 г.* М.: Наука, 1977. С. 197–198.
- Гребнева Г.И.* Работы в бассейне р. Кети // *АО 1980 г.* М.: Наука, 1981. С. 175.
- Дебец Г.Ф.* Селькупы: Антропологический очерк // *ТИЭ*. 1947. Т. 2. С. 103–145.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII века // *ТИЭ*. Нов. сер. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55. 624 с.
- Дубов А.И.* Ханты и селькупы: Опыт соматологического анализа // *Материалы и исследования по антропологии 80-х годов: Материалы к серии «Народы и культуры»*. М., 1992. Вып. X, кн. 1. С. 171–203.
- Дульзон А.П.* Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // *Уч. зап. ТГПИ*. Томск: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1950. Т. 6. С. 175–187.
- Дульзон А.П.* Остяцкие могильники XVI и XVII веков у с. Молчанова на Оби // *Уч. зап. ТГПИ*. Томск: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1955. Т. 13. С. 97–154.
- Дульзон А.П.* Археологические памятники Томской области // *Тр. ТОКМ*. Томск: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу. М.: Наука, 1998. 124 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.* Новые памятники бронзового и раннего железных веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
- Никитин С.А.* Пластическая реконструкция портрета по черепу // *Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля*. М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137–167.
- Пелих Г.И.* Условия возникновения территориальной общины-юрты у селькупов Нарымского края // *Уч. зап. ТГПИ*. Томск: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1955. Т. 13. С. 251–284.
- Пелих Г.И.* Селькупы XVII века: (Очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. 176 с.
- Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Алексеева Е.А.* Краниология, одонтология и реконструкция внешнего облика северных селькупов по материалам могильника Кикки-Акки // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 4 (31). С. 80–91.
- Розов Н.С.* Материалы по краниологии селькупов (в связи с вопросом о их происхождении) // *Юбилейн. науч. сессия, посвященная 150-летию МОИП*. М.: Изд-во МГУ, 1955. С. 156–157.
- Розов Н.С.* Антропологический состав древнего населения Средней Оби (селькупов) // *Уч. зап. ТГУ*. 1958. № 32. С. 144–151.
- Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка*. Томск: Изд-во ТПУ, 2011. 318 с.
- Тучкова Н.А.* О селькупах реки Кети // *Земля верхнекетская*. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 188–209.

Тучкова Н.А. Предисловие // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во ТПУ, 2011. С. 4–5.

Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена: Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во ТГПУ, 2014. 224 с.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Т. 1. 339 с.

A.I. Bobrova, E.A. Alekseeva

Tomsk Local Lore Museum
Lenina prospect, 75, Tomsk, 634050, Russian Federation
E-mail: a_bobrova@bk.ru
Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malysin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: alekseeva.elena.ae@gmail.com

BURIAL SITES AS A SOURCE OF FACIAL RECONSTRUCTION OF THE INDIGENOUS POPULATION FROM THE RIVER KET BASIN (XV–XVII AD)

The article presents results of the study of archaeological and paleoanthropological materials from burial mounds in the basin of the river Ket (XV–XVII AD). The region was a special contact area in the Late Middle Ages. The phenomenon is in the fact that people of different ethnic groups lived there: Kets, Selkups, Evenks and Russians. The researchers made a clear conclusion about ethnic identification of the peoples from burial grounds (XV–XVII AD). They were Samodeic-Selkup. The research focused on anthropological materials from burial grounds of the low (Yoltyrevsky burial mound II, Yoltyrevsky burial mound III), and middle (Karbinsky burial mound II) Keta river basin (Kolpashevsky and Verkhneketsky Districts of Tomsk region). Those artifacts were made by members of the Southern group of Selkups (Narym), representatives of the ethnic groups of siusseikum (siussykum). The appearance of representatives of that population is recreated with the help of anthropological reconstruction in graphic technique.

Key words: Western Siberia, the river Ket, burial mounds, the Late Middle Ages, Narym Selkup, Chumulkup, Siuseikum, anthropological reconstruction, facial approximation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-116-126

REFERENCES

- Aksianova G.A., 1993. Nekotorye novye materialy po antropologii narymskikh sel'kupov [Some new materials in Anthropology of Narym Selkups]. *Rossiiskii etnograf*, Moscow, 12, pp. 5–34.
- Aksjanova G.A., 2002. K jetnicheskoj demografii i antropologii subektov Rossijskoj Federacii: Tomskaja oblast [By ethnic demography and Anthropology of the Russian Federation: Tomsk region]. *Rasy i narody*, vol. 28, Moscow, Nauka, pp. 20–60.
- Alekseeva E.A., 2013. Antropologicheskaja rekonstrukcija vnesnosti individov iz mogil'nika Ustjug 1 epohi ranego srednevekovja [Anthropological reconstruction of the appearance of individuals from burial Ustyug-1 Early Middle Ages]. *AB ORIGINE: Arheologo-jetnograficheskij sbornik TumGU*, 5, Tyumen: Izd-vo TumGU, pp. 22–33.
- Aksianova G.A., Vasil'ev V.I., 2005. Sel'kupy [Selkups]. *Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety*. Moscow: Nauka, pp. 386–397.
- Bagashev A.N., 1998. Antropologicheskie obshchnosti, ikh sistematika i osobennosti rasoobrazovatel'nykh protsessov [Anthropological communities, their systematics and special features of processes of racial formation]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. 4, section 4.4, Tomsk, pp. 303–327.
- Bagashev A.N., 2001. Khronologicheskaja izmenchivost' kraniologicheskogo tipa narymskikh sel'kupov (po materialam mogil'nika Tiskino) [Chronological variability of craniological type of Narym Selkups (based on the materials from the burial ground Tiskino)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 159–174, available at: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a3/2-bag.htm>.
- Bagashev A.N., Alekseeva E.A., 2012. Kraniologija Ust-Poluja: Rodstvennye svjazi i problemy taksonomii [Craniology Ust-Poluja: The ties of kinship and taxonomic problems]. *Arheologija Arktiki: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 80-letiju otkrytija pamjatnika arheologii «Drevnee svjatilishhe Ust-Poluja»*, Ekaterinburg: Delovaja pressa, pp. 72–79.
- Bobrova A.I., 2010. Yoltyrevskaya kurgannaya gruppa III — novyj pamyatnik Priket'ya [Yoltyrevskaya mound group III — a new monument to the river Ket region]. *Sled na peske: Materials and Research on archeology*, Tomsk; Seversk: Del'toplan, pp. 85–101.
- Bobrova A.I., Bodrova A.Sh., 2013. Poyasa XVII veka u naseleniya reki Keti: Osobennosti tekhnologii i dekora [XVII century belts of the population of the river Ket basin: Features of technology and decor]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij*, Irkutsk; Omsk, pp. 34–43.

Bobrova A.I., Glushkova T.N., 2010. Zenskaya pogrebal'naya odezhda iz Priket'ya [Women's funeral clothing from the region of the river Ket]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij*, Omsk: Izdatel'stvo OmGPU: Nauka, pp. 87–91.

Bobrova A.I., Mets F.I., 1997. *Lad'evidnye sosudy i sosudy «s ushkami» u srednevekovogo naseleniya (Tiskinskij kompleks pamyatnikov)* [Boat-shaped pottery vessels and vessels «with eyelets» used by the medieval population (Tiskinsky complex of monuments)], Tomsk: UFO-Press, pp. 304–316.

Bobrova A.I., Fadeev V.A., 2013. Monety XVII v. iz Priket'ya v arkheologicheskom sobranii TOKM [XVII century coins from the river Ket region in archaeological collections of the Tomsk Regional Museum]. *Trudy TOKM*, vol. 18, Tomsk: D' Print, pp. 231–242.

Boyarshinova Z.Ya., 1950. Naselenie Tomskogo uezda v pervoj polovine XVII veka [The population of Tomsk district in the first half of the XVII century]. *Trudy TGU*, vol. 112, Tomsk, pp. 23–210.

Chindina L.A., Yakovlev Ya.A., Ozheredov Yu.I., 1990. *Arkheologicheskaya karta Tomskoj oblasti* [Archaeological map of Tomsk region], vol. 1, Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 339 p.

Debets G.F., 1947. Sel'kupy: Antropologicheskij ocherk [Selkups: Anthropological essay]. *TIE*, vol. 2, pp. 103–145.

Dolgikh B.O., 1960. Rodovoj i plemennoj sostav naseleniya Sibiri v XVII veke [Clan and tribal structure of the Siberian population in the XVII century]. *TIE*, Novaya seriya, vol. 55, Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 624 p.

Dubov A.I., 1992. Khanty i sel'kupy: Opyt somatologicheskogo analiza [Khanty and Selkup: An experience of somatological analysis]. *Materialy i issledovaniya po antropologii 80-kh godov: MS «Narody i kul'tury»*, X, book 1, Moscow, pp. 171–203.

Dul'zon A.P., 1950. Drevnie smeny narodov na territorii Tomskoj oblasti po dannym toponimiki. [Ancient changes of population in Tomsk region according to toponymy]. *Uchenye zapiski TGPI*, vol. 6, Tomsk: Tipografiya no. 1 Poligrafizdata, pp. 175–187.

Dul'zon A.P., 1955. Ostyatskie mogil'niki XVI i XVII vekov u s. Molchanova na Obi [Ostyak XVI and XVII centuries burials near the village Molchanov on the river Ob]. *Uchenye zapiski TGPI*, vol. 13, Tomsk: Tipografiya no. 1 Poligrafizdata, pp. 97–154.

Dul'zon A.P., 1956. Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoj oblasti [Archaeological Sites of Tomsk region]. *Tudi TOKM*, vol. 5, Tomsk: Tipografiya no. 1 Poligrafizdata, pp. 89–316.

Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu: (Sovremennyy i iskopaemyj chelovek) [Facial reconstruction by the skull: (Modern and fossil man)]. *TIE*, Novaya seriya, vol. 28, Moscow: Nauka, 586 p.

Grebneva G.I., 1977. Issledovaniya v bassejne r. Ket'i [Researches in the river Ket basin]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda*, Moscow: Nauka, pp. 197–198.

Grebneva G.I., 1981. Raboty v bassejne r. Ket'i [Works in the river Ket basin]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda*, Moscow: Nauka, pp. 175.

Lebedinskaya G.V., 1998. *Rekonstruktsiya litsa po cherepu* [Facial reconstruction by the skull], Moscow: Nauka, 124 p.

Matveeva N.P., Volkov E.N., Rjabogina N.E., 2003. *Novye pamjatniki bronzovogo i rannego zheleznyh vekov* [New monuments of the Bronze and Early Iron Ages], Novosibirsk: Nauka, 174 p.

Nikitin S.A., 2009. Plasticheskaya rekonstruktsiya portreta po cherepu. [Plastic facial reconstruction by the skull]. *Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremlya*, vol. 1, Moscow: Izdatel'stvo muzeev Moskovskogo kremlya, pp. 137–167.

Pelikh G.I., 1981. *Sel'kupy XVII veka: (Ocherki sotsial'no-ehkonomicheskoy istorii)* [XVII century Selkups: (Essays on the social and economic history)], Novosibirsk: Nauka, 176 p.

Pelikh G.I., 1955. Usloviya vozniknoveniya territorial'noj obshhiny-yurty u sel'kupov Narymskogo kraja [Terms of occurrence of the territorial community-yurts of Selkups in Narym's edge]. *Uchenye zapiski TGPI*, vol. 13, Tomsk: Tipografiya no. 1 Poligrafizdata, pp. 251–284.

Rozov N.S., 1955. Materialy po kraniologii sel'kupov (v svyazi s voprosom o ikh proiskhozhdenii) [Materials about craniology of Selkups (in connection with the question of their origin)]. *Yubilejnaya nauchnaya sessiya, posvyashhennaya 150-letiyu MOIP*, Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 156–157.

Rozov N.S., 1958. Antropologicheskij sostav drevnego naseleniya Srednej Obi (sel'kupov) [Anthropological composition of the ancient population of the Middle region of the river Ob (Selkups)]. *Uchenye zapiski TGU*, no. 32, pp. 144–151.

Tuchkova N.A., 1997. O sel'kupakh reki Ket'i [About Selkups from the river Ket basin]. *Zemlya verkhneket'skaya*, Tomsk: Izdatel'stvo TGU, pp. 188–209.

Tuchkova N.A., 2011. Predislovie [Preface]. *Sel'kupy: Ocherki traditsionnoj kul'tury i sel'kupskogo yazyka*, Tomsk: Izdatel'stvo TPU, pp. 4–5.

Tuchkova N.A., 2014. *Sel'kupskaya ojkumena: Obzhitoe prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i tsentral'nykh dialektnykh grup* [Selkup oecumene: Lived-in space of Selkups of the Southern and Central dialect groups], Tomsk: izdatel'stvo TPU, 224 p.

Tuchkova N.A., Glushkov S.V., Kosheleva E.Iu. et al., 2013. *Sel'kupy: Ocherki traditsionnoi kul'tury i sel'kupskogo iazyka* [Selkups: Essays on traditional culture and Selkup language], Tomsk: ITU, 318 p.

ЭТНОЛОГИЯ

О.Е. Пошехонова, В.Н. Адаев

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: poshehonova.olg@gmail.com;
whitebird4@yandex.ru

ПОГРЕБАЛЬНАЯ И ПОМИНАЛЬНАЯ ПИЩА В СЕВЕРОСЕЛЬКУПСКОМ ЗАХОРОНЕНИИ XIX в.: ОПЫТ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Дана интерпретация археологических и палеоэкологических источников, полученных в ходе раскопок селькупского захоронения XIX в. в могильнике Кикки-Акки в верховьях р. Таз, в сопоставлении их с этнографическими данными. Исследование выполнено с целью изучения в исторической динамике таких элементов погребального обряда северных селькупов, как традиция приготовления пищи для покойного и поминальная тризна. Выбор конкретного погребения обусловлен уникальностью и необычно хорошей сохранностью органических материалов, что позволило детально представить состав погребального и поминального блюда. Для атрибуции археологических данных привлекались сведения из этнографической литературы и архивных документов, а также материалы собственного полевого этнографического исследования погребальной обрядности верхнетазовских селькупов (2013). Проведенный анализ позволил определить вероятный набор блюд погребальной и поминальной пищи из захоронения, форму и содержание ритуальных действий, а также рассмотреть их в культурно-историческом контексте. Установлено, что наиболее близкие аналогии ритуалу изучаемого погребения имеются в материалах XVI–XVII вв. по южным селькупам и восточным хантам либо в этнографических данных по хантам отдаленных территорий, не граничащих с бассейном р. Таз. Южноселькупский и хантыйский «след» в похоронно-погребальной обрядности, по нашей версии, фиксирует культурные компоненты, сыгравшие ключевую роль в складывании локальной общности верхнетазовских селькупов. Закопанные поверх могилы костные остатки богатой поминальной тризны являются примечательной особенностью рассматриваемого погребения, свидетельствующей о давнем происхождении значительной вариативности североселькупской похоронно-погребальной обрядности.

Ключевые слова: Западная Сибирь, этноархеология, северные селькупы, погребальный обряд, ритуальная пища.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-127-136

Введение

В статье предложена интерпретация археологических и палеоэкологических источников, полученных в результате раскопок селькупского захоронения XIX в. в могильнике Кикки-Акки в верховьях р. Таз, в сопоставлении их с этнографическими данными. Исследование выполнено с целью изучения в исторической динамике таких элементов погребального обряда северных селькупов, как традиция приготовления пищи для покойного и поминальная тризна. Соответственно конкретными задачами исследования являлись комплексный анализ привлеченных источников информации, а также предложение обоснованных версий трактовки остатков пищи (блюд) и ритуальных действий. Для этого нами были использованы доступные сведения из опубликованных и неопубликованных письменных источников, а также материалы полевого этнографического исследования погребальной обрядности верхнетазовских селькупов, проводившегося в 2013 г. параллельно с археологическими работами.

Выбор материалов именно вышеуказанного погребения обусловлен уникальностью и необычно хорошей сохранностью находившихся в нем остатков органических материалов, давших детальное, максимально полное представление о составе погребального и поминального блюда. Палеоэкологическому анализу находок посвящено специальное исследование, в результате которого определены ингредиенты, их примерное количество и некоторые особенности приготовления ритуальной пищи [Пошехонова и др., 2015].

Актуальность настоящего исследования возрастает в связи с тем, что археологические и палеозоологические материалы по северным селькупам обнаружены впервые и его результаты могут способствовать решению проблемы происхождения значительной вариативности похоронно-погребальной обрядности верхнетазовских селькупов, проявляющейся, в частности, в параллельном сосуществовании принципиально разных типов захоронений, устройства погребальных конструкций, набора ритуальных действий и т.д.

Целесообразно указать используемую в работе терминологию. Тризна — ритуальный прием пищи, связанный с похоронно-погребальной обрядностью. Соответственно поминальная тризна — пир в честь покойного, совершаемый непосредственно до, во время или после похорон, а поминальная пища — употребляемые в ходе поминок продукты. Погребальная (заупокойная) пища — продукты, составлявшие часть погребального инвентаря и предназначавшиеся «в дорогу» умершему либо для предков (см. также: [Арутюнов, 1989, с. 137]).

Археологические и палеозоологические материалы

Погребение № 2 расположено на окраине некрополя, функционировавшего с XVII в. в верхнем течении р. Таз, в устье р. Коральки (Красноселькупский р-н ЯНАО) [Пошехонова, 2015]. Могильник находится около современного п. Киккиакки. Есть веские основания полагать, что в XVIII–XIX вв., а возможно, и ранее здесь располагался центр Караконской волости — станок Караконская [Адаев, 2014, с. 124–127], отмечавшийся на географических картах с конца XVIII в. по 1914 г. Этот пункт упоминается и в русских документах конца XVIII в., скорее всего именно его описывал Г.Ф. Миллер, сообщая об остячком поселке близ устья р. Корыльки, где русские казаки принимали ясак (см. подробнее: [Там же]). Можно полагать, что в могильнике захоронены его жители — караконские остяки, как их называли русские в XVII–XIX вв. Физическое сходство захороненных людей с современными северными селькупками подтверждается антропологическими и одонтологическими наблюдениями [Пошехонова и др., 2015b].

На сегодняшний день исследовано 6 из 17 грунтовых захоронений могильника, совершенных по обряду ингумации в неглубоких ямах. Два из них (№ 1 и 2), располагавшихся параллельно на расстоянии 1–1,2 м друг от друга, относятся к XIX в., остальные — к XVII — началу XVIII в.

Остатки погребальной и поминальной пищи обнаружены только в могиле № 2, которая на уровне дневной поверхности фиксировалась в виде овальной западины (2,6×1,2 м, глубина 0,26–0,30 м), окруженной невысокой обваловкой. На материке к востоку от границы захоронения зафиксированы остатки кострища, полностью перекрытые выбросом из могилы; вероятно, на нем происходило приготовление ритуальной пищи. После расчистки перекрытий и выборки заполнения могильной ямы ее размеры составили 0,9×2,25 м, глубина в материке (от верхней границы подзола) 0,6 м. Она имела прямоугольную форму с четкими углами, отвесные стенки и плоское дно.

В погребении сразу под лесной подстилкой удалось проследить фрагменты верхнего дощатого перекрытия — четыре доски длиной около 2,2 м, которые располагались горизонтально вдоль продольной оси ямы, полностью накрывая ее. Под дощатым перекрытием был зафиксирован костяной слой, представленный спрессованными остатками вперемешку с грунтом: чешуей и костями рыб (275), костями млекопитающих (25) и птиц (93). Его мощность в центральной части составила 12 см, а границы не достигали краев могильной ямы. Эти кости представляют собой остатки тризны — поминальной пищи, съеденной участниками обряда. То есть, тризна закончилась ближе к концу процесса погребения, а в финале засыпанные грунтом кости закрыли досками. В скоплении представлены два варианта расположения остатков: а) кости и чешуя, залегавшие вперемешку, беспорядочно; б) кости рыбьих голов и чешуя, сохранившие анатомическое расположение (повидимому, в могилу были положены отчлененные рыбы головы с кожей и неочищенной чешуей). Два варианта залегания остатков указывают на наличие как минимум двух разных рыбных блюд, приготовленных для тризны. При этом найдены только целые кости.

В результате палеозоологических исследований [Пошехонова и др., 2015a] установлено, что участники поминок ели в основном рыбу (налим — 55 % от общего числа костей рыбы, щука — 36 %, язь — 2 %, муксун и плотва — по 1 %, рыба семейства карповых — 3 %, вид не определен — 1 %). Определить общее количество особей рыбы не удалось. Ели также мясо боровой птицы (не менее 9 взрослых и, возможно, 1–2 молодые особи глухаря, отдельные части тела тетерева), белой куропатки и уток (части тел свиязи, шилохвости, обыкновенного гоголя). Находки костей молодых птиц позволили предположить, что охота на них велась в конце лета (август). Кроме этого, употреблялось мясо белок (не менее двух особей) и северного оленя (одна особь). Остатки щуки представ-

лены в основном костями головы, северного оленя — элементами задней конечности, от остальных видов присутствуют кости всех отделов скелета.

Под костеносным слоем отмечено еще одно перекрытие — сосновая плаха длиной 1,87 м, шириной 0,41 м, толщиной 0,05–0,08 м, располагавшаяся горизонтально вдоль длинной оси захоронения. Ниже заполнение представлено однородным мешаным песком мощностью 13–17 см, залегающим на берестяном многослойном полотнище, края которого находились на стенках ямы и прилегающей к погребению материковой поверхности. Береста покрывала костные останки мужчины 35–45 лет, лежавшие в колоде сигаровидной формы, выдолбленной из цельного ствола сосны (2,13×0,62, высота стенок 13–15 см). На дне могилы колода была закреплена четырьмя кольями, расположенными парами по периметру, друг напротив друга.

Почти полный костяк лежал вытянуто, на дорсальной поверхности, черепом на юго-восток. На нем сохранились многочисленные украшения одежды, обуви и прически. У мужчины была длинная коса (обнаружены черные волосы), декорированная семью перстнями, кольцом, парой восьмерковидных подвесок и бисерным изделием. Справа от черепа зафиксированы отдельные угольки, слева от нижней челюсти найден железный развилчатый срезень, а на нем кольцо из медно-свинцово-оловянного сплава, завернутое в ткань. В нижней части корпуса расчищены остатки небольшой сумочки (кисета?), расшитой бисером и двумя стеклянными плоскими каплевидными бусинами. По обе стороны от берцовых костей отмечены остатки кедровых колчанов со стрелами (17 справа и 18 слева) с железными наконечниками, направленными на северо-запад, к ногам. Судя форме, это селькупские долбленные охотничьи колчаны корытообразной формы с крышкой.

В ногах, слегка в наклон к центру колоды, был поставлен котелок из оловянной бронзы, диаметром около 17 см, с идеально сохранившейся сосновой ложкой внутри, накрытый берестяной крышкой [Пошехонова и др., 2015а, с. 166, рис. 1]. В нем зафиксированы объекты, определенные нами как остатки погребальной пищи, положенной умершему. Содержимое котелка визуально представляло собой щепочки, деревянную труху, кости и чешую рыб, но в основном органические остатки черного цвета, покрывавшие тонким слоем его дно и стенки. Кости рыб в большинстве случаев были повреждены, фрагментированы, сломы истончены и как бы оплавлены. Такое их состояние не являлось следствием тафономических процессов, а скорее могло быть связано с особенностями приготовления блюда. В результате палеоэкологических исследований определен состав содержимого котелка [Там же]. Там находились плотва, язь, возможно, и другая рыба семейства карповых, причем отмечены кости всех отделов скелета (черепа, туловища и конечностей-плавников). Кроме этого, обнаружены раздробленные косточки черемухи с плодоножками, семена ягод брусники и семена дикорастущей травы, щепочки березы и осины, кусочки бересты и опилки кедра с корой, а также кусочки мяса (поперечнополосатой мышцы). Признаки, указывающие на принадлежность мышцы к определенному классу или группе животных (птицы, млекопитающие или рыбы), не зафиксированы. Количественное соотношение предполагаемых продуктов: много рыбы и/или мяса, черемухи и бересты, единично брусника, дикорастущая трава и кусочки древесины.

Археологические аналогии

В отсутствии сравнительных данных по погребальной и поминальной пище северных селькупов в XIX в. обратимся к археологическим материалам по восточным хантам Среднего Приобья, северным хантам, южным селькупам, а также тюркам Причулымья. Ввиду малого количества информации по могилам XIX в. расширим хронологические рамки поиска до XVI–XIX вв.

В захоронениях южных селькупов XVIII–XIX вв. посуда зафиксирована в единичных случаях, она предназначалась лишь для «окуривания» могильных сооружений и площадок [Боброва, Воробьев, 2005; Боброва, 2007]. Для могильников хантов Юганского Приобья и Обдорского Севера этого времени, наоборот, отмечено массовое присутствие в погребениях посуды: устанавливали ее обычно в области ног покойного, иногда перевернутой, встречается утварь и в верхней части заполнения могил [Рындина и др., 2008; Семенова, 2001; Мурашко, Кренке, 2001]. Однако сведений о погребальной пище в ней нет.

В Нарымском Приобье в могильниках южных селькупов вплоть до XVII в. посуда встречается довольно часто, она представлена керамическими сосудами [Боброва, 1994] и/или металлическими котлами [Кондрашов, 2002; Дульзон, 1953; Боброва, 1994; и др.]. Однако сведения о наличии в этой посуде погребальной пищи отсутствуют. Исключением является описание содержимого медного котла из погребения 3 кургана 13 Балагачевского могильника XVI–XVII вв.,

раскопанного А.П. Дульзоном и соотносимого им с чулымскими тюрками [Дульзон, 1953]. В котле зафиксировано «значительное количество зерен, по-видимому, ячменя» и остатки рыбы, по определению Б.Г. Иоганзена — семейства карповых. Найдены чешуя на коже, кости туловища и плавники. А.П. Дульзон отмечает, что в могильниках у д. Тургай и Балагачево «пищу в виде мяса животных в могилу, по-видимому, не клали, об этом свидетельствует отсутствие костей животных» [Там же, с. 145]. Иногда упоминается о нахождении в посуде или под ней «жертв-прикладов». Так, в могильниках Пыль-Карамо I и Балагаческом были найдены кусочки шкуры оленя, неопределимые фрагменты меха, перо птицы и снятая чулком шкурка водоплавающей птицы [Кондрашов, 2002; Дульзон, 1953].

Л.М. Терехова и К.Г. Карачаров отмечают, что на территории Среднеобской низменности в погребениях XI — середины XIII в. среди остатков пищи в медных котлах были обнаружены косточки ягод, кедровые орехи, кости рыб и птиц [1994, с. 286]. В захоронениях второй половины XIII — XV (XVI) в., которые они относят к хантыйским, остатки пищи продолжали складывать в котлы; в них также ставили берестяные и деревянные изделия. Исследователями зафиксированы и находки целых костей животных: череп лошади в засыпи одной из могил, длинные кости ноги и остатки черепа северного оленя рядом с погребенным — в другой [1994, с. 287–288]. Однако подробного описания погребальной пищи в этих захоронениях они не приводят.

В могильнике Моховая XLVI, оставленном представителями одной из групп восточных хантов, населявших земли Бардакова княжества в XVII в. [Стефанов, 2002], в верхней части заполнения могилы 15 был найден неполный скелет взрослого северного оленя, кости располагались не в анатомическом порядке. Трубчатые кости и некоторые фаланги были расколоты, на позвонках следы порубов, нижняя челюсть разбита [Там же, 2002, с. 203]. Вероятно, это остатки съеденной поминальной пищи.

Остатки тризн известны в могильниках XV–XVII вв. Федоровском и на Осиновской гриве в Нарымском Приобье. Они размещались на погребенной почве под насыпями курганов и представляли собой многочисленные обожженные фрагменты керамики, кости и чешую рыб [Боброва, 1994, с. 296].

Многие исследователи отмечают, что в большинстве случаев южные селькупы и ханты вещи, необходимые покойному для жизни в ином мире (еду, посуду, оружие, нож, топор, огниво и пр.), в позднесредневековое время клали в могилу или рядом [Боброва, 1994, с. 303, 306, 310; Терехова, Карачаров, 1994, с. 286–289; Дульзон, 1953, с. 142, 193; Семенова, 2001; и др.]. К концу XIX в. их стали располагать под могильным сооружением, в нем или рядом с ним, а также на деревьях или шестах [Пелих, 1972; Боброва, 1994].

Таким образом, привлеченные в качестве аналогий материалы из могильников XVI–XVII вв. Западной Сибири свидетельствуют, что погребальная и поминальная пища в это время состояла из ягод, орехов, рыбы, мяса птицы и млекопитающих. Ее помещали в емкость (или клали без нее) в погребальное сооружение рядом с покойным. Достоверно установить, были это приготовленные блюда или сырые продукты, невозможно из-за скудности информации. Сведений о ритуальной пище в погребениях XVIII–XIX вв. нами не обнаружено, поэтому можно лишь констатировать наличие и расположение посуды в захоронениях. Остатки тризн, представленные костями рыб и млекопитающих (лошадь, олень), в этот период обнаруживаются рядом с могилами или в засыпи погребений.

Малое количество информации о таком важном элементе погребального обряда, как еда для покойного и поминальная пища, по-видимому, обусловлено не только плохой сохранностью остатков, но и недостаточным вниманием исследователей к этому аспекту. К тому же в силу специфичности археологические материалы не всегда позволяют достоверно различать поминальные, погребальные и жертвенные комплексы, поэтому часто они рассматриваются суммарно. В связи с этим объяснить информационную лакуну отсутствием погребальной и поминальной пищи в захоронениях или рядом с ними нельзя [Дульзон, 1953, с. 145].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что рассматриваемые данные по составу заупокойной и поминальной пищи из захоронения № 2, а также ее расположению имеют больше сходства с материалами по южным селькупам и восточным хантам более раннего периода, нежели с синхронными по тем же группам. То есть, эта составляющая обряда, выполненного в ходе похорон мужчины, выглядит архаичной для XIX в.

Этнографические аналогии и интерпретации

В первую очередь нами привлекались аналогии из этнографии северных и южных селькупов, а также тесно контактировавших с верхнетазовскими селькупами хантов (прежде всего ваховских), кетов и западно-сибирских эвенков. Из этого ряда выпадает соседнее ненецкое (энецкое) население. Отсутствие существенных культурных заимствований в погребально-поминальной обрядности у родственников по языку самодийцев объясняется их длительными междоусобными конфликтными отношениями. Далее представлены варианты трактовки блюд погребальной и заупокойной пищи и интерпретации ритуальных действий.

Трапеза блюд. Состав погребальных и поминальных блюд может быть соотнесен с повседневной селькупской пищей, с учетом, однако, того, что при ритуальных действиях обычно использовались самые ценные продукты. Среди них наиболее часто фигурировали оленина, хлеб и алкоголь. Мясо других животных, рыба и пр. также могли использоваться, но торжественная трапеза ассоциировалась именно с употреблением оленины — крайне редкой пищи для тазовских селькупов в XIX — начале XX в. Из отчета тазовского священника, 1902 г.: «*Питаются рыбою в разном виде, мясом разных добытых зверьков, очень редко оленим; последним лишь тогда, когда олень очень сильно заболевает или вовсе издохнет*» [ГАКК, ф. 667, оп. 1, д. 104, л. 2 об.].

Для селькупов были типичны разнообразные способы приготовления мяса и рыбы — их употребляли в вареном, вяленом и копченом виде. Рыбу также квасили и запекали на огне на палочках (*чолсы*), нередко употребляли сырой, особенно зимой. Селькупы не готовили блюда, в которых бы смешивалось мясо птиц или млекопитающих и рыбы вместе. В котелке находилось, скорее всего, не одно блюдо, а набор из нескольких продуктов. Основной составляющей была рыба, порезанная на куски. Немаловажно, что кости в большинстве случаев повреждены, а их сломы истончены. Фрагменты костей достаточно крупные, что исключает вариант с блюдом в виде рыбной муки, «порсы» (см. подробнее: [Селькупы..., 2013, с. 156–157]). Версия, что такое состояние костей связано с длительной термической обработкой, возможна, но выглядит маловероятной, поскольку для северного населения была в обычае непродолжительная варка рыбы — по сути, она часто употреблялась в полусыром виде. Учитывая наличие среди содержимого емкости ягод брусники, можно предположить, что это была квашеная рыба. В прошлом селькупы квасили рыбу, перекладывая ее слоями ягод (клюквой, брусникой, морошкой) [Прокофьева, 1956, с. 673]. Истонченное состояние костей как последствие процедуры квашения выглядит логичным.

Раздробленность косточек черемухи тоже хорошо согласуется с материалами этнографии: сушеную черемуху селькупы толкли и использовали для выпечки лепешек, иногда смешивая с мукой. Подтвердить или опровергнуть присутствие муки в данном случае нельзя, так как в ходе термической обработки мука растворяется и остатки ее со временем разлагаются. Ягоды брусники могли быть и ингредиентом лепешек. Еще одно популярное блюдо селькупов, в которое могла входить брусника, — вареная икра, смешанная с ягодами [Ириков, 2002, с. 82–83].

Можно резюмировать, что в котелке находился набор разных видов пищи в небольшом количестве: рыба (квашенная с брусникой или вареная), крупный кусок мякоти мяса (или рыбы) и выпечка из дробленой черемухи (возможно с добавлением муки и начиненная брусникой). Брусника также могла быть в качестве дополнения к вареной икре и самостоятельного продукта. Присутствие в котелке кусочков бересты и фрагментов древесины, скорее всего, случайно.

Что касается атрибуции продуктов поминальной тризны, то нахождение только целых костей указывает на вероятное употребление продукта, приготовленного при щадящем режиме термической обработки. Это полностью соответствует предпочтениям селькупов в еде — мясо и рыбу традиционно потребляли полусырыми, а иногда в сыром виде.

В ходе тризны ели мясо тех видов рыб, птиц и животных, которые на протяжении известного исторического времени добывались и использовались в пищу северными селькупами. При этом рыба традиционно является основой питания тазовских селькупов, мясо водоплавающей и боровой птицы обычно в употреблении, но составляет меньшую долю рациона. Исключением был осенний сезон, когда охотничий промысел мясного направления достигал наивысшей интенсивности (подробнее о рационе селькупов: [Селькупы..., 2013, с. 153–162]). В рамках селькупской традиции, зафиксированной в XX в., добыча молодняка птицы, а также «невыходной» белки в августе, когда пищевые ресурсы довольно надежно пополняются благодаря рыболовству, воспринималась бы как грубое нарушение экологической этики. Это предполагает, что в XIX в. промысловый запрет на летнюю охоту у селькупов отсутствовал или был по какой-то причине сознательно нарушен.

Беличье мясо обычно употреблялось в пищу таежным населением Западной Сибири, известно оно и у селькупов по материалам этнографии XX в. [Ириков, 2002, с. 80]. В XIX в. и ранее, когда случаи голода были привычны в верховьях Таза, белка, скорее всего, являлась распространенной пищей. Напротив, крайне редкой, а потому особо ценной едой у селькупов в XIX в. считалась оленина. Это подтверждается скромным объемом остатков оленя относительно массового количества частей других животных. По нашей версии, мясо животных и птицы участники тризны, скорее всего, ели в отваренном виде. Наиболее вероятными основными рыбными блюдами представляются: а) рыба слегка отваренная (очищенная) и б) запеченная на костре (с чешуей).

Пища в котелке, трактовка ритуала. С закреплением у тазовских селькупов христианских традиций к началу XX в. заупокойную пищу перестали класть в могилу (см.: [Прокофьева, 1977, с. 73]). Одним из объяснений, почему в более ранний период ее иногда помещали к покойному, а в других нет, может быть пожелание самого усопшего (предсмертное или полученное в результате обряда гадания). Так, у современных тазовских селькупов в предсмертном обращении человек определяет, например, место и способ своего захоронения [ПМ Адаева, 2013]. В этом же логическом ряду сообщение Г.И. Пелих, что у южных селькупов умирающий иногда сам наказывал, какие вещи отправить с ним в могилу [1972, с. 67].

Примеры возможного оставления небольшого количества пищи в могиле фиксируются и у соседей северных селькупов — западно-сибирских эвенков [Кулемзин, 1994, с. 361] и ваховских хантов [Кулемзин, Лукина, 2006, с. 145]. Во всех известных случаях, когда пища клалась прямо в могилу, речь идет лишь о небольшом ее объеме. Ваховские ханты объясняли малые подношения опасением, что при большом количестве даров мертвый может забрать к себе еще кого-нибудь из живых [Лукина, 2005, с. 325].

В целом ситуация с оставленным в могиле XIX в. котелком с едой имеет больше сходства с этнографически зафиксированными традициями ближайших соседей северных селькупов, чем с традициями их южных сородичей. Так, относительно количества еды Г.И. Пелих отмечает, что у южных селькупов в могилу с покойником клали запас еды на 4–5 дней, предпочтительным продуктом считалось мясо. В рамках другой локальной традиции действовало правило, чтобы заупокойная и погребальная пища была только рыбной [1972, с. 62, 67–68].

Костеносный слой, трактовка ритуала. Факт погребения большого количества остатков поминальной тризны в верхней части могилы выглядит необычным ввиду отсутствия этнографических аналогий с территории Верхнего Таза и прилегающих ареалов. Как у северных, так и у южных селькупов тризну обычно проводили рядом с могилой, тут же готовили и съедали пищу, а остатки помещали недалеко от погребения, на ближайших деревьях, или сжигали [Пелих, 1972, с. 62; Прокофьева, 1977, с. 71–72]. У захоронения могли также оставлять непогребенные тела домашнего оленя или собаки. Кстати, археологические данные свидетельствуют о появлении в рассматриваемом регионе традиции оставлять пищу и жертвенных животных на поверхности лишь с конца XIX в. [Боброва, 1994, с. 312]. Вероятно, это было обусловлено постепенным восприятием христианских правил, строго регламентирующих состав предметов, помещаемых с телом покойного.

По данным полевого исследования у тазовских селькупов в 2013 г., традиционным и желательным при похоронах взрослого человека было забивание в честь него жертвенного оленя. Он обычно использовался для доставки покойного к кладбищу, там животное душили, мясо варили в котлах на костре рядом с могилой и здесь же ели (аналогичные сведения приводит Е.Д. Прокофьева по результатам исследований 1920–1960-х гг., она также указывает, что в бедных семьях оленя могли забивать дома, а на кладбище привозили лишь часть туши [1977, с. 72]). Обращает на себя внимание комментарий селькупов, что уносить еду с поминальной трапезы у могилы категорически не допускалось: «*Бывало, съедали пол-оленя и пол-оленя оставляли. Только шкуру забираем*» [ПМ Адаева, 2013]. Несъеденное мясо с костями оставляли близ могилы, но не закапывали, а обычно сжигали или помещали на окрестные деревья. Не отмечены случаи закапывания остатков тризны и у западно-сибирских эвенков и кетов [Долгих, 1961, с. 104; Кулемзин, 1994, с. 362].

Наиболее близкие аналогии ритуалу из погребения XIX в. находим у хантов. М.Б. Шатилев в 1920-е гг. описал традицию ваховских хантов закапывать поверх могилы погребальный инвентарь (без еды), покрытый сверху берестой [2000, с. 186–187]. Аналогичный пример прикапывания поверх могилы, но уже не предметов, а пищи отмечен у северных хантов во второй полови-

не XIX — начале XX в.: закапывалась вареная оленина, уложенная на оленью шкуру, а иногда и накрытая ею. Причем данные действия совершались не на каждом погребении [Карьялайнен, 1994, с. 94].

Каковы возможные причины закапывания продуктов именно поверх могилы и почему это делалось не всегда? Во-первых, исходя из информации М.Б. Шатилова можно предполагать постепенный процесс отдаления погребального инвентаря и атрибутов поминальной тризны от тела покойного. Вариации обряда могли быть связаны с этапом формирования новых правил. Во-вторых, не исключено, что многочисленные костные останки с погребения № 2 предназначались не самому покойному (его пища находилась в котелке). Представления о том, что вместе с покойным можно передавать какие-то предметы для других умерших, отмечены, например, у северных хантов. Поводом к этому мог стать сон, в котором умерший сообщал, чего конкретно ему не хватает [Там же, с. 93]. Наконец, обильная поминальная трапеза с закапыванием ее остатков на могиле могла быть особым пожеланием самого покойного. Выскажем даже гипотезу о возможном выполнении просьбы человека, умершего голодной смертью. О частом жестоким голоде среди «*инородцев, кочующих вверх по реке Тазу*», по причине их крайней бедности упоминается во многих документах XIX в. (1817–1821, 1862, 1878 г. и др.), авторами которых были вахтеры хлебных магазинов, чиновники и священники [ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 1388, л. 71; см. также: ф. 397, оп. 1, д. 89, л. 6–6 об.; ф. 467, оп. 1, д. 10, л. 9–9 об.]. Например, в переписке Турханского земского исправника за 1819 г. сообщалось, что «*на Тазу у церкви нисколько хлеба не имеется; от чего, и по малому улову рыбы, Тымской и Караконской волости остяки претерпевают голод*» [Там же, ф. 117, оп. 1, д. 1388, л. 71].

Выводы

Исследование позволило определить вероятный набор блюд погребальной и поминальной пищи из североселькупского захоронения, форму и содержание ритуальных действий, а также рассмотреть их в культурно-историческом контексте. Близкие аналогии ритуалу изучаемого погребения встречаются в материалах XVI–XVII вв. по южным селькупам и восточным хантам либо в этнографических данных по хантам отдаленных территорий, не граничащих с бассейном р. Таз. Зафиксированный южноселькупский и хантыйский «след» в похоронно-погребальной обрядности, по нашей версии, отражает культурные компоненты, сыгравшие ключевую роль в складывании локальной общности верхнетазовских селькупов. Закопанные поверх могилы костные остатки богатой поминальной тризны являются примечательной особенностью рассматриваемого погребения, свидетельствующей о давнем происхождении значительной вариативности североселькупской похоронно-погребальной обрядности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1388; Оп. 1. Д. 89; Оп. 1. Д. 10; Оп. 1. Д. 104.
Полевые материалы В.Н. Адаева. Красноселькупский р-н, 2013 г.

Литература

- Адаев В.Н. Селькупы Верхнего Таза: Межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4. С. 124–132.
- Арутюнов С.А. Пища // Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. Вып. 3: Материальная культура. С. 134–138.
- Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ИТУ, 1994. С. 293–322.
- Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: ИТУ, 2007. 176 с.
- Боброва А.И., Воробьев А.А. К вопросу об участии российских переселенцев в сложении нарымских селькупов в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 5. С. 163–171.
- Долгих Б.О. О похоронном обряде кетов // СА. 1961. № 3. С. 102–112.
- Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–334.
- Ириков С.И. Хозяйство и материальная культура тазовских селькупов // Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. С. 39–118.

О.Е. Пошехонова, В.Н. Адаев

- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск: ИТУ, 1994. Т. 1. 152 с.
- Кондрашов А.Н.* Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо I и поселения Усть-Порос на севере Томской области // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: ИТУ, 2002. С. 63–69.
- Кулемзин В.М.* Западносибирские эвенки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ИТУ, 1994. С. 360–363.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв.: Этнографические очерки. Тюмень: Мандр. и Ка, 2006. 208 с.
- Лукина Н.В.* Ханты от Васюганья до Заполярья. Т. 2: Средняя Обь. Вах. Кн. 1. Томск: ИТУ, 2005. 352 с.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А.* Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М.: Наука, 2001. 155 с.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск: ИТУ, 1972. 424 с.
- Пошехонова О.Е.* Новые данные о верхнетазовских селькупках XVII–XIX веков // IV Сев. археол. конгр.: Материалы. Екатеринбург, 2015. С. 200–202.
- Пошехонова О.Е., Афонин А.С., Кисагулов А.В. и др.* Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов по данным палеоэкологических исследований // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 4. С. 163–172.
- Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Алексеева Е.А.* Краниология, одонтология и реконструкция внешнего облика северных селькупов по материалам могильника Кикки-Акки // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 4. С. 88–99.
- Прокофьева Е.Д.* Селькупы // Народы Сибири. М.; Л.: Наука, 1956. С. 665–686.
- Прокофьева Е.Д.* Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
- Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И.* Ханты Салымского края: Культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: ИТУ, 2008. 412 с.
- Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Н.А. Тучкова, С.В. Глушков, Е.Ю. Кочелова и др.* Томск: Изд-во ТПУ, 2013. 318 с.
- Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 269 с.
- Стефанов В.И.* Моховая XLVI — позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // ХМАО в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ИТУ, 2002. Вып. 1. С. 164–210.
- Терехова Л.М., Карачаров К.Г.* Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ИТУ, 1994. С. 284–288.
- Шатилов М.Б.* Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.

O.E. Poshekhonova, V.N. Adaev

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: poshehonova.olg@gmail.com;
whitebird4@yandex.ru

**BURIAL FOOD AND FUNERAL FEAST REMAINS FROM A NORTHERN SELKUP GRAVE
OF 19TH CENTURY: THE EXPERIENCE OF ETHNOARCHAEOLOGICAL ANALYSIS**

The article deals with an attempt to interpret archaeological and paleoecological sources obtained during the excavation of a Selkup grave in an ancient burial ground situated in the upper river Taz area (Yamal-Nenets Autonomous District, Russia), by comparing them with ethnographic data. The goal of the paper is to examine historical dynamics of these components in the funeral ritual of the Northern Selkups during the 19th century as traditional preparation of burial food and the funeral feast process. The choice of this particular archaeological site relates to the unique and unusually well-preserved remains of organic materials in the grave that gave a most detailed and complete picture of the composition of the burial food and the funeral feast. In order to interpret the archaeological data we have used information from published ethnographical sources and archival documents as well as materials from the ethnographic field research of funeral traditions of the Selkups of the Upper Taz river, held in 2013 simultaneously with archaeological work. The study made it possible to determine not only probable burial food and funeral feast food of the Northern Selkup burial but also the form and the content of the ritual practice, and to present them in the cultural and historical contexts. As a matter of fact, it was concluded that the closest analogies to the ritual of the studied object are found in earlier archaeological data associated with the Southern Selkups and Eastern Khanty (16–17th centuries) and in ethnographic sources on the Khanty from remote areas which are not directly adjacent to the Taz River basin. The clearly appeared trace of the Southern Selkups and Khanty in the funeral ritual, in our opinion, marks cultural components which played a key role in formation of the Selkup local community of the Upper Taz river. Bones and food scraps of the abun-

dant funeral feast buried on top of the grave are a notable feature of the studied Selkup burial sites which indicate the ancient origin of considerable variability of the Northern Selkup's funeral ritual.

Key words: Western Siberia, ethnoarchaeology, Northern Selkups, funeral ritual, ritual food.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-127-136

REFERENCES

- Adaev V.N., 2014. Sel'kupy Verkhnego Taza: Mezhekul'turnye svyazi i puti soobshcheniia s naseleniem sosednikh rechnykh basseinov v XVIII–XX vv. [Selkups of the Upper Taz river: Intercultural contacts and routes of communication with the population of the neighboring river basins in 17–20th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 124–132.
- Arutiunov S.A., 1989. Pishcha [Food]. *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov*, 3, Material'naia kul'tura, Moscow: Nauka, pp. 134–138.
- Bobrova A.I., 1994. Narymskoe Priob'e i Prichulym'e [Narym Trans-Ob and Chulym river areas]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. 2: Mir real'nyi i potustoronni, Tomsk: ITU, pp. 293–322.
- Bobrova A.I., 2007. *Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika)* [Selkups in the 18–19th centuries (according to the data of the Tiskinsky burial complex)], Tomsk: ITU, 176 p.
- Bobrova A.I., Vorob'ev A.A., 2005. K voprosu ob uchastii rossiiskikh pereselentsev v slozhenii narymskikh sel'kupov v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v. [On the question of participation of Russian migrants in the genesis of the Narym Selkups at the end of the 18th — first half of 19th century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 5, pp. 163–171.
- Dolgikh B.O., 1961. O pokhoronnom obriade ketov [On the Kets funeral ritual]. *Sovetskaia arkheologiia*, no. 3, pp. 102–112.
- Dul'zon A.P., 1953. Pozdnie arkheologicheskie pamiatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniia chulymskikh tatar [Late archeological monuments of Chulym river and the question of origin of Chulym Tatars]. *Uchenye zapiski TGPI*, vol. 10, Tomsk, pp. 127–334.
- Irikov S.I., 2002. Khoziaistvo i material'naia kul'tura tazovskikh sel'kupov [Economy and material culture of the Taz Selkups]. *Tazovskie sel'kupy: Ocherki traditsionnoi kul'tury*, St. Petersburg: Filial izd-va «Prosveshchenie», pp. 39–118.
- Kar'ialainen K.F., 1994. *Religiia iugorskikh narodov* [Religion of Yugra peoples], vol. 1, Tomsk: ITU, 152 p.
- Kondrashov A.N., 2002. Materialy issledovaniia gruntovogo mogil'nika Pyl'-Karamo I i poseleniia Ust'-Poros na severe Tomskoi oblasti [Data of the research of the Pyl'-Karamo I burial complex and Ust'-Poros settlement in the North of Tomsk region]. *Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri*, Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 63–69.
- Kulemzin V.M., 1994. Zapadnosibirskie evenki [Evenks of Western Siberia]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. 2: Mir real'nyi i potustoronni, Tomsk: ITU, p. 360–363.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Vasiugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX — nachale XX vv.: Etnograficheskie ocherki* [Vasugan-Vakh Khanty at the end of the 19th — first half of the 20th century: Ethnographic essays], Tyumen: Mandr i Ka, 2006. 208 p.
- Lukina N.V., 2005. *Khanty ot Vasiugan'ia do Zapoliar'ia* [Khanty from Vasugan river area to polar region], vol. 2: Sredniaia Ob'. Vakh, Tomsk: ITU, 352 p.
- Murashko O.A., Krenke N.A., 2001. *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke* [The culture of indigenous people of Obdorsk North in the 19th century], Moscow: Nauka, 155 p.
- Pelikh G.I., 1972. *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origins of the Selkups], Tomsk: ITU, 424 p.
- Poshekhonova O.E., 2015. Novye dannye o verkhnetazovskikh sel'kupakh XVII–XIX vv. [New data on the Selkups of the Upper Taz river, 17–19th centuries. IV Severnyi arkheologicheskii kongress: Materialy, Yekaterinburg, pp. 200–202.
- Poshekhonova O.E., Afonin A.S., Kisagulov A.V. et al., 2015. Nekotorye elementy pogrebal'nogo obriada severnykh sel'kupov po dannym paleoekologicheskikh issledovaniu [Some elements of the Northern Selkup funeral ritual according to the paleoecological studies]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 163–172.
- Poshekhonova O.E., Zubova A.V., Alekseeva E.A., 2015. Kraniologiia, odontologiia i rekonstruktsiia vneshnego oblika severnykh sel'kupov po materialam mogil'nika Kikki-Akki [Craniology, ododntology and reconstruction of Northern Selkup appearance on the data of the Kikki-Akki burial complex]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 88–99.
- Prokof'eva E.D., 1977. Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkups]. *Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa*, Leningrad: Nauka, pp. 66–79.
- Prokof'eva E.D., 1956. Sel'kupy [Selkups]. *Narody Sibiri*, Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 665–686.
- Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Iu.I., 2008. *Khanty Salym'skogo kraia: Kul'tura v arkheologo-etnograficheskoi retrospektive* [Khanty of Salym region: Culture in archaeological and ethnographic retrospective view], Tomsk: ITU, 412 p.

О.Е. Пошехонова, В.Н. Адаев

Semenova V.I., 2001. *Srednevekovye mogil'niki Iuganskogo Priob'ia* [Medieval burial complexes of the Yugan Trans-Ob area], Novosibirsk: Nauka, 269 p.

Stefanov V.I., 2002. Mokhovaia XLVI — pozdnesrednekovyi mogil'nik Surgut'skogo Priob'ia [Mokhovaia XLVI — a late medieval burial complex of the Surgut Trans-Ob area]. *KhMAO v zerkale proshlogo*, 1, Tomsk; Khanty-Mansiysk: ITU, pp. 164–210.

Terekhova L.M., Karacharov K.G., 1994. Rannee i razvitoe srednevekov'e. Sredneobskaia nizmennost' [Early and High Middle Ages. The Middle Ob' lowland]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. 2: Mir real'nyi i potustoronni, Tomsk: ITU, pp. 284–288.

Tuchkova N.A., Glushkov S.V., Kosheleva E.Iu. et al., 2013. *Sel'kupy: Ocherki traditsionnoi kul'tury i sel'kup'skogo iazyka* [Selkups: Essays on traditional culture and Selkup language], Tomsk: ITU, 318 p.

Shatilov M.B., 2000. *Vakhovskie ostiaki: Etnograficheskie ocherki* [Vakh Khanty: Ethnographic essays], Tyumen: Izd-vo Iu. Mandriki. 288 p.

А.А. Богордаева, Р.Ю. Федоров

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: bogordaeva@mail.ru
Тюменский государственный университет
ул. Ленина, 6, Тюмень, 625003, РФ
E-mail: r_fedorov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ДОМАШНИХ СВАТИЛИЩ МАНСИ¹

Обобщаются и систематизируются материалы по домашним святилищам манси. Авторы рассматривают сведения этнографической литературы XVIII–XX вв., а также приводят данные собственных экспедиционных исследований, проведенных на территории проживания северных манси в населенных пунктах, расположенных на берегах рек Северная Сосьва и Ляпин, в 2006–2010 гг. В ходе исследований были выделены два типа домашних святилищ по месту нахождения внутри жилища. К первому типу отнесены святые полки, расположенные непосредственно в жилом помещении, ко второму типу — чердачное помещение, отделенное от жилого пространства дома потолком. Показаны их взаимосвязь и развитие, а также особенности функционирования в настоящее время. Также затрагивается вопрос происхождения домашнего духа-покровителя северных манси Самсай-ойки. Его местом жительства считается в том числе чердак. Высказано предположение о позднем формировании образа Самсай-ойки.

Ключевые слова: манси, традиционное жилище, типы святилищ, дом, домашнее святилище, чердак, потолок, крыша, святая полка, святой угол, домашние духи-покровители, домашний дух-покровитель Самсай-ойка.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-137-146

К особенностям мансийского жилища относятся расположенные в нем домашние святилища. Они тесно связаны с конструкцией и внутренней планировкой дома, а своеобразие находящихся там предметов неоднократно привлекало внимание путешественников и исследователей. Первые сведения о хранящихся в жилище изображениях духов-покровителей относятся к XVIII–XIX вв. Эти сообщения немногочисленны, отличаются краткостью и касаются большей частью самих изображений [Лепехин, 1771, с. 29–30; Макарий, 1853, с. 17; Сорокин, 1873, с. 48; и др.]. Период с конца XIX по 80-е гг. XX в. дает более массовый (по сравнению с предыдущим временем) материал по домашним святилищам. Это и записки путешественников, и отчеты исследователей, изучавших быт и культуру северных народов [Носилов, 1997; Остроумов, 1904; Павловский, 1907; и др.]. К этому же времени относится ряд исследований по традиционной мифологии, верованиям и обрядам хантов и манси. В них в том числе содержится информация о местонахождении и устройстве домашних святилищ и обрядах, проводимых в жилище [Источники..., 1987; Карьялайнен, 1995; Kannisto, 1958]. Данные о местах хранения изображений духов-покровителей, жертвенных даров и другой культовой атрибутики имеются в работах В.Н. Чернецова [1959], Н.Ф. Прытковой [1971], З.П. Соколовой [1971].

С 1980-х гг. начинается новый период в изучении домашних святилищ манси, когда оно базируется на системном подходе и обширных экспедиционных исследованиях. Впервые наиболее подробно домашние святилища были рассмотрены в монографии И.Н. Гемуева, основанной на материалах, полученных на территории проживания северных манси в последней четверти XX в. [1990]. Он детально разбирает сакральные особенности мансийского жилища, вертикальное и горизонтальное деление его пространства, обустройство и содержание находящихся в доме святилищ, обряды, изображения домашних духов-покровителей и представления, связанные с ними [Там же]. В монографии приводятся описания интерьера, чердаков и священных полок, их рисунки и схемы.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-21-01002.

Полевые материалы об устройстве домашних святилищ северососьвинских манси, о хранящихся там изображениях духов-покровителей и другой культовой атрибутике были в дальнейшем опубликованы И.Н. Гемуевым в другой работе, в соавторстве с А.В. Бауло [Гемуев, Бауло, 1999]. В монографии представлена типология святилищ манси, рассмотрены их расположение, развитие и функционирование, а также даны подробные описания проводимых там обрядов. К категории домашних были отнесены святилища, расположенные внутри помещения, на чердаке и в амбарчике рядом с домом [1999, с. 174].

В конце XX — начале XXI в. исследования святилищ были продолжены А.В. Бауло и по их результатам опубликован этнографический альбом [2013], в котором приведены современные данные о домашних святилищах северных манси, проиллюстрированные большим количеством цветных фотографий. В альбоме представлены сведения, собранные автором в экспедициях в 1997–2013 гг., в том числе: о сохранившихся культовых местах территориальных групп, местах предков — покровителей селения, памятных местах, женских местах и домашних святилищах. Автор описал каждое святилище, его атрибутику и обряды. Рассматривая домашние святилища, А.В. Бауло разделяет их на находящиеся снаружи (амбарчик) и внутри (в комнате, на задних нарах или в углу и на чердаке) дома, а также включает в их состав и место проведения обрядов, располагающееся снаружи дома, у его задней стены, считающейся священной [Там же, с. 93]. Отмечается, что священные амбары, сделанные рядом с домом и выполняющие роль домашних святилищ, отличаются размерами и внутренним устройством [Там же, с. 94]. Кроме того, в альбоме имеются разделы об обрядах жертвоприношения на домашних святилищах, семейных духах-покровителях, жертвенных покрывалах, культовых предметах.

Разнообразные сведения о домашних святилищах и домашних духах-покровителях имеются также в работах Е.И. Ромбандеевой [1993], Е.Г. Федоровой [1994], В.С. Ивановой [2008], Р.К. Бардиной [2009], А.А. Богордаевой [2011].

Наибольшая часть данных о домашних святилищах относится в основном к XX в. Сведения о более раннем периоде их существования малочисленны. Тем не менее их широкое распространение, устойчивое бытование уже в начале XX в. и развитая обрядовая практика свидетельствуют об их давнем происхождении. В ходе системного изучения святилищ были определены их основные типы и виды, а также рассмотрены причины и особенности их трансформации, описаны хранящиеся там изображения духов-покровителей, жертвенные покрывала, шаманские бубны и другие виды культовой атрибутики.

В данной статье речь пойдет о домашних святилищах, расположенных непосредственно в жилище. Целью исследования является определение взаимосвязи между разными видами домашних святилищ. Для этого будут обобщены и систематизированы факты, содержащиеся в этнографической литературе XVIII–XX вв. и полученные в ходе экспедиционных исследований; охарактеризованы основные особенности святилищ; выделены этапы их функционирования и рассмотрена их современная специфика. Исследование опирается на материалы, собранные в 2006–2010 гг. в экспедициях на территории проживания северных манси в населенных пунктах, расположенных на берегах рр. Северная Сосьва и Ляпин². Представленная здесь информация основана на наблюдениях и фотофиксации, т.е. специальных опросов и собеседований по этой проблеме не проводилось, так как работа выполнялась по другой теме. Следует также отметить, что эти свидетельства происходят большей частью из труднодоступных заброшенных или полузаброшенных (с постоянным населением в 1–3 чел.) поселений.

Экспедиционные материалы и данные этнографической литературы показывают, что находящиеся внутри дома святилища делятся на два типа: 1) расположенные в жилом помещении на полках; 2) размещенные на чердаке. В свою очередь, полки внутри жилого помещения представлены двумя вариантами: 1) короткая угловая полка, находящаяся в углу у противоположной от входа стены; 2) широкая полка, закрепленная вдоль противоположной от входа стены, длиной во всю ширину стены.

Короткие угловые полки, по данным конца XX — начала XXI в., — наиболее распространенный вариант. Они делались из доски/досок и закреплялись в одном из углов противоположной от входа стены на высоте около 1,5–1,7 м от пола. Описания этих полок встречаются в отчетах и записках исследователей и путешественников начала XX в. Так, у А. Каннисто неоднократно

² Выражаем благодарность и признательность д.и.н. А.В. Бауло за возможность участия в экспедиционных исследованиях Приполярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН и за предоставленные для публикации фотографии.

К вопросу о типологии домашних святилищ манси

упоминаются хранящиеся в коробке в заднем углу комнаты жертвенные предметы, изображения духов-покровителей, жертвенные платки и пушнина, жертвенная одежда [Kannisto, 1958, S. 113, 117, 314–316]. Он, кстати, особо отмечает, что на таких полках на (Северной) Сосьве разрешалось хранить лишь изображения сыновей *Мир-сусне-хум'а* и *Калтась-экс'ы* и тех духов, которые, по мифологии манси, при своей жизни вели войну, а также — дары для *Ялпус-ойк'и* и *Куль-отыр'у*, в противоположность им нельзя было держать здесь детей «*tapalaS*» [Ibid, S. 314]. Поэтическое описание домашних святилищ начала XX в. находим у К. Носилова: «...даже шайтаны с оловянными глазами, барабаны на полках их юрт, в которые они бьют перед костром своего бедного жилища, сзывая богов, даже тех не убрала с места наша цивилизация за эти десять лет, и те по-старому сидят в ящиках, в углах, с оловянными глазами и намазанным салом ртом...» [1997, с. 161]. У В. Павловского читаем: «В переднем углу юрты висят иконы Спасителя, Божьей матери, или святителя Николая, а внизу под ними стоит небольшой сундук. В нем лежат пенаты и пожертвованные им шкурки убитых зверей» [1907, с. 23]. Характерно, что в данных примерах, помимо угла и полки, упоминаются еще ящики, в которых находились изображения духов-покровителей и приношения для них. Очевидно, ящики были неотъемлемой частью домашнего святилища, что подтверждается и позднейшими данными.

Известно три варианта размещения угловых полок. По одним данным, святая полка устраивалась только в правом углу, по другим — она могла быть как в правом, так и в левом углу и это не имело большого значения [Гемуев, 1990, с. 20; Гемуев, Бауло, 1999, с. 174]. По данным Е.Г. Федоровой, чистым считался правый передний угол — *мули сам*, в котором находились спальное место хозяина дома, места для почетных гостей, а на полке — культовые предметы мужчин [1994, с. 98–99]. Здесь запрещалось бывать женщинам. В то же время левый угол у противоположной от входа стены был женским [Там же, с. 99]. И.Н. Гемуев предполагал, что расположение полки слева — более позднее явление и связано с христианизацией и влиянием русской культуры [1990, с. 20]. Так, в некоторых мансийских домах было две полки, сделанные в правом и левом передних углах дома [Там же, с. 20, 64]. Одна из них — *торм-норма* 'божья полка' была в правом углу и предназначалась для икон; другая — *лубы норма* 'полка духов,' с дарами и изображениями духов-покровителей,— в левом углу [Там же]. Кроме того, иногда под полкой — *пупын норма*, расположенной в правом углу, устраивалась еще одна — нижняя полка, на которой также располагались культовые предметы [Гемуев, Бауло, 1990, с. 31]. Полки часто закрывались занавесками.

Содержимое право- и левосторонних угловых полок несколько различается по составу атрибутики. Так, по данным И.Н. Гемуева и А.В. Бауло, у северососьвинских манси в конце XX в. на полках, устроенных с левой стороны противоположной от входа стены, хранились сундуки с изображениями духов-покровителей и жертвенными дарами для них, мешки со шкурами пушных зверей, с платками и лоскутами ткани с завязанными в них монетами и жертвенными покрывалами, рядом на стене иногда развешивались иконы [Гемуев, 1990, с. 63–64; Гемуев, Бауло, 1999, с. 25–30, 50, 69]. На полках, устроенных с правой стороны, кроме вышеперечисленных предметов находились берестяные коробки с *иттерма*, сабли и музыкальный инструмент — *санквылтап* [Там же, с. 30, 35, 63, 120]. На нижней полке, сделанной под правой полкой, встречались также *имда* (растянутая на специальном каркасе медвежья шкура) с жертвенной одеждой и иконы [Там же, с. 31, 63].

В ходе экспедиционных исследований последних лет были замечены полки, размещенные как в правом, так и в левом углу дома. Кроме того, в некоторых домах имеется по две такие полки — в каждом углу противоположной от входа стены. Часто они закрыты шторками. Нередко на них можно увидеть иконы, свечи и т.п. В д. Верхненильдина на полке, устроенной в правом углу у противоположной от входа стены, за шторкой среди множества различных предметов находилось изображение *Самсай-ойк'и* (рис. 1). В другом доме этой же деревни, на полке, расположенной в левом углу у противоположной от входа стены, лежали шкура медвежонка и пакеты с лоскутами ткани, табаком и др. Еще в одном мансийском жилище на полке в левом углу у противоположной от входа стены, зашторенной шелковой тканью зеленого цвета, имелись мешок с лоскутами ткани и мужская рубашка традиционного кроя. В мансийской д. Ясунт на полке в левом углу у противоположной от входа стены размещались сшитый из хлопчатобумажной ткани мешок с лоскутами ткани разных цветов и *иттерма*.

Рис. 1. Изображение Самсай-ойки, северососьвинские манси, д. Верхненильдина Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2010 г. Фото А.В. Бауло.

При детальном рассмотрении содержимого этих полок выявляется некоторая закономерность: нередко вместе с иконами там хранились *иттерма* (антропоморфные скульптурные изображения умерших). Так, И.Н. Гемуевым были зафиксированы икона Божьей Матери с младенцем и *иттерма* на полке в левом углу у противоположной от входа стены [1990, с. 64–65]. В одном из домов в д. Хурумпауль в правом углу у противоположной от входа стены закреплены две полки — верхняя и нижняя (рис. 2). На верхней полке лежали пара мешков и стояли иконы, на нижней — открытый чемодан с мужскими рубашками и папиросами, принадлежавшими недавно умершему сыну хозяйки, фотография которого была прикреплена здесь же. Как видно, традиция обустройства угловых полок у противоположной от входа стены довольно распространена и сохраняется в настоящее время. Об ее прочности свидетельствуют и собственные наименования полок (табл.). А данные этнографической литературы указывают, что этот вариант домашнего святилища, находящегося в жилище, был известен у манси достаточно давно.

Рис. 2. Святая полка в правом углу у противоположной от входа стены, ляпинские манси, д. Хурумпауль Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2009 г. Фото А.А. Богордаевой.

К вопросу о типологии домашних святилищ манси

Названия домашних святилищ северных манси

Название на мансийском языке	Название на русском языке	Расположение в жилище	Предназначение
<i>Торм-норма</i>	Божья полка, полка для икон	В правом углу	Для икон, <i>иттерма</i>
<i>Пубы норма, пупыг норма</i>	Полка духов, полка для изображений духов-покровителей	В левом углу; в правом углу; во всю ширину противоположной от входа стены	Для изображений духов-покровителей и жертвенных даров для них, культовой атрибутики, шаманских бубнов и музыкальных инструментов, <i>иттерма</i>
<i>Норма</i>	Полка	Во всю ширину противоположной от входа стены	Для изображений духов-покровителей и жертвенных даров для них, культовой атрибутики, шаманских бубнов и музыкальных инструментов, <i>иттерма</i>
<i>Мули сам, мули колсам</i>	Чистый угол, передний угол	Правый передний угол	Для священной полки, для мужчин
<i>Чердак</i>	Чердак	Под крышей, над потолком	Для изображений духов-покровителей и жертвенных даров для них, культовой атрибутики, шаманских бубнов и музыкальных инструментов, <i>иттерма</i>
<i>Манькан</i>	Малое жертвенное место	Площадка перед домом у передней, противоположной входу, стены дома	Для проведения обрядов жертвоприношения

Второй вариант домашнего святилища, расположенного внутри жилого помещения, представляет полка — *норма*, сделанная на высоте 1,5–1,7 м от пола во всю ширину противоположной от входа стены, а иногда продленная и вдоль боковой стены. По мнению И.Н. Гемуева, именно такие полки со священными предметами предшествовали чердаку и именно от них развилась традиция использования чердака в качестве тайника для священных предметов, а переходным от полок видом хранилища был не полностью закрытый потолок [1990, с. 13, 19]. Таким образом, этот вариант домашнего святилища неразрывно связан с традиционной для манси конструкцией крыши дома — крышей на слегах, которая в первоначальном виде делалась без потолка. Такая полка имелась в доме К.Е. Шешкина в д. Ломбовож [Гемуев, 1990, с. 75]. Это жилище являлось общественным домом, в нем проводились обряды для всех жителей деревни. Сохраняемые там предметы несколько отличались от тех, которые помещались на угловые полки. Помимо жертвенных даров и *иттерма* на широких полках, закрепленных вдоль противоположной от входа стены, имелись костюмы медвежьего праздника, изображение *Мир-сусне-хум*'а и его атрибутика, жертвенные покрывала, оружие, шаманский бубен [Там же, с. 74–104].

Примерно такой же набор предметов содержался в общественном доме в д. Вежакоры, где также устраивались регулярные медвежьи праздники [Соколова, 1971, с. 215]. В этнографической литературе описания подобных полок немногочисленны. В записках В.Н. Чернецова из поездки по Северной Сосьве в 1926–1927 гг. находим заметки об устройстве таких полок. Одна из них была замечена в летнем доме С. Анемгурова в д. Ханглас-пауль: «...Две задние потолочные балки над *мули пал* (нары у противоположной от входа стены) поддерживают полочку, где хранятся *пупыхи* (изображения духов-покровителей) и *койп* (бубен)» [Источники..., 1987, с. 32]. Другая имелась в одном из домов в д. Олтотумп-пауль: полка над *мули пал* — *норма* была устроена из прибитых к стене корней и положенных на них трех досок, на которых была специальным образом уложена шкура медведя [Там же, с. 38]. «Священная полка» — *пупыг норма*, размерами 180×50 см, с хранившимися на ней культовыми предметами была замечена в одном из домов Турват-пауля на Северной Сосьве [Гемуев, Бауло, 1999, с. 15]. В ходе экспедиционных исследований последних лет нам не удалось зафиксировать ни одной такой полки.

Таким образом, как видим, два варианта полок — угловые и продольная располагались у противоположной от входа стены — *мул*; очевидно, что именно расположение полок у этой стены наиболее важно. Эта стена обладает в мансийском жилище особым сакральным значением. По мнению И.Н. Гемуева, «*мул* связывается с понятием *коль сот* 'домашнее счастье'» [1990, с. 13, 25–26]. Для его привлечения при строительстве на угол дома клали деньги, там ставили угощение *Мир-сусне-хум*'у, делали кровавые жертвоприношения в его честь [Гемуев, 1990, с. 25–26; Источники..., 1987, с. 189]. Кроме того, как считает И.Н. Гемуев, *мул* первоначально располагалась на южной стороне и сакрально была связана с югом, как и с *Мир-сусне-хум*'ом, второе имя которого — *Али-хум* переводится как «Верховный или южный человек» [Там же, с. 27].

Особый статус стены проявляется в ее почитании: вывешивание платков и лоскутов ткани с монетами на ее внешней стороне и развешивание жертвенной одежды во время проведения обрядов внутри дома; а также в существующих для женщин запретах: им нельзя ходить возле нее, сидеть и лежать рядом с ней; класть возле нее свои вещи, кроме того, женщинам запрещалось обходить вокруг дома около этой стены [Гемуев, 1990, с. 25; Источники..., 1987, с. 189; Kannisto, 1958, S. 275]. Место у стены снаружи дома — *манькан* 'малое жертвенное место' использовалось для домашних обрядов. Здесь был установлен столб для привязывания жертвенных животных (при его отсутствии в тех же целях служило отверстие для веревки, сделанное в выступающих концах бревен сруба), а также сделана полка — *пупыг-норма*, прикрепленная к правому углу дома в соответствии с внутренним расположением (если смотреть снаружи от *манькан* — то слева), на нее во время обряда ставили чемоданы или сундучки с изображениями духов-покровителей или угощения для духов [Бауло, 1913, с. 93; Гемуев, Бауло, 1999, с. 68–69; 192–193]. Кроме того, здесь еще фиксировались кострище и устройство для вывешивания шкуры жертвенного животного [Гемуев, Бауло, 1999, с. 68–69]. В ходе экспедиций удалось отметить пару таких мест (рис. 3).

Второй тип святилища, находящегося в доме, располагается на чердаке, который относится к нежилым помещениям. Появление этого типа святилища, как считается, было обусловлено необходимостью переноса культовой атрибутики из священных амбаров в более укромное место в связи с ростом численности населения мансийских поселений [Гемуев, 1990, с. 16–19; Гемуев, Бауло, 1999, с. 174]. Способствовало этому появление приема перекрытия внутреннего пространства жилища потолком, который получил широкое распространение у манси вместе с внедрением стропильной конструкции крыши предположительно в начале XX в. [Гемуев, 1990, с. 13]. Такое устройство крыши было характерно для жилища русского населения Урала и Сибири, хотя и возникло у него совсем недавно, во второй половине XIX в. По мнению И.Н. Гемуева, внедрение чердака в мансийскую культуру происходило постепенно, и первоначально он полностью не перекрывал крышу, а использовался как широкая и высокая полка — *норма* [Там же, с. 19–20]. С русскими связывает появление чердаков в мансийском жилище и Е.Г. Федорова, однако, исходя из того, что чердак считался местом обитания домашнего духа-покровителя *Самсай-ойк'и*, она предполагает, что срубное жилище с чердаком «уже давно внедрилось в культуру манси» [1994, с. 95].

Рис. 3. Полка — *пупыг норма* на передней стене (*мул*) дома, северососьвинские манси, Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2007 г. Фото А.А. Богордаевой.

К вопросу о типологии домашних святилищ манси

Как и в священных амбарах, здесь хранили изображения духов-покровителей, жертвенные дары, атрибутику медвежьего праздника, музыкальные инструменты, бубны, *иттерма* и пр. Сюда же переносили часть культовых атрибутов умерших родителей [Гемуев, Бауло, 1999, с. 174]. Чердак являлся сакрально чистым местом, женщинам запрещалось туда подниматься [Гемуев, 1990, с. 13–16; Источники..., 1987, с. 22]. Е.Г. Федорова связывает это с запретом для них переступать через мужские предметы, быть над ними [1994, с. 95].

В настоящее время все дома строятся с потолочным перекрытием, на котором располагается чердак. Вход на чердак делается с торцевой стороны крыши над сенями. Подниматься сюда запрещено девочкам после начала у них месячных, женщинам и посторонним (не членам семьи). У многих семей, как и раньше, на чердаках обустроены семейные святилища, где в сундуках, коробках и мешках хранятся изображения духов-покровителей, одежда, *арсыны* (лоскуты ткани) и другие дары для духов, *иттерма*, а также атрибутика медвежьего праздника, музыкальные инструменты и пр. Как правило, сундуки, коробки, бубны, музыкальные инструменты стоят у торцевой стены, мешки, одежда, платки и лоскуты ткани часто развешиваются на перекладинах, закрепленных под крышей [Гемуев, Бауло, 1999, с. 174].

По данным Е.Г. Федоровой, как уже отмечалось выше, у северных манси чердак считался одним из мест обитания духа-болезней *Самсай-ойк'и*, которого «боятся, по этой причине также не ходят на чердак» [1994, с. 95]. Другим местом обитания этого духа является жилое помещение — собственно дом. Его изображение, сделанное из лоскутов ткани темных цветов, вешают слева от входа. Как видим, сведения об этом духе-покровителе северных манси достаточно противоречивы, и в этнографической литературе они немногочисленны. Так, впервые информация о нем была получена В.Н. Чернецовым. Из нее следует, что «*Самсайхум* — невидимка-человек, он же *Хульотыр*», он «причиняет болезни» [Источники..., 1987, с. 195]. В статье, опубликованной в 1959 г., В.Н. Чернецов приводит значение слова *samsaj* — 'заглазный', т.е. находящийся в недостижимом для зрения месте [1959, с. 121]. И здесь же он дает связанное с этим выражение — *sasxal'psajtölnemāxum*, т.е. 'народ, живущий за берестяной пленкой'.

В ходе дальнейших исследований домашних святилищ, мировоззрения, обрядов и изображений духов-покровителей северных манси были сделаны описания изображений *Самсай-ойк'и*, а также собраны различные сведения о нем [Гемуев, 1990, с. 64–65, 213–214; Ромбандеева, 1993, с. 72, 77; Гемуев, Бауло, 1999, с. 177; Иванова, 2008, с. 13; Богордаева, 2011]. Установлено, что его образ тесно связан с домом и, несмотря на близость к *Куль-отыр'у*, он выполнял функции домашнего духа-покровителя, охраняя жилище и проживающих в нем людей. Его обычное месторасположение — у входа, за печью, не предполагает закрытого от посторонних глаз хранения, он не сокрыт и в этом отношении отличается от других духов-покровителей. По данным наших экспедиционных исследований, в настоящее время *Самсай-ойк'у* воспринимают как позитивно настроенного по отношению к людям духа-покровителя и не соотносят с духом нижнего мира *Куль-отыром*. Он охраняет дом, защищает семью, и особенно детей, от болезней. Являясь во сне в образе черного и мохнатого существа с коготками, он предупреждает о надвигающейся беде или болезни. Осенью, когда забивают скот, ему делают жертвоприношение, ставят для него мясо, дарят *арсын'ы*, которые затем убирают в сундук. Для *Самсай-ойки* шьют черные халаты, которые надевают на него во время жертвенной церемонии. Его изображению свойственны преимущественно темный цвет одежды, конусообразная или трапециевидная шапка, чаще всего пришитая к плечевой одежде.

Кроме *Самсай-ойки* у манси известны и другие домашние духи-покровители, представления о которых не имеют такого широкого ареала распространения. Так, В.Н. Чернецовым у лозьвинских манси в д. Тосья-пауль были записаны сведения о духе-покровителе дома и очага *Ловьяхум*, обитающем в срубном доме в чувале, а в чуме — в костре [Источники..., 1987, с. 22]. Для того чтобы он поселился в новом доме или чуме, вешали на стену платки с завязанными в них деньгами и ставили оленью или звериное сало в посудине [Там же]. Здесь же, в Анчух-пауле, было известно о существовании обитающего в доме *Совьяхум* («человек десяти рек»), для которого также ставили жир и вешали платки [Там же, с. 189–190]. Известно, что в жилище делали кровавые жертвоприношения *Мир-сусне-хум'у*, *Хуль-отыр'у* и др. [Гемуев, Бауло, 1999, с. 191–192; Носилов, 1997, с. 36–43; Kannisto, 1958, S. 279]. По свидетельству И.Н. Гемуева и А.В. Бауло, жертвоприношение пищи и угощение духов (алкогольными напитками) в XX в. имели регулярный характер, проводились по любым праздникам, для этого крышки сундуков и ящиков с изображениями духов-покровителей приоткрывались и рядом с ними на святые полки ставили стакан с напитком и миску с едой [1999, с. 174].

Завершая обзор мансийских святилищ, расположенных непосредственно в жилище, следует отметить, что ранее существовала традиция, по которой после смерти последнего члена семьи культовая атрибутика могла быть перенесена на поселковое святилище [Гемуев, Бауло, 1999, с. 174]. К сожалению, сегодня эта традиция соблюдается немногими.

В целом находящиеся внутри жилища святилища активно функционировали с начала XX в. К этому времени они были широко распространены, имели уже сложившуюся обрядовую практику, культовую атрибутику и постоянное местонахождение, что говорит об их формировании в более ранний период. Очевидно, что первоначальным видом домашнего святилища следует считать *пупыг-норму* — широкую полку, на которой хранились культовая атрибутика и изображения духов-покровителей и которая была прикреплена вдоль противоположной от входа стены на высоте 1,5–1,7 м от пола. Такие полки еще активно использовались в первой половине XX в., о чем свидетельствуют сохранившиеся постройки этого времени, а также их описания в этнографической литературе. Как представляется, на смену широким полкам приблизительно во второй половине XX в. пришли небольшие полки, расположенные по углам жилища также у противоположной от входа стены. Вероятно, первоначально таких полок было две, в соответствии с социальными нормами и верованиями, — мужская и женская или *пупыг-норма* (полка для изображений духов-покровителей) и *торм-норма* (полка для икон). В дальнейшем осталась одна полка — *пупыг-норма*, которая сооружалась в правом или левом углу.

Со временем изменились не только полки (длина, ширина) и их местоположение, но и состав культовой атрибутики, хранящейся на них. Так, если в начале XX в., по сообщениям очевидцев, это ящики с изображениями духов-покровителей, шаманские бубны, атрибутика медвежьего праздника, то в начале XXI в. — это в основном лоскуты ткани, жертвенная одежда, платки, иногда *иттерма*, изредка изображение *Самсай-ойк*'и. Современные священные полки отличаются от предшествующих и способом хранения культовых предметов. Сегодня большей частью это мешки, сшитые из ткани, или полиэтиленовые пакеты, в прошлом — разнообразные ящики и коробки, иногда меховые мешки. Очевидно, что способ хранения духов-покровителей в домашних святилищах в ящиках и мешках связан с необходимостью их быстрого перемещения, не требующего времени на подготовку и сборы, и обусловлен традицией полуседлого хозяйственного уклада манси.

К началу XX в. относится и широкое распространение святилища на чердаках. Это не исключает того, что в одних районах традиционного проживания манси они появились раньше — в конце XIX в., в других, более отдаленных, — позже, в середине XX в. На чердак переносились сначала предметы из священных амбаров, располагавшихся рядом с жилищем, культовая атрибутика умерших родственников, а впоследствии — и часть находящегося на священных полках в жилище, в том числе комплекс ритуальных предметов медвежьего праздника, шаманские бубны, музыкальные инструменты, *иттерма*. Как и на полках, предметы здесь располагаются в основном вдоль противоположной от входа стены — на полу в ящиках, коробках и мешках. Как и в священных амбарах, часть жертвенных даров развешивается на жердях под потолком. Таким образом, домашнее святилище на чердаке постепенно аккумулировало культовые предметы из священных амбаров, расположенных возле жилища, и со священных полок в жилище. Оно получило высокий сакральный статус домашнего святилища, запретного для посещения женщинами и посторонними и постоянно контролируемого хозяевами.

В то же время сохранение части культовой атрибутики внутри жилого помещения на специальных полках, на наш взгляд, свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости этой традиции, с другой — указывает на необходимость для субъекта иметь в своем жилище в доступной близости предметы, обладающие сакральной и семейно-родовой знаковостью. Следует также отметить, что изменения, произошедшие в домашних святилищах в XX в., безусловно связаны и с социально-политическими и экономическими процессами в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бардина Р.К. Обские и нижнесосьвинские манси: Этносоциальная история в конце XVIII — начале XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 150 с.
- Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI в.: Этногр. альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.

К вопросу о типологии домашних святилищ манси

Богордаева А.А. Особенности изображения Самсай-ойки — домашнего духа-покровителя северных манси // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 135–145.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

Иванова В.С. Обрядность северных манси в конце XIX — начале XXI века: Локальные особенности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 25 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 280 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 2. 284 с.

Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1814. Ч. 3. 376 с.

Макарий, иеромонах. Заметки о Верхотурских вогулах, живущих по р. Лозьеве // ВИРГО. 1853. Т. 7, отдл. 8. С. 15–24.

Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.

Остроумов И.Г. Вогулы-манси: Историко-этногр. очерк. Пермь: Типогр. газ. «Пермский край», 1904. 50 с.

Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-литография Император. ун-та, 1907. 229 с.

Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири // СМАЭ. 1971. Т. 27. С. 101–112.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. 1971. Т. 37. С. 211–238.

Сорокин Н. Путешествие к вогулам // Тр. о-ва естествоиспытателей при Император. Казан. ун-те. Казань, 1873. Т. 3, № 4. 59 с.

Федорова Е.Г. О современных изменениях в поселениях и жилищах // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 90–100.

Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. 1959. Т. 51. С. 114–156.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. 444 S.

A.A. Bogordayeva, R.Yu. Fedorov

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: bogordayeva@mail.ru

Tyumen State University

Lenin st., 25, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: r_fedorov@mail.ru

ON THE QUESTION OF TYPOLOGY OF MANSI HOME SANCTUARIES

The article is dedicated to systematization and generalization of ethnographic data about Mansi home sanctuaries. The author considers ethnographic descriptions published in the XVIII — XX centuries and uses her own field data. The author held expeditions to the territory of inhabitation of Northern Mansi in the settlements situated on the banks of the rivers Severnaya Sos'va and Lyapin in 2006–2010 years. Two types of home sanctuaries in traditional Mansi dwelling were marked out during the research. The first type is a holy ceiling, located directly in the living space. The second type is an attic, separated from the living space of the house by a ceiling. The research shows their interrelation and development as well as present functional features. The article also deals with the question of origin of Samsay-oyka, a house guardian spirit of Northern Mansi. The attic is considered as one of the places where it lives. A hypothesis of late formation of the image of Samsay-oyka is formulated.

Key words: Mansi, traditional dwelling, types of sanctuaries, house, home sanctuary, attic, ceiling, roof, sacred shelf, sacred corner, house guardian spirits, house guardian spirit Samsaj-ojka.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-137-146

REFERENCES

Bardina R.K., 2009. *Obskie I nizhnesos'vinskie mansi: Etnosotsial'naya istoriya v kontse XVIII — nachale XXI veka* [Mansi of the Ob and Nizhnyaya Sosva rivers area: Ethnosocial history at the of the XVIII — beginning of the XXI centuries], Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 150 p.

Baulo A.V., 2013. *Sviashchennyye mesta I atributy severnykh mansi v nachale XXI v.: Etnograficheskiy al'bom*. [Sacred places and attributes of Northern Mansi at the beginning of the XXI century: An ethnographic album], Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 208 p.

A.A. Богордаева, Р.Ю. Федоров

Bogordaeva A.A., 2011. Osobennosti izobrazheniia Samsai-oiki — domashnego dukha-pokrovitelia severnykh mansi [Details of the image of Samsaj-ojka, a home guardian spirit of Northern Mansi]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, Tiumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, no. 1 (14), pp. 135–145.

Chernetsov V.N., 1959. Predstavlenie o dushe u obskikh ugrov [Beliefs about the soul among the Ugric people living along the Ob' river]. *Trudy Instituta etnografii*, Novaia seriia, vol. 51, pp. 114–156.

Gemuev I.N., 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Mansi worldview: Home and Cosmic space], Novosibirsk: Nauka, 232 p.

Gemuev I.N., Baulo A.V., 1999. *Sviatilishcha mansi verkhov'ev Severnoi Sos'vy* [Mansi sanctuaries of the upper reaches of the Northern Sosva river], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 240 p.

Ivanova V.S., 2008. *Obriadnost' severnykh mansi v kontse XIX — nachale XXI veka: Lokal'nye osobennosti* [Ritualism of Northern Mansi at the end of the XIX — beginning of the XXI centuries: Local special features]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, St. Petersburg, 25 p.

Kannisto A., 1958. Materialien zur Mythologie der Wogulen. *Mèmoires de la Société Finno-Ougrienne*, vol. 113, Helsinki, 444 p.

Karjalainen K.F., 1995. *Religiia iugorskikh narodov* [Religion of Ugric peoples], vol. 2, Tomsk: Izd-vo TGU, 284 p.

Lepekhin I.I., 1814. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviia Ivana Lepekina... po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1771 g.* [Continuance of daily travel notes of the trip of Ivan Lepekhin... around different provinces of the Russian State in 1771], vol. 3, St. Petersburg, 376 p.

Lukina N.V., Markov G.E., 1987. *Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri* [Sources on ethnography of Western Siberia], Tomsk: Izd-vo TGU, 280 p.

Makar'ii, ieromonakh, 1853. Zаметки o Verkhotur'skikh vogulakh, zhivushchikh po r. Loz've [Notes about the Voguls, living along the Lozva river in Verkhotur'ye]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 7, no. 8, St. Petersburg, pp. 15–24.

Moldanova T.A., 2001. *Arkhetipy v mire snovidenii khantov* [Archetypes in the world of dreams of Khanty], Tomsk: Izd-vo TGU, 354 p.

Nosilov K.D., 1997. *U vogulov: Ocherki i nabroski* [At Khanty: essays and drafts], Tiumen': SoftDizain, 304 p.

Ostroumov I.G., 1904. *Voguly-mansi: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Voguls-Mansi: A historical and ethnographic essay], Perm': Tipogr. gaz. «Permskiikrai», 50 p.

Pavlovskii V., 1907. *Voguly* [The Voguls], Kazan': Tipo-litografiia Imperator. un-ta, 229 p.

Prytkova N.F., 1971. Odin iz istochnikov izucheniia odezhdy narodov Sibiri [One of the sources for studying clothes of the Siberian peoples]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 27, pp. 101–112.

Rombandeeva E.I., 1993. *Istoriia naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaia kul'tura (po dannym fol'klora i obriadov)* [History of the people of Mansi (Vogul) and their spiritual culture (basing on folkloric data and rites)], Surgut: Severnyi dom: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 208 p.

Sokolova Z.P., 1971. Perezhitki religioznykh verovanii u obskikh ugrov [Survivals of religious beliefs of Ugric people living along the Ob' river]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, vol. 37, pp. 211–238.

Sorokin N., 1873. Puteshestvie k vogulam [A travel to Mansi]. *Trudy obshchestva estestvoispytatelei pri Imperatorskom Kazanskom universitete*, vol. 3, no. 4, Kazan', 59 p.

Taligina N.M., 2004. *Obriady zhiznennogo tsikla u synskikh khantov* [Rites of the life cycle of Khanty living along the Sinya river], Tomsk: Izd-vo TGU, 176 p.

Fedorova E.G., 1994. O sovremennykh izmeneniakh v poseleniakh i zhilishchakh [About modern changes in settlements and dwellings]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. I, kn. II: Poseleniia i zhilishcha, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 90–100.

Fedorova E.G., 2000. *Rybolovy i okhotniki basseina Obi: Problemy formirovaniia kul'tury khantov i mansi* [Fishermen and hunters of the Ob' river basin: Problems of formation of Khanty and Mansi culture], St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 366 p.

ЛОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ПИТАНИЯ ВИШЕРСКИХ КОМИ

Представлено этнографическое описание народной пищи вишерских коми, отличающихся своеобразием в языковом и этнографическом отношении внутри большой верхневьегодской этнографической группы коми (зырян). Локальная традиция культуры питания, отражающая особенности субэтнического характера, тесно связана с экологической нишей и хозяйственно-бытовыми традициями, которые предопределили состав и структуру пищевого сырья, способы его сохранения, технологию приготовления блюд. Стратегия в вопросах питания выступает одним из результатов и одновременно механизмом адаптации к среде обитания, а религиозная принадлежность этноса формирует систему пищевых предпочтений и запретов. Для вишерских коми характерен зерново-мясомолочный тип питания с сохранением доли промысловой продукции. Углеводная составляющая рациона представлена зерновыми культурами, из которых готовили разнообразные хлебобулочные изделия, крупяные похлебки и каши. Крупяной суп и каша являлись основой питания, что отразилось в собирательном названии еды «суп-каша». Мясомолочные и рыбные блюда — белковая компонента питания — не отличались богатством ассортимента, а включение их в меню было не так часто, что связано с практикой соблюдения христианских постов. Однако собирательное название еды, означающее сытную жизнь, определялось словосочетанием «на молоке-мясе жить». Овощное меню, также не отличающееся богатством ассортимента, вносило разнообразие в питание. В целом эти продукты составляли основной пласт, обусловленный хозяйственными занятиями. Дикоросы, обеспечивая витаминами и дополняя рацион, представляли субстратный пласт, связанный с рудиментами предшествующей системы хозяйствования. Третий пласт, суперстратный, — продуктивное сырье, приобретаемое через торговую сеть. Технологические способы приготовления пищи предопределены наличием русской печи, где жарка невозможна. Отсутствие жареной пищи и сведение специй к минимуму делают пищу полезной для здоровья. Ежедневная практика потребления горячей пищи и соблюдение режима питания выступали показателями здорового образа жизни.

Ключевые слова: вишерские коми, пищевое сырье, традиционные блюда, застольный этикет.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-147-153

Отечественные этнографы особое внимание уделяют вопросам формирования культурных особенностей этнографических групп, изучение которых позволяет определить способы адаптации к природно-климатической зоне проживания. Локальные особенности проявляются и в культуре питания. Стратегия в вопросах питания и формирование адаптивного типа людей, обладающих специфическими морфологическими и физиологическими особенностями организма, складывались в ходе исторического развития. Сложившаяся стратегия в вопросах питания выступает одним из результатов и одновременно механизмом адаптации к среде обитания [Козлов, 2005, с. 35]. Пища составляет основную и ежедневную витальную потребность человека, снабжает его веществами, необходимыми для нормального физиологического функционирования, дает запас энергоресурсов. Калорийность питания обеспечивается тремя основными компонентами пищи (белки, жиры и углеводы). Доля углеводов растительного происхождения, т.е. крахмала, преобладает в калорийном балансе. Белки животного происхождения необходимы человеку, они выступают строительным материалом. Жиры обеспечивают энергетический баланс, с их помощью происходит усвоение многих веществ, в том числе витаминов. Пищевая модель как родовое понятие определяется соотношением крахмалистых и белковых компонентов в питании и источниками их получения, а пищевая система как видовое понятие отражает своеобразие локальной кухни [Арутюнов, 2011, с. 8].

Актуальность темы обусловлена необходимостью знания локальной пищевой системы, что крайне необходимо для сохранения здоровья этноса, так как массовое потребление несовместимых с местной диетальной традицией продуктов нарушает законы гигиены питания и приводит к ослаблению иммунитета человека [Колчина и др., 2010, с. 95].

Цель работы — охарактеризовать пищевое сырье и традиционные блюда кухни вишерских коми, проживающих в селах и деревнях по берегам Вишеры и ее притока Нившеры в Республике Коми. Коми вишерского этнографического микрорайона отличались своеобразием в языковом и этнографическом отношении внутри большой верхневьчегодской этнографической группы коми (зырян), на что еще в 1958 г. обратили внимание корифеи коми этнографии Л.П. Лашук и Л.Н. Жеребцов [1958, с. 83].

Хронологические рамки исследования определены первой половиной XX в. как временем устойчивого сохранения традиционной системы питания, что надежно обеспечено источниками. Основу источниковой базы составляют полевые материалы, записанные на аудиокассеты в 2002 г. студентами-историками по специально разработанной программе-опроснику, насчитывающей более 100 вопросов, выделенных в разделы (выпечка, супы, каши и др.), в ходе этнографической практики под руководством автора статьи в Корткеросском районе Республики Коми. Все записи имеют данные об информанте (ФИО, дата и место рождения), районе бытования (по месту рождения или месту жительства), авторе и времени сбора информации. Носителями знаний по теме «Традиционная культура питания» выступают женщины 1915–1937 гг. рождения, хотя нужно отметить, что свои знания о народной кухне высказывали и женщины среднего возраста. Мужская часть общества более информирована в вопросах приготовления блюд из дичи и рыбы, практики их закладки на длительное хранение, хотя и они владеют знаниями по приготовлению традиционных блюд. Этнографические материалы являются составной частью фонда 14 (Э) «Традиционная система питания коми (зырян)» научного архива музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (далее — НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина).

Комплексное хозяйство, сочетающее земледелие и скотоводство, охоту и рыболовство, предопределило состав пищевого сырья, представленного зерновыми и овощными культурами, мясомолочной продукцией, дичью, рыбой и дикоросами, количественные характеристики которых существенно различались.

Зерновые культуры, составляющие углеводную компоненту питания, занимали значительный сектор в структуре пищевого сырья. В рационе питания были представлены главным образом ячмень (ид) и рожь (сю), в меньшей степени овес (зёр) и пшеница (шобді), последняя приобреталась через торговую сеть. Хлеб круглой формы из ржаной муки (сю тупёсь) и ячменной муки (мушник, ид нянь) выпекали на поду русской печи из кислого теста, которое сбразивалось на основе закваски (рокёс) [НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина, ф. 14 (Э), д. 148а]. В ассортимент выпечных изделий входили сочни, шаньги, рыбники, колобки, пироги. При выпечке булочных изделий предпочтение отдавали пресному тесту из ржаной муки. Начинку для шанег, как и для открытых пирогов, готовили из муки (пызь), крупы (шыдос), картофельного пюре (картупеля ляти), творога (рысь) и ягод (вотёс) [Там же]. Значительно реже фиксируется практика выпекания закрытых пирожков из ржаной муки с начинкой из ягод и грибов. Рыбники (черинянь) делали из пресного ржаного или дрожжевого пшеничного теста, как закрытой, так и открытой формы, последняя была предпочтительна, так как рыба в них лучше пропекалась. Колобки (кёвдум, рача нянь) выпекались из безопарного теста из ячменной муки с добавлением масла или сметаны в специальной металлической форме (рач). На остатках топленого масла (вый сук) замешивали тесто для сдобной выпечки (сочён, рач выв, дрочён), она получалась рассыпчатой. Очень часто ее делали в металлических формах (рач), что и нашло отражение в одной из номинаций [Там же, д. 144а]. Блины готовили редко, только на праздники [Там же, д. 120а], так как в русской духовой печи довольно сложно осуществлять жарение. Параллельное использование ряда зерновых культур (рожь, ячмень, овес, пшеница), точно так же как сосуществование пресного и дрожжевого теста в хлебопечении, фактически является показателем сбалансированного культурного полиморфизма, т.е. способности социума применять ряд заложенных в общем фонде традиций средств адаптации [Арутюнов, 1989, с. 227].

Каши готовились в глиняных горшках с использованием двух технологических приемов. Заварные жидкие кашицы (повалюка рок, рунь) готовили из ячменной или пшеничной муки с добавлением масла, молока, сметаны, внутреннего жира. Для этого этнографического куста характерны жидкие кашицы (гежень) и густые каши (сорём) из толокна. Интересна практика потребления густой толокняной каши: ее ели ложкой либо формовали шарики. Фактически так восполняли отсутствие хлеба, что и подчеркивается информантом [НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина, ф. 14 (Э), д. 144а]. Из соложеного теста (юм) с добавлением ягод делали сладкие

Локальная традиция питания вишерских коми

кашицы, которые в зависимости от вида ягод номинировались по-разному: с брусникой (пуля ляз), черникой (чодъя ляз), черемуховой мукой (льомъя ляз); последняя наиболее широко представлена в вишерской кухне. Крупяные каши готовили способом распаривания крупы в русской духовой печи, их название зависело от добавок: с маслом (выя рок), жиром (госа рок, сальник) и др. Наличие двух способов приготовления одного блюда обуславливалось характером огня. Первый способ (заварной) первоначально был связан с открытым огнем, распаривание крупы осуществлялось в русской печи. В рассматриваемых хронологических рамках эти два технологических приема часто совмещались при варке каши из муки: вначале заваривали муку, а затем кашу распаривали в русской печи. Из перловки готовили похлебку (азя шыд) на простокваше или сыворотке [Там же, д. 133а], в нее иногда добавляли закваску из борщевика сибирского (азь гум), что нашло отражение в названии блюда. Простокваша, сыворотка и закваска придавали приятную кислинку блюду. Крупяные похлебки и каши готовились по одинаковой технологии.

Мучные кисели (няня кисель, шома кисель, бурдук) готовили из дрожжевого теста, которое разводили в небольшом количестве теплой кипяченой водой, слегка солили. Полученную смесь тонкой струйкой наливали в кипяток, интенсивно помешивая [Там же, д. 144а]. После остывания получался густой кисель, ели его ложкой, к нему подавали молоко, квас, сусло.

Необходимо особо подчеркнуть, что у коми отсутствовали развитые традиции потребления алкогольных напитков. Но в ритуальной практике коми использовали домашнее пиво (сур) из ржаного солода. В общих чертах процесс приготовления домашнего пива состоял из трех стадий: приготовление солода и сусла, получение готового продукта. Для солода (чуж) зерна ржи вначале вымачивали, а затем проращивали, что сказывалось на содержании ферментов и их растворимости в воде. Хороший солод должен быть легким и иметь сладковатый запах. Приготовление сусла (чужва) включало четыре этапа: помол солода, его затирание в воде, варка сусла и его фильтрация. Варка сусла имела две цели. С одной стороны, при этом оно сгущалось, что придавало большую крепость, с другой — кипячением удалялось значительное количество азотистых веществ, ухудшающих качество продукта. При фильтрации использовали солому, которая дополнительно снабжала сусло бродильными ферментами. Процесс получения готового пива проходил в два этапа: брожение сусла (в традиционном пивоварении использовалось верховое брожение) и доводка пива до готовности. Когда процесс главного брожения успокаивался, кадки с пивом плотно закрывали и ставили в прохладное место, чтобы сообщить пиву игру через накопление углекислого газа. Пиво без углекислого газа не «играет» и быстро портится. Молодое пиво доходило в бочонках, спускаемых в погреб [Там же, д. 148а, 152а]. Квас готовили из смеси ржаного солода и муки, очень часто использовали сусло, оставшееся от производства домашнего пива. Квас делали сладким или кислым, последний хорошо утолял жажду, его применяли для приготовления холодных похлебок.

Пища из зерновых культур, обеспечивая витальную потребность человека, выступала определенным символом культуры. В контексте обрядов жизненного цикла она выступала знаком консолидации деревенского социума в переходные моменты жизни человека, а в календарной обрядности — как символ, усиливающий продуцирующую силу природы (весенне-летний цикл), и как знак благодарственной трапезы за урожай (осенний цикл).

Развитие картофелеводства (начало культивирования картофеля относится к последней четверти XIX в.) способствовало появлению особой выпечки (картупеля сочон), для которой замешивали густое тесто из картофельного пюре с добавлением муки и топленого масла. Интересно отметить, что картофель для пюре варили в кожуре. Пюре необходимо было приготовить из горячего картофеля, так как остывший сложно качественно растереть. Поэтому в данном деле необходима была определенная сноровка. Выпекались картофельные сочни как просто на поду печи, так и на противне или сковороде. Картофелем заправляли супы, его запекали в глиняных латках в молочном-сметанном соусе, вареный картофель подавали к соленой рыбе, грибам и капусте. Из картофельного пюре, яиц, масла и молока готовили обрядовое блюдо, называемое «селянка». Картофель к середине XX в. вытеснил зерновую составляющую продуктового набора.

Огородничество имело подсобный характер, выращивали белокочанную капусту (капуста мач, кочан), репу (сёркни), редьку (кушман), реже морковь (морков) и лук. На зиму капусту, предварительно разрезав на 2–4 части и отварив, солили в бочках, добавляя для вкуса размятые ветки смородины. Очищенную и порезанную на кусочки репу, реже — редьку и морковь

распаривали в печи, получая сладкое блюдо (пареньча). Из сушеной пареньчи готовили сладкий напиток (пареньча ва) или квас (пареньча ырош). Натертую редьку с добавлением картофеля подавали в начале трапезы, заправляя сметаной, конопляным маслом или квасом. Лук выращивали мало, его добавляли в супы без предварительной обжарки. В отдельных хозяйствах отмечалась практика выращивания огурцов, которые употребляли в пищу только в свежем виде.

Из технических культур в пищу употребляли семена конопли, из которых готовили конопляный сок (контуса сѡк) и масло (контуса вый), ими заправляли пищу. Очень часто информанты отмечали, что мелкие конопляные семечки грызли на молодежных посиделках.

Животноводство предопределило наличие в рационе питания вишерских коми мясомолочных продуктов как белковой компоненты. Основу мясного рациона составляла баранина (ыж яй), телятина (кукань яй) была представлена в меньшей степени, а конину в пищу не употребляли. Для кухни вишерских коми была характерна практика варки густого насыщенного бульона (яя шыд), который ничем не заправляли. Позднее его стали заправлять мукой или ячменной крупой, объясняя такое изменение отсутствием мяса в достаточном количестве. Заправка супов картофелем и овощами — поздняя практика. На длительное хранение весной мясо, предварительно выдержав в соленом растворе, сушили либо на противнях в русской печи, либо, нанизав на тонкий шест, на чердаке дома. Хранили сушеное мясо (кос яй) в туесах или холщовых мешках, из него готовили супы, дети грызли его как лакомство. Практика приготовления блюд из субпродуктов отмечалась только в дни забоя скота, а тушеное мясо подавали редко.

В рационе была представлена и молочная продукция. Цельное молоко (йѡл) употребляли в пищу редко, чаще его подвергали переработке; скорее всего, это связано с тем, что взрослый человек плохо переваривает несброженное молоко [Боринская и др., 2009, с. 119]. В рацион входила простокваша (выль йѡл — букв. новое молоко), которую подавали в тарелках, ели ее ложками, кроша хлеб. Популярна была сметана (нѡк), иногда ее дополнительно томили в печи в глиняном горшке (нѡк кашник), она получалась густой, бежевого цвета и номинировалась как «пѡжѡм нѡк» (букв. топленая сметана). Сметаной забеливали супы, ее добавляли в творог, кашу, тесто. Готовили кисломолочное масло (вый), специфика которого связана с тем, что для этого берут сливки, снятые с кислого молока, а не со свежего. Топленое масло (сыы вый) более устойчиво к длительному хранению, поэтому именно оно представлено в вишерской кухне. Из молока готовили творог (рысь), получая его методом отваривания простокваши. В скоромные дни творог подавали вместе с сывороткой. Отмечается практика подачи горячего творога (пѡсь рысь). В постные дни сыворотку сливали, она шла на корм скоту. В скоромные дни из сыворотки (пѡз йѡлва) делали прохладительный напиток, хорошо утоляющий жажду. Для пасхальных праздников из творога готовили пасху (личком рысь — букв. отжатый творог) в специальной деревянной форме, ели ее, макая в масло или сметану [НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина, ф. 14 (Э), д. 144а]. Из молозива (чѡж йѡл) готовили творожную запеканку (чѡжрысь). Молоко использовалось не только как самостоятельный продукт, но и как среда для приготовления блюд: молочной каши (йѡла рок), молочного супа (йѡла шыд), молочного киселя (йѡла кисель) и рыбы в молоке (йѡла чери). Топленое или свежее молоко подавали к чаю. По мнению В.В. Похлебкина, такое сочетание создает особый жиробелковый комплекс, облегчающий усвояемость молока и смягчающий действие кофеина [2001, с. 341–342].

О длительности существования охоты свидетельствует развитая структура названий дичи, которая в зависимости от пола и возраста номинировалась по-разному: рябчик (сьѡла), тетерев, самец (тар), тетерка (кѡнтар), молодой глухарь, самка (дозмер), старый глухарь, самец (чукчи), и др. В зависимости от половозрастных характеристик дичь предназначалась либо для варки супа, либо для тушения. Раньше боровую дичь готовили и продолжают кое-где готовить целиком, сохраняя когтистые лапы и голову: очищенную от перьев и потрошеную тушку дичи опаливали на огне, скоблили ножом лапки. Лапы боровой дичи с удовольствием обгладывали, так как они имеют специфический вкус, а голова считалась деликатесом. Позднее когтистые лапы стали отрезать, их давали детям в качестве игрушки или бросали собакам на корм, а голову оставляли. Объясняют изменение в традиции варки дичи так: «карса йѡз оз радейтны» (городские люди не любят) [ПМА 2014]. Вишерские коми считали, что бульон из молодого глухаря и рябчика самый вкусный, а из старого глухаря — менее вкусный, так как его мясо не столь жирное [НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина, ф. 14 (Э), д. 144а]. Бульон ничем не заправляли, считая, что заправка только портит вкус бульона. В настоящее время сохраняется такая традиция, однако фиксируется и практика заправки бульона картофелем, крупой или мукой. Мотивировка внесе-

Локальная традиция питания вишерских коми

ния изменений в современную технологию приготовления бульона из дичи связывается с недостаточным количеством добычи. Малые размеры рябчика предопределили включение его в состав двухкомпонентного блюда, хотя для кухни коми (зырян) в целом характерны монокомпонентные блюда. Так, мясо самки или молодого глухаря варили вместе с двумя рябчиками, что придавало нежный вкус и особый аромат бульону, который только слегка солили и ничем больше не заправляли. Мясо лося (йӧра яй) и оленя (кӧр яй) на косточке использовали для приготовления мясных бульонов, а филе тушили в печи, что характерно главным образом для обрядового стола. Отмечаемая в промысловых районах практика раздачи дичи пожилым людям деревенского социума фиксируется и в Вишерском микрорайоне, при этом информанты подчеркивали, что отдавали неразделанную дичь с тем, чтобы не нанести порчу дарителю [ПМА 2014]. В контексте обрядов жизненного цикла (свадьба, родины) дичь выступала символом единения коллектива родственников и свойственников.

Из рыбы — щука (сир), карась (гыч), лещ (ёді), окунь (ёкыш), плотва (кельчи) и др. — варили уху (черива, юква), особый привкус которой придавали головы, плавники, хвосты, кости и кожа, поэтому их не убирали, там же варили и рыбную икру (пӧк). Рыбу тушили/пряжили в глиняных латках в молочно-сметанном соусе (йӧла чери), что придавало ей нежный вкус. Рыбу сушили и солили. Сушеную рыбу (кос чери) заваривали кипятком из самовара, настаивали несколько минут, воду сливали и подавали как второе блюдо с отварным картофелем. Для этого этнографического микрорайона была характерна практика приобретения через торговую сеть солено-вяленой трески, которую готовили точно так же, как и сушеную рыбу, заваривая кипятком. Значительно реже из трески готовили уху, обязательно заправляя ее сметаной, с тем чтобы нейтрализовать соль. Засол речной рыбы осуществляли в небольших деревянных кадках. К соленой рыбе подавали картофель. Ассортимент рыбных блюд, как, впрочем, и мясных, не отличался разнообразием, а подавали их на стол редко, что связано с практикой соблюдения христианских постов, продолжительность которых составляла до 200 дней в год. Рыбник, сочетающий в себе результат и промысла, и земледелия, подавался как угощение дорогим гостям, о чем писали еще в середине XIX в. [Попов, 2010, с. 171], он выступал обязательным атрибутом обрядового стола.

В рацион включали ягоды, они вносили разнообразие в пищевой репертуар, обогащая блюда витаминами. Бруснику (пул) заготавливали в большом количестве, а клюква (турипул) представлена в меньшем объеме. Свежие ягоды — бруснику (пул), чернику (чӧд), голубику (чӧдлач), морошку (мырпом), малину (ӧмидз) и др. — ели с молоком или сметаной. Из ягод готовили прохладительные напитки (мырпом ва, пуля ва). Бруснику, заливая кипяченой водой, хранили на леднике, в течение года ее подавали с толокном (пуля ляти) [НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина, ф. 14 (Э), д. 149а]. Культивирование картофеля позволяло производить крахмал, поэтому из ягод стали готовить кисели (гӧрд кисель — букв. красный кисель).

В рацион питания включали не все грибы, произрастающие в лесу. Предпочтение отдавали белым грибам (еджыд гоб) и подосиновикам (гӧрд гоб), которые сушили, а грузди (ельдэг), волнушки (ягсер) солили. Грибной суп (тшака шыд) готовили из свежих, сушеных или соленых грибов, заправляли крупой или картофелем. При варке супа из соленых грибов наблюдалась особенность: в него добавляли молоко или конопляный сок (кӧнтуса сӧк) для нейтрализации соли. Из сухих грибов готовили начинку для закрытых пирожков. Соленые грибы с добавлением вареного картофеля, заправляя сметаной или конопляным маслом, подавали в начале трапезы.

В рационе питания были представлены дикорастущие травы. Борщевик сибирский (азь гум) заквашивали как капусту, бутень Прескотта (гонитш) ели ранней весной в свежем виде. Брусничный (пул кор) и смородиновый (сэтэр кор) лист, зверобой (бортшай) и иван-чай (воййыв) заваривали и пили как чай или добавляли к черному чаю, что придавало особый аромат. Особой популярностью пользовался чай из кипрея, который, по мнению вишерских коми, способствовал сохранению здоровья. Промысловики заваривали березовый трутовик, чагу (бакатшак), настой которого обладал тонизирующими, обезболивающими и бактерицидными свойствами. Чай пили горячим, подача холодного рассматривалась как неуважение к человеку.

По составу пищевого сырья и традиционных блюд кухня вишерских коми аналогична кухне вымских коми [Чудова, 2015], несмотря на то что они относятся к разным этнографическим группам коми (зырян). Близость их кухонь не выглядит случайностью, так как обе этнографические группы жили и продолжают жить в схожих природно-климатических условиях, вели одинаковое хозяйство и между ними были тесные связи на протяжении длительного времени [Лашук

и др., 1958, с. 86–87]. Единственное различие наблюдается в рыбном ассортименте: вишерские коми включали в рацион питания привозную треску, что не было характерно для вымичей. Объясняется это явление тем, что рыбная ловля занимала небольшой сектор в структуре хозяйственной деятельности в вишерском этнографическом микрорайоне.

В целом коми, в том числе вишерским, свойствен домашний (семейный) тип питания, хотя встречаются и полевые трапезы. Семейный совместный прием пищи рассматривался как важный объединяющий фактор, поэтому трапезничали все вместе, прием пищи членами одной семьи в разное время рассматривался как акт разрыва семейных уз, что расценивалось негативно. Для вишерских коми было характерно трехразовое питание. Первый прием пищи (обед) происходил рано утром, в 5–6 часов утра, обед (пажин) был в 12–13 часов дня, ужин (ужин) приурочивался к 16–17 часам. Трапеза состояла из нескольких блюд, подача горячей пищи была обязательна при каждом приеме, так как приготовленная с утра еда сохранялась в русской печи целый день. Сервировку стола осуществляла хозяйка дома, но распорядителем за столом выступал хозяин. За столом каждый член семьи имел свое постоянное место: хозяин дома садился в красном углу, хозяйка на табурете, дети на лавках. Существовали общие правила застольного этикета: ежедневный прием пищи происходил чинно, размеренно, за столом не разрешалось громко разговаривать, болтать ногами, класть локти на стол. Последнее правило имело исключение: подросток, принимавший участие в пахоте, мог класть локоть левой руки на стол [НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина, ф. 14 (Э), д. 149а]. Так он демонстрировал переход из одной социальной группы в другую. Это исключение из общего правила застольного этикета зафиксировано только у вишерских коми. Православная вера нашла отражение в этикетных практиках застолья: соблюдались христианские посты, когда в рацион питания не включались мясомолочные и рыбные блюда, а среда и пятница еженедельно рассматривались как постные дни [Там же, д. 120а]. Однако постные дни в данный период соблюдали не все, дети и молодое поколение уже не придерживались христианских традиций разделения пищи на постную и скоромную.

Полевые трапезы имели свои особенности. И здесь необходимо различать два подтипа, связанных с организацией питания во время сельскохозяйственных работ и промысла. Приготовление и подача горячей пищи на дальних угодьях, где жили постоянно, были обязательны. В репертуар таких трапез входили мясные, рыбные супы и каши, на третье подавали травяной чай. На ближних угодьях обед мог проходить без горячей пищи, так как она подавалась дома. Питание на охотничьем промысле отличалось следующим: оно было двухразовым, утром и вечером, горячая еда была обязательной при каждом приеме пищи.

Таким образом, культура питания вишерских коми свидетельствует о сложении оптимальной системы сбалансированного питания. Пищевое сырье состояло из продукции земледелия, животноводства, охоты, рыболовства и собирательства. Основу углеводной компоненты питания составляли разнообразные блюда и выпечные изделия из зерновых культур, картофеля, а белковая составляющая рациона питания представлена мясомолочными блюдами, рыбой и дичью, которые, впрочем, не отличались богатством ассортимента. Овощная продукция и дикоросы вносили разнообразие в меню, обогащая пищу витаминами и биологически активными веществами. Наличие доброкачественных продуктов, не требующих дальнейшей транспортировки, горячее питание и соблюдение режима питания выступали важнейшими показателями здорового образа жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
 Арутюнов С.А. Карта культуры питания народов мира // ЭО. 2011. № 1. С. 7–16.
 Боринская С.А., Козлов А.И., Янковский Н.К. Гены и традиции питания // ЭО. 2009. № 3. С. 117–137.
 Козлов А.И. Пища людей. Фрязино: Век 2, 2005. 272 с.
 Колчина Е.В., Куликова Е.А. Традиционная пищевая модель и современные предпочтения // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Материалы Девярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. С. 93–97.
 Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Старая Вишера // Историко-филол. сб. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 83–127.
 НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 14 (Э). Д. 120а, 133а, 144а, 148а, 149а, 152а.
 ПМА 2014. Микушева Г.И., 1935 г.р., Корткеросский район, Республика Коми. Запись 2014 г.
 Попов А.Е. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX в. Сыктывкар: Кола, 2010. С. 158–174.

Локальная традиция питания вишерских коми

Похлебкин В.В. Чай. М.: Центрполиграф, 2001. 378 с.
Чудова Т.И. Локальная традиция питания вымских коми // Том. журн. лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 4 (10). С. 62–68.

T.I. Chudova

Syktyvkar State University
Oktyabrsky prospect, 55, Syktyvkar, 167001, Russian Federation
E-mail: chudovx@mail.ru

LOCAL FOOD TRADITION OF VISHERA KOMI

The article is dedicated to an ethnographic description of national food of the Vishera Komi differentiating in originality of the language and ethnographic relation within a big ethnographic group of Komi (Zyrians) living in the Verkhniaia Vychegda river basin. The local tradition of culture of alimentation reflecting features of subethnic character is closely connected with an ecological niche and economic and household traditions which have predetermined contents and structure of food raw material, ways of its preservation, and technology of preparation of the dishes. The developed strategy of alimentation is one of the results and, at the same time, a mechanism of adaptation to the environmental conditions, while religious identity of the ethnos forms a system of food preferences and taboos. Grain, meat and dairy products with a share of commercial production are typical for the Vishera Komi. Carbohydrate components of the food ration are represented by grain crops which were used for preparation of various bakery products, grain soups and porridges. Grain soups and porridges formed a food basis which was reflected in the collective name of food «soup porridge». The range of meat, dairy and fish dishes as protein food components was not very rich, and their inclusion into the menu wasn't so frequent which was connected with a practice of Christian fasts observance. However the collective name of food meaning «full life» was defined by the phrase «to live by milk and meat». The range of vegetable menu was not rich but it brought some variety into the food ration. In general, it was the main layer of products connected with the major economic activities. Wild plants rich in vitamins brought some variety to the food repertoire and represented a substrate layer connected with rudiments of the previous economic order. The third, superstrate layer was represented by grocery raw materials acquired through a commercial network. Technological ways of cooking are predetermined by the use of Russian furnace which is not created for frying. Absence of fried food and minimum use of spices makes the food useful for health. Daily practice of consumption of hot food and compliance of a nutrition regime acted as indicators of a healthy lifestyle.

Key words: Vishera Komi, food raw material, traditional dishes, table etiquette.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-147-153

REFERENCES

- Arutyunov S.A., 1989. *Narody i kul'tury. Razvitiye i vzaimodejstvie* [Peoples and Cultures. Development and Cooperation], Moscow: Nauka, 247 p.
- Arutyunov S.A., 2011. Karta kul'tury pitaniya narodov mira [Map of the culture of nutrition of the peoples of the world]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 7–16.
- Borinskaya S.A., Kozlov A.I., 2009. Yankovskij N.K. Geny i tradicii pitaniya [Genes and traditions of alimentation]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 117–137.
- Chudova T.I., 2015. Lokal'naya tradiciya pitaniya vymskih komi [Local tradition of alimentation of Vymskie Komi]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*, no. 4 (10), pp. 62–68.
- Kozlov A.I., 2005. *Pishcha lyudej* [Food of the people], Fryazino: Vek 2, 272 p.
- Kolchina E.V., Kulikova E.A., 2010. Tradicionnaya pishchevaya model' i sovremennye predpochteniya [Traditional food model and modern preferences]. *Tradicionnoe hozyajstvo v sisteme kul'tury ehntnosa: Materialy Devyatyh Sankt-Peterburgskih ehntnograficheskikh chtenij.*, St. Petersburg: IPC SPGUTD, pp. 93–97.
- Lashuk L.P., Zherebcov L.N., 1958. Staraya Vishera [Old Vishera]. *Istoriko-filologicheskij sbornik*, vol. 4, Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, pp. 83–127.
- Popov A.E., 2010. Putevye zametki ot Ust'-Sysol'ska k Visherskomu seleniyu [Travel notes from Ust'-Sysol'sk to a Vishera settlement]. *Zyryane i zyryanskij kraj v literaturnyh dokumentah XIX v.*, Syktyvkar: Kola, pp. 158–174.
- Pohlebkina V.V., 2001. *Chaj* [Tea], Moscow: Centropoligraf, 378 p.

ПУТЕВЫЕ ЖУРНАЛЫ МИССИОНЕРОВ ОБДОРСКОЙ МИССИИ (60–70-е гг. XIX в.): АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Представление об особенностях миссионерского служения в Северо-Западной Сибири можно получить из такого исторического источника, как путевые журналы миссионеров Обдорской миссии. В них раскрыты проблемы взаимодействия с иными культурами, отражен уникальный индивидуальный опыт общения авторов с местным населением и рефлексия по этому поводу. Статья посвящена анализу издания «Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.)» как исторического источника с целью оценки ее информационного потенциала в историческом исследовании и характеристики как историко-культурного феномена. Источниковедческий анализ позволил выявить историю появления данной работы, ее структуру, принципы выборки документов, составления научных комментариев к текстам путевых описаний, принципы археографического описания источников. Значение публикации источника заключается не только в том, что путевые журналы миссионеров Обдорской миссии стали доступны для прочтения, но также и в том, что в научные комментарии включены сведения о миссионерах, толкования понятий и терминов, встречающихся в текстах. Географический указатель помогает осуществлять быстрый поиск информации и может также представлять интерес как самостоятельный источник для изучения топонимики Северо-Западной Сибири XIX в. Именной указатель не только возвращает имена, но и позволяет рассматривать их в контексте культурного взаимодействия православного духовенства с коренным населением Северо-Западной Сибири. Путевые журналы миссионеров содержат уникальную информацию о верованиях, традициях, быте населения Северо-Западной Сибири, об особенностях апостольского служения сибирских священников Обдорской миссии 60–70-х гг. XIX в. В публикации данных источников заключен богатый информационный потенциал, который может быть востребован в сравнительно-исторических исследованиях письменного наследия миссионеров духовных миссий Западной Сибири и других территорий Российской империи, ориентированных на выявление его общих и специфических черт.

Ключевые слова: *путевые журналы миссионеров, православные миссионеры, коренное население, Обдорская миссия, источниковедческий анализ, проблема культурного диалога.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-154-163

Введение

В освоении нового географического и культурного пространства Северо-Западной Сибири миссионеры Обдорской миссии сыграли заметную роль, находясь у истоков диалога между разными культурными этническими сообществами региона. В апостольском служении основное место занимает личность самого миссионера, от него зависит преодоление проблем культурного взаимодействия. Так ли это было на самом деле, представляется возможным изучить, обратившись к письменному наследию миссионеров (записки, дневники, путевые журналы). Миссионеры по долгу службы обязаны были фиксировать события, происходящие с ними в поездках. Официальная информация из записей о количестве крещенных, заключенных браках, отпевании попадала в епархиальные отчеты о деятельности Обдорской миссии. Размышления миссионера, его внутренние переживания, которые возможно почувствовать, читая записи, оставались для так называемого внутреннего пользования, осмысления руководством Тобольской епархии проблем культурного диалога и не подлежали отправке в Синод. Священники знали, что их сочинения будут читать, поэтому из-под пера выходили выверенные тексты. Путевые записи поступали епархиальному архиерею в оформленном чистовом варианте, они написаны аккуратным почерком, содержат изредка исправления. Находясь в трудных полевых условиях ямальской тундры, миссионеры делали только заметки о событиях, впечатлениях, переживаниях, а основная работа над текстом завершалась после возвращения в Обдорск. Это подтверждает в своей работе С.В. Мельникова в отношении записок алтайских миссионеров: они «несут следы литературной обработки, авторского переосмысления, о чем свидетельствует часто

Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.)...

очень высокое качество текстов, а также разного рода обобщения, связывающие отдельные записи и придающие им целостный характер» [2008, с. 35].

Стоит обратить внимание исследователей на формуляр журнала записей. Как правило, журнал представлял собой таблицу, состоящую из четырех граф (порядковый номер записи, число, содержание, заметки). Также текст мог располагаться на листе с левой стороны, а правая часть оставалась для резолюций и помет, либо это был просто текст, занимающий весь объем листа (рис. 1)¹.

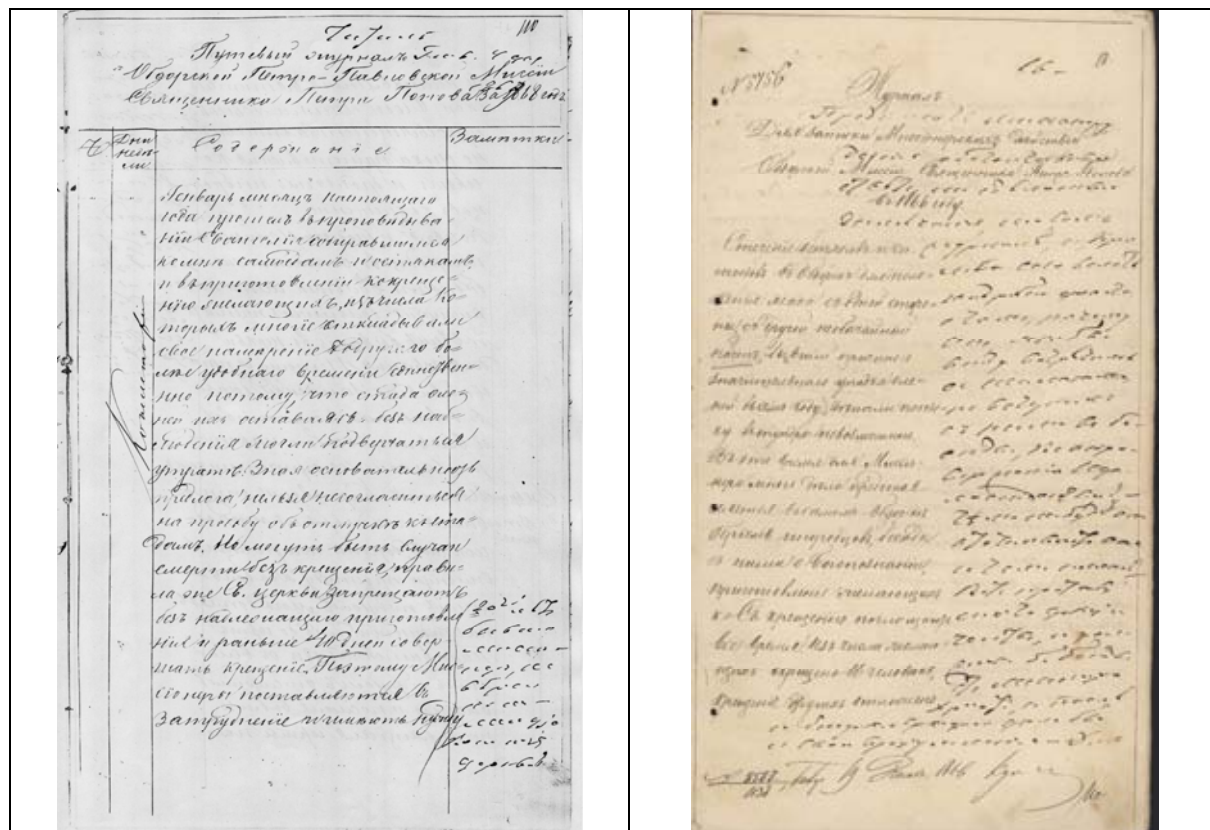

Рис. 1. Образец оформления журнала для записей миссионерских действий [ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 26, д. 400, л. 18; д. 542, л. 110].

Для исследователей особый интерес могут представлять черновые варианты текстов, которые содержат яркую рефлексию увиденного, пережитого миссионером. Например, сохранился черновик помещенного в сборнике путевого журнала Петра Попова за 1882 г. При сравнении вариантов сюжета, касающегося разрушения миссионерского дома и неустроенности быта его обитателей, обнаруживается, что в черновике Петр Попов описывает этот факт очень подробно, эмоционально, воспринимая его как личную трагедию, а в официальном тексте ограничивается парой предложений с констатацией факта запустения [Из истории Обдорской миссии..., с. 19]. При хорошей сохранности беловиков путевых журналов миссионеров черновые варианты текстов выявлены частично. Необходимо продолжение данной работы для объективной оценки того или иного события, так как именно черновики текстов могут внести ясность и восстановить недостающие детали.

Авторская работа над текстом, придание ему официального характера не умаляют интереса к ним, что подтверждается в ряде научных исследований, посвященных разным аспектам деятельности Обдорской миссии [Мавлютова, 2001; Софронов, 2007]. Историки весьма охотно

¹ Выходные данные приводятся по текущему архиву лаборатории истории культуры Сибири ТюмГУ, в котором зафиксированы шифры дел до проведения модернизации НСА Тобольского архива (в настоящее время Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске).

привлекают сохранившиеся путевые журналы и записки для аргументации и доказательства своих исследовательских гипотез. Но самостоятельным предметом источниковедческого анализа данный информационный массив становится не так часто, и это характерно не только для Обдорской, но и для других миссий. В основном дневники, записки, путевые журналы как источник привлекаются в исторических исследованиях с целью дополнения новыми фактами деятельности миссий, определения роли миссионеров в развитии лингвистики, значения их литературного наследия для понимания культуры, быта, обычаев малых народов Севера, информационный потенциал источника востребован в этнографических изысканиях [Крейдун, 2006; Насонов, 2013; Мельникова, 2015; Лысенко, 2015; Повод, 2006; Харитоновна, 2015]. Внимания заслуживают работы С.В. Мельниковой и Н.В. Карташовой, в которых рассматриваются путевые записки миссионеров как весомая часть литературного, культурного наследия [Мельникова, 2008; Карташева, 2015]. Научное представление о практике и особенностях миссионерского служения, культурных традициях коренного населения Западной Сибири расширяют и публикации духовного наследия миссионеров [Из духовного наследия..., 1998; Путевые журналы..., 2002; И здесь появляется заря христианства..., 2003; Шемановский, 2005]. Дальнейшая работа по их анализу и систематизации должна помочь историкам в понимании природы получаемого нового знания и его объективной оценки.

Целью данного исследования является источниковедческий анализ публикации «Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.)», включающий следующие процедуры: изучение исторических условий, установление людей и институций, участвовавших в подготовке и осуществлении издания, выявление соответствия применяемых составителями археографических принципов издания исторических источников нормативным документам, а также анализ содержания публикации.

Участники и конкретные обстоятельства создания публикации

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. с возобновлением миссионерского служения РПЦ возрастает интерес к истории христианизации коренных народов Сибири, и в этой связи появление в 2002 г. публикации «Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии в 60–70-е гг. XX в.» стало закономерным явлением. Подготовкой издания занимались сотрудники лаборатории истории культуры Сибири Тюменского государственного университета [Путевые журналы..., 2002].

Были изучены материалы многих фондов Государственного архива в г. Тобольске (тогда в ТФ ГАТО), связанных с историей Русской православной церкви и ее деятельностью по христианизации коренного населения Северо-Западной Сибири. В результате было определено, что путевые журналы миссионеров Обдорской миссии представляют значительный документальный массив, который имеет перспективу быть изданным самостоятельным комплексом, доступным для всестороннего изучения.

Исследование было выполнено при поддержке департамента информации и социально-политических исследований администрации ЯНАО. При содействии руководства двух архивов Тюменской области — О.П. Тарасовой (ГАТО) и Т.Ю. Коклягиной (ТФ ГАТО), материалы, выявленные в архиве, были оцифрованы и переданы для изучения. Прочтением, набором текстов документов занимались сотрудники лаборатории истории культуры Сибири: И.В. Георгиева, Е.А. Зайцева, В.Н. Погорелов, И.А. Половодова. Составителем сборника являлся канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории В.Я. Темплинг, также им были написаны комментарии к путевым журналам. Вступительная статья в сборнике была подготовлена канд. ист. наук, доцентом С.В. Туровым. Главным редактором выступил д-р ист. наук, директор факультета истории и политических наук ТюмГУ С.В. Кондратьев. Предпечатная подготовка осуществлена издательством Ю. Мандрики, отпечатан сборник на ГИПП «Зауралье» г. Кургана.

Цель издания сборника составители определяли актуальностью изучения миссионерского опыта, так как и «и по прошествии 150 лет дело христианского просвещения аборигенов Севера далеко от завершения, с той лишь разницей, что у православных священников появились конкуренты в лице проповедников адвентистов, баптистов, свидетелей Иеговы и т.д. Последние уже активно осваивают ямальскую тундру, а среди самих аборигенов заметен возврат к язычеству под лозунгом возрождения национальных традиций» [Там же, с. 5].

Сборник включает в себя: вводную статью («Вместо предисловия»); основную часть, содержащую 17 текстов, из которых 16 — путевые журналы миссионеров и 1 рапорт. При определении видовой принадлежности публикуемых документов составители сборника исходили из

названия, которое давали миссионеры своим сочинениям. В современных исследованиях нет единого определения жанра этих описаний (дневники, записки, журналы), но их объединяет то, что «ядром текстов были путевые заметки, что вполне объяснимо объективными причинами — “кочевой” жизнью их авторов» [Мельникова, 2008, с. 35]. Далее следуют комментарии, где составители обосновывают подборку документов, правила публикации, дают пояснения терминов, встречающихся в текстах путевых журналов, приводят биографические сведения о миссионерах миссии. Следующими структурными элементами является географический указатель, содержащий перечень географических названий, в том числе названия населенных пунктов, посещавшихся миссионерами, и именной указатель, в котором приведено 336 имен людей, упоминавшихся в путевых описаниях. Таким образом, научно-справочный аппарат издания состоит из всех необходимых частей: предисловия, комментариев к текстам, указателей, оглавления с перечнем впервые публикуемых документов.

Археографические принципы публикации

В сборник вошли документы одной разновидности — журналы, за исключением «Рапорта священника Петра Попова архиепископу Варлааму о жертвоприношениях инородцев». Включение его составители определяли тем, что «рапорт, собственно говоря, является продолжением или, лучше сказать, дополнением путевого журнала предыдущего года и был инициирован резолюцией архипастыря, в которой он потребовал более подробных сведений, в том числе и о жертвоприношениях. Таким образом, помещение этого документа в данном комплексе оправдано» [Путевые журналы миссионеров..., с. 205].

По форме издания — это сборник, изданный типографским способом, содержащий факсимильное воспроизведение подписей новокрещенных самоедов под обязательствами о соблюдении христианской веры и фрагмент журнала П. Попова с пометами о возбуждении следствия против князя Тайшина, обвиненного в покровительстве язычества, а также фотография из фондов окружного музея г. Салехарда с князем И.М. Тайшиным.

Тексты путевых журналов воспроизводятся по современным правилам правописания и пунктуации с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника. Не унифицируется правописание географических названий. Все вставки, добавления, исправления, сделанные миссионерами, внесены в строки и не оговариваются. Числа, названия дней и месяцев, в некоторых журналах находящиеся в левой колонке, также внесены в строку и выделены полужирным шрифтом. Текст, выделенный авторами документа (миссионерами), передается полужирным курсивом. Реконструированные составителями части текста приведены в квадратных скобках, непечатанные в оригинале слова отмечены отточием также в квадратных скобках. Подпись миссионера составители не выделили в тексте, а подписи его помощников передали курсивом.

Путевые журналы миссионеров содержат пометы и резолюции, которые по правилам публикации исторических источников должны быть воспроизведены после текста документа с новой строки в хронологическом порядке вслед за подписями. При этом обязательно требуется указать авторов помет, а также способ написания, а текст резолюции необходимо набирать другим шрифтом. Составители сборника опустили эту часть археографического описания документов. Несоблюдение данного правила, на наш взгляд, привело к информационным потерям и не позволяет проследить историю рассмотрения записей миссионеров. А они могли бы прояснить исследователям прежде всего отношение епархиального руководства к предоставляемой миссионерами информации.

Стоит отметить и то, что путевой журнал Петра Попова, содержащий обзор церкви Сургутского и Березовских округов, включен был в эту публикацию по тематическому признаку, так как содержит описание состояния Обдорской миссии в 80-х гг. XIX в. Данный текст опубликован не полностью. Если документ приводится в извлечении, то обязательно должен иметь заголовок с предлогом «из». Опущенные части текста документа нужно отмечать отточием в квадратных скобках и в текстуальных примечаниях должны излагаться содержание опущенных частей и причины изъятия. В конце редакционного заголовка данного путевого журнала мы находим указание на извлечение в круглых скобках, текстуальные же примечания отсутствуют.

Все тексты миссионеров в сборнике располагаются в хронологическом порядке, имеют редакционный заголовок с указанием даты (составители определяют ее исходя из даты внесения в журнал последней записи миссионером и по сопроводительным рапортам), наименования

вида документа, содержания. Каждый документ в публикации сопровождается легендой, содержащей поисковые данные (название архива и система шифров), указание на подлинность (все источники публикуется в подлиннике), способ воспроизведения (рукопись, без указания характера письма). Легенда находится в конце публикуемого документа.

Ознакомившись со сборником путевых журналов, можно сделать вывод, что по целевому назначению он относится к научно-популярным изданиям. В этом случае издание адаптируется в принципах передачи текста и построении научно-справочного аппарата для широкого круга читателей, что и было одной из задач составителей. Для научного издания приоритетным является проведение источниковедческого, палеографического, текстологического, эвристического и т.д. исследования публикуемого текста. В анализируемой публикации это отсутствует.

Установленный тип издания (научно-популярный) определил и вариант археографического описания (упрощенный), который применяли составители. По правилам публикации исторических источников это вполне допустимо, кроме того, этим же оправдано и включение в издание дополнительных документов по теме, имеющих познавательный интерес и содержащих выразительную информацию, эмоционально воздействующую на читательскую аудиторию.

Анализ содержания публикации

В сборнике приведены труды пяти миссионеров Обдорской миссии (П.А. Попова, Е.Н. Пономарева, И.М. Платонова, А.Я. Тверитина, Н.Г. Герасимова²), объединенные рядом сюжетных линий, которые можно проследить в текстах: цель поездки; описания природных и бытовых условий; коммуникативные барьеры, возникающие между миссионером и населением; границы веры и неверия; сохранение традиционного миропорядка и тщетность усилий, предпринимаемых миссионерами по окормлению паствы. Эти сюжеты не только характерны для путевых заметок священников Обдорской миссии, но зафиксированы и в сочинениях миссионеров Алтайской миссии [Мельникова, 2015].

Основной целью миссионерских поездок являлась христианская проповедь и просвещение местного населения. Тексты изучаемых путевых журналов позволяют лишь обрисовать в общих чертах темы бесед миссионера с паствой, дословно же они не фиксировались. Священники разъясняли библейские сюжеты, вели разговоры о вере и необходимости обучения детей грамоте.

Не меньший интерес представляют записи миссионеров о самой поездке в ямальскую тундру. Весьма образно они описывают природные и бытовые условия, с которыми приходилось зачастую просто мириться и воспринимать это как промысел Божий. Можно представить, что испытывал Николай Герасимов, написав следующие строки: «Мы, находились без малого сутки под открытым небом при 35-градусном морозе, можно сказать, прозябли до костей, и потому неуди[ви]тельно, что довольно бедный чум самоедский с его бедным очагом показался нам в тот тяжелый для нас час нарочито уготованным — спасающим и милующим человека Богом» [Путевые журналы..., с. 170].

Повседневные трудности, с которыми сталкивалась паства, также попадали в поле зрения священников, особенно такое явление, как злоупотребление спиртными напитками. Вот что пишет Е. Пономарев о своем посещении местечка Люймазы: «К великому прискорбию моему я узнал, что некоторые из русских, проживающих в Люймазе, считали меня продавцом этого вина остякам. Так вечером 19-го числа, двое рабочих приходили ко мне и убедительно просили меня отпустить им вина. Заметив им, что мы никогда и капли вина не возили с собою, я спросил их: «неужели вы думали, что вино это продано было мною или пономарем, при мне находящимся? Да откуда же батюшка, остяки-то взяли вино? Неужели от того казака, который давече на час сюда приезжал? Да, действительно от него, сказал я, неужели вы не видали, как мимо вас остя-

² Герасимов Николай Герасимович — священник из самоедского рода Югом-пелик. В 1868 г. направлен в Обдорскую миссию для работы в Тазовском стане. В 1874 г. по его просьбе был освобожден от должности миссионера и по дороге в Тобольск умер.

Попов Петр Александрович — назначен в 1846 г. священником Обдорской миссии, с 1854 г. назначен старшим миссионером, в 1868 г. переведен в Тобольский Ивано-Введенский монастырь.

Понамарев Евфимий Никитич — работал в Обдорской миссии с 5 июля 1855 г. В 1866 г. приходский священник с. Уватского Тобольского уезда.

Платонов Иван Митрофанович — миссионер Обдорской миссии с января по май 1867 г. и с 1870 по 1871 гг., с февраля 1871 г. приходский священник с. Демьянское Тобольского уезда.

Тверитин Александр Яковлевич — с 1867 г. в должности священника Петропавловской церкви в Обдорске. В августе 1870 г. был переведен на должность приходского священника в с. Преображенские Тобольского уезда.

ки пронесли вино с лодки казака? Нет, отвечали они, с каким-то недоумением. А видели ли вы, говорю им, как один из инородцев, опасаясь меня, а может быть и вас, пронес на плече что-то в налимьем мешке. Это-то мы видели, неужели бочонок-то в мешке-то был? Да, он-то и был в мешке-то». Удивились мои собеседники находчивости остяка в этом деле» [Там же, с. 39]. Непонимание цели миссионерского служения, как видно, встречалось не только у коренного населения, но и у русских. А это, по мнению Евфимия Понамарева, могло нанести удар по репутации миссионера: «...мы невинно попали бы под категорию виноторговцев Березовских, и к званию миссионера невольно присоединился бы титул целовальника. Страшно представить и подумать об этом» [Там же, с. 39–40]. Во второй половине XIX — начале XX в. целовальниками называли продавцов в казенных винных лавках [Там же, с. 207].

Заслужить доверие со стороны населения требовало от миссионеров немалых усилий. Приходилось оказывать им знаки внимания через гостеприимство и угощение. Например, священник Иоанн Платонов пишет: «Принимая их ласково, вместе с тем должен был и угощать. А потому, несмотря на свой недостаток в жизненных потребностях, по скудным средствам, должен был уделять и им часть. В противном случае с первого же раза негостеприимством должен бы был оттолкнуть их от себя» [Там же, с. 72]. Оказание помощи при болезнях населению ямальской тундры рассматривалось миссионерами как один из верных способов достичь доверительного отношения к себе как пастырю. Эту мысль мы находим у священника Петра Попова: «имея при себе единственное врачебное пособие, деревянное масло, я весьма рад был слушаю, через который мог внушить доверие к себе» [Там же, с. 23].

Одним же из неопределимых препятствий культурного диалога для большинства священников Обдорской миссии было незнание ими языка [Там же, с. 74]. А для миссионерской практики это имеет первоочередное значение, ввиду того что без «выработки общего языка общения, т.е. общего кода диалога культур» [Аблажей, 2010, с. 67], невозможно достичь целей культурного взаимодействия. Как правило, общение с коренным населением Северо-Западной Сибири претерпевало сложную эволюцию от диалога до коммуникативных провалов и наоборот.

Особое место в записях миссионеры отводят описанию случаев обращения к православию, рассуждениям о вере и неверии. Например, священник Петр Попов в 1861 г. приводит рассказ девяностолетнего старика Сёбти Хоролина, крещенного им в этом году: «Возвращаясь после напрасных поисков домой без товарищей, отделившихся раньше в другую сторону, он увидел себя отделенным от твердой земли. Три полнолуния, говорил он, видел в течение своего пребывания на льдах. Пищу его составляло мясо четырех оленей, на которых ездил, и лед морской, который лизал он для утоления жажды. Когда же запас мяса весь истощился, тогда пищею его был молодой снег, каждодневно почти выпадающий. Наконец, обессилевши, начал призывать Бога и тогда чувствовал, что снег делался для вкуса также приятным и питательным, как масло, вкуснее которого самоеды ничего не находят...» [Путевые журналы..., с. 22]. Очень интересную беседу о вере, жизни и смерти записал в своем журнале А. Тверитин: «Утром, лишь только что я встал. Заявился ко мне старый мой знакомый Лямби — с просьбой посетить его чум; очень рад я был радушному гостеприимству язычника и притом шамана; а особенно откровенности его при беседе со мною. Вот его слова: “Я осознаю, что наша вера не права, но подумай сам,— ведь я такой же поп, как и ты, думаю, что ты не согласишься изменить своей вере, зачем же меня отвлекаешь от моей веры? Что скажут тогда обо мне те, которые обращаются ко мне за советами и которым я помогаю в нуждах? ... Книг ваших мы не знаем. Мы веруем, что после смерти будем в том же состоянии, в каком находимся и здесь, т.е. будем заниматься такими же делами, какими кто и здесь занимался, а что ты говоришь о другой жизни — загробной, об этом никто не знает, никто там не был”» [Там же, с. 154].

В путевых описаниях миссионеров можно встретить их размышления о напрасных усилиях, которые они прилагали в духовном просвещении паствы. Например, П. Попов в 1867 г. в кочевьях князя Тайшина после проведения богослужения увидел «полуизгнивших идолов, собранных в одну кучу, в числе которых были деревянные и каменные самой грубой обделки», в разговоре с князем Тайшиным он предложил их уничтожить, но «князь отозвался, что они принадлежность некрещеных остяков, которым и самое место принадлежит, поэтому он не смеет их уничтожать» [Там же, с. 78]. Интересна ремарка миссионера, оставленная по этому поводу, о том, что князь Тайшин не предпринимает усилий, чтобы уничтожить идолов, «вероятнее, потому что сам суевер» [Там же, с. 79]. Описывая эти факты, П. Попов четко осознавал, что большинство крещеных людей оставались такими только на бумаге и миссионерские усилия по

окормлению паствы были тщетны. Эти мысли посещали не только миссионеров Обдорской миссии, они встречаются и в сочинениях миссионеров Алтайской миссии: «Новообращенные, большинство из которых вели кочевую жизнь, после крещения были предоставлены сами себе, так как иногда годами священники не могли добраться до какого-либо отдаленного улуса или кочевья, а значит, там не совершались ни богослужения, ни церковные Таинства. Только постоянные проповеди и богослужения могли дать желаемый результат, но они были невозможны по причине малочисленности миссионеров, а также сложного материального положения миссий» [Мельникова, 2015, с. 182].

Внимание этнографов в путевых описаниях могут привлекать сюжеты о традиционной вере и обрядах, с ней связанных. В путевом журнале священника Петра Попова за 1863 г. встречаем краткие описания изображений почитаемых духов, которые были составлены во время съезда инородцев в Обдорске. Вот что он пишет: «Из беседований моих с ними о ничтожестве идолов (в доказательство важности их) я в первый только раз мог узнать генеалогию и порядок чествования им, что чрезвычайно меня обрадовало сколько потому, что указало мне предметы заблуждения закоренелого до фанатизма, а гораздо более потому, что выказывало их доверчивость ко мне, ибо тайны этой они никому не открывают, кроме своих родичей» [Там же, с. 45]. Приведены описания семи духов: Яу-мала (Мастерко), Нумгамбоя, Хэсе, Погроне, Минисея, Харувоя, Посьты-ниче. Особое место в заметках отведено рассказу о Мастерке [Там же, с. 47]. Помещенный в публикации рапорт священника Петра Попова об обряде жертвоприношений позволяет изучать их как элементы традиционной культуры.

В путевых журналах особое место отводится описаниям обрядов погребения, что также имеет ценность для исследователей: «Кладбище как здешних инородцев, и вообще самоедов порождает довольно неприятное чувство. Умершие кладутся поверх земли в плохо устроенных ящиках, похожих на голбчики, устраиваемые над могилами христиан. От дождя и снегу они в скором времени разрушаются, и кости, оставаясь по наружности, или растаскиваются зверями, или в разбросе валяются по всему кладбищу, а нередко случается и то, что недавно похороненные тела служат пищею хищным зверям» [Там же, с. 85].

Отметим, что тексты миссионерских записей пронизаны остротой и сменой душевных состояний, в которых пребывали их авторы: чувство страха, безысходности, тщетности своих усилий в деле просвещения аборигенного населения Северо-Западной Сибири и в то же время радость за обратившихся к христианской вере. Вполне можно согласиться с мнением, что «в сочинениях миссионеров присутствует некий метасюжет, который можно назвать сюжетом преодоления — преодоления суровой сибирской природы, преодоления косности и равнодушия туземцев, их дикости и суеверий, и конечно, преодоления себя — своих страхов, человеческих слабостей, немощей и сомнений» [Мельникова, 2008, с. 40].

Заключение

С возрождением в конце 90-х г. XX в. традиции миссионерского служения Русской православной церкви актуальным становится обращение к опыту деятельности миссий XVIII–XIX вв. Начинается изучение архива Алтайской миссии, и публикация «Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XX в.)» в 2002 г. явилась своего рода продолжением работы по изданию разнообразных исторических источников о деятельности миссий.

В результате кропотливой работы большого научного коллектива лаборатории истории культуры Сибири ТюмГУ и при содействии сотрудников архивов Тюменской области удалось собрать воедино важную часть письменного наследия священников Обдорской миссии в 60–70-х гг. XIX в. В этом состоит уникальность и актуальность данного сборника. Издание путевых журналов миссионеров положило начало целой серии документальных публикаций «Сибирский раритет», освещающих разные аспекты деятельности как миссионеров, так и миссии в целом. На сегодняшний день первый сборник является библиографической редкостью. В 2007 г. вышло второе издание путевых журналов миссионеров Обдорской миссии, содержащее материалы, не включенные в первую публикацию. Говорить, что процесс введения в научный оборот документации миссионеров завершен, преждевременно. Вероятно, материалы, составленные священниками Обдорской миссии, могут входить в архивные дела, которые еще не попадали в поле зрения историков и ждут своего часа.

Популяризация письменного наследия миссионеров Обдорской миссии определила и характер его публикации. Составители выбрали упрощенное археографическое описание источников,

Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.)...

допустимое для научно-популярного издания, но основные принципы публикации по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых языковых особенностей подлинника, соблюдены. Тексты отобраны из ряда прежде не опубликованных трудов миссионеров, снабжены комментариями и инструментами поиска информации, что облегчает исследователям работу с этими источниками. В рамках исторического исследования изучение данного источника можно осуществлять по его публикации, но проведение источниковедческого анализа в полном объеме невозможно ввиду информационных потерь, связанных с типом издания

Путевые журналы миссионеров, составляющие значительную часть сборника, являются незаменимым источником для изучения быта, верований народов, проживающих на территории Северо-Западной Сибири, истории Обдорской миссии и для понимания миссионерского служения. В публикации данных источников заключен богатый информационный потенциал, который может быть востребован в сравнительно-исторических исследованиях письменного наследия миссионеров духовных миссий Западной Сибири и других территорий Российской империи, ориентированных на выявление сходства и различий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аблажей А.М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII — начале XX века: Опыт теоретического комментирования // Вестн. НГУ. Сер. Философия. 2010. Т. 8, вып. 2. С. 65–70.

«И здесь появляется заря христианства...»: (Обдорская миссия: 30-е — 80-е гг. XIX в.): Источники / Сост. вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 328 с.

Из духовного наследия алтайских миссионеров: Сб. / Сост., вступ. ст. и примеч. протоирея Б.И. Пивоварова. Новосибирск, 1998. 194 с.

Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост., вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. 288 с.

Карташева Н.В. Путевые записки русских миссионеров на Дальнем Востоке как модель культурного описания территории // Человек в мире культуры: Культурное описание территории: Материалы X Междунар. филос.-культуролог. симп. Рязань: Концепция, 2015. С. 98–100.

Крейдун Ю.А. Дневник миссионера Иоанна Штыгашева как источник по изучению взаимоотношений православных миссионеров с населением Урынхарского края в начале XX века // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов русского и монгольского Алтая: Материалы междунар. конф. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. С. 164–166.

Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.) Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.

Лысенко Н.А. Компаративный анализ идеала православного священника-миссионера на территории Российской империи второй половины XIX — начала XX века // Актуальные проблемы исторических исследований: Взгляд молодых ученых: Сб. материалов Четвертой Всерос. молодеж. науч. конф. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та культуры и искусств, 2015. С. 87–94.

Маелютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начала XX века). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. 180 с.

Мельникова С.В. Оценка инородческих культур и проблема культурного взаимодействия в путевых журналах и дневниках сибирских православных миссионеров XIX века // Наследие святителя Иннокентия (Вениамина) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях: Материалы II науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. обл. гос. универсальн. науч. б-ки им И.И. Молчанова-Сибирского, 2015. С. 179–183.

Мельникова С.В. Записки алтайских миссионеров и их жанровая специфика // Сиб. филол. журн. 2008. № 2. С. 34–42.

Насонов А.А. Особенности распространения православия на территории Кузнецкого уезда (по материалам «Записок миссионера» В.И. Вербицкого) // Христианство и славянское культурное наследие. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та культуры и искусств, 2013. С. 28–33.

Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX века) / Сост. и коммент. В. Темплинга; Вступ. ст. и коммент. С. Турова. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 224 с.

Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII — начале XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007. 446 с.

Харитонова Я.Э. Литературная деятельность участников Самоедской духовной миссии (1825–1830-е годы) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 34–40.

Шемановский И.С. Избр. тр. / Сост. Л.Ф. Липатова. М., 2005. 298 с.

THE OBDORSK MISSION ITINERARIES (60–70s OF THE 19TH CENTURY): ANALYSIS OF PUBLISHED SOURCES

Mission itineraries disclose problems of cultural interaction and reflect the authors' unique individual experience of communication with local people and reflections about it. The article reviews the book «The Obdorsk mission itineraries (60–70s of the 19th century)» as a historical source in order to evaluate its information capacities in historical research and its characteristics as a historical and cultural phenomenon. The source analysis allowed us to reveal background of the edition, its structure and principles of document selection, of writing of scientific commentaries to the itineraries, and of compliance to the rules of archeographic preparation of the publication. The comparative analysis of the original work and the publication has proved their authenticity. This publication is considered to be valuable as the Obdorsk mission itineraries have become available to readers, and, what is more important, it contains scientific commentaries on the missionaries' personal data and explains many concepts and terms employed in the text. The geographical index serves for the purpose of quick reference for readers, and, what is more significant, it can be considered as an independent research focus of geography of northwestern Siberia in the 19th century. The name index serves for the purpose of bringing to light some local and foreign names and also allows us to consider these names in the context of cultural interaction of the Orthodox clergy with the indigenous people of Northwestern Siberia. The study of the Obdorsk mission itineraries urges us to single out the key concept of overcoming: overcoming the unkind Siberian nature, inertness and indifference of the native people, their savagery and superstitions, and what is more, self-overcoming — getting rid of fears, weaknesses and doubts. The missionary itineraries are a unique source of curriculum vitae of the Obdorsk mission priests living in the 19th century, but sadly this potential is still beyond historical researches. The missionaries' written heritage requires further scientific study as a historical source in the modern Russian historiography. Publication of those sources contains rich potential which may be demanded in the comparative historical researches of written heritage of missionaries of the spiritual missions in Western Siberia and other territories of the Russian Empire aimed at revealing its similarities and differences.

Key words: Missionary itineraries, Orthodox missionaries, indigenous people, the Obdorsk mission, source analysis, the problem of cultural dialogue.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-154-163

REFERENCES

- Ablazhei A.M., 2010. Khristianizatsiia korennykh narodov Sibiri v XVIII — nachale XX veka: Opyt teoreticheskogo kommentirovaniia [Conversion to Christianity of the aboriginal Siberian peoples in the 18th — the beginning of the 20th centuries: An attempt of theoretical comment]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriiia Filosofiiia, vol. 8, pp. 65–70.
- Kartasheva N.V., 2015. Putevye zapiski russkikh missionerov na Dal'nem Vostoke kak model' kul'turnogo opisaniia territorii [Itineraries of Russian missionaries in the Far East as a model of cultural description of the territory]. *Chelovek v mire kul'tury: Kul'turnoe opisanie territorii: Materialy X Mezhdunarodnogo filosofsko-kul'turologicheskogo simpoziuma*, Riazan': Kontseptsiiia, pp. 98–100.
- Kreidun Iu.A., 2006. Dnevnik missionera Ioanna Shtygasheva kak istochnik po izucheniiu vzaimootnoshenii pravoslavnykh missionerov s naseleniem Urynkarskogo kraia v nachale XX veka [Diary of a missionary Ioann Shtygashev as a source for the study of the relations between Orthodox missionaries and the population of Urynkarskiy region in the early 19th century]. *Aktual'nye problemy etnicheskoi, kul'turnoi i religioznoi tolerantnosti korennykh narodov russkogo i mongol'skogo Altaia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Gorno-Altaiisk: Izdatel'stvo Gorno-altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 164–166.
- Lipatova L.F., 2005, (ed). *Shemanovskii I.S. Izbrannye trudy* [Shemanovsky I.S. Selectas], Moscow, 298 p.
- Lysenko N.A., 2015. Komparativnyi analiz ideala pravoslavnogo sviashchennika-missionera na territorii Rossiiskoi Imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Comparative analysis of the ideal of an Orthodox priest and missionary in the Russian Empire in the second half of 19th — 20th century]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovani: Vzgliad molodykh uchenykh: Sbornik materialov Chetvertoi Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii*, Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, pp. 87–94.
- Mavliutova G.Sh., 2001. *Missionerskaia deiatel'nost' russkoi pravoslavnoi tserkvi v Severo-Zapadnoi Sibiri (XIX — nachala XX veka)* [Missionary activity of Russian Orthodox Church in North-Western Siberia (19th — early 20th century)], Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 180 p.
- Mel'nikova S.V., 2015. Otsenka inorodcheskikh kul'tur i problema kul'turnogo vzaimodeistviia v putevykh zhurnalakh i dnevnikakh sibirskikh pravoslavnykh missionerov XIX veka [Assessment non-Russian cultures and

Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.)...

the problem of cultural interaction in itineraries and diaries of Siberian Orthodox missionaries of the 19th century]. *Nasledie sviatitelia Innokentia (Veniaminova) i pravoslavnaia missiionerskaia deiatel'nost' v Sibiri, na Dal'nem Vostoke i sopredel'nykh territoriiakh: Materialy II nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskoi oblastnoi gosudarstvennoi universal'noi nauchnoi biblioteki im I.I. Molchanova-Sibirskogo, pp. 179–183.

Mel'nikova S.V., 2008. Zapiski altaiskikh missiionerov i ikh zhanrovaia spetsifika [Memoirs of missionaries in Altai and their genre specificity]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 34–42.

Nasonov A.A., 2013. Osobennosti rasprostraneniia pravoslaviia na territorii Kuznetskogo uезда (po materialam «Zapisok missiionera» V.I. Verbitskogo) [Particularities of expansion of Orthodoxy in the territory of Kuznetsk district (based on «Memoirs of a missionary» by Vladimir Verbitsky)]. *Khristianstvo i slavianskoe kul'turnoe nasledie*, Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, pp. 28–33.

Pivovarov. B.I., 1998, (ed). *Iz dukhovnogo naslediia altaiskikh missiionerov: Sbornik* [From the spiritual heritage of the Altai missionaries], Novosibirsk, 194 p.

Povod N.A., 2006. *Komi Severnogo Zaural'ia (XIX — pervaiia chetvert' XX v.)* [The Komi of the Northern Trans-Urals (XIX — the first quarter of the XX century)], Novosibirsk: Nauka, 272 p.

Templing V.Ya., 2002, (ed.). *Putevye zhurnaly missiionerov Obdorskoi missii (60–70-e gg. XIX veka)* [Itineraries of the Obdorsk mission (60–70s of the 19th century)], Tyumen': Izdatel'stvo Iurii Mandriki, 224 p.

Templing V.Ya., 2003, (ed). «*I zdes' poyavlyaetsya zarya khristianstva...*»: (Obdorskaya missiya 30-e — 80-e gg. XIX v.): *Istochniki* [«And here appears the dawn of Christianity...»: (Obdorsk mission in the 30th — 80th of the 19th century): Sources], Tyumen': Mandr i Ka, 328 p.

Templing V.Ya., 2004, (ed). *Iz istorii Obdorskoi missii: Istochnik* [From the history of the Obdorsk mission: Sources], Tyumen': Mandr i Ka, 288 p.

Sofronov V.Iu., 2007. *Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Zapadnoi Sibiri v kontse XVII — nachale XX vv.* [Missionary activity of Russian Orthodox Church in Western Siberia in the end of 17th — the early 20th centuries.]. Dis. ... d-ra ist. nauk, Barnaul, 446 p.

Kharitonova Ia.E., 2015. Literaturnaia deiatel'nost' uchastnikov samoedskoi dukhovnoi missii (1825–1830-e gody) [Literary activities of the Samoyed ecclesiastical mission (1825–1830s)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. 2, pp. 34–40.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Ж.В. Марченко*, В.С. Панов**, А.Е. Гришин**, А.В. Зубова**

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, РФ
E-mail: afrika_77@mail.ru

**Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, РФ
E-mail: pvs7zeitlos@gmail.com;
artem-grishin@mail.ru;
zubova_al@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ДИНАМИКА СТРУКТУРЫ ПИТАНИЯ ОДИНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ НА ПРОТЯЖЕНИИ III тыс. до н.э.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИЗОТОПНЫЕ ДАННЫЕ¹

Исследование посвящено реконструкции питания населения одиновской культуры на территории Барабинской лесостепи. В работе использованы материалы захоронений трех крупнейших могильников юга Западной Сибири — Сопка 2/4А, Тартас 1 и Преображенка 6. Радиоуглеродным датированием погребальных комплексов определены две хронологические группы погребений, что дало возможность предположить динамику структуры питания населения на протяжении III тыс. до н.э. Для реконструкции диеты привлечены палеозоологические определения (в том числе анализ костяных артефактов), проведен изотопный анализ углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костях людей и фауны (в том числе современной фауны). Результаты изотопных измерений показали, что основой питания одиновцев на протяжении всего III тыс. до н.э. являлась рыба. Высокое содержание $\delta^{15}\text{N}$ в грибах семейства Boletaceae также не исключает их высокой роли наряду с рыбой в питании людей. Второстепенным источником пищи для одиновцев являлось мясо травоядных (а также, возможно, всеядных). Основным промысловым мясным животным был лось. Повышение значений $\delta^{13}\text{C}$ в костях людей в последней трети III тыс. до н.э. указывает на изменения источников питания. Предварительно мы связываем это с потреблением одиновцами продуктов животноводства более южного происхождения (степного?) вследствие появления в хозяйстве domestцицированных животных.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, III тыс. до н.э., одиновская культура, реконструкция диеты населения, изотопный анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-164-178

Введение

Потребность в еде является одной из основных биологических потребностей человека. Его диета отражает степень и формы адаптации к условиям окружающей среды. Основные направления деятельности человека (собирачество, охота, рыболовство, земледелие, скотоводство) определяются разнообразием и доступностью биоресурсов. Однако археологические свидетельства эпохи бронзы юга Западной Сибири, связанные с питанием человека, представлены мало или в неполном виде. Так, например, наиболее полно о хозяйстве и питании людей можно судить по палеозоологическим остаткам на поселениях и могильниках. Они свидетельствуют об основных видах промысловых животных в присваивающих хозяйствах или о составе стада в скотоводческих и комплексных хозяйствах. Но в ряде случаев жилища оказываются «чистыми» или по различным причинам не найдены. Палеозоологические остатки в погребениях в силу особенностей погребальной практики не всегда присутствуют, а также могут не отражать реальное соотношение добываемых животных или состав стада в производящем хозяйстве. Нередко по объективным и субъективным обстоятельствам на археологических памятниках чаще

¹ Проект выполнен по проекту РФФИ №14-06-00264а.

Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи...

встречаются кости крупных млекопитающих, в то время как ихтиологические и ботанические остатки в комплексах юга Западной Сибири, как правило, редки.

Косвенными свидетельствами особенностей питания людей являются орудия труда, в том числе разные приспособления для добычи, хранения и приготовления пищи. Среди артефактов наиболее распространены предметы, связанные с хранением и приготовлением еды. Как правило, это глиняная и металлическая посуда (органические емкости — берестяные, плетеные — бронзового века в условиях Барабинской лесостепи практически не сохраняются). Макроостатки в емкостях, а также химические анализы пригаров позволяют реконструировать продукты и главные ингредиенты при приготовлении [Матвеев, Аношко, 1993, с. 239]. Предметы, связанные с добычей продуктов питания, более разнообразны и специализированы. Охотничий промысел, как правило, отражают находки наконечников стрел. Их типологическое разнообразие может указывать на определенную дифференциацию стрел при охоте на разную дичь (крупные копытные, птица, пушные звери и пр.).

Для культур эпохи бронзы юга Западной Сибири наиболее массовой категорией орудий охотничьего промысла являются наконечники стрел. В то же время довольно редко можно встретить предметы, связанные с рыболовством. Как правило, это единичные примеры изделий из глины (грузила) [Чича..., 2004]. Не часто идентифицируются грузила из камня, так как, например, будучи завернутыми в бересту, они, как правило, не подвергались дополнительной обработке, т.е. не имели специфической морфологии и следов использования. Вместе с тем сложно предположить, что население огромной территории Барабинской лесостепи в эпоху бронзы не использовало биоресурсы многочисленных озер и рек.

В последнее время значительно увеличилось число работ, в том числе по континентальным районам Евразии, в которых для анализа палеодиеты населения используются изотопные данные по костным остаткам (антропологическим и зоологическим) [O'Connell et al., 2003; Shishlina et al., 2009; Svyatko et al., 2013; Ventresca Miller et al., 2014a; и др.].

Другим важным источником оценки питания людей является одонтологический анализ, в фокусе которого находятся патологические изменения в зубной системе и анализ характера стертости и степень сношенности эмали окклюзивной поверхности постоянных зубов. В большинстве случаев эти исследования носят сравнительный характер: анализируются популяции охотников и рыболовов, с одной стороны, и земледельческие коллективы — с другой. Данных по особенностям стертости и сношенности эмали у скотоводческих групп населения значительно меньше, и в целом они менее изучены. Поэтому для более взвешенной оценки питания в среде пастушеских племен необходимо использовать данные из других источников [Святко, 2014; Svyatko et al., 2013; Ventresca Miller et al., 2014a, b].

В настоящем исследовании мы предлагаем провести комплексную оценку структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи, используя археологические находки, характеризующие направления хозяйственной деятельности населения (в том числе палеозоологические определения), анализ соотношения стабильных изотопов углерода и азота в костях людей и животных и одонтологический анализ².

Ранее для населения одиновской культуры реконструировался многоотраслевой тип хозяйства — «переходный от присваивающего к производящему» [Молодин, 1985, с. 31]. Основанием для этого явилась небольшая палеозоологическая коллекция трех жилищ поселения Марково 2, расположенного в центральной части Барабинской лесостепи. Там наряду с костями представителей крупной лесной-лесостепной травоядной фауны (лось, косуля) и водоплавающей птицы были обнаружены кости лошади [Там же, с. 32, табл. 2].

Объекты исследования

Основным объектом для изучения диеты древнего населения в настоящей публикации послужили материалы трех одиновских могильников Барабинской лесостепи — Сопка 2/4А [Молодин, 2012], Тартас 1 [Молодин и др., 2003, 2006; Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2004; и др.] и Преображенка 6 [Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004; Молодин и др., 2007; и др.] (рис. 1). Все памятники в разные годы исследовались под руководством акад. В.И. Молодина. Два могильника, Сопка 2/4А и Тартас 1, расположены неподалеку, в 1,5 км, друг от друга (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Могильник Преображенка 6 находится в 20 км к юго-востоку

² Одонтологическому анализу одиновских популяций Барабинской лесостепи посвящена отдельная статья в этом издании (см.: [Зубова и др., 2016]).

от могильника Сопка 2/4А (Чановский р-н Новосибирской обл.). Дополнительную информацию о хозяйстве и питании одиновского населения во второй половине III тыс. до н.э. можно почерпнуть из немногочисленных остеологических материалов жилой и хозяйственно-бытовой конструкций 4 и 5 памятника Тартас 1 [Молодин и др., 2006].

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников:
1 — Тартас 1; 2 — Сопка 2; 3 — Преображенка 6; 4 — Чича 1.

Проведенный ранее радиоуглеродный анализ показал, что представленные одиновские погребения Барабинской лесостепи неоднородны и относятся к двум хронологическим группам. Первую представляет могильник Сопка 2/4А. Он датируется первой половиной III тыс. до н.э. [Молодин, 2012; Молодин и др., 2012, 2014]. Ко второй группе относится некрополь Преображенка 6, датированый последней третью III тыс. до н.э. [Marchenko et al., 2015]. Результаты радиоуглеродного анализа одиновских древностей на памятнике Тартас 1 также позволяют выделять «раннюю» и «позднюю» группы комплексов. К «ранней» группе, синхронной захоронениям на Сопке 2/4А, относятся основная часть одиновских погребений на памятнике, к «поздней», синхронной могилам на Преображенке 6,— хозяйственно-бытовые конструкции 4 и 5 и небольшая пока часть захоронений³, в том числе погребение 487 с кельтом сейминско-турбинского облика [Марченко и др., 2014].

Таким образом, комплексно изучив материалы трех могильников и поселенческих конструкций на Тартасе 1, можно реконструировать изменения в диете населения на протяжении III тыс. до н.э.

Археологические данные

Орудия труда и остеологические остатки в изучении хозяйства и питания

По материалам могильника Сопка 2/4А можно выделить виды промысловых животных у одиновского населения Барабинской лесостепи первой половины III тыс. до н.э. — лось, заяц, соболь и другие мелкие хищники (табл. 1) [Молодин, 2012]. Костей domesticated фауны значительно меньше. Они представлены в основном астрагалами барана и в одном случае астрагалами быка. Из табл. 1 видно, что количественно преобладают изделия из костей лося, в основном это проколки, реже — гребни. Можно предположить, что в действительности проколочек из костей лося больше за счет значительной части категории «неопределимые кости». Доля проколочек из костей других представителей фауны (птиц и собак) невелика. Из табл. 1 следует, что основным промысловым животным были наземные травоядные млекопитающие. Доля орнитоморфной фауны и рыбы, судя по находкам, небольшая. Соболь имел скорее пушную, чем

³ Основная часть дат по одиновским комплексам памятника Тартас 1 пока не опубликована.

Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи...

пищевую ценность. Соответственно если ориентироваться на эти данные, то можно реконструировать, что население в большей степени занималось охотой, а также, вероятно, рыболовством. Среди находок орудий в погребениях на Сопке 2/4А доминируют каменные и костяные наконечники стрел. Предметов, связанных с рыболовством, не отмечено.

Таблица 1

Костные фаунистические остатки и изделия из кости или рога в погребениях могильника Сопка 2/4А (по: [Молодин, 2012])

	Остеологическое определение											
	Баран	Баран?	Бык	Лось	Крупное копытное (лось? олень?)	Собака	Заяц	Соболь	Мелкий хищник	Рыба	Птица	Неопределимые кости
Астрагал	3/9*	1/14	1/3									
Проколка				10	1	2					2	11
Игла												1
Игольник												2
Роговой гребень					2							
Украшения из костей							2/35		1/5			
Украшения из зубов				2/25				1	1/5			
Жезл						1						
Пешня				1								
Отдельные части скелета		1/3						2		1	3	5
Всего	3/9	2/17	1/3	13/36	3	3	2/35	3	2/10		5	19

* Количество случаев/количество находок.

Палеозоологический материал второй половины III тыс. до н.э. для изучения диеты одиновской культуры Барабинской лесостепи еще более скуден. В погребениях некрополя Преображенка 6 кости животных присутствуют редко. Только в одном случае кость *Ovis/Capra* находилась на дне погребения и, судя по радиоуглеродной дате, относилась к комплексу (т.е. соответствовала возрасту погребения) [Marchenko et al., 2015]. В остальных случаях кости (лошадь (*Equus sp.*), лисица (*Vulpes*), птица, корова (*Bos sp.*)) происходят из заполнения погребений. По результатам радиоуглеродного датирования кости лошади из заполнения отнесены к более раннему поселенческому слою памятника, эпохи неолита [Там же]. Поэтому использовать видовые определения костей животных из заполнения для характеристики хозяйства одиновского населения, оставившего могильник Преображенка 6, некорректно.

Дополнительную информацию об объектах промысла второй половины III тыс. до н.э. дают остеологические материалы из одиновских полуземляночных конструкций (№ 4, 5) на памятнике Тартас 1 [Молодин и др., 2006]. В силу плохой сохранности костей и их немногочисленности вряд ли следует признать данную выборку исчерпывающей. Тем не менее в трех ямах (одна из них зольная) жилой конструкции 4 были обнаружены кости рыб. В хозяйственной конструкции 5 единственной находкой из кости являлась фаланга медведя. Таким образом, скудные материалы одиновских построек второй половины III тыс. до н.э. не позволяют охарактеризовать хозяйство и особенности питания людей. По ним можно лишь судить о вероятном потреблении рыбы и мяса млекопитающих.

Материалы и методы

Использование изотопного анализа костей (коллаген) человека и животных значительно расширяет возможности как при оценке питания древнего населения, так и при характеристике основных направлений хозяйственной деятельности.

При реконструкции питания по изотопным данным исходят из принципа трофической цепи («мы то, что мы едим»). Углерод и азот являются составной частью любой органической еды человека. При потреблении он аккумулирует в себе изотопы предыдущих пищевых звеньев. Особенности диеты человека (как и любого организма) отражаются в составе его тканей (кость, зуб, ногти, волосы и т.д.). Изотопный состав зубов отражает «диету детства» организма. Кости

сохраняют информацию о питании человека или животного в течение последних 10 лет жизни. Человек, являясь частью пищевой цепи, как правило, стоит на более высоком трофическом уровне по отношению источникам еды. Основные пищевые компоненты человеческой диеты в средней полосе континентальной Евразии — растения, мясо животных (диких и домашних), молочные продукты и рыба [Pate, 1994].

В мировой практике использования биоархеологических методов считается, что изотопный анализ содержания азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в костях человека и животных позволяет различать: 1) типы экосистем (морская или наземная) и 2) климатические зоны (аридная или гумидная), в которых обитал индивид; 3) дискретные геохимические среды (например, водные источники с отложениями различного геологического возраста и/или происхождения); 4) трофический уровень индивида (от первичных производителей к травоядным и хищникам); 5) растения групп C_3 и C_4 , пути фотосинтеза в диете [Pate, 1994, p. 162].

Значения азота ($\delta^{15}\text{N}$) напрямую указывают на место потребителя в трофической цепи: чем $\delta^{15}\text{N}$ выше, тем более высокую трофическую ступень занимает анализируемый организм. Обитатели морских и пресноводных водоемов (млекопитающие, рыба), как правило, имеют более длинную пищевую цепочку, чем наземные животные, поэтому $\delta^{15}\text{N}$ у них выше. Обогащение потребителя азотом на каждом трофическом уровне в среднем увеличивается на 3–6 ‰ [Hedges, Reynard, 2007; O'Connell et al., 2012].

При реконструкции диеты человека важно проанализировать изотопные значения основных участников трофической цепи (растения, рыба, животные). Однако эти компоненты не всегда представлены в археологических материалах (например, растения или рыба). Поэтому в качестве референтной базы используются данные современных образцов или археологических образцов из других культур, бытовавших в схожих экологических условиях. Анализ стабильных изотопов некоторых всеядных и плотоядных позволяет в некоторых случаях лучше представить состав пищи человека. Так, значения изотопов хищных животных (например, волка) отражают потребление, основанное на мясе травоядных, а всеядных млекопитающих (например, медведя) — на мясе животных и растениях (ягоды). В некоторых регионах (большие реки с перекатами) состав пищи медведя дополняется рыбой, однако это будет отражено на изотопном уровне трофическим сдвигом (по азоту). Наиболее приближенными человеку в ряде случаев оказываются значения изотопов собаки, как всеядного животного-компаньона, питающегося в том числе пищевыми отбросами (напр.: [Privat et al., 2005]). Зная основные компоненты структуры питания всеядных и хищных животных, можно точнее определить основу диеты людей.

Для изотопного анализа нами был взят 31 антропологический образец. Из них основная доля — кости ($n = 27$), в меньшей степени — зубы ($n = 4$). Наиболее представительные выборки происходят из материалов могильников Сопка 2/4А ($n = 12$) и Преображенка 6 ($n = 12$). Анализируемый материал — органическое вещество (коллаген), выделяемый из кости⁴.

Для построения трофической цепи были привлечены как биологические материалы из археологических памятников, так и современные данные. К числу последних относятся суммарные данные по грибам семейства Boletaceae (неопубликованные результаты, $n = 4$), костным образцам косули (*Capreolus pygargus*, $n = 1$) и речного карася⁵ (*Carassius carassius*, $n = 1$). Из материалов андроновского могильника Тартас 1 взяты образцы представителей травоядных (лошадь (*Equus caballus*, $n = 1$) и корова (*Bos taurus*, $n = 1$) и всеядных животных (медведь (*Ursus arctos*), $n = 2$) (табл. 2). Также для реконструкции диеты привлечены суммарные изотопные данные по рыбам из материалов городища Чича 1 [Privat et al., 2005, p. 432] и овце (*Ovis/Capra*) из могильника Преображенка 6 (табл. 2) [Marchenko et al., 2015]. Для сравнительного изотопного анализа животных и людей были привлечены данные по материалам городища поздней бронзы — переходного от бронзы к железу времени Чича 1 [Privat et al., 2005; Чича..., 2009, с. 146–149]. Памятник расположен в южной части Барабинской лесостепи в 155 км к югу от могильников Тартас 1 и Сопка 2/4А и в 145 км к ЮЗ от некрополя Преображенка 6. Полагаем, что ихтиологические остатки из городища Чича 1 отражают рыболовецкую деятельность населения в первую очередь на двух ближайших озерах — Малая и Большая Чича. Таким образом, образцы живот-

⁴ Изотопный анализ выполнен в лаборатории пробоподготовки ЦКП «Геохронология кайнозоя» СО РАН (г. Новосибирск).

⁵ Образцы косули и рыбы происходят с территории Венгеровского района Новосибирской области, где расположены памятники Сопка 2/4А и Тартас 1. Карась выловлен в том же районе в р. Тартас.

Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи...

ных и рыб либо происходят из тех же памятников, что и анализируемые останки людей, либо соответствуют той же экологической нише.

Таблица 2

Содержание $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в грибах и коллагене животных и рыб

Происхождение образца	Вид	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
Преображенка 6	<i>Ovis/Capra</i>	-19,3	6,9
Современный, р. Тартас	Рыба (карась)	-23,6	3,6
Чича 1	Рыбы	-22,5	10,5
Тартас 1	Лошадь	-21,7	6,6
Тартас 1	Корова	-23,0	6,9
Современный	Косуля	-23,5	4,5
Современный	Грибы (<i>Boletaceae</i>)	-24,8	8,1

Результаты

Наземные животные, рыбы, грибы

Подавляющая часть растений на Земле относится к группе C_3 . Содержание $\delta^{13}\text{C}$ в растениях группы C_3 варьируется от -35 до -21 ‰ (среднее -28 ‰). Растения группы C_4 составляют незначительную часть флоры на планете и распространены, как правило, в южных широтах (просо, кукуруза, сахарный тростник и др.). Содержание $\delta^{13}\text{C}$ в растениях группы C_4 — от -16 до -7 ‰ (среднее -13 ‰) [Pate, 1994]. Как следует из графика на рис. 2, употребления растений группы C_4 ни проанализированными людьми, ни животными не отмечено. Общий фон потребления растительной пищи животными и человеком составляют растения группы C_3 — основные представители флоры Северной Азии [Cerling, Quade, 1993].

Диапазон значений по углероду у травоядных (лошадь, корова, косуля) — от -23,5 до -21,7 ‰ (табл. 2, рис. 2). Это указывает на единую экологическую нишу, в основе которой находятся растения группы C_3 . В этом же диапазоне расположены значения $\delta^{13}\text{C}$ у медведей. Более тяжелые значения $\delta^{13}\text{C}$ у *Ovis/Capra* (-19,3 ‰) из могильника Преображенка 6. Такую разницу в содержании углерода у животных можно объяснить влиянием «сапору эффект» («эффект навеса») [Vogel, 1978]. Суть его заключается в том, что растительность густых лесов обеднена углеродом ($\delta^{13}\text{C}$) по сравнению с флорой открытых территорий. Это связано с особенностями лесной экосистемы: фотосинтез травы, кустарников замедлен в силу своеобразного природного барьера — густого покрова леса. Активнее процессы обмена углерода происходят в верхних ветках больших деревьев и медленнее внизу, на затененных территориях. Поэтому для лесной экосистемы характерны более низкие значения углерода ($\delta^{13}\text{C}$) [Farquhar et al., 1982; van der Merwe, Medina, 1991]. Соответственно у животных, питающихся ветками деревьев и растительностью в лесу, значения углерода ($\delta^{13}\text{C}$) ниже по сравнению с животными «открытых» пространств. Другой вариант объяснения более тяжелых значений углерода у овцы — длительное время пребывания на южной территории (современный Казахстан), где животное могло иметь смешанный характер питания — употреблять растения и группы C_3 , и группы C_4 [Motuzaitė Matuzevičiūtė et al., 2015]. В любом случае разница в содержании углерода у животных позволяет диагностировать иной регион выпаса у овцы (степь?), в то время как лошадь и корова питались такой же местной растительностью лесных и лесостепных пространств, что косуля и медведь.

По значению $\delta^{13}\text{C}$ лоси (-20,5 ‰) из остеологической коллекции городища Чича 1 занимают промежуточное положение между современной косулей, коровой и лошадью из могильника Тартас 1, с одной стороны, и овцой (*Ovis/Capra*) из могильника Преображенка 6 — с другой [Чича..., 2009, с. 148, рис. 1; Privat et al., 2005, p. 432, fig. 5]. Более высокие значения углерода $\delta^{13}\text{C}$ у лосей из Чичи 1 по сравнению с животными из памятника Тартас 1 и современной косулей также подтверждают гипотезу о влиянии «сапору эффект» на изотопные значения растительности и животных Барабинской лесостепи. Они могут сигнализировать, что ареал обитания лосей в районе озер Малая и Большая Чича характеризовался более открытыми пространствами, чем в центральной части Барабинской лесостепи. В то же время еще более открытыми (степными?) территориями характеризовалось место выпаса овцы (*Ovis/Capra*) из Преображенки 6.

Среди всех возможных источников питания наиболее низкие значения углерода характерны для грибов -24,8 ‰ (табл. 2, рис. 2). Значение углерода у грибов находится в диапазоне, характерном для растений группы C_3 , и в целом соответствует общему фону автохтонных растений и животных, ими питающихся.

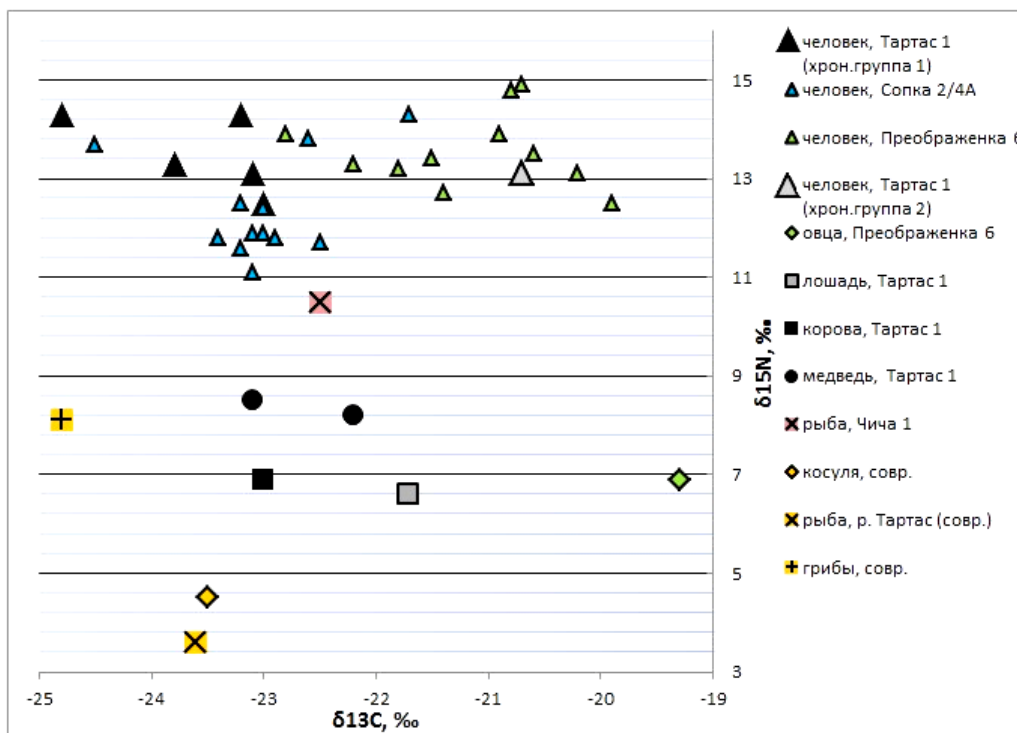

Рис. 2. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в костях людей, наземных животных, рыб и в грибах.

Наиболее низкие значения $\delta^{15}\text{N}$ соответствуют представителю дикой фауны — косуле (+4,5 ‰) (табл. 2, рис. 2). Домашние травоядные (корова, лошадь) имеют более высокое содержание $\delta^{15}\text{N}$ (от +6,6 до +6,9 ‰). Традиционно повышение уровня азота в растениях и соответственно в коллагене травоядных животных связывают с более аридными или засоленными территориями [Heaton, 1987; Heaton et al., 1986]. Эту закономерность полностью подтверждают изотопные характеристики кости овцы (*Ovis/Capra*) из могильника Преображенка 6. У нее по сравнению с косулей более высокое содержание не только $\delta^{13}\text{C}$, но и $\delta^{15}\text{N}$ (табл. 2, рис. 2). Оба показателя, в свою очередь, близки к значениям углерода и азота в костях *Ovis/Capra* периода бронзы — тюркского времени из Северного Казахстана ($\delta^{13}\text{C}$ от -19,8 до -17,6 ‰; $\delta^{15}\text{N}$ от +5,3 до +11,5 ‰) [Motuzaitė Matuzeviciute et al., 2015 p. 27, table 2]. Это может указывать на схожие пастбищные места *Ovis/Capra*.

Однако в отношении домашних животных (лошадь и корова) из памятника Тартас 1 напомним, что довольно низкие значения $\delta^{13}\text{C}$ указывают на лесную-лесостепную полосу в качестве их основного места обитания. Причина же разницы в уровне азота кроется, видимо, в особенностях содержания и питания домашних животных. Более высокое содержание азота также характерно для домашних животных из городища Чича 1 по сравнению с дикими травоядными [Чича..., 2009, с. 148, рис. 1].

Более высокий трофический уровень среди анализируемых животных занимает медведь (табл. 2, рис. 2). Разница в содержании азота между медведем и косулей составляет 3,7–4,0 ‰, а между ним и современным карасем из р. Тартас — 4,6–4,9 ‰. Эти значения находятся в пределах допустимых норм трофического сдвига (3–6 ‰) [Hedges, Reynard, 2007; O'Connell et al., 2012]. Сообразно этому анализируемые образцы костей медведей показывают, что основу их питания составляло мясо травоядных млекопитающих. Вместе с тем $\delta^{15}\text{N}$ в костях рыб из Чича 1 существенно выше (+10,5 ‰), чем в образцах костей медведей из Тартаса 1 (от +8,2 до +8,5 ‰), что исключает ее из питания последних. Небольшая доля растений группы C_3 (ягод, например) в составе пищи медведя также не исключена. Очевидно, что если бы структура питания человека была основана на мясе местных травоядных млекопитающих, то значения стабильных изотопов человека соответствовали бы значениям изотопов медведя.

Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи...

Большая дифференциация по значениям азота наблюдается между рыбами из озер Малая и Большая Чича (+10,5 ‰), с одной стороны, и карасем из р. Тартас (+3,6 ‰) — с другой (табл. 2, рис. 2). Объяснений этому факту два. Во-первых, в суммарном показателе для городища Чича 1 объединены изотопные значения по хищным (щука, окунь) и нехищным (карась) рыбам [Privat et al., 2005, p. 432]. Согласно принципу трофической цепи содержание азота у нехищных рыб ниже, чем у хищных. График на рис. 5 в работе К. Privat с соавторами как раз демонстрирует более низкий уровень азота у карасей и более высокий у окуней и щук [Ibid., p. 432, fig. 5]. Во-вторых, более молодые рыбы, вероятно, имеют более низкие значения азота, чем крупные особи. Возраст карася из р. Тартас по жаберным крышкам — 1–2 года. Рыба из городища Чича 1, судя по размерам чешуи, более возрастная — 6–10 лет.

Таблица 3

Содержание $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в костях людей одиновской культуры Барабинской лесостепи

Период	Памятник	№ могилы/скелета	Пол/возраст	Материал	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	Среднее $\delta^{13}\text{C}$, ‰	Среднее $\delta^{15}\text{N}$, ‰			
Первая половина III тыс. до н.э.	Тартас 1	193	♀/30–35	Кость	-23,1	13,1	-23,6	13,5			
		270	♀/35–40	Кость	-23,8	13,3					
		273	?	Кость	-24,8	14,3					
		274	?	Кость	-23,8	13,3					
		286	♀/20–25	Кость	-23,2	14,3					
	382	?	Кость	-23,0	12,5						
	Сопка 2/4А	165	♂/ 40–45	Кость	-23,1	11,9	-23,0	12,4			
		178	♂/ 35–40	Кость	-23,0	12,4					
		180	♀/40–50	Кость	-24,5	13,7					
		208/6	♀/18–20	Кость	-23,1	11,1					
		210/1	♂/ 40–50	Кость	-22,5	11,7					
		253	♀/adultus	Кость	-23,2	12,5					
		278	♀/35	Кость	-22,9	11,8					
		518/1	♀/35	Кость	-23,4	11,8					
		532	♂/ 20–25	Кость	-23,2	11,6					
		543	adultus	Кость	-21,7	14,3					
		564	♀/40–50	Кость	-23,0	11,9					
		569/1	♀/?	Кость	-22,6	13,8					
		Последняя треть III тыс. до н.э.	Тартас 1	487	♀/19–24	Кость			-20,7	13,1	-20,7
Преображенка 6			4	♂/40–50	Кость	-22,7			—	-21,3	13,6
	8		♂/30–35	Зуб	-21,4	12,7					
	24		♂/30–35	Кость	-20,7	14,9					
	24		♂/30–35	Зуб	-21,8	13,2					
	27		♂/35–40	Кость	-20,6	13,5					
	27		♂/35–40	Зуб	-22,8	13,9					
	28		♂/adultus	Кость	-20,2	13,1					
	28		♂/adultus	Зуб	-19,9	12,5					
	36		♂/40–45	Кость	-22,2	13,3					
	48		♂/maturus	Кость	-20,9	13,9					
	59		♂/25–30	Кость	-21,5	13,4					
	61		♂/45–50	Кость	-20,8	14,8					

Человек

Анализ изотопов $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в коллагене костей одиновского населения Барабинской лесостепи стабильно показывает довольно высокие значения азота на протяжении всего III тыс. до н.э. — от +11,1 до +14,9 ‰ (табл. 3, рис. 2). Среднее значение $\delta^{15}\text{N}$ для ранних одиновцев +13 ‰, для поздних +13,4 ‰. Разница в содержании азота между травоядными животными и ранними одиновцами составляет 6,7 ‰, а между травоядными животными и поздними одиновцами — 7,2 ‰⁶, что превышает нормы допустимого трофического сдвига (до 6 ‰). Разница в уровне азота между рыбой из городища Чича 1 и людьми значительно меньше и входит в допустимые нормы: 2,5 ‰ для

⁶ Изотопическая разница между ранними и поздними одиновцами рассчитывается на основе средних значений пар памятников — Сопка 2/4А и Тартас 1 (1-я хронологическая группа), с одной стороны, и Преображенка 6 и Тартас 1 (2-я хронологическая группа) — с другой. Суммарный показатель $\delta^{15}\text{N}$ у травоядных животных включает значения для овцы, коровы, лошади и козули.

ранних оленевцев и 2,9 ‰ для поздних оленевцев. Поэтому можно заключить, что основу диеты людей оленевской культуры составляла рыба из рек или/и озер. Другим возможным источником питания людей наряду с рыбой могли являться грибы. Тестирование трубчатых грибов семейства *Boletaceae* (белый гриб, подберезовик) выявило высокое содержание азота (+8,1 ‰), что позволяет видеть в них один из возможных источников пищи человека (табл. 2, рис. 2). Также, возможно, в течение всего III тыс. до н.э. в качестве пищи использовались местные растения и мясо всеядных животных (медведь) (рис. 2). Однако по этнографическим данным известно, что добыча медведя местным населением не имела регулярного характера. Вместе с тем изотопные данные не исключают вероятности потребления людьми мяса травоядных (лось, косуля), однако их доля в общем рационе была существенно меньше, чем рыбы.

Между разными популяциями оленевской культуры наблюдаются небольшие различия. Так, чуть более низкое содержание азота характерно для индивидуумов из могильника Сопка 2/4А (+12,4 ‰) (табл. 3, рис. 2). Это может указывать на большую долю в потреблении мяса травоядных млекопитающих, чем рыбы, в сравнении с остальными популяциями (Преображенка 6, Тартас 1 (1 и 2-я хронологические группы)).

Важно также отметить, что по значениям углерода анализируемые популяции разделяются хронологически. Так, более низкие значения $\delta^{13}\text{C}$ характерны для населения первой половины III тыс. до н.э. (-23,6 ‰, Тартас 1 (1-я хронологическая группа), и -23,0 ‰ (Сопка 2/4А); среднее значение -23,3 ‰). В коллагене костей людей последней трети III тыс. до н.э. содержание $\delta^{13}\text{C}$ увеличивается до -20,7 ‰ (Тартас 1 (2-я хронологическая группа)) и -21,3 ‰ (Преображенка 6) (среднее -21 ‰) (табл. 3, рис. 2). Разница в содержании углерода между двумя хронологическими группами составляет 2,3 ‰. Этот сдвиг сигнализирует об изменении в пищевых источниках. Рыба по-прежнему и в конце III тыс. до н.э. оставалась основным пищевым ресурсом для населения Барабинской лесостепи (сохраняются высокие значения азота), а изменения коснулись потребления травоядных животных. Судя по всему, в это время дополнительным источником питания являлись не только млекопитающие центральной части Барабинской лесостепи, но и травоядные более южного происхождения, аналогичные *Ovis/Capra* из Преображенки 6.

Обсуждение

Сравнивая изотопные данные по людям оленевской культуры III тыс. до н.э. (обе хронологические группы) с данными по ирменскому населению Барабинской лесостепи эпохи поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.), следует отметить, что у последних уровень азота (+14,5 ‰) и углерода (-19,5 ‰) выше на 1,1 ‰ и 1,5 ‰ соответственно. Сравнительно высокие показатели обоих изотопов мы связываем с двумя причинами. Во-первых, с более аридными климатическими условиями и более «открытыми» лесостепными ландшафтами месторасположения памятника Чича 1 относительно рассматриваемых здесь могильников. А во-вторых, с изменением типа экономики. Для ирменцев городища Чича 1 реконструируют комплексное хозяйство и диету, основанную в первую очередь на потреблении рыбы и наземных животных (диких и домашних) [Privat et al., 2005]. Об этом свидетельствуют не только изотопные, но и другие биоархеологические данные — многочисленные кости рыб и животных из ирменской части городища [Чича..., 2009, с. 128]. Что касается оленевского населения, то пока столь убедительных зооархеологических данных не накоплено.

Изотопные значения в костях людей елуинской культуры (Телеутский Взвоз 1) Верхнего Приобья, синхронной поздним оленевцам Барабы, имеют более низкие показатели $\delta^{15}\text{N}$ (+12,9 ‰) и высокие $\delta^{13}\text{C}$ (-19,7 ‰). Сравнительно низкие значения азота указывают на большее потребление елуинцами белка животного происхождения, чем рыбы. Вместе с тем G. Motuzaitė Matuzevičiute с соавторами не исключают потребление рыбы населением Верхнего Приобья в эпоху бронзы [2016, р. 8]. Значения $\delta^{13}\text{C}$ у елуинцев выше (-19,7 ‰), чем у поздних оленевцев (разница 1,3 ‰). Изучая изотопные значения для костей людей и животных Верхнего Приобья и Северного Казахстана на протяжении неолита — развитой бронзы, коллектив исследователей пришел к выводу, что изменения изотопных сигналов в костях людей связаны не с колебаниями климата, а с изменением характера экономики (подвижное скотоводство) и питания людей [Motuzaitė Matuzevičiute et al., 2016].

Сравнивая изотопные значения в коллагене поздних оленевцев и елуинцев с показателями для синхронных им групп населения Минусинской котловины (окуневская культура), можно отметить следующее. Окуневское население имеет еще более низкие значения азота (+11,6 ‰) и бо-

Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи...

лее высокие — углерода (-18,7 ‰) [Svyatko et al., 2013]. Из этого реконструируется смешанная диета, основанная главным образом на потреблении наземных травоядных и растений группы C_3 [Ibid.]. Разница между окуневцами и поздними одиновцами в содержании азота составляет 1,8 ‰, углерода — 2,3 ‰. Таким образом, по сравнению с окуневцами Минусинской котловины одиновское население Барабинской лесостепи последней трети III тыс. до н.э. было в большей степени нацелено на эксплуатацию пищевых ресурсов из водных источников, чем из наземных. Елунинское население в этом плане занимало промежуточное положение между двумя популяциями.

Динамика, отмеченная в уровне стабильных изотопов (главным образом $\delta^{13}C$) у одиновского населения на протяжении III тыс. до н.э., отражает, на наш взгляд, изменения в культурных связях и характере хозяйства населения. Одиновцы первой половины III тыс. до н.э. Барабинской лесостепи были ориентированы на местные ресурсы присваивающего хозяйства (рыболовство, охота, возможно, дикоросы (в том числе грибы)). Мы не склонны связывать появление единичных костей домашних животных (баран, бык) в одиновских погребальных комплексах первой половины III тыс. до н.э. с изменением характера экономики (комплексное хозяйство и появление скотоводческой отрасли). Скорее всего, кости домашних животных попали к ранним одиновцам уже в виде астрагалов, как предметы из «южного» мира (предметы игры или культовые). Один из возможных вариантов — по обмену со среднеазиатским населением оседло-земледельческого круга. Одним из примеров такого обмена являются находки в погребениях на Сопке 2/4А специфических каменных бус, материал и морфология которых указывают на их среднеазиатское происхождение [Молодин, 2012, с. 158–164].

Более широкое распространение астрагалов из костей мелкого рогатого скота в поселенческих и погребальных памятниках степных и лесостепных культур Евразии относится к более позднему периоду. Во второй половине III тыс. до н.э. они бытуют у населения синташтинской, петровской, алакульской, срубной [Подобед и др., 2014], елунинской [Кирюшин и др., 2003, с. 95–96], окуневской [Вадецкая и др., 1980, табл. XXV] и кротовской [Молодин, 1985] культур. В это же время эти предметы встречаются в поселенческих и ритуальных объектах оседло-земледельческого Бактрийско-Маргианского мира [Сатаев, 2008].

Некоторая трансформация в хозяйстве и питании одиновского населения Барабинской лесостепи происходит в последней трети III тыс. до н.э. Судя по изотопному составу углерода и азота в костях людей, а также сравнительным данным по синхронным и более поздним культурам, в диете по-прежнему доминирует рыба. Однако более высокие значения $\delta^{13}C$ у поздних одиновцев указывают на систематическое потребление мяса животных (или продуктов животноводства) более южного (степного?) происхождения, аналогичных *Ovis/Capra* из Преображенки 6. Мы связываем это с появлением у одиновцев domesticiрованных животных. Самых палеозоологических свидетельств в одиновских комплексах пока крайне мало, но кости домашних животных в это же время фиксируются в материалах ближайших соседних культур — кротовской Барабинской лесостепи [Молодин, 1985] и елунинской Верхнего Приобья [Кирюшин и др., 2003].

На наш взгляд, появление домашних животных в это время на рассматриваемой территории связано с новым этапом расселения европеоидного населения (индоевропейцев и индоариев) в степной и лесостепной полосе Евразии во второй половине III тыс. до н.э. [Клейн, 2010; Сарияниди, 2012; Чикишева, 2012]. В это время пастушеские коллективы вышли на границы своей северной азиатской периферии — Барабинской лесостепи. Вместе с пришлым населением в одиновскую культуру попадают не только домашние животные и навыки их разведения, но и развитая металлургия (сейминско-турбинский металлокомплекс). По всей видимости, периодическое потребление продуктов степного животноводства отразилось на изменении углеродного сигнала у людей одиновской культуры последней трети III тыс. до н.э. Похожая тенденция повышения $\delta^{13}C$ в костях людей наблюдается для соседней елунинской культуры Верхнего Приобья ($\delta^{13}C$ -19,7 ‰ (Телеутский Взвоз 1)), синхронной поздним одиновцам [Motuzaitė Matuzevičiute et al., 2016]. Для нее также постулируются аналогичные изменения в характере хозяйства и питания. Однако, судя по изотопным данным (более высокие значения $\delta^{13}C$), диета елунинцев все же содержала большую долю продуктов степного животноводства, чем рацион поздних одиновцев: в костях людей елунинской культуры содержание $\delta^{13}C$ на 1,3 ‰ выше.

Выводы

Таким образом, археологические данные первой половины III тыс. до н.э. свидетельствуют о присваивающем характере экономики одиновского населения, значительную роль в котором иг-

рала охота на лося (Сопка 2/4А). Изотопные данные позволяют выделить в ранней группе оленевцев популяцию, ориентированную в большей степени на рыболовство (Тартас 1, 1-я группа). Практически полное отсутствие палеозоологических материалов и небольшой комплекс артефактов в погребениях поздних оленевцев не позволили напрямую судить о характере экономики населения и диете. Однако изотопные данные по поздним оленевцам, а также материал, привлеченный для сравнения, выявили изменения, произошедшие в питании населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э. Эти изменения коснулись в первую очередь потребления продуктов степного животноводства.

Благодарности

Авторы искренне благодарят акад. В.И. Молодина за предоставленные для исследования материалы, Ph.D. С.В. Святко и Ph.D. Х. Пиецонку за обсуждение результатов работы и помощь в подготовке рукописи, а также анонимного рецензента за конструктивную критику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вадецкая Е.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: АлтГУ, 2003. 333 с.
- Клейн Л.С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.
- Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А.* Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 463–468.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка 2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов оленевской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е.* Хронология погребальных комплексов оленевской культуры памятника Сопка 2/4А (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Древние культуры степей Евразии и их связь с цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 237–242.
- Молодин В.И., Новикова О.И., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., Пилипенко А.С., Лабеецкий В.П.* Изучение памятника эпохи развитой бронзы Тартас 1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII, Ч. I. С. 422–427.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиецонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г.* Исследование могильника бронзового века Тартас 1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, Ч. 1. С. 358–364.
- Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г.* Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, Ч. 1. С. 441–446.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А.* Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка 6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, Ч. 1. С. 378–383.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А.* Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка 6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 339–344.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 31–56.
- Сарианиди В.И.* Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. Т. 4: Исследования в Гонур Деле в 2008–2011 гг. М.: Старый Сад, 2012. С. 11–28.
- Сатаев Р.М.* Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур Деле // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. Т. 2. М.: Старый Сад, 2008. С. 143–160.

Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи...

Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита-раннего железа: Новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2. С. 143–156.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Ambrose S.H., Norr L. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate // Prehistoric Human Bone: Archaeology at the Molecular Level. Berlin: Springer-Verlag, 1993. P. 1–37.

Cerling T. E., Quade J. Stable carbon and oxygen isotopes in soil carbonates // Climate Change in Continental Isotopic Records. Washington DC: Amer. Geophys. Union, 1993. P. 217–231.

Farquhar G.D., O'Leary M.H., Berry J.A. On the relationship between carbon isotope discrimination and the intercellular carbon dioxide concentration in leaves // Austral. Journ. of Plant Physiology. 1982. № 9. P. 121–137.

Heaton T.H.E. The $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ ratios of plants in South Africa and Namibia: Relationship to climate and coastal/saline environments // Oecologia. 1987. № 74. P. 236–246.

Heaton T.H.E., Vogel J.C., von la Chevallerie G., Collett G. Climatic influence on the isotopic composition of bone nitrogen // Nature. 1986. № 322. P. 822–823.

Hedges R.E.M., Reynard L.M. Nitrogen isotopes and the trophic level of humans in archaeology // Journ. of Archaeol. Science. 2007. № 4. P. 1240–1251.

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: Preliminary results // Radiocarbon. 2015. Vol. 57, № 4. P. 595–610.

Motuzaitė Matuzevičiute G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // Journ. of Archaeol. Science. 2015. № 59. P. 23–34.

Motuzaitė Matuzevičiute G., Kuryushin Yu. F., Rakhimzhanova S. Zh., Svyatko S., Tishkin A.A., O'Connell T.C. Climatic or dietary change? Stable isotope analysis of Neolithic-Bronze Age populations from the Upper Ob and Tobol River basins // The Holocene. May 12, 2016. P. 1–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://hol.sagepub.com/content/early/2016/05/11/0959683616646843>.

O'Connell T.C., Kneale C.J., Tasevska N., Kuhnle G.G.C. The diet-body offset in human nitrogen isotopic values: A controlled dietary study // American Journ. of Phys. Anthrop. 2012. Vol. 149, № 3. P. 426–434.

O'Connell T.C., Levine M.A., Hedges R.E.M. The importance of fish in diet of central Eurasian peoples from the Mesolithic to Iron Age // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge: McDonald Institute for archaeological research, 2003. P. 253–268.

Pate F.D. Bone chemistry and paleodiet // Journ. of Archaeol. Method and Theory. 1994. Vol. 1, № 2. P. 161–209.

Privat K., Schneeweiss J., Benecke N., Vasil'ev S.K., O'Connell T., Hedges R., Craig O. Economy and diet at the Late Bronze Age — Iron Age site of Chicha: artefactual, archaeozoological and biochemical analysis // Eurasia Antiqua. 2005. Bd 11. P. 419–449.

Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., van der Plicht J., Hedges R.E.M., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A. Paleoecology, subsistence, and ^{14}C chronology of the Eurasian Caspian steppe Bronze Age // Radiocarbon. 2009. № 51 (2). P. 481–499.

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: A new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journ. of Archaeol. Science. 2013. № 40. P. 3936–3945.

Van der Merwe N.J., Medina E. The canopy effect, carbon isotope ratios and foodwebs in Amazonia // Journ. of Archaeol. Science. 1991. № 18. P. 249–259.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M. Subsistence and social change in central Eurasia: Stable isotope analysis of populations spanning the Bronze Age transition // Journ. of Archaeol. Science. 2014a. № 42. P. 525–538.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A. Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan // Quaternary Intern. 2014b. № 348. P. 130–146.

Vogel J.C. Recycling of CO₂ in a forest environment // Oecologia Plantarum. 1978. № 13. P. 89–94.

RECONSTRUCTION AND DYNAMICS OF FOOD STRUCTURE OF THE ODINO PEOPLE IN THE BARABA FOREST-STEPPE AREA DURING THE 3RD MILLENNIUM BC: ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND ISOTOPIC DATA

The paper aims at reconstructing the paleodiet of the Early Bronze Age population in the Baraba forest-steppe area of Western Siberia (the Odino culture). The study is based on materials of three large necropoleis of Sopka 2/4A, Tartas 1 and Preobrazhenka 6. Two chronological groups of the Odino culture burials have been defined by radiocarbon dating which gives us an opportunity to research the structure and changes in the paleodiet during the 3rd millennium BC. Reconstructions of the paleodiet are based on paleozoological determinations (including bone artifacts) and analyses of carbon ($\delta^{13}\text{C}$) and nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) isotopes in human and faunal bones (including some modern faunal samples). Results of isotopic measurements indicate that fish had formed a basic food component in the subsistence of the Odino population throughout the 3rd millennium BC. High values of $\delta^{15}\text{N}$ in mushrooms (*Boletaceae*) do not exclude their important role along with fish in the human diet. A secondary food source for the Odino people was meat of herbivores and possibly also omnivores. The main game animal for the Odino population was an elk. Higher $\delta^{13}\text{C}$ values in human bones in the last third of the 3rd millennium BC indicate changes in food sources. Preliminary, we associate this signal with an increased consumption of animal products of more southern origins (steppe?) by Odino people, which might be a result of the emergence of domesticated animals in economy.

Key words: Baraba forest-steppe area, Bronze Age, 3rd millennium BC, Odino culture, reconstruction of human paleodiet, isotopic analyses

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-164-178

REFERENCES

- Ambrose S.H., Norr L., 1993. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate. *Prehistoric Human Bone: Archaeology at the Molecular Level*, Berlin: Springer-Verlag, P. 1–37.
- Cerling T.E., Quade J., 1993. Stable carbon and oxygen isotopes in soil carbonates. *Climate Change in Continental Isotopic Records*, Washington DC: American Geophysical Union, p. 217–231.
- Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of population of the Southern part of Western Siberia in the Neolithic — Early Iron Age], Novosibirsk: IAET SO RAN, 468 p.
- Farquhar G.D., O'Leary M.H., Berry J.A., 1982. On the relationship between carbon isotope discrimination and the intercellular carbon dioxide concentration in leaves. *Australian Journal of Plant Physiology*, no. 9, p. 121–137.
- Heaton T.H.E., 1987. The $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ ratios of plants in South Africa and Namibia: Relationship to climate and coastal/saline environments. *Oecologia*, 1987. no. 74, p. 236–246.
- Heaton T.H.E., Vogel J.C., von la Chevallerie G., Collett G., 1986. Climatic influence on the isotopic composition of bone nitrogen. *Nature*, no. 322, p. 822–823.
- Hedges R.E.M., Reynard L.M., 2007. Nitrogen isotopes and the trophic level of humans in archaeology. *Journ. of Archaeol. Science*, no. 4, p. 1240–1251.
- Kiriushin Iu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A., 2003. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia epokhi rannej bronzy Verkhnego Priob'ia (po materialam gruntovogo mogil'nika Teleutskii Vzvoz I)* [The funeral rite of the Early Bronze Age population of the Upper Ob River basin (based on ground burial Teleut Vzvoz I)], Barnaul: AltGU, 333 p.
- Klein L.S., 2010. *Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariev* [The time of Centaurs. Steppe ancestral homeland of the Greeks and Aryans], St. Petersburg: Evraziya, 496 p.
- Marchenko Zh.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Orlova L.A., 2014. Pogrebal'nye komplekсы s predmetami seiminsko-turbinskogo i kenkol'skogo tipov v Barabinskoi lesostepi (Zapadnaia Sibir') i ikh radiouglerodnaia khronologiya [Funerary complexes with Seima-Turbino and Kenkol type objects in the Baraba forest-steppe area (Western Siberia) and their radiocarbon chronology]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 463–468.

Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи...

- Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A., 2015. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: Preliminary results. *Radiocarbon*, vol. 57, no. 4. P. 595–610.
- Matveev A.V., Anoshko O.M., 2009. *Zaural'e posle andronovtsev: barkhatovskaia kul'tura* [The Trans-Urals after the Andronovo people: The Barkhatovo culture], Tiumen': Tiumentskii dom pečati, 416 p.
- Molodin V.I., 1985. *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age], Novosibirsk: Nauka, 200 p.
- Molodin V.I., 2012. *Pamiatnik Sopka 2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury* [Sopka 2 site on the river Om: cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Odino culture], vol. 3, Novosibirsk: IAET SO RAN, 220 p.
- Molodin V.I., Chemiakina M.A., Diad'kov P.G., Sofeikov O.V., Mikheev O.A., Pozdnyakova O.A., 2004. Arkheologo-geofizicheskie issledovaniia pamiatnika Preobrazhenka 6 [Archaeological and geophysical studies of the Preobrazhenka 6 site]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. X, part 1, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 378–383.
- Molodin V.I., Chemiakina M.A., Pozdnyakova O.A., 2007. Arkheologo-geofizicheskie issledovaniia pamiatnika Preobrazhenka 6 v Barabinskoi lesostepi [Archaeological and geophysical studies of the Preobrazhenka 6 site in the Baraba forest-steppe area]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. XIII, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 339–344.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaia khronologiiia kul'tur epokhi bronzy Urala i iuga Zapadnoi Sibiri: Printsipy i podkhody, dostizheniia i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and Southern part of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and challenges]. *Vestnik NGU*, Ser. Istoriia i filologiiia, vol. 13, no. 3: Arkheologiiia i etnografiia, pp. 136–167.
- Molodin V.I., Marchenko Zh.V., Orlova L.A., Grishin A.E., 2012. Khronologiiia pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury pamiatnika Sopka 2/4A (Lesostepnaia polosna Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ia) [Chronology of burial complexes of the Odino culture at the Sopka 2/4A site (forest-steppe area of the Ob-Irtys interfluvium)]. *Drevnie kul'tury stepei Evrazii i ikh sviaz' s tsivilizatsiiami*, vol. 2, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiia, pp. 237–242.
- Molodin V.I., Novikova O.I., Grishin A.E., Garkusha Iu.N., Marchenko Zh.V., Rybina E.V., Pilipenko A.S., Labetskii V.P., 2006. Izuchenie pamiatnika epokhi razvitoi bronzy Tartas 1 [The study of the Tartas 1 site (Middle Bronze Age)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. XII, part I, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 422–427.
- Molodin V.I., Parzinger H., 2004, (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi* [Chicha, a settlement of the time of transition from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Baraba forest-steppe area], vol. 2, Novosibirsk: IAET SO RAN, 336 p.
- Molodin V.I., Parzinger H., 2009, (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi* [Chicha, a settlement of the time of transition from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Baraba forest-steppe area], vol. 3, Novosibirsk: IAET SO RAN, 248 p.
- Molodin V.I., Parzinger H., Grishin A.E., Piezonka H., Novikova O.I., Chemiakina M.A., Marchenko Zh.V., Garkusha Iu.N., Shatov A.G., 2004. Issledovanie mogil'nika bronzovogo veka Tartas 1 [The study of the burial site Tartas 1 of the Bronze Age]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. X, part 1, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 358–364.
- Molodin V.I., Sofeikov O.V., Deich B.A., Grishin A.E., Chemiakina M.A., Manshtein A.K., Balkov E.V., Shatov A.G., 2003. Novyi pamiatnik epokhi bronzy v Barabinskoi lesostepi (mogil'nik Tartas 1) [A new burial ground of the Bronze Age in the Baraba forest-steppe area (necropolis Tartas 1)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. IX, part 1, Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 441–446.
- Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K., 2015. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen. *Journ. of Archaeol. Science*, no. 59, p. 23–34.
- Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Kuryushin Yu. F., Rakhimzhanova S. Zh., Svyatko S., Tishkin A.A., O'Connell T.C., 2016. Climatic or dietary change? Stable isotope analysis of Neolithic-Bronze Age populations from the Upper Ob and Tobol River basins. *The Holocene*, May 12, 2016, p. 1–11, available at: <http://hol.sagepub.com/content/early/2016/05/11/0959683616646843>.
- O'Connell T.C., Kneale C.J., Tasevska N., Kuhnle G.G.C., 2012. The diet-body offset in human nitrogen isotopic values: A controlled dietary study. *American Journ. of Physical Anthropol.*, vol. 149, no. 3, p. 426–434.
- O'Connell T.C., Levine M.A., Hedges R.E.M., 2003. The importance of fish in diet of central Eurasian peoples from the Mesolithic to Iron Age. *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*, Cambridge: McDonald Institute for archaeological research, p. 253–268.
- Pate F.D., 1994. Bone chemistry and paleodiet. *Journ. of Archaeol. Method and Theory*, vol. 1, no. 2, p. 161–209.
- Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V., 2014. Tarannye kosti krupnogo rogatogo skota v kul'turakh epokhi bronzy stepnoi i lesostepnoi Evrazii [Hucklebones in the Bronze Age cultures of Eurasian steppe and forest-steppe]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, no. 2 (10), pp. 31–56.
- Privat K., Schneeweiss J., Benecke N., Vasil'ev S.K., O'Connell T., Hedges R., Craig O., 2005. Economy and diet at the Late Bronze Age — Iron Age site of Chicha: Artefactual, archaeozoological and biochemical analysis. *Eurasia Antiqua*, bd. 11, p. 419–449.

Sarianidi V.I., 2012. Peredneaziatskie arii v Baktrii i Margiane [Near Eastern Aryans in Bactria and Margiana]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 4: Issledovaniia v Gonur Depe v 2008–2011 gg., Moscow: Staryi Sad, pp. 11–28.

Sataev R.M., 2008. Zhivotnye v khoziaistve i dukhovnoi zhizni drevnego naseleniia Gonur Depe [Animals in economy and spiritual life of the ancient Gonur Depe population]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 2, Moscow: Staryi Sad, pp. 143–160.

Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., van der Plicht J., Hedges R.E.M., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A., 2009. Paleoecology, subsistence, and ^{14}C chronology of the Eurasian Caspian steppe Bronze Age. *Radiocarbon*, no. 51 (2), p. 481–499.

Sviatko S.V., 2014. Analiz zubnykh patologii naseleniia Minusinskoii kotloviny (luzhnaia Sibir') epokh eneolita-rannego zheleza: Novye dannye po diete [Analysis of dental pathologies of the Minusinsk hollow (Southern Siberia) population of the Aeneolithic — Early Iron Age: New data about the diet]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiia Evrazii*, no. 2. pp. 143–156.

Sviatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V., 2013. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: A new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe. *Journ. of Archaeol. Science*, no. 40, p. 3936–3945.

Vadetskaia E.B., Leont'ev N.V., Maksimenkov G.A., 1980. *Pamiatniki okunevskoi kul'tury* [The Okunevo culture sites], Leningrad: Nauka, 148 p.

Van der Merwe N.J., Medina E., 1991. The canopy effect, carbon isotope ratios and foodwebs in Amazonia. *Journ. of Archaeol. Science*, no. 18, p. 249–259.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M., 2014a. Subsistence and social change in central Eurasia: Stable isotope analysis of populations spanning the Bronze Age transition. *Journ. of Archaeol. Science*, no. 42, p. 525–538.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., 2014b. Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan. *Quaternary International*, no. 348, p. 130–146.

Vogel J.C., 1978. Recycling of CO₂ in a forest environment. *Oecologia Plantarum*, no. 13, p. 89–94.

РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Лискевич

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: povod_n@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л.В. ИВАНОВОЙ «РУССКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ ЗАУРАЛЬЯ XIX — НАЧАЛА XXI вв. В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РЕГИОНА»

Представлена монография тюменского исследователя Л.В. Ивановой, посвященная изучению процессов формирования и развития традиционных художественных промыслов и ремесел русского населения Зауралья. Автором выявлены локальные особенности народного творчества, дано целостное представление о разных направлениях ремесел и промыслов в исторической динамике, показана общая картина развития русского историко-культурного ландшафта региона. Работа Л.В. Ивановой вносит существенный вклад в изучение истории развития художественных ремесел Зауралья.

Ключевые слова: *ремесла и промыслы Зауралья, ремесленные технологии, культурный ландшафт Зауралья.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-179-182

Монография Ларисы Валентиновны Ивановой посвящена изучению процессов формирования и развития традиционных художественных промыслов и ремесел русского населения Зауралья в XIX — начале XX в. [2015, с. 19]. Работа опирается на диссертационное исследование, значительно переработанное и дополненное [Иванова, 2007а, б]. Актуальность разработки темы автор определяет «важностью изучения локальных особенностей народного творчества в Зауралье для воссоздания общей картины развития русского историко-культурного ландшафта региона; введения в научный оборот музейных коллекций — предметных памятников традиционной культуры как исторических источников; необходимостью теоретического и методологического изучения генезиса и развития аутентичных ремесленных технологий; социально-прикладной значимостью исследования, способствующего реконструкции и сохранению традиционных производств как составной части русской национальной культуры» [Иванова, 2015, с. 6]. Ориентация автора на теорию культурного ландшафта, т.е. природно-культурного территориального комплекса, освоенного человеком [Калуцков, 2011, с. 16], обусловила комплексный подход в исследовании, в котором территория Зауралья показана как «сложная и обязывающая цельная среда» [Каганский, 2001, с. 43].

Обстоятельный анализ историографии кустарно-ремесленного производства в Западной Сибири позволил прийти к выводу, что до сих пор нет обобщающих работ, воссоздающих картину эволюции традиционных производств русских в Зауралье в XIX–XX вв., не выявлены рубежи качественных изменений промыслов и ремесел, периодизация их развития, не определена роль промысловой деятельности в культурном ландшафте Тюменской области начала XXI в. [Иванова, 2015, с. 19]. Для решения поставленных задач привлечен широкий круг источников — законодательные материалы, делопроизводственная документация государственных учреждений, данные экономико-статистического характера, вещественные, нарративные, картографические, лингвистические, фольклорные и другие источники. Л.В. Иванова проанализировала и ввела в научный оборот данные более 50 этнографических и историко-бытовых экспедиций, организованных учебными и культурными учреждениями Тюмени и Тобольска в 1973–2004 гг., в ряде которых лично принимала участие; а также систематизировала и привлекла в качестве исторического источника коллекции фондов ведущих музеев Тюменской области. Достоинством работы являются объемные приложения, содержащие картографический материал, в том числе карты-схемы размещения промыслов и ремесел в Тобольской губернии и Тюменской области;

географический указатель территории Среднего Зауралья (1944–2013 гг.); список обследованных районов и населенных пунктов Зауралья в 1968–2009 гг. с указанием проводившего исследование учреждения и года экспедиции; именной указатель информаторов; таблицы с переработанными архивными данными о ремеслах и ремесленных старшинах г. Тюмени; авторский классификатор традиционных художественных промыслов и ремесел и связанных с ними технологий; сводный каталог прялок в коллекциях музеев; более 1700 цветных иллюстраций с образцами ремесленных изделий, полученных во время полевой работы и из фондов разных музеев (с. 323–358; цв. вклейки). К сожалению, иллюстрации не снабжены подробными аннотациями, нет необходимой атрибуции (место и время бытования, по возможности размеры, место хранения и учетный номер, автор и время съемки или ссылка на источник, где фото было опубликовано ранее).

Основная часть работы состоит из четырех глав. В первой из них определены основные факторы формирования историко-культурного ландшафта Зауралья — природно-географические, социально-экономические, этнические и духовные (с. 27–67), а также поставлены проблемы его сохранения, показаны основные подходы к сохранению, атрибуции, классификации и оценке объектов историко-культурного наследия, предложены показатели оценки ресурсного потенциала традиционных промыслов и ремесел Тюменской области (с. 68–95). Автор оценила влияние природно-климатических, ландшафтных условий на процессы расселения и хозяйственную специализацию русских переселенцев, выявила основные отраслевые специализированные кустарно-промысловые центры: основанные на переработке лесного сырья (северные и центральные районы), растительного и минерального сырья (центральные и южные районы). Л.В. Иванова рассматривает отхожие промыслы как механизм обогащения народной художественной культуры, способствующий расширению территории заимствования локальных традиций. В результате анализа автор приходит к выводу, что в XIX — начале XX в. развитие художественных промыслов и ремесел определяли в основном экологические и экономические факторы. В XX в. развитие и воспроизводство художественных промыслов было обусловлено прежде всего политическими, демографическими и культурными факторами. Со второй половины XX в. ремесленные традиции потеряли значение востребованного социального опыта, для их актуализации в качестве культурного наследия необходимо действие специальных учреждений и культурной политики государства.

Вторая глава — «Традиционные промыслы и ремесла Зауралья как историко-культурное наследие Российской Федерации» посвящена определению теоретических рамок в изучении художественных промыслов и ремесел и подробному исследованию истории формирования коллекций по традиционной культуре и народному искусству в музеях Тюменской области. Автор анализирует сложившиеся в зарубежной и отечественной науке подходы к дефиниции основных используемых терминов — «традиция», «промысел», «ремесло», «кустарная промышленность», ступени экономико-технологического развития ремесел, критерии «художественности» промыслов и ремесел (с. 96–108).

В третьей главе — «Видовое разнообразие и локализация традиционных промыслов и ремесел Зауралья в XIX — начале XX вв.» исследованы художественная обработка древесного и растительного сырья, производство и декорирование текстиля, художественная обработка металла и глины. Автором сделана классификация изделий из разных материалов, даны характеристика основных приемов обработки, типологизация орнаментальных мотивов и сюжетов, установлена корреляция формы и декора прялки и орнаментальных мотивов с региональными природными особенностями и традициями переселенцев. Сравнительный анализ ковров позволил решить проблему истоков тюменского ковроделия от бухарских джухльхирсов. Л.В. Иванова собрала огромный фактический материал, позволяющий посредством использования антропологического подхода изменить представление об анонимном характере народной культуры и выявить имена народных мастеров, значение деятельности конкретных людей в сохранении и развитии традиций, определить роль личности в формировании центров художественных ремесел. Разработанная Л.В. Ивановой методика использования пространственного анализа и картографирования расширяет информационные возможности вещественных материалов как источников по определению направлений миграций населения, изучению этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния.

В четвертой главе — «Художественные промыслы и народное творчество в культурном ландшафте региона в XX — начале XXI вв.» определены основные тенденции развития художественных производств и трансформации художественных традиций, показаны институциональные формы сохранения и воспроизводства историко-культурного наследия Тюменской об-

Рецензия на монографию Л.В. Ивановой «Русские художественные промыслы Зауралья...»

ласти. Автор рассматривает на историческом материале, как развитие индустрии привело к изменению бытовой среды и эстетических представлений, что, в свою очередь, вызвало сокращение ремесленного производства. Если в XIX в. все кустарные предметы имели утилитарную функцию, сохраняя традиционную форму, семиотическую значимость и архаическую семантику орнамента, то в XX в. на первый план вышла эстетическая функция. Ремесло постепенно уходит в сферу досуга усвершенствуется технологический процесс, вытесняются элементы ручного труда, происходит стилизация образов, сюжетов, орнаментов, форм. В последние десятилетия большую роль в сохранении и воспроизводстве историко-культурного наследия играют этнокультурные сообщества и общественные институты. В рамках теории культурного ландшафта в XXI в. особенно актуальна деятельность по поддержанию «региональных и локальных традиционных форм как существенных пространственных проявлений национальной культуры, как основы национальной, региональной и локальной идентичностей» [Калуцков, 2011, с. 18].

Итоговые выводы исследования, представленные в заключении, соответствуют поставленным задачам. Основным результатом работы можно считать целостное представление о художественных ремеслах и промыслах Зауралья в исторической динамике и в контексте культурного ландшафта региона. Л.В. Иванова сумела внести существенный вклад в изучение истории развития художественных ремесел Зауралья с использованием большого эмпирического материала. Достоинством рецензируемой работы является ее комплексный, междисциплинарный характер. Важная особенность — также многоаспектное рассмотрение заявленной темы, что указывает на ее большой исследовательский потенциал. Монография может быть адресована широкой аудитории — ученым, исследователям края, всем интересующимся историей, этнографией и культурой. Данные исследования, несомненно, будут использоваться в преподавательской деятельности, научных исследованиях, в качестве справочного материала при изучении истории и экономики края, для общей характеристики этнографии русского населения Сибири, при подготовке музейных экспозиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Иванова Л.В.* Развитие традиционных художественных промыслов и ремесел русского населения Среднего Зауралья в XIX–XX веках: Автореф. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2007а. 26 с.
- Иванова Л.В.* Развитие традиционных художественных промыслов и ремесел русского населения Среднего Зауралья в XIX–XX веках: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2007б. 347 с.
- Иванова Л.В.* Русские художественные промыслы Зауралья XIX — начала XXI вв. в контексте социокультурной динамики региона / Отв. ред. В.И. Семенова. Тюмень: Тип. ООО «Печатник», 2015. 500 с.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Нов. литератур. обозрение, 2001. 576 с.
- Калуцков В.Н.* Этнокультурное ландшафтоведение: Учеб. пособие. М.: Геогр. факультет МГУ, 2011. 112 с.

N.A. Liskevich

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: povod_n@mail.ru

REVIEW OF THE BOOK BY L.V. IVANOVA «RUSSIAN ARTISTIC HANDICRAFTS OF THE TRANS-URALS OF THE XIX — BEGINNING OF THE XXI CENTURIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS OF THE REGION»

The review gives an overview of a book by Tyumen researcher L.V. Ivanova dedicated to the study of formation and development of traditional artistic handicrafts and craftworks of the Russian population of the Trans-Urals. The author brings to light peculiarities of local folk art, outlines an integral concept of different directions in handicrafts and craftworks in the historical dynamics, shows the overall picture of the development of Russian historical and cultural landscape of the region. The work by L.V. Ivanova makes a significant contribution to the study of the history of artistic handicrafts of the Trans-Urals.

Key words: handicraft and artistic craftwork of the Trans-Urals, handicraft technologies, cultural landscape of the Trans-Urals.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-179-182

REFERENCES

Ivanova L.V., 2007a. *Razvitie traditsionnykh khudozhestvennykh promyslov i remesel russkogo naseleniia Srednego Zaural'ia v XIX–XX vekakh* [Development of traditional handicraft and artistic craftwork of the Russian population of the Middle Trans-Urals in the XIX–XX centuries]. Avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata ist. nauk, Tiumen', 26 s.

Ivanova L.V., 2007b. *Razvitie traditsionnykh khudozhestvennykh promyslov i remesel russkogo naseleniia Srednego Zaural'ia v XIX–XX vekakh* [Development of traditional handicraft and artistic craftwork of the Russian population of the Middle Trans-Urals in the XIX–XX centuries]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk, Tiumen', 347 s.

Ivanova L.V., 2015. *Russkie khudozhestvennye promysly Zaural'ia XIX — nachala XXI vv. v kontekste sotsiokul'turnoi dinamiki regiona* [Russian artistic craftworks in the Trans-Urals in the XIX–XX centuries in the context of social and cultural dynamics of the region], Tiumen': Tipografiia OOO «Pechatnik», 500 s.

Kaganskii V.L. 2001. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and the Soviet ecumene], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 576 s.

Kalutskov V.N., 2011. *Etnokul'turnoe landshaftovedenie: Uchebnoe posobie* [Ethnocultural landscape science], Moscow: Geograficheskii fakul'tet MGU, 112 s.

К.Н. Балтабаева, Е.К. Рахимов

Всемирная Ассоциация казахов
ул. Ч. Валиханова, 43а, Алматы, 050002, Казахстан
E-mail: kulgazira_777@mail.ru
Казахский Национальный университет им. аль-Фараби
просп. Аль-Фараби, 71, Алматы, 050040, Казахстан
E-mail: yernur_rakhimov@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н.А. ТОМИЛОВА И Ш.К. АХМЕТОВОЙ «КАЗАХИ АУЛА КАСКАТ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»

Анализируется книга известных омских этнографов Н.А. Томилова и Ш.К.Ахметовой, посвященная традициям и инновациям в культуре казахов Западной Сибири. Рецензенты отметили научную значимость публикации полевых материалов первой Казахской комплексной историко-этнографической экспедиции Омского государственного университета 1976 г. Представляется, что научная ценность монографии в том, что авторы подвели итог многолетней работы по изучению этнографической группы казахов России. Вместе с тем, указаны перспективные направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, казахи, традиционная культура, история этнографической науки, полевые экспедиции, Омский этнографический научный центр.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-183-186

У основ формирования Омского этнографического научного центра стояли такие видные ученые-этнографы, как Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин, Г.Е. Катанаев, М.В. Певцов, И.Н. Шухов. Большую работу по этнографическому изучению казахского населения проводил Западно-Сибирский отдел ИРГО, ныне исследования ведут Омский филиал ИАЭТ СО РАН, Омский областной государственный историко-краеведческий музей, а также сотрудники кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета.

В рецензируемой монографии «Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири» [Томилов, Ахметова, 2013] омские ученые-этнографы Н.А. Томилов и Ш.К. Ахметова на основе тщательного и объективного историографического анализа исследований этнографии казахов Западной Сибири разработали схему периодизации истории их изучения, выделили периоды и этапы, разграничивающиеся определенными логическими доводами и достижениями в разное историческое время. Так, авторы книги выделяют три основных, взаимосвязанных периода: первый период охватывает конец XVIII в. — середину 70-х гг. XIX в. и характеризуется появлением первых работ по сибирским казахам (труды И. Андреева, И. Завалишина, М. Красовского, А. Миддендорфа, П. Словцова, И. Русанова, А. Букейханова, М. Чорманова, М. Шестакова и др.); второй период — конец 70-х гг. XIX в. — первая половина 70-х гг. XX в. — связан с исследовательской деятельностью научных и музейных учреждений; третий период начался во второй половине 70-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время. Такая длительность периодов связана, очевидно, с тем обстоятельством, что изучение этнографии казахов как коренного народа Западной Сибири не являлось приоритетной темой, не было подготовленных кадров, аккумуляция сведений шло по разным каналам и нередко прерывалось.

Начиная со второй половины 1970-х гг. этнографическое изучение казахского населения Западной Сибири переходит в новый, качественный в научном и методологическом плане этап в своем развитии. Омск превращается в научный центр по изучению казахов России. Здесь формируется также группа по исследованию этнических процессов в среде местного казахского населения. Так, под руководством Н.А. Томилова были организованы первые полевые экспедиции по изучению казахов сельских районов Омского Прииртышья. Эти экспедиции стали регулярными, явились полевой исследовательской базой для молодых этнографов, изучающих тюркские народы Западной Сибири (Ш.К. Ахметова, Б.К. Смагулов, А.А. Дайрабаева, А.С. Сарсамбекова, З.Е. Ка-

бульдинов, А.В. Матвеев, Е.А. Бельгибаев, Б.А. Тынысов и др.). Омским ученым удалось успешно совместить историко-этнографические и этносоциологические исследования как сельского, так и городского казахского населения, что в итоге позволило провести системное изучение казахского населения региона. Наибольший интерес представляют исследования Н.А. Томилова и Ш.К. Ахметовой, которые не ограничились лишь защитами диссертаций и остались верны избранной теме. Причем во главу угла они поставили дифференцированное изучение городской и сельской народной культуры. Поэтому выводы, полученные ими, обеспечивают возможность сравнительного анализа этносоциальных и этнокультурных процессов в региональных сообществах казахов Западной Сибири и ориентируют на определение их в качестве этнолокальных (этнографических) групп казахского народа не только в России, но вообще за пределами Республики Казахстан.

Фундаментом рецензируемой монографии является, безусловно, публикация оригинальных полевых материалов первой Казахской комплексной историко-этнографической экспедиции Омского государственного университета (далее — ОмГУ) 1976 г., хранящихся ныне в архиве Музея археологии и этнографии (далее — МАЭ) ОмГУ. В этнографической науке долгое время практически не уделялось внимания собственно публикации источников, в особенности полевых, хотя их значимость для науки исключительна.

Ставя своей основной задачей публикацию полевых материалов, авторы, тем не менее, признают, что «структура книги «Казахи аула Каскат...» оказалась несколько разноплановой. Фактически она состоит как бы из трех содержательных частей» [Томилов, Ахметова, 2013, с. 378].

Одну из частей составили документы — материалы первой Казахской комплексной историко-этнографической экспедиции ОмГУ, которая работала в июле 1976 г. среди казахов аула Каскат Исилькульского района Омской области и соседних селений (раздел «Материалы Казахской экспедиции Омского государственного университета 1976 года»; подразделы: «Демографический и национальный состав населения казахских аулов», «История села», «Топонимика», «Генеалогия», «Хозяйство и предметы утвари», «Семейный бюджет», «Тамги», «Средства передвижения», «Пища», «Жилища и хозяйственные постройки», «Одежда», «Народные знания и предметы», «Антропонимия», «Семейные обряды», «Фольклор», «Религия», «Орнамент»).

Другую часть книги составил обзор исследований этнографии казахов юга Западной Сибири учеными Омска, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Москвы, Новосибирска и других городов России и Казахстана, которые были осуществлены в последней четверти XX — начале XXI в. (раздел «Казахская экспедиция 1976 года и изучение этнографии казахов юга Западно-Сибирской равнины»). Ш.К. Ахметовой написаны разделы «Этническая история казахов аула Каскат» и «Традиции и инновации в культуре казахов Западной Сибири», в которых использованы материалы проводившихся в течение последних двух десятилетий под руководством автора историко-этнографических экспедиций Омского филиала ОИИФФ и ИАЭТ СО РАН. Эти разделы представляют наибольший научный интерес, так как написаны с привлечением новейших полевых этнографических материалов, позволяющих в динамике представить сохранение, изменение или исчезновение традиций, а также их адаптацию к современным условиям жизнедеятельности данной этнической общности, освоение сельскими казахами норм городской культуры.

Монография содержит ценные сведения по процессам трансформации традиционных культурных ценностей казахов Западной Сибири, интересны описания особенностей обрядов жизненного цикла и материальной культуры сибирских казахов в сопоставительном плане на примере Омской, Новосибирской, Тюменской областей, Алтайского края и отчасти Казахстана. Так, в очерке «Традиции и инновации в культуре казахов Западной Сибири» на материалах многих этнографических экспедиций, в том числе Международной Казахской этнографической экспедиции, организуемой с 2004 г., предпринята попытка раскрыть мир традиционной культуры казахов, показать новации в культуре, этнокультурные взаимовлияния и их последствия. Подчеркнем, что данная попытка авторов удалась. По крайней мере, ни в одной ранее изданной публикации этнография казахов Западной Сибири так подробно и красочно, с детальным описанием элементов культуры, не была представлена.

Другой немаловажный аспект — оформленные результаты исследования этнической истории казахов Западной Сибири. Представлены важнейшие факторы этнокультурного взаимодействия казахов с местным русским, татарским, украинским населением, обосновано определение казахов региона как локальной западно-сибирской этнографической группы казахского народа (в разделе «Казахи в этнической ситуации Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX века»).

Рецензия на книгу Н.А. Томилова и Ш.К. Ахметовой «Казахи аула Каскат: традиции и инновации...»

Научная ценность издания заключается в том, что авторы представили итог многолетней работы по изучению традиции, этнической истории, культуры локальной этнографической группы казахов России. Это и сведения собранные в ходе полевых этнографических экспедиций, и интерпретация данных материалов, и научные выводы. Также следует отметить, что книга хорошо проиллюстрирована: фотоматериалы экспедиции представлены как внутри текста, так и в виде вклеек. На них не только лица казахов, предметы их культуры и быта, но и сами участники экспедиции: студенты и ее руководители.

Подытоживая, со всей справедливостью можно заключить, что рецензируемая монография является существенным вкладом в дело научного изучения казахов России, их культуры, быта, а также этнических и этнокультурных процессов. В целом научный труд Н.А. Томилова и Ш.К. Ахметовой «Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири» заслуживает одобрения и высокой оценки специалистов, занимающихся изучением истории и культуры тюркских народов Евразии.

Вместе с тем хотелось бы отметить некоторые моменты, которые видятся как перспективные направления исследовательской работы, в том числе с привлечением специалистов из Казахстана. Так, в последние годы не публикуются монографии, основанные на материалах новейших полевых исследований казахов западно-сибирского региона (за исключением рецензируемой книги), уменьшилось число этносоциологических опросов в среде казахского населения как в городе, так и в селе. После выхода в свет коллективного научного труда омских этнографов «Народы Западной и Средней Сибири: культура и этнические процессы» [Народы..., 2002] прошло более 13 лет. Лишь через продолжительный период издана монография «Казахи аула Каскат...», значительный объем которой заняла публикация собственно полевых материалов Казахской экспедиции ОмГУ 1976 г., но, к сожалению, и через 40 лет после экспедиции без должного научного анализа социокультурной жизнедеятельности казахов Омской области.

Омский этнографический научный центр имеет все возможности реализовать в полной мере научный потенциал в подготовке цельного монографического труда, посвященного полномасштабному раскрытию аспектов традиционной этнографии и тенденций современных этнических и этнокультурных процессов в среде казахского населения Западной Сибири. В условиях усиления процессов унификации народной культуры не вызовет возражений актуальность такого научного издания. Общеизвестно, что с каждым годом безвозвратно теряются многие этнокультурные традиции казахов региона, существенные изменения в сторону девальвации претерпевают народные знания, в том числе исторического характера, а родной (казахский) язык как носитель нематериального культурного наследия народа активно вытеснен из разговорной среды не только городского, но и численно преобладающего сельского казахского населения Западной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX — начала XXI века. Омский научный центр. Омск: Наука, 2007. 400 с.

Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы / Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова, М.А. Жигунова и др. Новосибирск: Наука, 2002. 325 с.

Томилов Н.А., Ахметова Ш.К. Казахи аула Каскат: Традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Омск: Наука, 2013. 392 с.: ил.

K.N. Baltabaeva, E.K. Rakhimov

The World Association of the Kazakhs
Valikhanov st., 43a, Almaty, 050002 Kazakhstan
E-mail: kulgazira_777@mail.ru
Al-Farabi Kazakh National University
Al-Farabi prospect, 71, Almaty, 050040, Kazakhstan
E-mail: yernur_rakhimov@mail.ru

REVIEW OF THE BOOK «KAZAKHS OF KASKAT AUL: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE CULTURE OF THE KAZAKH POPULATION IN WESTERN SIBERIA», BY N.A. TOMILOV AND Sh.K. AKHMETOVA

We analyze the book of famous ethnographers from Omsk, Tomilov and Akhmetova, which is dedicated to traditions and innovations in the Kazakh culture in Western Siberia. The reviewers highlighted scientific signifi-

cance of publication of the field materials of the first Kazakh historical and ethnographic expedition of Omsk State University in 1976. The scientific significance of the book is that the authors summarized many years of research of Kazakh ethnographic groups in Russia. Also, there is a list of perspective directions for further research.

Key words: Western Siberia, Kazakhs, traditional culture, history of ethnographic science, field expeditions, Omsk Ethnographic Scientific Center.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-183-186

REFERENCES

Akhmetova Sh.K., Bronnikova O.M., Zhigunova M.A. i dr. 2002. *Narody Zapadnoj i Srednej Sibiri: Kul'tura i etnicheskie processy* [Peoples of Western and Middle Siberia: Culture and ethnic processes], Novosibirsk: Nauka, 325 s.

Tomilov N.A., Ahmetova Sh.K. 2013. *Kazahi aula Kaskat: Tradicii i innovacii v kul'ture kazahskogo naseleniya Zapadnoj Sibiri* [Kazakhs from the mountain village Kaskat: Traditions and innovations in the culture of the Kazakh population in Western Siberia], Otv. redaktor V.I. Molodin, Omsk: Nauka, 392 s.: il.

Zaharova I.V., Tomilov N.A. 2007. *Ethnograficheskie nauchnye centry Zapadnoj Sibiri serediny 19 — nachala 21 veka. Omskij nauchnyi centr* [Ethnographic scientific centers in Western Siberia in the middle of the 19th — beginning of the 21st. Omsk Scientific Center], Omsk: Nauka, 400 s.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**);

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательнее в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют переведенные на английский язык:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— аннотацию, написанную качественным английским языком (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии, сборника в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/trics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редакция журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984d, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А. Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А. П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А. П., Молодин В. И., Савинов Д. Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В. А., Скочина С. Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашин Ю. Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н. В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е. Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В. М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С. Н., Рябина Е. А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ijos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГИМ — Государственный исторический музей
ИТУ — Издательство Томского университета
КН МОН РК — Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина — Научный архив музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник МАЭ РАН
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Электронный журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (34)

2016

Редактор

Е.М. Зах

Верстка

М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова

Художник

С.А. Иларионова

Перевод на английский

Р.О. Поплавский

и редактирование

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 30.05.2016.
Уч.-изд. л. 19,3.

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

14 сентября 2016 г. доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, Российской академии естественных наук и Российской академии социальных наук, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского Н.А. Томилов отмечает свой 75-й день рождения. С личностью и трудами этого замечательного человека в Омске связано очень многое, и не в последнюю очередь — появление в 1974 г. академической модели организации гуманитарной науки.

В наш город Николай Аркадьевич приехал из Томска, и с тех пор его деятельность заключалась в постепенном, но неуклонном формировании в Омске под влиянием ленинградской, московской и томской школ этнографической науки представительного коллектива этнографов. Венцом научно-организаторской деятельности Н.А. Томилова стало создание Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук (ОФ ОИИФФ СО РАН). Филиал был создан постановлением № 217 Президиума СО РАН от 12 апреля 1991 г.

Филиал задумывался как синтетическое научное учреждение, основным направлением деятельности которого являлось бы решение фундаментальных проблем практически во всех отраслях гуманитарного знания: археологии, истории, музееведения, права, филологии, философии, этнографии. На первых порах так и было — научный потенциал Омска уже тогда позволил объединить под одной крышей нужных специалистов. К сожалению, по объективным причинам эта идея не нашла должного воплощения.

Созданный и возглавляемый Н.А. Томиловым филиал, во многом благодаря его личным усилиям, сохранился как структурная единица и островок академической гуманитарной науки в регионе; здесь проводятся фундаментальные и прикладные исследования по приоритетным направлениям современной исторической науки — археологии, этнографии, этноархеологии, культурологии и исторического музееведения. В 2004 г. в филиале открыта аспирантура по специальностям «07.00.07. — этнография, этнология и антропология» и «07.00.06 — археология», выпускники которой работают во многих научных учреждениях России. Результаты исследований публикуются в научных трудах сотрудников филиала, им организуются и проводятся экспедиционные работы по сбору материала и созданию источниковой базы исследований, научные конференции и семинары различного уровня.

Директор филиала, с 2006 г. называемого Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН, Николай Аркадьевич Томилов — не только организатор науки, но и блестящий исследователь-теоретик. Он внес большой вклад в изучение проблем этнической истории тюркских народов Западно-Сибирской равнины конца XVI — XX в.; разработал методолого-теоретические и методические аспекты в области этнической истории, этноархеологии, этнической экологии, музееведения; исследовал явления традиционно-бытовой культуры ряда народов Северной и Центральной Азии, а также их социальные структуры. Н.А. Томилов — автор очерков по истории музейного дела в Сибири, работ по истории этнографического сибиреведения и археолого-этнографического направления в российской науке. Он и сейчас работает плодотворно, с привычной для него энергией и оптимизмом.

От имени всех сотрудников филиала хочу пожелать нашему директору крепкого здоровья, неиссякаемой бодрости, новых творческих свершений и поблагодарить его за всё сделанное им для академической науки в Омске.

Е.Ю. Смирнова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Коллектив ИПОС СО РАН поздравляет Н.А. Томилова с юбилеем с искренними пожеланиями здоровья и творческого долголетия.

Институт проблем освоения Севера СО РАН

ISSN 1811-7465

9 771811 746005 >